

Сергей Цветков

Карл XII. Последний викинг. 1682-1718

(Исторические портреты)

ОТ АВТОРА

Вольтер называл этого человека самым удивительным из людей.

У него в самом деле удивительная судьба — прижизненная и посмертная.

Карл XII оказал сильнейшее влияние на пути развития как шведской, так и российской истории, не говоря уже о Польше, Саксонии и Дании. Для Швеции его правление ознаменовало наивысший взлет «великодержавной» идеи, а гибель привела к постепенному отказу от империалистических амбиций. Россия в ходе войны с Карлом XII была поставлена перед необходимостью реорганизовать всю систему государственных и общественных отношений, а победа в Северной войне сделала ее полноправным членом тогдашнего европейского сообщества.

Таким образом, Карл XII, одно время всерьез угрожавший самому существованию Российского государства, казалось, должен был бы привлечь к себе пристальное внимание российских историков. Однако этого в силу каких-то непонятных причин не произошло. До сих пор в российской исторической литературе отсутствуют труды, целиком посвященные его личности; некоторые стороны его деятельности освещаются в основном только в связи с украинским походом и Полтавским сражением. С XVIII века почти не сдвинулся с мертвой точки перевод на русский язык шведских источников, относящихся к этой эпохе.

Между тем в Европе Карл XII был и, пожалуй, остается одним из самых популярных исторических деятелей, избалованных постоянным вниманием историков. Прежде всего это относится, конечно, к Швеции, где с конца XVIII века поэты-романтики, обратившиеся к национальной старине, к глубинам народной жизни с ее безыскусной поэзией, открыли красоту скандинавских саг. Поразительное духовное родство Карла с древними витязями пробудило их интерес к личности короля, который в свой эпикурейский век, казалось, возродил идеал героя старинных преданий. Так, Э. Тегнер, творец эпического «Фритьофа», называл Карла «величайшим сыном Швеции» и воспевал его соратников (поэма «Аксель»). В свою очередь и лучшие историки Швеции позапрошлого века были одновременно замечательными поэтами — отчасти, может быть, потому, что цензура долгое время не допускала ознакомления с достоверными историческими источниками, особенно касавшимися гибели Карла XII: их труды о Карле XII содержали, наряду с историческими фактами, немалую долю поэтической идеализации его личности, что нередко мешало им правильно определить его место в шведской и европейской истории. Например, знаменитый историк Гейер, автор замечательной баллады «Викинг», ставил Карла XII в один ряд с королем Густавом Адольфом и Карлом Великим. Это соединение усилий поэзии и истории привело к тому, что Карл XII стал первым шведским королем, чей день рождения отмечался как национальный праздник.

В остальной Европе, за редкими исключениями, господствовали противоположные взгляды на личность Карла XII, сохранившиеся почти без изменений до наших дней. Особенно яростно накинулись на него представители той исторической школы, которая рассматривала историю с точки зрения разума, гражданского благоденствия, демократии и морали. Эти ученые не скупились на бранные эпитеты и уничижительные оценки. Российский историк Шлоссер, например, писал, что страсть Карла XII к необычайному более прилична сумасбродному английскому охотнику за лисицами, чем разумному полководцу и государю. А его коллега немецкий историк Роттек, признавая, что «энергия и отвага Карла, если бы они управлялись разумом, сделали бы его величайшим воином, а если бы

сопровождались гуманностью и любовью к гражданам — лучшим государем», прибавлял: «Нельзя, однако, отделаться от неудовольствия, даже отвращения к монарху, который равно ничего не уважал и не любил так, как лагерь и победу, для которого государство было только арсеналом, а народ — жнитвой солдат, который был равнодушен ко всякому благоденствию граждан, чужд всякой гражданской добродетели, с негодованием относился ко всякой мысли о гражданской свободе и который не считал падение своего отечества, даже разорение целого материка, слишком дорогою ценою для удовлетворения солдатской похоти... При невыносимом военном разорении, которое он принес всему северу и востоку, при неизлечимом бедствии, в которое он поверг свое отечество, Карл сделался полезен человечеству только тем, что доказал особенно ярким примером, как гибелен абсолютизм и как плачевно состояние народа, рассматриваемого по имущественному праву как вещь и слепое орудие и не имеющего относительно своего государя ни голоса, ни самостоятельного права». В последнее время к этой точке зрения на Карла XII не прочь примкнуть и некоторые шведские историки, как, например, Энглунд, который проводит прямую связь между полтавской катастрофой и нынешним благосостоянием Швеции, отказавшейся от претензий на роль великой европейской державы.

Не желая давать здесь какие бы то ни было оценки личности Карла XII и не покушаясь на право читателя сделать собственный вывод из прочитанного, отмечу лишь, что критика, опирающаяся на современные ей представления о долге и морали, попросту отказывает монарху в праве быть человеком своей эпохи, если не человеком вообще. Такой взгляд превращает историю в бессмысленный, отвратительный ряд деяний и событий, в «скучную сказку, рассказанную идиотом» (Шекспир), надрывающую сердце добродетельных профессоров своим совсем не добродетельным концом. Конечно, было бы замечательно, если бы фараоны ввели в Древнем Египте демократию, Нерон принял христианство, Иван Грозный отменил крепостное право, а Ленин проникся общечеловеческими ценностями. Но даже если историк испытывает антипатию к историческому деятелю, его задача остается все той же — не сетовать на то, что он не стал образцом добродетели, а показать, почему он стал именно таким, каким мы его вольны любить или ненавидеть.

Думаю, что, говоря о личностях, подобных Карлу XII, мы сталкиваемся с вопросом о допустимом соотношении истории и поэзии в труде историка. Вспомним, что и история когда-то была одной из девяти муз, от которой ждали правды и поучения. Но самое плодотворное поучение достигается посредством создания живого образа. Вряд ли можно считать случайностью, что шведский народ, как, впрочем, и любой другой, забывает о темных сторонах личности своего героя и хранит в памяти все чистое и благородное, что было в нем; и нельзя ставить в укор историкам стремление поддержать в своем народе этот порыв к подражанию геройской доблести своих предков. Идеализация хороша и неизбежна в национальных рамках. Однако и реализм — не одна только «трезвая проза». Вальтер Скотт да и Лев Толстой реалистичны и поэтичны одновременно. Поэзия войны, ибо те войны еще вдохновляли поэтов, поэзия военного быта, военного братства были знакомы не только литературным героям вроде Айвенго и Николая Ростова, но и реальным людям, которых никак нельзя причислить к кровожадным безумцам и извергам. Для примера приведу лишь имена, хорошо знакомые российскому читателю, — Державин, Суворов, Жуковский, Денис Давыдов, Пушкин, Николай Гумилев. Все они знали, что «есть вдохновение в бою», и знали не понаслышке.

Таким образом, признавая тот факт, что идеализация образа Карла XII была следствием вполне законного, хотя и одностороннего взгляда на его личность, отдадим должное и тем историкам, которые увидели в нем одну карикатуру, злую и жестокую: сама личность Карла допускает возможность обеих трактовок, в ней парадоксальным образом уживаются и карикатура, и геройство.

В чем же дело? Где следует искать причину и разрешение этого противоречия?

Пытаясь ответить на эти вопросы, я не преследовал цель написать биографию в собственном смысле этого слова. Скорее я предлагаю взглянуть на личность и деятельность

Карла XII с иной, возможно, несколько необычной точки зрения, которая, кажется, прошла мимо внимания крупнейших биографов шведского короля.

Название книги — не метафора или не только метафора. Я убежден, что скандинавская древность является ключом к психологии Карла XII. Изучая его личность, его характер, его жизнь, я столкнулся с многочисленными примерами, которые действительно показывают и доказывают связь деятельности Карла XII с военными традициями викингов, обнаружил сходство его психологии с мироощущением героев древних саг. Эти примеры убедительно демонстрируют сознательное подражание монарха эпохи «просвещенного абсолютизма» суровым доблестям своих предков.

Только понимая и постоянно имея в виду эту глубинную основу всех его поступков, можно говорить о Карле XII спокойно и беспристрастно, не впадая ни в идеализацию, ни в карикатуру. И тогда слова Вольтера, которыми я начал это предисловие, не покажутся преувеличением и обретут свой подлинный смысл.

ВИКИНГИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

*Славные победители, бесстрашные воины, железнорукие,
с черепами твердыми, как камень,
неутомимые в боях и в пиррах,
вы привыкли спать в постелях побежденных,
обладать прекраснейшими девственницами,
пить вино из черепов врагов...*
Скандинавские саги.

1

До VIII века жители Западной и Восточной Европы мало что знали о Скандинавии. Римские географы считали ее островом. В середине VI века историк Иордан назвал Скандинавию кузницей народов, думая, что из этой загадочной северной страны вышли многочисленные германские племена, в том числе готы, разрушившие Западную Римскую империю. В VI-VII веках скандинавы медленно, но упорно накапливали опыт в судоходстве, ограничиваясь редкими набегами на побережья северных морей. Вначале они, по образному выражению скальдов¹, «бродили по голубиному пути», выпуская птицу, которая летела к земле и показывала таким образом путь судну. Чаще же всего их корабли рыскали вдоль берега, подстерегая свои жертвы в проливах, бухтах и заводях — wikingis. От этого слова древние скандинавы и получили свое название «викинги»².

Для многих викингов корабль был основным жилищем. Во время дальних плаваний на палубе корабля, помимо экипажа и воинов, располагались их семьи, рабы, скот, домашняя утварь. Причалив к берегу, викинги вытаскивали корабль на сушу, и он становился домом.

За кораблем ухаживали как за живым существом. Его украшали разноцветными щитами воинов, на носу устанавливали вырезанную из дерева и покрытую позолотой голову

¹ Скальд — древнескандинавский поэт.

² Авторитет в скандинавской археологии Г.А. Мунк утверждает, что слово «викинг» возникло не ранее VIII в.; помимо вышеприведенной этимологии, он не исключает, что слово может происходить и от местечка Вик в Норвегии, откуда начались походы Сигурда Ринга и Рагнара Лодброка. Русский историк В.Н. Герье считает слово «викинг» более древним, встречающимся (с производными) во всех славянских наречиях и тождественным славянскому «витязь». По наблюдению современного российского ученого А.Я. Гуревича, термин «викинг» обозначал не столько человека, сколько само грабительское предприятие. В скандинавских источниках часто встречаются выражения «отправиться в викинг», «погибнуть в викинге» и т. п.

дракона, так что издалека казалось, что по морю плывет чудовище с высоко поднятой мордой. По этим носовым украшениям суда викингов и получили свое название «драккар» — «морской дракон». Драккары достигали в длину 50 метров и вмещали до 200 человек. Их борта обладали большой упругостью и выдерживали сильные удары морских волн. Некоторые драккары были оснащены железными таранами; позднее на носу и корме появились деревянные площадки для стрелков.

С появлением паруса возросли маневренность и скорость скандинавских кораблей. В IX веке они стали совершать регулярные набеги на все побережье Западной и Восточной Европы, открыв «эру викингов». Рассказывают, что Карл Великий во время одного из походов в Саксонию³ столкнулся с норманнским отрядом, который у него на глазах напал на франков и отбил добычу. Пораженный дерзостью неведомых разбойников, император воскликнул: «Если эти люди так себя ведут при моей жизни, то что же они сделают после моей смерти!»

Удивить грабежами и насилиями Европу того времени было нелегко: война и разбой были повседневными занятиями феодалов. Но ужас, внушаемый набегами викингов, носил в себе что-то иррациональное, перед чем у обьятого страхом человека бессильно опускаются руки. Ежедневно в течение трехсот лет христиане Запада повторяли специально сложенную молитву «От неистовства норманнов упаси нас, Господи!». Только в ней они видели свое спасение и утешение от этого «Божьего бича».

Непобедимость викингов коренилась в их совершенной по тем временам воинской тактике (построение клином, перенятое затем западноевропейскими рыцарями) и их религии, предписывавшей мужчинам непреклонный фатализм и презрение к смерти. Вот некоторые правила из древнего устава викингов, которым руководствовался каждый воин:

Мир принадлежит тому, кто храбрее и сильнее.
Мы населяем море и в нем ищем себе пищу.
Бедный плывет за добычей, богатый — за славой.
Мы не спрашиваем, когда хотим взять чью-либо жизнь или имущество.
Я с колыбели обрек свою жизнь войне.
Ты, трус, еще не видал человеческой крови.
Мы не ворует, а отнимаем.
Мы не верим ни во что, кроме силы нашего оружия и нашей храбрости.
Мы всегда довольны нашей верой, и нам не на что жаловаться.

Такой взгляд на вещи не признавал иных добродетелей, кроме воинских. Викинг рождался уже посвященным богу войны, какое-то время наблюдал на разных широтах, как «луна делалась алой, глядя в волны, вспененные драккарами», и шел на корм акулам возле какого-нибудь незнакомого берега, где его настигла вражеская стрела или меч, чтобы вместе с богами снова предаться в Валгалле⁴ яростным битвам и неистовым пирам.

Викинги приходили прежде всего пограбить: опустошали побережья, поднимались по рекам, набрасывались на богатые аббатства, иногда осаждали города. К ним часто присоединялись местные крестьяне, доведенные до отчаяния притеснениями своих господ. По преданию, самый страшный из викингов — Гастинг — был крестьянином из восточной Франции. Про него рассказывают, что он долго не мог взять один прибрежный город в

³ Завоевание Саксонии Карлом Великим продолжалось свыше 30 лет (772-804).

⁴ Валгалла — в скандинавской мифологии место обитания богов.

Италии (это была Луна в Этрурии, но Гастинг думал, что он осаждает Рим). Тогда он пустился на хитрость, весьма напоминающую известный прискорбный случай из античной истории. Его посланцы сказали епископу этого города, что Гастинг умер, и просили разрешения внести его тело в церковь для отпевания. Нового Лаокоона⁵ в городе не нашлось, и гроб был поставлен в церкви. Во время богослужения Гастинг внезапно выскочил из своего «троянского коня» и убил епископа. Другие викинги, прятавшие оружие под одеждой, стали избивать и грабить горожан.

Норманны бороздили северные моря во всех направлениях. География их плаваний поразительна. В начале XIII столетия скандинавский историк Снорри Стурлусон составил сборник жизнеописаний королей Севера. На страницах этой книги встречаются Йорвик (Йорк), Бьярмаланд (Восточная Прибалтика), Ньорвезунд (Гибралтар), Серкланд (Арабский халифат), Блаланд (Африка), Саксланд (Саксония или Германия), Хеллуланд (Новая Земля) и Миклагард — Константинополь. В IX веке викинги грабили побережья современной Голландии, Германии, Англии, Испании, Португалии, России, жертвами их нападений были Гамбург и Париж, Лондон и Лиссабон, Корунья и Севилья. В 859 году они прорвались в Италию и дошли до Пизы, совершив самый глубокий в географическом отношении рейд, а в 881 году овладели древней столицей франков Ахеном, где сожгли гробницу Карла Великого, как бы ответив таким образом на его недоуменное восклицание столетней давности.

Викинги создали свои королевства в Англии и Ирландии, но глубокие корни пустили на Западе только норманны, осевшие в 911 году вместе с их вождем Роллоном на севере Франции, в области, получившей от них имя Нормандия. В 1066 году потомки этих норманнов завоевали Англию. В это же время другие викинги утвердились в Южной Италии и на Сицилии, создав одно из самых своеобразных государств Средневековья. Во времена крестовых походов викингов увидели в Святой земле и в Византии (византийские императоры, правда, и ранее нанимали на службу отдельные отряды норманнов).

Северные мореплаватели первыми пересекли Атлантику, основав свои колонии в Гренландии и Исландии. Почти за шесть веков до Колумба викинги высадились на берегах Северной Америки. Современные археологические раскопки это подтверждают. В Музее викингов на острове Бюгой близ Осло можно увидеть подлинные норманнские драккары. В том, насколько они были совершенны и маневренны, убедились в начале прошлого века, когда на модели такого судна норвежская команда в штормовую погоду менее чем за месяц пересекла Атлантический океан. В 1964 году правительство США провозгласило новый праздник — день Лейфа Эйриксона, первооткрывателя Нового Света, бесстрашного конунга⁶, приплывшего в начале IX века к берегам Америки из Гренландии.

К XII веку «эра викингов» закончилась, оставив по себе недобрую память и надгробные камни с эпитафиями этой эпохи, вроде надписи на камне в Эстерйётланде у Хёгбю:

Пять сыновей родил добрый Гулле.
Знаменитый Асмунд пал при Фюрисе.
Ассур нашел конец в Греции.
Хальвдан был убит на островной дороге.
Каре умер дома.
Мертв и Буи.

Казалось, викинги исчезли навсегда, как исчезли ранее готы, гунны и прочие орды,

⁵ Лаокоон — в греческой мифологии троянский жрец Аполлона; убеждал троянцев не вносить в город деревянного коня. За это по воле богов два змея обвились вокруг него и двух его сыновей и задушили их. Троянцы восприняли их смерть как знамение и внесли в город коня, тем самым погубив город.

⁶ Конунг — предводитель викингов.

приводившие в трепет христианский мир. Европа стала забывать свой страх перед Севером. Но история редко обходится без воскрешения типов и характеров в духе Аватары⁷ индуистских мифов. Через пять столетий викинги явились в других костюмах, с иным оружием, облагороженные цивилизацией, замкнутые в более тесном географическом пространстве, но одушевленные той же яростью разрушения.

2

Гейер⁸ справедливо заметил: «История Швеции — это история ее королей». Действительно, в силу ряда причин королевский абсолютизм здесь не мог развиваться как бы независимо от воли монархов, подобно абсолютизму во Франции при Ришелье и в период несовершеннолетия Людовика XIV; взлеты и падения королевской власти в Швеции напрямую зависели от личных качеств ее правителей.

В 1521 году на шведский престол сел Густав I, основатель династии Ваза. Этот король, сделавший Швецию лютеранской страной, был сравнительно миролюбивым человеком и стремился решать внешнеполитические задачи дипломатическими средствами (при нем только в 1554 году шведы безуспешно осаждали русскую крепость Орешек). Его преемники выбрали другой путь.

Военная активность Швеции во второй половине XVI века оказалась полной неожиданностью для ее соседей, которые заговорили о «новом викингстве». Шведские правители как-то сразу выработали особый стиль внешней политики: агрессивный, смелый, на грани риска.

В войнах с Данией в 1560-х годах шведы стали побеждать под новым знаменем: с золотым крестом на синем поле. При Эрике XIV (1560-1568) и Юхане III (1568-1592) они захватили Эстонию, Ивангород и Нарву, где «по обычаю», как выразился начальник экспедиции Делагарди, было убито несколько тысяч мужчин, женщин и детей.

Во время правления Сигизмунда (1593-1600) и Карла IX (1600-1610) Швеция ввязалась в войну с Польшей за Лифляндию и с Россией за северные торговые пути. Заканчивать эти войны пришлось сыну Карла IX Густаву II Адольфу, заключившему с Россией выгодный для Швеции Столбовский мир (1617), который закрепил шведский контроль над балтийскими торговыми путями.

Густав Адольф продолжил дело основателя династии, укрепив королевскую власть и Лютеранскую церковь. Эребруское постановление 1617 года грозило жесточайшими карами за всякую связь с католичеством; католикам запрещено было проживать в Швеции, а протестантов, перешедших в католичество, насильственно выслали из страны. Король велел начинать утро колокольным звоном, зовущим на молитву, и ввел три дня для всенародного покаяния. Он также создал новое дворянство, обязанное своим возвышением не праву рождения, а государственной службе. В сознании дворян 80-90-х годов XVI века произошел настоящий переворот, именно они составили ту железную когорту шведской армии, чьи победы вскоре потрясли всю Европу. «Дворянство геройским мужеством и государственными талантами сумело создать себе политическое положение, находившееся в прямой зависимости от личных заслуг», — свидетельствует Оскар II⁹. Старое же дворянство,

⁷ Аватара (в переводе с санскрита — «нисхождение бога») — в индуизме воплощение бога Вишну в облике героев Кришны, Рамы, вепря, карлика и пр. Наиболее известны 10 аватар Вишну.

⁸ Гейер Эрик Густав (1783-1847) — шведский историк, поэт, композитор. Героизировал древнюю историю Скандинавии (поэмы «Викинг», «Вольный крестьянин» и др.).

⁹ Оскар II (1829-1907) — король Швеции в 1872-1907 гг. и Норвегии в 1872-1905 гг. Известен и как историк, поэт и переводчик, писавший под псевдонимом Оскар Фредрик.

по словам одного автора, «сидело дома, присматривало за женами, разводило ищеек и охотничьих собак, травило зайцев, расставляло западню для лис и волков». Война с Россией показала Густаву Адольфу огромные возможности шведской экспансии на юге и юго-востоке. Вообще в представлении Густава Адольфа и его соратников династические, политические, стратегические и религиозные вопросы сливались в одно. С помощью войн король стремился и обеспечить государственную безопасность Швеции, и расширить торговлю, и защитить протестантов в Европе, и укрепить свой трон.

Густав Адольф осуществил важнейшую реформу армии, введя рекрутский набор для мужчин от 15 до 44 лет (правда, 15-летних часто браковали с мотивировкой «еще ребенок»). В то время рекрутства не было еще нигде, и создание регулярной национально однородной армии, воодушевленной идеей религиозного миссионерства, явилось основой военных успехов Швеции в XVII веке. Уже в начале 20-х годов датский посол в Стокгольме доносил, что шведская королевская пехота «ловко обучена и хорошо вооружена». К этому надо добавить замечательную дисциплину шведских солдат — предмет гордости нескольких поколений шведских военных. Вслед за древними римлянами они могли бы повторить историю о яблоне, с которой расположившиеся вокруг легионеры не сорвали ни единого плода.

Вскоре представился случай опробовать новую армию в деле. В Чехии, входившей в состав Священной Римской империи¹⁰, монахи двух аббатств разрушили близлежащие ропаты — молитвенные дома чешских протестантов. Возмущенные протестанты явились в Прагу к наместникам императора и после оскорбительного отказа удовлетворить их жалобу выбросили имперских чиновников из окон. К счастью, те упали в мусорную яму и остались невредимы, но император счел действия протестантов личным оскорблением и двинул на Прагу войска. Эти события, происшедшие в 1618 году, послужили прологом к Тридцатилетней войне, в которой участвовали почти все европейские государства. Под предлогом защиты свободы совести (само собой и католики, и протестанты отстаивали эту свободу только для своего вероисповедания) каждый участник преследовал собственные цели: северные германские княжества отстаивали свою независимость и приверженность лютеранству, южные католические княжества стремились вернуть северные к истинной вере и одновременно не допустить усиления императорской власти; Австрия надеялась подчинить себе Германию, Франция — ослабить Австрию. В результате возникла серьезная опасность того, что благами религиозной свободы в Германии вскоре некому будет пользоваться — страна потеряла в этой войне, получившей название Тридцатилетней, две трети населения!

Имперские полководцы Валленштейн и Тилли нанесли чехам страшное поражение у Белой Горы под Прагой (1620) и затем опустошили Данию, оказавшую помощь протестантам. К 1629 году реставрация католицизма в Германии казалась свершившимся фактом. Густав Адольф не спешил ввязываться в европейскую войну и старался вначале создать удобный плацдарм для военных операций шведов. Результатом этих усилий стало присоединение к Швеции Лифляндии, взятие Риги и упрочение позиций на Балтике. Действия шведского короля вызвали протест других стран. «Когда я зачерпнул только ведро воды из Балтийского моря, меня заподозрили в том, что я выпил все море», — лицемерно жаловался Густав Адольф, пока еще скрывая свою мечту сделать Балтийское море «шведским озером».

Вскоре, однако, он признает: «Дело зашло теперь так далеко, что все те войны, которые ведутся в Европе, смешались в одну». От его взгляда не укрылось стремление Валленштейна утвердить власть германского императора на Балтике и создать там имперский флот. В конце

¹⁰ Священная Римская империя германской нации — эфемерное политическое образование, существовавшее с 962-го по 1806 г. и представлявшее собой конгломерат независимых государств, формально подчинявшихся выборному императору. Священная Римская империя включала в себя ряд германских княжеств, Австрию, Чехию, Бургундию, Нидерланды, швейцарские земли и другие области.

1629 года король известил шведский парламент — риксдаг, что доводы в пользу вмешательства в европейскую войну «очень вески: они ясно убеждают нас в том, что если мы не продолжим наши военные действия, то скоро будем стоять перед опасностью захвата врагом всего Балтийского моря, что приведет к господству его над нами», и предупредил: «Как только немцы покончат с Данией, огонь перекинется к нам».

Мнения депутатов риксдага по этому вопросу не отличались разнообразием; дворяне говорили, что лучше вести войну «возможно дальше от наших границ», а крестьяне сходились на том, что будет правильнее «пустить наших коней за забор врага, чем их коней — за наш». Окончательный вердикт риксдага гласил: «Лучше и благоразумнее будет, чтобы его королевское величество отправился с оружием и вел переговоры, надев шлем на голову».

В середине лета 1630 года «снежный король» высадился в Померании с отборной армией. Имперский полководец Тилли решил жестокими мерами в корне пресечь любые попытки немецких протестантов оказать помощь шведам. Тилли был фанатичным католиком, он гордился тем, что ни разу не притронулся к вину и женщине и всю жизнь посвятил борьбе с мечом в руке за чистоту веры (протестанты были того мнения, что лучше бы он пил и развратничал, но оставил их в покое). По его приказу имперские войска предали огню и мечу протестантский город Магдебург (Восточная Пруссия); по окончании экзекуции Тилли с гордостью заявил, что «со времен разрешения Трои и Иерусалима мир не знал такой катастрофы».

7 сентября 1631 года шведы и имперцы сошлись при Лейпциге. Здесь состоялась первая серьезная проверка военных нововведений Густава Адольфа: мощным терциям Тилли — компактным четырехугольным колоннам копейщиков и мушкетеров, обладавшим колоссальной ударной силой при лобовой атаке, — шведский король противопоставил гибкие, подвижные соединения пехоты, а медлительному конному клину имперской конницы — атаку конными шеренгами в галоп.

Первый удар имперских войск сокрушил 17-тысячный союзный саксонский корпус; 23000 шведов остались один на один с 32-тысячной армией непобедимого Тилли. Но умение шведов пустить в ход артиллерию в разгар рукопашной схватки в сочетании с маневренностью и взаимодействием всех родов войск вырвало победу из его рук. После шестичасового боя армия Тилли была наголову разбита. «Я смешал его с грязью!» — воскликнул Густав Адольф, объезжая поле сражения.

Поражение Тилли вызвало изумление всей Европы и самих шведов. Об этом свидетельствуют записки шведского дипломата Юхана Адлера Сальвиуса, который оставил такое описание двух вражеских лагерей перед боем: «Наша армия, прошедшая целый год в непрерывных тяжелых походах, выглядела жалкой, потертой и грязной по сравнению с позолоченной, покрытой серебром, украшенной перьями имперской армией. Наши шведские и финские лошади казались маленькими по сравнению с огромными немецкими лошадьми. По наружному своему виду наши крестьянские парни сильно уступали солдатам Тилли с их римскими носами и закрученными усами». Но сила шведов, по словам дипломата, была в том, что они «с победами прошли почти вокруг всего Балтийского моря».

Именно с этого времени шведские войска стали сравнивать с викингами древних саг. У себя на родине и в Европе Густав Адольф сделался популярнейшим героем, легендарной личностью. «Подавляющая окружающая личность короля, частая смена его настроений — то он был резко вспыльчив, то неотразимо привлекателен (и то и другое — типичные черты семьи Ваза) — вообще производили сильное впечатление, и не только на поле битвы, но и за дипломатическим столом и при торжественных церемониях», — говорит шведский историк Андерссон. На завоеванных территориях король пользовался абсолютной властью. Несмотря на преждевременную смерть Густава Адольфа, обаяние его личности и слава его побед сделали для укрепления королевской власти в Швеции больше, чем старания всех его предшественников, вместе взятых.

Тилли вскоре погиб, а имперскую армию возглавил Валленштейн, ранее отстраненный императором от руководства. Это был удачливый авантюрист, не чуждый величественных

замыслов, с непреклонной верой в свою «счастливую звезду». Первая его схватка с Густавом Адольфом у Нюрнберга летом 1632 года закончилась вничью. Решительное сражение произошло 6 ноября при Люцене. Ранним туманным утром Густав Адольф атаковал позиции Валленштейна. Сражение было тяжелым для обеих сторон, однако потери шведов оказались невосполнимы: в первой же рукопашной схватке двух конниц Густав Адольф был убит. Его смерть скрывали от солдат до конца сражения. Противники вновь не уступили своих позиций, но после сражения Валленштейн ушел из Саксонии, чем и дал повод считать себя побежденным.

Смерть Густава Адольфа показала, насколько была слаба основа великодержавной политики Швеции. Оставшиеся без предводителя шведы начали повсюду терпеть поражения. Дочери Густава Адольфа Христине было всего шесть лет, и делами королевства заправляли опекуны. Это была эпоха невиданного расцвета шведского дворянства. Судить о ней можно по великолепным родовым замкам аристократии, которые во множестве появились в стране, олицетворяя мощь и значение благородного сословия. Если ранее самые роскошные замки строились короной (в Стокгольме, Упсале, Грипсхольме, Кальмаре), то теперь с ними соперничали стокгольмский замок Делагарди «Несравненный», монастырь Врангеля «Скуклостер», замок соратника Густава Адольфа Уксеншерны «Тиде»; к середине XVII столетия относится возведение знаменитого Рыцарского дома в Стокгольме, строившегося под лозунгом «Arte et Marte»¹¹, — олицетворение могущества дворянства. В это же время появляется много «нового дворянства» иностранного происхождения — балтийский род Врангелей, германский род Кенигсмарков, шотландский Гамильтонов, нидерландский де Гееров, а также и жалованного — Шютте, Адлер Сальвиус и другие.

Военные уроки Густава Адольфа все же не прошли даром: шведские полководцы Банер и Леннарт Торстенссон сохранили шведские провинции и добавили к ним новые. В 1645 году наметился поворот в тридцатилетней борьбе за Балтийское море: Дания была побеждена и уступила первенство.

В это время Христина достигла восемнадцатилетнего возраста и была намерена управлять твердой рукой — личные качества государыни вновь укрепили королевскую власть. В 1648 году воюющие страны заключили Вестфальский мир, положив конец тридцатилетней войне. Все участники войны получили удовлетворение за счет Германии. Швеция приобрела Померанию, часть Бранденбурга, а также Висмар, Бремен, Верден, что сделало ее членом Священной Римской империи.

Правление Христины было недолгим. Государственным делам она предпочитала беседы с учеными (среди ее адресатов был Декарт¹²). В 1654 году королева опасно заболела и дала обет в случае выздоровления принять католичество. Поправившись, она тайно сменила веру, отреклась от престола в пользу своего двоюродного брата Карла X Густава и уехала в Рим, увезя с собой значительные сокровища и произведения искусства. После ее смерти «наследство Христины» перешло в руки папы, что еще на несколько градусов повысило температуру и без того накаленных отношений между Швецией и Ватиканом.

«Молчаливый король» Карл X был профессиональным военным. Он возобновил войну с Польшей на ее территории и вел ее в духе приключенческих рыцарских романов: отчаянные атаки и тяжелые отступления чередовались с блестящими стратегическими маневрами. В этом он предвосхитил польскую эпопею своего внука Карла XII, подобно тому как поход небольшого греческого отряда в глубь Азии¹³ стал прологом завоеваний

¹¹ С помощью искусства и Марса (*лат.*).

¹² Декарт Рене (*латинизир.* фамилия Картезиус) (1596-1650) — французский философ, математик, физик и физиолог.

¹³ В 400-399 гг. до н. э. 10000 греческих воинов приняли участие в междоусобной войне на территории Персидского царства. Эти события описал Ксенофонт в своем историческом труде «Анабазис».

Александра Македонского. Карл X трижды брал Варшаву и заставил Польский сейм признать Литву частью Швеции. Осуществлению этого замысла помешал царь Алексей Михайлович, вторгшийся со 100-тысячным войском в Лифляндию и Эстляндию. Русские опустошили ряд областей, но осада Риги кончилась неудачно, и отец Петра I вынужден был признать за Швецией все ее владения в Прибалтике. Балтийскому морю еще долгие годы суждено было остаться «шведским озером».

Несмотря на завоевания, Швеция была довольно бедной страной с отсталым земледелием и слабой промышленностью. Быстро воспользоваться плодами великодержавной политики могла только бурно развивавшаяся торговля. В 1627 году Густав Адольф основал первую колониальную торговую компанию. В 1631 году шведы построили форт Христина на реке Делавар в Северной Америке и захватили часть Гвинеи (эти колонии были потеряны при Карле X). Во второй половине столетия шведские торговые корабли появляются во всех портах Европы, предлагая лес, пушнину, рыбу и другие товары. Агрессивный поиск Швецией своих «естественных границ» не соответствовал ее внутренним ресурсам и неизбежно должен был кончиться крахом. И как это часто бывало и ранее, наивысший взлет и падение шведской великодержавной идеи в XVIII веке оказались неотделимы от судьбы ее короля — Карла XII.

МОЛОДОСТЬ КАРЛА XII

*Еще ребенку
Ему дал Один
Смелое сердце...*
Скандинавские саги.

1

Отец Карла XII Карл XI родился 24 ноября 1655 года и был возведен на престол в пятилетнем возрасте. Ничто не предвещало в нем будущего неограниченного правителя Швеции. Карл XI рос застенчивым юношей, который на заседаниях Государственного совета боязливо шептал свое мнение на ухо председательствующей матери. Перелом в его характере произошел после битвы с датчанами при Лунде (1676), где Карл XI, командовавший правым крылом шведов, обратил в бегство левый фланг датчан и решил исход сражения. Во время войны с Данией король сосредоточил в своих руках всю полноту власти и стал диктатором в древнеримском, военном значении этого слова. Но он не прельстился военным поприщем, а использовал свою власть для проведения редукции — изъятия значительной части дворянских земель в пользу казны. Честолюбие Карла XI проявлялось в том, что он хотел добиться «идеального бюджета», в чем и преуспел, наведя порядок в государственных финансах.

Король также закончил церковную реформу, начатую Густавом I. В 1686 году вышел закон о подчинении Церкви королевской власти. Архиепископ Улоф Свебелиус написал специальный катехизис, ставший обязательным на всей территории королевства. Единственно законной духовной пищей были признаны официальные школьные учебники, а затем и книга псалмов, авторами которой стали известные шведские поэты Хаквин Спегель, Еспер Сведберг и другие.

Одновременно с ростом благосостояния и просвещения в Швеции, как и в других государствах Западной Европы, ширилась «охота на ведьм». В этом вопросе шведское духовенство проявляло не меньше рвения, чем столь ненавидимые им паписты. Так, в 1669 году в Далекарлии у детей обнаружилась неизвестная болезнь, сопровождающаяся

обмороками и спазмами. Дети рассказывали, что ведьмы по ночам возят их на шабаш. Церковная комиссия допросила с применением пытки 300 детей. По их показаниям были сожжены 84 взрослых и 15 малолетних еретиков; 128 детей ежедневно в продолжение длительного времени пороли у дверей церкви. Юристы пытались оспорить детские показания, но теологи сослались на текст Библии, где говорится, что «устах младенца глаголет истина», и экзекуции продолжались.

Венцом политической деятельности короля стало решение риксдага 1693 года, который официально охарактеризовал Карла XI как «самодержавного, всем приказывающего и всем распоряжающегося короля, ни перед кем на земле не отвечающего за свои действия». Таким образом была торжественно провозглашена доктрина абсолютизма. Впрочем, Карл XI продолжал обращаться к риксдагу за поддержкой. В полной мере пожалеть об опрометчивости этого решения стране пришлось несколько позже, уже при Карле XII, когда ничто не могло заставить короля прекратить ставшую бессмысленной войну.

Неуемное властолюбие Карла XI оставило по себе противоречивую память. Мнение сторонников государственной централизации лучше всех высказал король Оскар II: «Редукция Карла XI была необходима, но она исполнялась бессердечно и не в меру строго. Он создал на развалинах провинциальной аристократии с федеративными убеждениями чиновничью иерархию, верную долгу и королевскому дому... государственная сокровищница обогатилась вследствие строгой экономии и честного управления, суды были неподкупны, торговые сношения установились с отдаленнейшими странами, войско реорганизовано и прекрасно вооружено, сильный и хорошо обученный флот властвовал в Балтийском море».

Шведское дворянство устами одного из своих представителей сложило ему панегирик в несколько ином духе: «Да будет благословенна память великого эконома государства Карла XI, который лишил моего деда пяти имений. Не дай Бог, чтобы он воскрес в Судный день среди святых, ибо тогда он выдаст нам холст из оческов вместо белоснежных шелковых одеяний и ветки можжевельника вместо обещанных пальмовых ветвей. Он самого Господа Бога заставит думать о бережливости».

Судя по всему, Карл XII должен был получить очень хорошее наследство.

Несмотря на то что Карл XI был человеком начисто лишенным воображения, ему приписывали один весьма любопытный документ, который стоит того, чтобы о нем упомянуть.

Старый королевский дворец в Риттерхольме представлял собой обширное здание в форме подковы. В одном его конце помещался кабинет короля, а почти напротив находился зал, где собирались представители сословий.

Однажды поздним осенним вечером Карл XI сидел в кабинете в присутствии своего любимца камергера графа Браге и лейб-медика Баумгартена, известного своим вольнодумством (эскулап слыл сторонником учения Декарта и хотел, чтобы все сомневались во всем, кроме медицины). Им было нетрудно заметить, что окна зала напротив ярко освещены, что возбудило их любопытство.

Король позвал сторожа и велел отпереть зал. То, что открылось его глазам, повергло всю компанию в ужас.

Зал был освещен бесчисленными факелами, стены затянуты черной материей; с них свисали трофейные и шведские знамена, причем последние были покрыты черным крепом.

На скамьях сидели депутаты. Трон занимал труп в королевском облачении. Справа от него стоял мальчик с короной на голове и скипетром в руке, а слева человек, облаченный в парадную мантию, которую носили шведские короли до воцарения династии Ваза. Посередине зала находилась плаха с топором.

Вдруг из другой двери стража ввела в зал молодого человека со связанными руками. В то же мгновение труп свела судорога, а из раны хлынула кровь. Молодой человек с горделивым достоинством опустился на колени и вытянул шею; спустя несколько минут его голова подкатилась к ногам Карла XI, забрызгав его сапоги кровью. Человек в мантии

торжественно обратился к королю:

— Король Карл! Кровь эта прольется не при тебе, но спустя еще пять царствований. Горе, горе, горе дому Ваза!

После этого видение исчезло. По мнению Карла XI и его спутников, фантасмагория продолжалась минут десять.

Вернувшись в кабинет, король приказал записать рассказ об увиденном и велел троим другим свидетелям скрепить документ своими подписями, после чего подписал его сам. Примечателен конец этой записи: «А если то, что я здесь изложил, — пишет король, — не истинная правда, я отрекаюсь от надежды на лучшую жизнь за гробом, каковую, быть может, заслужил кое-какими добрыми делами, в особенности же ревностным трудом на благо моего народа и защитой веры моих предков».

О подлинности этого документа судить трудно, подобные легенды окружают любой трон, обгаренный кровью государя. Когда в начале XIX века видение Карла XI стало известно, труп на троне отождествили с Густавом III¹⁴, а казненного — с его убийцей Анкарстремом.

2

В 1680 году Карл XI женился на датской принцессе Ульрике Элеоноре. От этого брака рано утром 17 июня 1682 года в стокгольмском дворце появился на свет наследник, нареченный Карлом. По преданию, множество примет и предзнаменований окружало его колыбель (до настоящего времени это одна из драгоценных исторических реликвий Швеции), содействуя росту народных надежд на блестящую будущность младенца.

У Карла XII было шесть братьев и сестер: принцесса Ядвига София родилась годом раньше, принц Густав в 1683 году, Ульрих в 1684-м, Фридерик в 1685-м, Карл Густав в 1686-м и принцесса Ульрика Элеонора в 1688 году. К младшей сестре Карл XII впоследствии питал особенно нежные чувства и называл в письмах *mon coeur*¹⁵; она же наследовала ему, приняв королевский сан в 1719 году.

Первые годы жизни маленький Карл провел под благотворным влиянием матери. Именно она посеяла в нем семена религиозности, справедливости и чистоты нравов, отличавших Карла в зрелом возрасте. В то же время в наследнике обнаружились прирожденная воля и самолюбие, которые в детстве неизбежно принимали форму упрямства. Так, однажды мальчик заявил, что синий цвет в сущности черный, и его никак не могли переубедить. В другой раз няня, которой нужно было на время отлучиться, посадила Карла в кресло и взяла с него обещание не вставать, пока она не вернется. Спустя какое-то время в комнату вошла королева, чтобы взять сына с собою в церковь, но все ее уговоры встать и идти с ней оказались бесполезными до прихода няни.

Карл XII в молодости.

Королева не хотела, чтобы со временем эти качества усилились в ребенке. Она внимательно следила за Карлом, сама занималась его уроками. К наследнику были приставлены лучшие учителя. В четыре года Карл получил в дядьки королевского советника

¹⁴ Густав III (1746-1792) — шведский король, установивший в стране крайний абсолютизм. В ночь с 15 на 16 марта 1792 г. во время костюмированного бала он был смертельно ранен молодым шведским дворянином Анкарстремом.

¹⁵ Мое сердце (*фр.*).

графа Эрика Линдшельда, а позже его преподавателем стал известный профессор элоквенции ¹⁶ Упсальского университета Норчепенский (в латинском варианте — Norcorpensis), возведенный впоследствии в дворянство под фамилией Норденгиельм; последнего Карл, кажется, сам выбрал из нескольких учителей, предложенных ему родителями. Учителя получили инструкцию, в которой, помимо прочего, говорилось: «Хотя существует много причин, вследствие которых государи и их дети увлекаются высокомерием и своеволием, однако большею частью эти дурные свойства происходят от собственного воображения или вследствие речей льстецов, откуда проистекает ложное мнение, что королевские дети, поставленные выше других детей, могут делать или не делать, что хотят». Норденгиельм имел большое влияние на наследника и пользовался его неизменным уважением.

Первая книга, которую Карлу дали прочесть, чтобы познакомить его со своим и соседними государствами, было сочинение немецкого юриста XVII века Самуэля Пуфендорфа. Норденгиельм быстро открыл главную пружину в характере наследника — честолюбие — и успешно пользовался своим открытием для того, чтобы сломить его упрямство. Так, во время обучения иностранным языкам Карл выказал большую склонность к немецкому языку, на котором говорил как на родном. Но к латыни он питал нескрываемое отвращение. Тогда Норденгиельм сказал ему, что польский и датский короли знают ее в совершенстве. Карл сразу изменил свое отношение к латыни и изучил ее так хорошо, что всю жизнь употреблял в разговоре. То же средство помогло и при изучении французского языка — Карл выучил его, хотя впоследствии почти никогда им не пользовался. Когда воспитатель заметил ему, что знание этого языка может пригодиться, если надо будет переговорить с французским послом лично, наследник гордо ответил:

— Если я сойду с королем Франции, я буду говорить с ним на его языке, но если приедет сюда французский посол, то приличнее ему, ради меня, выучиться по-шведски, чем мне ради него учиться по-французски.

Огромное честолюбие мальчика обнаруживалось и во многих других случаях. Когда Норденгиельм, читая с наследником сочинение Квинта Курция об Александре Македонском, спросил его мнение об этом полководце, Карл ответил:

— Я думаю, что желал бы походить на него.

— Но он жил только тридцать два года, — возразил Норденгиельм.

— Разве этого не достаточно, когда он покорил столько царств? — высокомерно произнес Карл.

Эти слова передали его отцу, который воскликнул: «Вот ребенок, который будет лучше, чем я, и пойдет дальше, чем Густав Великий!»

В другой раз в кабинете отца Карл заинтересовался двумя географическими картами: одна из них изображала венгерский город, отнятый турками у германского императора; другая — Ригу, завоеванную шведами. Под первой картой было написано изречение из Книги Иова: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно». Принц прочитал надпись, взял карандаш и приписал на карте Риги: «Бог мне дал, дьявол у меня не отнимет».

К сожалению, воспитание Карла осталось незаконченным. 5 августа 1693 года умерла королева Ульрика Элеонора. Молва винила в ее смерти короля. Действительно, в последние годы Карл XI дурно обращался с ней. Ежедневно у стокгольмского дворца толпились жертвы проведенной королем редукции. Ульрика Элеонора давала им свои деньги, драгоценности, мебель и даже платья. Когда ее средства истощились, она в слезах бросилась к ногам мужа, прося его помочь несчастным. Карл XI грубо оборвал ее:

— Сударыня, мы на вас женились, чтобы иметь от вас детей, а не выслушивать ваши мнения.

¹⁶ Элоквенция — красноречие, ораторское искусство (лат.).

С этих-то пор он и обращался с ней столь сурово, что это приблизило ее конец. Карл так сильно горевал о потере матери, что впал в горячку, перешедшую затем в оспу, которая, правда, не оставила каких-либо отметин. Через год умер и Норденгиельм; Линдшельд скончался еще раньше. Вместе с этими людьми добрый гений покинул маленького Карла. Приставленные к нему новые преподаватели граф Нильс Гюльденстольпе и канцелярский советник Фома Полус не могли вполне заменить умерших — наследник постепенно был предоставлен самому себе. К тому же Карл XI, страстный охотник, часто брал с собой сына, нарушая ход занятий. В общении с отцом Карл усвоил привычки неограниченного государя.

Развитие Карла шло очень быстро. В 14-15 лет современники рисуют его характер теми же красками, которые будут преобладать в нем впоследствии.

3

В начале 1697 года епископ доктор Бенцелиус подготовил Карла к первому причащению Святых Тайн; наследник причастился на следующий день после последнего совершения этого таинства над умирающим отцом. Карл XI скончался на сорок втором году жизни от рака желудка.

Карл XII взшел на престол 14 апреля 1697 года в возрасте 14 лет 10 месяцев, приняв во владение Швецию, Финляндию, Ливонию, Карелию, Ингрию, города Висмар, Выборг, острова Рюген и Эзель, лучшую часть Померании, герцогства Бремен и Верден — земли, закрепленные за Швецией международными трактатами и страхом перед шведской армией.

Сразу возникла сложная ситуация: в завещании Карла XI не был точно определен срок наступления совершеннолетия Карла XII, а только назначалось регентство пяти опекунов под председательством бабки Карла XII Ядвиги Элеоноры Голштинской до более «зрелого» возраста нового короля, как было сказано в завещании. Вследствие этого регентство сразу превратилось в клубок интриг соперничавших партий двора. Ядвига Элеонора была уже в почтенном возрасте, делавшем извинительным ее природное слабоумие; из регентов, отличавшихся бесхарактерностью, только граф Бенгт Оксеншерн обладал влиянием на государственные дела. Регентам противостояла французская партия, представленная Кристофером Гюлленшерной, Фабианом Вреде, Валленшtedтом, Гюлленстольпе и другими, и продатски настроенная аристократия, которая из-за своего бессилия вскоре слилась со сторонниками Франции.

Сведений об этом периоде сохранилось немного. Недовольство народа правлением вельмож, любовь к молодцеватому королю и разразившийся в стране голод ускорили переворот. Карл XII уже успел во время ужасного пожара, уничтожившего королевский дворец, впервые принародно показать присущую ему ловкость и силу духа: он покинул дымящиеся развалины замка против своей воли, уступив настояниям придворных. Его популярность возросла. Имя Карла XII объединяло его фаворитов, сенаторов, не попавших в регентство, аристократию, ненавидевшую регентов как сподвижников редукции, офицеров, надевавшихся на повышение, и народ, который, как водится, возлагал на молодого короля большие надежды.

Последующие события развивались стремительно. Как-то в начале ноября 1697 года Карл производил смотр нескольких полков. С ним был его любимец Карл Пипер, энергичный, умный, честолюбивый толстяк, представитель небогатой дворянской фамилии. Король пребывал в задумчивости.

— Осмелюсь ли я спросить ваше величество, о чем вы так серьезно задумались? — задал вопрос Пипер.

— Я думаю, — отвечал Карл, — что чувствую себя достойным командовать этими храбрецами и что не хотел бы, чтобы я или они получали приказания от женщины.

Пипер решил воспользоваться удобным случаем занять высокое положение, исполнив более чем прозрачный намек своего повелителя. Он передал слова короля графу Акселю

Спарре, человеку горячему, также искавшему случая обратить на себя внимание. Спарре взял на себя роль посредника в сношениях с придворными партиями. За короткое время он заручился поддержкой почти всех влиятельных лиц.

Был срочно созван риксдаг. Среди дворянских депутатов преобладала французская партия, стоявшая за скорейшее обеспечение Карлу прав совершеннолетия. Утром 8 ноября в дворянской палате сторонники короля перекричали осторожных, заставили молчать сопротивляющихся и подняли на смех сомневающихся. Немедленно была послана депутация в Государственный совет, находившийся в это время в соборе. Все члены совета, в том числе и Ядвига Элеонора, с какой-то лихорадочной поспешностью согласились с решением дворян.

Другие сословия тоже наспех объявили о своем согласии, только духовенство увещевало не торопиться и выказало упорство, «названное впоследствии уважением к закону», по словам Оскара II.

По решению риксдага 1604 года совершеннолетие шведского короля наступало с восемнадцати лет. Карлу было только пятнадцать (чем, возможно, и объясняется расплывчатость завещания Карла XI), но после оглашения решения дворянской палаты все стали с воодушевлением бросать шапки в потолок и кричать: «Vivat rex Carolus!»¹⁷. Духовенство почти отсутствовало; на завтра оно вновь призвало к благоразумию, но совершеннолетнего короля уже нельзя было вновь сделать несовершеннолетним.

Вечером предводитель дворянства во главе представителей сословий на аудиенции высказал желание, чтобы Карл объявил себя сувереном. Король охотно объявил о своем решении «с помощью Божьей и именем Иисуса Христа править страной». Сословия поклялись в верности и послушании, в нещажении добра, живота и крови. Впоследствии Карл XII не имел повода жаловаться на неверность шведов, а его подданные — на то, что король забыл хотя бы слово из их клятвы.

Так, через три дня после разговора с Пипером и меньше чем через десять часов после начала заседания риксдага совершился государственный переворот — «политическая Нарва» Карла XII. 29 ноября 1697 года король взял в руки бразды государственного правления.

Коронация состоялась 24 декабря. Король въехал в Стокгольм на рыжем коне, подкованном серебром, со скипетром в руке и короной на голове, при восторженных криках толпы. Архиепископ Упсальский совершил над ним обряды миропомазания и коронования. Когда он был готов водрузить корону на голову Карла, тот вырвал ее из его рук и короновался сам, гордо смотря на прелата. Зрители встретили этот жест неистовыми рукоплесканиями. Таким образом Карл отобрал у Церкви единственное право по отношению к королю, которое еще оставалось у нее от времен католичества.

Став неограниченным монархом в столь раннем возрасте, Карл хотел показать повадки взрослого мужа и в течение двух лет не созывал Государственный совет. Он решал дела в спальне, советуясь преимущественно со своими любимцами, среди которых первая роль надолго перешла к Пиперу, сделавшемуся графом и первым министром.

Карл XII в королевской мантии.

Впрочем, Карл не особенно обременял себя государственными заботами. Ему еще доставляло большее удовольствие ломать со сверстниками стулья и канделябры во дворце, стрелять в мраморные статуи в залах и поить вином ручного медведя на потеху двору. Если ночью в стокгольмских домах дребезжали и вылетали стекла, горожане знали: это развлекается молодой король; если запоздалый прохожий встречал на улице шумную ватагу, едущую верхом в одних рубашках, он не сомневался: это потешается молодой король; если в сеймовом зале дворца раздавались выстрелы, придворные не пугались, зная: это охотится

¹⁷ Да здравствует король Карл! (лат.).

молодой король... Возможно, что эти наклонности Карла также повлияли на решение дворянства о передаче ему власти — абсолютизм Карла XI всем навяз в зубах.

Свободное время Карл делил между геройскими забавами — охотой, страсть к которой поощрял герцог Голштинский, женатый на старшей сестре Карла, и военными играми под руководством преподавателя военных наук генерал-квартирмейстера Стюарта.

Военное предание было в Швеции сильно, как нигде в Европе. Только благодаря войнам страна приобрела то значение, которое она имела, и только войнами его можно было сохранить. Целый ряд блестящих воинов на престоле Ваза осуществили, как мы видели, то, что, казалось, было возможно только в древних сагах.

Карл рос в атмосфере героических преданий. Он с детства так увлекался чтением саг, что Норденгиельм даже предостерегал его от излишней потери времени за этим занятием. Саги оказали сильное влияние на его воображение. Семилетний Карл уже выражал желание поручить царствование брату, пока он сам будет странствовать с дружиной по свету. Эта страсть не угасла с возрастом. Юношей он увлекся чтением рыцарских романов, запоем прочитал многотомного «Гедона де Максибрандара», где король между прочим передает сыну скипетр со словами: «Я провел дни мои в мире, тебе же предстоит постоянная борьба с разбойниками и мятежниками, со львами и леопардами, с огнем и с водою. Да, мир изумится страданиям, которые тебе придется перенести: злобу и зависть и преследования от скорпионов и змеев, которые будут преграждать путь тебе и твоим. Но после долгих и тяжелых трудов ты наконец достигнешь своей цели». Последующая жизнь Карла окажется почти буквальным исполнением этого напутствия.

Конечно, редкий мальчишка не грезит о приключениях и подвигах, но у Карла это не было простой игрой воображения. Уже в детстве он начал вести соответствующий образ жизни: в 4 года сел на маленькую лошадку, чтобы присутствовать на маневрах войск; в 12 лет с восторгом писал о наслаждении скакать на королевских лошадях. В семилетнем возрасте он застрелил первую лису на охоте; в 11 лет — первого медведя. Присутствовавших при этом придворных особенно удивило хладнокровие, с которым мальчик направил ружье на приближающегося зверя.

В охоте Карл искал не добычи, а славы, как и полагалось викингу. Повзрослев, он не удовлетворился существующими охотничьими правилами, а издал указ, чтобы, на королевских охотах ходили на медведя только с копьем или ножом (как древние витязи), и сам, по словам его биографа Фриксея, проделывал это множество раз. Его спутники с ужасом следили, как огромный зверь вставал на задние лапы и шел на короля, извергая из пасти вместе с ревом жаркую вонь. Однажды медведь ринулся на Карла так быстро, что успел сорвать с него парик. Но и этот способ охоты король нашел недостаточно рыцарственным и чересчур выгодным для охотника — и стал ходить на медведя с вилами и дубинкой. Он опрокидывал зверя вилами, а товарищи затягивали петлей задние лапы. Особенно прославилась охота в Кунгёере, на которой восемнадцатилетний Карл оглушил бросившегося на него медведя такими мощными ударами дубинки, что косолапого привезли в санях в обморочном состоянии.

Подобные забавы не были случайны — в них видно сознательное подражание обычаям викингов:

Уже Фритьоф ходит на ловитву;
В глуши лесной, не трепеща,
Вступает он с медведем в битву
И без коня, и без меча.
Грудь с грудью бьются; но со славой
Смельчак, хоть ранен, прочь идет...¹⁸

¹⁸ Э. Тегнер. «Фритьоф, скандинавский витязь». Поэма. (Здесь и далее цитируется в переводе Я. Грота.).

Карл любил и другие потехи, связанные с опасностью для жизни, например скачку на лошади. Он то носился по тонкому льду заливов и озер, часто проваливаясь под лед, то возносился на такие крутые горы, что однажды опрокинулся навзничь вместе с конем.

Как-то весной в четыре часа утра в сопровождении гвардейского капитана он выехал на лед, который уже отстал от берега. Офицер придержал лошадь.

— Ты боишься? — спросил его король.

— Я боюсь не за себя, а за высокую особу вашего величества, — ответил гвардеец.

Но Карл натянул поводья и поскакал по льду. Когда он достиг другого берега, оказалось, что между берегом и льдом образовалась полоса воды в несколько метров шириной. Перескочить ее, как это любил делать король, было невозможно. Тогда Карл пришпорил лошадь, ушел по пояс в ледяную воду, но благополучно выбрался на сушу.

Герцог Голштинский подстрекал Карла и на более опасные выходки. Однажды король на спор уселся верхом на только что пойманного оленя. В другой раз герцог хвастался, что отрубит одним ударом сабли голову телянку. Услышав это, Карл встрепнулся. В течение нескольких дней во дворец приводили телят и овец, а Карл и герцог отрубали им головы и бросали их из окон на улицу.

Король не забывал и о военных упражнениях, к которым тоже приучал себя с детства. В 6 лет он приказал построить крепость с бастиянами, чтобы познакомиться с различными видами укреплений; с увлечением слушал лекции по фортификации и тактике.

Тринадцатилетним он уже с упоением бросался на маневрах в самую гущу «вражеской» кавалерии, невзирая на ушибы и ссадины. От удовольствия он буквально терял разум.

Карл приучал себя к военным лишениям: ночью переходил спать с постели на пол; на 17-м году провел три декабрьские ночи в сенном сарае. Не случайно шведский король служил одним из любимых образцов для Суворова.

На одной из охот Карла XII и застало известие о начале войны, которая стала для него первой и единственной — длиною в жизнь.

НАЧАЛО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

*Родины черный
Дым уже боле
Взоры его не пленит в вышине.
Люди в неволе:
Властвуют Норны¹⁹;
Жизнь или смерть посылают оне.
Э. Тегнер. Фриттьоф.*

1

Восемнадцатое столетие в военно-политическом отношении — это преимущественно век союзов нескольких крупных держав для раздела более слабых, начавшийся на западе войной за так называемое испанское наследство, на востоке — союзом Дании, России и Польши против Швеции.

Главной причиной этих и последующих войн была феодальная система тогдашней Европы. Основным общественным богатством справедливо считалась земля, которую нельзя было прирастить, подобно капиталу, мог лишь поменяться ее владелец. А поводов к такому

¹⁹ Норны — богини судьбы в скандинавской мифологии.

дележу при весьма запутанных династических связях владетельных домов Европы возникало более чем достаточно. Политическая система абсолютизма позволяла нескольким лицам решать вопрос о начале войны, сообразуясь не с общественными выгодами или невыгодами своих действий, а с личными мотивами — честолюбием, завистью, ревностью.

Неизбежность войн коренилась также в психологии военного сословия — дворянства, для которого война была источником обогащения, наград, славы, а мир обычно оборачивался материальной нуждой, скукой и безвестностью. «Многие рыцари нашли себя и выказали свои способности, чем достоинство своего сословия поддерживали, в то время как иначе им пришлось бы дома в ничтожестве прозябать», — говорил шведский дворянин Густав Бунде, докладывая Государственному совету о подвигах шведской армии. У многих дворян, наоборот, побудительной силой участия в войнах служило пресыщение, что превосходно выразил знаменитый шведский генерал Левенгаупт: «На войне и за границей меня и самая малость радует больше, чем так называемые радости, на которые я со стыдом и тщеславием дома, у себя на родине, время убиваю».

Господство Швеции на Балтике осуществлялось за счет соседей — Дании, Польши, России, поэтому было наивно предполагать, что они не воспользуются первым же удобным случаем, чтобы вернуть утраченное. Именно таким случаем им показалось вступление на шведский престол малолетнего Карла XII.

Первой делами соседа заинтересовалась Дания, где правил Фредерик IV. Сообщения, поступающие из Швеции о царящем там голоде и внутреннем разброде, оживили стремление датчан к реваншизму. Но выступить против Швеции один на один Фредерик IV не решился; впрочем, найти союзников было нетрудно.

Курфюрст Саксонский Фридрих Август, прозванный Сильным, в 1697 году был избран королем Польши под именем Августа II. Красноречие и происки французского посла аббата Полиньяка, прочившего на польский престол принца Конти, не смогли соперничать с горами саксонских золотых монет, щедро расточаемых польским вельможам Фридрихом Августом. Курфюрст купил половину польского дворянства, а другую заставил повиноваться силой. Августу II необходимо было найти предлог для ввода своих войск в Польшу. Перед коронацией в Кракове он поклялся вернуть Речи Посполитой Лифляндию и Ригу. Таким образом он хотел обеспечить присутствие саксонских войск в стране.

Планы Августа всячески поддерживал лифляндский дворянин Иоганн Рейнольд Паткуль, смелый и решительный патриот. Лифляндия была лучшей прибалтийской провинцией Швеции. Карл XI отнял у тамошних дворян их привилегии и часть родовых имений. Паткуль был представителем лифляндского дворянства для подачи шведскому королю жалоб от провинции. Однажды он держал перед Карлом XI почтительную, но сильную речь. По ее окончании король не выказал никаких признаков недовольства и слегка ударил Паткуля по плечу, сказав:

— Вы говорили в защиту своей родины как честный человек. Я уважаю вас за это.

Но через несколько дней Паткуль был обвинен в оскорблении величества и приговорен к смертной казни. Ему удалось бежать в Польшу, где он в 1698 году официально поступил на службу к Августу II, однако смертный приговор над ним сохранился и после кончины Карла XI. Лифляндец убеждал Августа, что Карл XII — неразумное дитя и стоит только саксонцам появиться под Ригой, как ее жители откроют им ворота. С целью организации коалиции против Швеции Паткуль ездил с поручениями от Августа II в Москву и Копенгаген.

Петр I со своей стороны, следуя новой политической конъюнктуре после неудачной попытки пробиться в Крым, разрабатывал планы как можно более широкой коалиции против Швеции, имея в виду добиться возвращения России восточного — Ингерманландского и Карельского — побережья Балтийского моря. Летом 1698 года на обратном пути из Голландии в Москву Петр, несмотря на спешку в связи с восстанием стрельцов, встретился с Августом II в Раве (около Львова). После трехдневной попойки, перемежаемой с политическими переговорами, новые друзья обменялись оружием и платьем в знак своего побратимства и расстались, договорившись о совместных действиях в Лифляндии. В

сентябре 1699 года был подписан договор Дании, Польши и России, предусматривавший нападение на Швецию в январе — феврале 1700 года (Август II официально участвовал в войне как саксонский курфюрст, а не как польский король).

Союзники вели себя чрезвычайно вероломно: Петр I за три дня до подписания союза с Августом заключил дружественный договор с Карлом XII и даже успел получить от Швеции пушки; а за две недели до этого Август II отрядил посольство в Стокгольм для поздравления Карла XII с вступлением на престол. Датский король тоже шумно поздравил молодого шведского короля. Эти обстоятельства решающим образом повлияли на последующий образ действий Карла XII по отношению к его противникам.

Военные действия начала Дания. Прежде чем объявить войну Швеции, Фредерик IV решил обезопасить себя с тыла и напал на владения герцога Голштинского, который, как уже говорилось, был женат на старшей сестре Карла XII. Герцогство Голштейн-Готторпское издавна привлекало взоры Дании, и отношения этих двух государств были чрезвычайно запутаны. В 1499 году представитель старинного голштинского дома, слившегося с ольденбургским, был избран на датский престол. Вскоре после этого в Дании, как и в Швеции, королевская власть стала наследственной. Датский король Христиан III очень хотел оставить своему любимому младшему брату Адольфу какое-нибудь владение, но не решался выделить ему датские провинции. Тогда он разделил с ним по весьма странному договору Голштейн-Готторпское и Шлезвигское герцогства, установив, чтобы потомки Адольфа правили впредь в Голштинии и Шлезвиге совместно с датскими королями, а также чтобы все нововведения в этих двух герцогствах осуществлялись с обоюдного согласия двух государей — герцога и короля. Этот договор и служил уже 80 лет предметом раздоров между датской и голштинской ветвями королевского дома: короли старались притеснять герцогов, а те в свою очередь стремились получить полную независимость. Понадобилось даже вмешательство Англии, Голландии и Швеции, которые на Альтонской конференции в 1689 году гарантировали выполнение злосчастного трактата.

Теперь старый спор возобновился. Пока герцог Голштинский рубил в Стокгольме головы телятам, датские войска наводнили Голштинию. Герцог попросил защиты у Карла XII как у своего родственника. Карл ответил ему:

— Так как ваша светлость отдаетесь совершенно под мое покровительство, то я вам обещаю его и не оставлю вас, хотя бы мне это стоило престола.

Это не было пустым обещанием — за всю свою жизнь Карл ни разу не отступил от однажды данного слова.

2

Почти одновременно с захватом Данией Голштинии в Стокгольм пришла весть о вторжении войск Августа II в Лифляндию без объявления войны. Известие о союзе трех государств ужаснуло Государственный совет, один только Карл XII, прибывший на его заседание с медвежьей охоты, выглядел рассеянным и равнодушным. Развалясь в кресле, он безучастно слушал речи советников. Но когда многие из них стали предлагать предотвратить войну с помощью переговоров, король поднялся со своего места с видом человека, принявшего окончательное решение.

— Милостивые государи, — сказал он, — я решил никогда не вести несправедливой войны, а справедливую кончать лишь гибелью моих противников. Я нападу на первого, объявившего мне войну, и, когда одержу над ним победу, этим, надеюсь, наведу страх на остальных.

Изумленные и несколько пристыженные советники молча переглядывались, не осмеливаясь возражать, — неограниченное самовластие отца Карла XII отучило их спорить с королем. Молча выслушали они и военные распоряжения Карла.

Удивление придворных возросло еще больше, когда они увидели резкую перемену в

поведении молодого короля. Карл сразу отказался от всех забав молодости и с этого дня стал вести тот образ жизни, которому не изменял никогда, решив подражать Цезарю и Александру Македонскому во всем, кроме их пороков. Отныне он не знал ни роскоши, ни игр, ни отдыха. Если раньше он любил пышные одеяния, то теперь стал одеваться как солдат — в синий сюртук с откидным воротником и большими гладкими латунными пуговицами и кожаный жилет; его шею обвивал черный галстук, голову покрывала грубая круглая войлочная шляпа, на ногах были тяжелые сапоги с громадными стальными шпорами. Какими-либо внешними знаками различия король пренебрегал. До этих пор подозревали, что он питал страсть к одной придворной даме; отныне Карл отвергал женщин не только чтобы не подпасть под их влияние, но и чтобы дать пример своим солдатам, которых он решил содержать в самой строгой дисциплине, а может быть, и из тщеславия, чтобы единственным из великих государей-полководцев превозмочь эту страсть. Он раз и навсегда отказался от вина. Одни говорили, что таким образом он намеревался победить свою натуру и приобрести еще одну добродетель; другие считали, что король этим решил себя наказать за невоздержанность и грубость, допущенные им однажды под воздействием винных паров по отношению к одной даме за столом королевы-матери. С этих пор в характере Карла нельзя было обнаружить ни одной слабости: ради войны он обрек себя на добровольное воздержание, оставшись до конца дней девственником и трезвенником, монахом в солдатской куртке.

Солдаты шведской армии.

Шведская армия была отлично вооружена, оснащена и обучена. Каждый солдат и офицер получал от государства надел земли, который обычно сдавался в аренду обывателям, обязавшимся содержать владельца. Правительство обеспечивало рекрутов мундиром, оружием и жалованьем во время военных действий. В Швеции король мог располагать значительными по тем временам силами — 34000 пехотинцев и кавалеристов регулярных войск и 38 линейными кораблями, команды которых насчитывали до 15000 матросов.

Боевой дух шведской армии был чрезвычайно высок, что объяснялось особым религиозным настроением, основанным на протестантском учении о Божественном Предопределении. Этот настрой поддерживался полковыми священниками, которые утешали раненых и умирающих, надзирали за образом жизни солдат и выполнением ими религиозных обрядов. Пасторы внушали своей пастве в мундирах фатальное восприятие войны. Например, при штурме артиллерийских батарей, всегда связанном с крупными потерями, солдаты не должны были пытаться укрыться от картечи и ядер — им предписывалось идти в атаку в полный рост, с высоко поднятой головой и думать, что без воли Божьей ни одна пуля не заденет никого из них. После сражения офицеры, говоря об убитых, вновь подчеркивали, что на все воля Божья.

Во время сражения священники часто выходили на поле боя и поддерживали паству словом, а иногда и делом. Многие священники погибали, когда под пулями врага пытались вернуть на поле боя бегущих шведов.

Самым сильным доказательством Божьего благоволения к шведам была победа — а шведы привыкли побеждать. Солдаты были убеждены, что шведская армия послана Богом покарать еретиков и грешников, бесчестных и нечестивых князей, которые начали эту войну без справедливых причин. Для поддержания этого убеждения священники прибегали к бессовестным софизмам и фальсификациям Священного Писания, впрочем, иногда довольно наивным. Так, один священник доказывал перед эскадроном, что шведы — это новые израильтяне, так как если прочесть наоборот древнее название главного противника народа Божьего Ассирии — Ассур, то получается Русса, то есть Россия.

Религия нужна была и для поддержания в солдатах жестокости: слова «кара» и «мечь» в то время не сходили с языка протестантских проповедников, черпавших свое вдохновение

в страшных сценах Ветхого Завета, где израильтяне истребляют поголовно не только язычников, но даже их скот.

При всем том проповеди армейских священников имели один весьма существенный изъян: из утверждения, что Бог посылает победу избранным, неизбежно следовало, что поражение означает благоволение Бога к противной стороне. Но на это до поры до времени закрывали глаза, поскольку шведская армия считалась непобедимой.

3

Карл XII начал военные действия, послав 8-тысячный корпус в Померанию — соседнюю с Голштинией провинцию — в помощь герцогу против датчан. Эта помощь пришлась весьма кстати, поскольку Дания одерживала победу за победой. Голштиния была разорена, готторпский замок взят, а город Тоннинг подвергся осаде датских войск, возглавляемых самим Фредериком IV. В то же время саксонцы Августа II, бранденбургские, гессен-кассельские и вольфенбютенские войска шли на помощь датчанам.

Швеция заручилась поддержкой Англии и Голландии, чьи эскадры появились в Балтийском море для поддержания гарантий Альтонского договора, нарушенного Данией. Кроме того, эти страны стремились обеспечить свои коммерческие интересы: датчане, став хозяевами Зундского пролива, ввели тяжелые таможенные пошлины для иностранных торговых кораблей.

13 апреля 1700 года²⁰ Карл простился с сестрами и бабкой и покинул Стокгольм; ему не суждено было сюда возвратиться. Толпа народа проводила Карла до порта Карлскруны, плача и выкрикивая восторженные напутствия. Перед отъездом король учредил совет обороны из нескольких сенаторов. Этот орган должен был заботиться о войсках, флоте и укреплениях. Сенату было поручено прочее управление внутри государства. Сам Карл желал заниматься только войной.

Короля принял на борт самый большой корабль шведского флота «Король Карл», оснащенный 120 пушками. Вступив на палубу, Карл сорвал с головы и бросил в море парик — последнюю деталь туалета, связывавшую его с прошлым.

В датской операции сразу обнаружилась отличительная черта тактики Карла XII — быстрота и решительность в нападении. Пока Фредерик IV был скован в Голштинии действиями шведского корпуса, флот Карла с юга вошел в Зунд и дал несколько залпов по Копенгагену. Одновременно на севере показались английская и голландская эскадры. Датский флот не посмел выйти в море.

Карл предложил командующему десантом генералу графу Карлу Густаву Рёншельду осадить Копенгаген с суши и с моря. Генерал был поражен смелостью плана. Операция была проведена молниеносно.

Шведский флот остановился около Гумлебека, в семи милях от Копенгагена. Датчане собрали в этом месте всю кавалерию; позади нее в окопах находились ополчение и артиллерия.

Шведский десант не превышал 6000 человек. Карл сел в первую попавшуюся шлюпку, возглавив ударный отряд из 300 гренадеров. За шведским флотом двигались два английских и два голландских фрегата, которые должны были прикрыть десант огнем.

²⁰ Шведы, следовавшие вместе с другими протестантами юлианскому календарю, то есть старому стилю, захотели, когда немецкие протестанты в 1699 г. приняли новый стиль, также последовать их примеру, но не решились сразу выкинуть из календаря 11 дней. В 1700 г. они выпустили из календаря високосный день, однако при следующем високосе не повторили этого и таким образом оказались на один день впереди сравнительно со старым стилем, отстав на десять дней от нового стиля, пока такое неудобство не заставило их в 1712 г. вернуться к старому стилю. Поэтому даты Северной войны часто весьма запутанны, так как разные авторы придерживаются трех разных стилей, а иногда и смешивают их.

Возле короля находился французский посол граф Гискар. Карл обратился к нему на латыни:

— Господин посланник, вам не о чем спорить с датчанами. Я вас прошу не ехать дальше.

— Ваше величество, — отвечал Гискар, — король, мой господин, приказал мне пребывать при вашем величестве. Лышу себя надеждой, что вы не прогоните меня сегодня от своего двора, который никогда не был столь блестящ.

Он подал руку королю, который прыгнул к нему в шлюпку. Десант поплыл к берегу под прикрытием корабельной артиллерии англичан и голландцев. В 300 шагах от берега Карл нетерпеливо прыгнул в воду со шпагой в руке, погрузившись по грудь; его спутники, офицеры и солдаты, последовали за ним.

Шведы приближались к берегу под градом мушкетных пуль. Оказалось, что король никогда не слышал выстрела из мушкета, так как в своих викингских забавах не употреблял огнестрельного оружия. Он спросил идущего рядом генерал-квартирмейстера Стюарта, что это за свист раздается над их головами.

— Это шум, производимый ружейными пулями, выпускаемыми в вас, — ответил генерал.

Карл блаженно улыбнулся:

— Хорошо, с этих пор он станет моей музыкой.

В то же мгновение Стюарт был ранен в плечо, а с другой стороны от короля пал мертвым лейтенант. Карл как ни в чем не бывало продолжал брести по отмели.

Датчане бежали после слабого сопротивления, дело обошлось почти без кровопролития. Карл на коленях поблагодарил Бога за первую дарованную победу. Он велел возвести редуты вокруг города и сам наметил место лагеря. Затем он отослал флот за подкреплениями в Сканию (шведская провинция на севере от Копенгагена); 9000 шведских солдат прибыли на следующий день.

Все это происходило на глазах у датского флота, не осмелившегося приблизиться. Поняв, что положение безнадежно, многочисленные депутации горожан стали стекаться в шведский лагерь, приветствуя сына своей доброй принцессы Ульрики Элеоноры и упрасывая его не бомбардировать город. Карл принял их верхом, во главе гвардии. Депутаты пали на колени. Король успокоил их:

— Я был принужден поступить так, как я поступил. Примите уверения, что с этого дня я буду искреннейшим другом вашего короля!

За свою дружбу Карл потребовал от копенгагенцев уплатить 400000 далеров контрибуции и привезти в лагерь провизию, за которую, правда, обещал хорошо заплатить. Горожане выполнили эти требования, а Карл — свое обещание: солдатам было запрещено покидать лагерь и мародерствовать. Датские крестьяне охотно привозили припасы шведам, платившим гораздо щедрее горожан. Множество людей хотели увидеть молодого победителя. В шведском лагере дважды в день — в семь часов утра и в четыре часа пополудни — проводилась общая молитва. Карл всегда присутствовал на ней, с чувством читая псалмы, и производил сильное впечатление на всех, кто не подозревал его в притворстве.

Услышав об угрозе своей столице, Фредерик IV снял осаду Тоннинга и объявил, что каждый крестьянин, поднявший оружие против шведов, получит свободу. Но Карл велел ему передать, что воюет с Данией исключительно ради справедливости и единственное, чего он требует, — это удовлетворения требований голштинского герцога.

5 августа в городе Травендале, на границе с Голштинией, был подписан мирный договор: датские войска очищали Голштинию и Шлезвиг и уплачивали герцогу военные издержки. Для Швеции Карл не потребовал ничего. «Неужели в основе характера того, кто заключает таким образом свой первый воинский подвиг, лежит лишь одна жажда войны, а не чувство мирного величия?» — спрашивает один шведский историк. Но, отвечая на этот вопрос, нельзя упускать из виду психологию Карла XII. Его взгляды на войну отличались от

понятий XVIII века, война была для него подобием рыцарского турнира, где государи выступали в качестве бойцов, а народы служили пылкими конями. Этим взглядам соответствовали и цели политики Карла, и его способ ведения войны, и отношение к миру. Он не искал ни территориальных, ни политических выгод для своего народа; но мир был невозможен для него, пока противник не выбит из седла. Как только это происходило, Карл становился великодушным и довольствовался славой и правотой, доказанной на этом своеобразном «Божьем суде»²¹.

На решение Карла заключить мир повлияли и уговоры союзников — Англии и Голландии, спешивших уладить этот конфликт ввиду начала борьбы за испанское наследство. Все же, поскольку датский король не был «выбит из седла», Карл пошел на заключение мира неохотно, приближенные едва уговорили его оставить Данию в покое. Говорили, что он тогда дал себе слово впредь как можно меньше связывать себя союзными договорами, чтобы иметь возможность вести войну по собственной воле.

Несмотря на дипломатические помехи, общий итог кампании был совсем неплох: семнадцатилетний юноша победоносно окончил войну против злейшего врага Швеции за шесть недель.

4

Ведущие европейские державы — Франция, Австрия, Англия, Голландия, а также крупные германские княжества — не вмешались в конфликт на севере Европы, потому что уже добрых два десятка лет внимательно следили за судьбой испанского наследства, стараясь обеспечить себе при его неизбежном дележе наиболее лакомые куски. В 1700 году давно ожидаемое событие свершилось.

В 1665 году на испанский престол вступил Карл II, последний представитель габсбургского дома в Испании²². Испанская ветвь Габсбургов вырождалась из-за постоянных кровнородственных браков, заключаемых ее представителями. Рахитичная фигура, выпяченная далеко вперед нижняя челюсть, мертвенный взгляд, характерные для королей этой династии, достигли у Карла II пределов безобразия. К тому же он был слабоумен от рождения. Карл II не знал своих собственных владений: когда французы захватили Монс (испанские Нидерланды), он думал, что Людовик XIV отнял этот город у английского короля. Всю жизнь Карл II считал себя одержимым и несколько раз заставлял изгонять из себя бесов.

Над любым частным лицом, обнаружившим хотя бы половину тех качеств, которыми обладал Карл II, суд давно бы назначил опеку. Но он по праву престолонаследия получил возможность вершить судьбы половины мира — королевства Неаполитанского, герцогства Миланского, Сардинии, Сицилии, Фландрии, огромного берега Африки, царства в Азии со всем побережьем Индийского океана, Мексики, Перу, Бразилии, Парагвая, Юкатана, бесчисленных островов во всех океанах.

Испания стремительно клонилась к смертельному упадку. Грозная пехота, гордость испанской армии, погибла под Рокруа²³, немногочисленные нищие ветераны дряхлели в

²¹ «Божий суд» — способ решения спорных вопросов при родоплеменном строе; обычно заключался в поединке, где победитель считался стороной, доказавшей свою правоту.

²² Габсбурги — династия, правившая в Австрии. Карл V Габсбург в 1516 г. династически объединил Испанию и Священную Римскую империю, куда входила Австрия.

²³ Рокруа — город во Франции, возле которого в 1643 г. французская армия под командованием принца Конде разгромила испанскую армию, считавшуюся непобедимой.

гарнизонах; флот, некогда прозванный Непобедимой Армадой²⁴, догнивал в портах. Дипломаты разных стран все чаще и смелее поговаривали о «неизлечимо больном человеке», подразумевая под ним испанскую монархию.

В 1679 году Карл II женился на французской принцессе Марии Луизе. Это была крупная победа Людовика XIV над Австрией, до того неизменно поставлявшей невест для испанских королей. Карл II любил свою жену, но его любовь не принесла ей счастья. Окруженная мертвящим придворным церемониалом и интригами, Мария Луиза медленно умирала от одиночества и скуки. С первых лет этого брака стало ясно, что трон останется без наследника. Граф де Рабенак, французский посланник в Мадриде, в письмах Людовику XIV рисовал спальню Марии Луизы как место, посещаемое призраком, и заверял своего государя, что у испанского короля никогда не будет детей. Упустить такой случай не хотел никто, и вскоре целый рой иностранных претендентов начал вербовать сторонников при мадридском дворе.

Мысль завещать свое королевство иностранцам была для короля невыносима. Карл II впал в меланхолию еще более черную, чем до женитьбы. Наследственное отвращение к людям, соединенное со стыдом за позор бесплодия, заставляло его искать уединения.

Его излюбленным развлечением стала охота, которая давала возможность надолго покидать двор.

Несчастливая Мария Луиза была отравлена австрийской партией в 1689 году. С ее смертью угасла та искра разума, которую еще сохранял Карл II. Все прежние развлечения — охота, бой быков, аутодафе — стали ему неприятны. Король запирался от всех в своем кабинете или бродил с утра до ночи по песчаной пустыне вокруг Эскориала. Остальное время он посвящал ребяческим играм или ребяческим подвигам веры. Он любовался редкими животными в зверинце, а еще больше — карликами во дворце. Если ни те, ни другие не разгоняли черных мыслей, клубившихся у него в голове, он читал Ave или Credo²⁵, ходил с монашескими процессиями, иногда морил себя голодом, иногда бичевал. Его физический упадок в последние годы жизни принял характер разложения; в тридцать восемь лет он казался восьмидесятилетним стариком. Портрет той эпохи рисует его почти трупом: провалившиеся щеки, безумные глаза, свисающие редкие волосы, судорожно сжатый рот. Его желудок перестал переваривать пищу, потому что из-за уродливого строения челюсти он не мог ее пережевывать и глотал куски целиком. Лихорадки терзали его еще сильнее, чем в детстве. Через каждые два дня на третий конвульсивная дрожь, упадок сил, приступы бреда, казалось, предвещали близкий конец. Однако жизнь теплилась в нем еще десять лет. Его даже вновь женили, но этот брак без всякой надежды на потомство был простой политической махинацией, австрийской интригой, проникшей в постель к умирающему. Его вторая жена Мария Анна Нейбургская, преданная Австрии, деятельно поддерживала права австрийского эрцгерцога Карла на испанское наследство.

Королева-мать вела к трону сына государя Баварии, между тем как Людовик XIV, опираясь на мощный внутренний заговор, направлял к Пиренеям свои армии, требуя испанский престол для своего внука. Договоры о разделе составлялись и обсуждались на глазах у Карла II, каждая партия по очереди заставляла его их подписывать и разрывать.

Ни одно средство воздействия на его слабый разум не было забыто заговорщиками, ни один ужас домашних раздоров не миновал его. Безумие короля пытались обратить против его же родных. Исповедник Карла II, подкупленный австрийской партией, вызвал дьявола в присутствии короля и заставил нечистого признаться в том, что болезнь Карла II происходит

²⁴ Армада — военный флот Испании с 30-тысячным десантом, направленный Филиппом II на завоевание Англии. В 1588 г. Армада понесла огромные потери в бою с английским флотом в Ла-Манше и отступила.

²⁵ Ave и Credo — католические молитвы, аналогичные православным «Богородице Дево, радуйся» и «Верую».

от чашки шоколада с порошком из человеческих костей, данной ему королевой-матерью четырнадцать лет назад. Чтобы излечиться от колдовства, король должен был каждое утро пить освященное масло; австрийский император Леопольд I рекомендовал ему воспользоваться услугами знаменитой венской чародейки. Королева-мать всполошилась и призвала на помощь инквизицию. Великий инквизитор взамен на обещание кардинальской шапки арестовал исповедника как подозреваемого в ереси за суеверие и виновного в принятии учения, осуждаемого Церковью, поскольку тот оказал доверие дьяволу, воспользовавшись его услугами. Богословы, однако, заявили о том, что поведение исповедника с церковной точки зрения беспорочно, и монах был отпущен. Дело замяли, но король никогда не смог оправиться от этого кошмара.

Карл II умер в 1700 году, завещав испанский трон герцогу Филиппу Анжуйскому, внуку Людовика XIV. Французский король, узнав об этом, воскликнул: «Пиренеи развалились, их больше не существует!» С таким географическим новшеством не согласились Англия, Голландия, Австрия, большинство немецких князей и герцог Савойский, которые объявили войну Франции. Таким образом, в 1700 году все европейские государства — от России на востоке до Испании на западе — одновременно оказались втянутыми в войны, одна из которых продлилась 11 лет, другая — 21 год.

Война за испанское наследство отвлекла внимание возможных союзников Швеции от Балтийского моря и оставила ее один на один с сильными противниками — Россией и Польшей.

РОССИЯ ПЕРЕД СЕВЕРНОЙ ВОЙНОЙ

*Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
А.С. Пушкин. Полтава.*

1

Россия конца XVII века представляла собой огромное пространство, скорее географическое, чем государственное, с небольшим числом городов и ничтожным количеством промышленного люда. Эти города были не чем иным, как большими огороженными селами с внутренними усадьбами, огородами и садами. Их промышленное и торговое значение было невелико. Города по-прежнему представляли собой главным образом военно-оборонительные пункты, находившиеся на значительном расстоянии один от другого и практически терявшие сообщение между собой весной и осенью. Россия оставалась бедной земледельческой страной, развивающейся очень медленно.

Преобладание военного значения городов объяснялось тем, что громадное континентальное государство все еще было не защищено природными границами и открыто для вторжений с востока, юга и запада. Русское государство создавалось на территории, где веками господствовали дикие кочевые орды, широким потоком устремлявшиеся по этой открытой дороге на запад. Вследствие этого русское государство изначально было обречено на изнурительную борьбу со степью. Первое известие о дани, выплачиваемой восточными славянами кочевникам, приходится еще на VIII век, и только в конце XVII века русское государство добивается освобождения от посылки постоянных даров крымскому хану, от чьих набегов Москва не была застрахована и при Алексее Михайловиче. Но едва только Россия начала справляться с Востоком, как на Западе появились враги еще более опасные, так как они опережали Москву в техническом и культурном развитии. В Смутное время Москва, горевшая и от татарина, и от поляка, должна была чуть ли не заново собирать вокруг

себя расползающиеся русские земли, оборонить Русь, по выражению летописца, от «латинства и бесерменства». Московское государство вышло из этой борьбы истощенным, разоренным, отрезанным от морей, сохранившим единственное благо — независимость.

Перед этой истерзанной, ограбленной страной по-прежнему стояли две задачи, незамедлительное решение которых было необходимо для обеспечения внешней безопасности государства. Во-первых, надо было довершить политическое объединение русского народа, едва ли не половина которого находилась за пределами русского государства; во-вторых, предстояло укрепить государственные границы, с юга и запада открытые нападению. Эти задачи до Петра были лишь намечены и едва начали решаться, сразу вызвав столкновение Московского государства со Швецией, крымскими татарами (значит, и с Турцией) и ближайшим соседом — Речью Посполитой. Но еще до Петра московским правительством Алексея Михайловича была осознана невозможность одновременного решения обеих задач. Война на три фронта была Москве не по силам. Нужно было выбрать главного врага и замирился до времени с другими или даже использовать их как союзников. Необходимость такого выбора произвела в царствование Алексея Михайловича крутой перелом во внешней политике Московского государства. После Андрусовского перемирия 1667 года Польша, обессиленная тяжелыми поражениями и потерей Левобережной Украины, перестала казаться опасной. В московском договоре 1686 года перемирие превратилось в «вечный мир» и даже в наступательный союз. Ян Собеский²⁶ со слезами на глазах подписал договор, по которому Киев навсегда оставался за Россией, но в утешение ему Россия вступила в священную лигу Польши, Австрии и Венеции против Турции. Задача национально-политического объединения русского народа была отложена на неопределенное время. Коалиционными войнами с Турцией, а потом и со Швецией Московское государство впервые утверждало себя полноправным членом семьи европейских держав. Петр, начиная свою деятельность, оказался вовлечен в систему международных отношений, сложившуюся до него. Как отмечал В.О. Ключевский, внешнеполитическая программа Петра была начертана людьми XVII века, в ней отражались настоятельные потребности государства и народа. Сами же реформы Петра были вызваны уже новыми условиями и развивались сообразно с его характером и пониманием государственных нужд. Таким образом, по словам С.М. Соловьева, «великий человек является сыном своего времени, своего народа, он теряет свое сверхъестественное значение, его деятельность теряет характер случайности, произвола; он высоко поднимается как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли; деятельность его получает великое значение, как удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народ на новую дорогу, необходимую для поддержания его исторической жизни».

2

Участие России в европейских делах требовало привлечения новых дипломатических, военных, экономических, культурных и других средств решения стоящих перед ней задач. Московским государственным людям пришлось иметь дело со сложившейся в результате длительного развития системой межгосударственных отношений европейских стран, которая включала изощренную дипломатию, придворные интриги, шпионаж, политику коалиций, переплетение династических интересов и так далее. Между тем московские политики почти не были знакомы ни с историей европейских государств, ни с их традициями, ни с их экономическим и военным потенциалом. Нельзя сказать, что русское правительство совсем не интересовалось этими вещами; напротив, задолго до того, как Петр широко распахнул

²⁶ Ян Собеский (1629-1696) — польский полководец, с 1674 г. — польский король.

пресловутое окно в Европу, Москва уже приоткрыла туда форточку, но так как при этом оставалась незакрытой дверь на Восток, то европейский сквознячок вызывал у русских людей неизбежный политический насморк и простуду; иными словами, технические и бытовые заимствования вызывали упорное, порой даже истерическое неприятие у ревнителей старины, не без основания опасавшихся, что ношение платья иностранного покроя в конце концов приведет к решительной ломке традиционных устоев народной жизни. Действительно, даже такие незначительные нововведения вызывали в умах неизбежный вопрос: можно ли носить фряжский кафтан и брить бороду, не признавая культурной отсталости русской жизни? А коль скоро таковая отсталость признается, особенно в военной области, то как быть с глубочайшим убеждением, что только благодаря вере и старому укладу земля Русская праведниками просияла, отстояла независимость и единственная в мире сохранила истинную веру? Вопрос, таким образом, долгое время ставился так: меняя платье, меняешь веру. Ревнивое вероохранительство представлялось единственным способом отстоять национальное достоинство при все более распространявшемся мнении о культурном превосходстве Европы. И пока московские цари оставались по существу богомольцами на троне, видевшими свою главную задачу в неукоснительном соблюдении церковного устава, русская политика и дипломатия не могли избавиться от азиатских понятий государственной жизни, выработанных вековым соседством со степью, от «татарщины», на которую в Европе смотрели с отвращением и насмешкой. Понадобились гениальная личность Петра, совершенно исключительное стечение счастливых и несчастных обстоятельств его воспитания для того, чтобы он мог приобрести европейский взгляд на вещи.

Петр вышел не похожим на своих предшественников, хотя между ними и можно заметить некоторую генетическую связь, историческую преемственность типов. «Петр был великий хозяин, — отмечает В.О. Ключевский, — всего лучше понимавший экономические интересы, всего более чуткий к источникам государственного богатства. Подобными хозяевами были и его предшественники...; но те были хозяева-сидни, белоручки, привыкшие хозяйничать чужими руками, а из Петра вышел подвижной хозяин-чернорабочий, самоучка, царь-мастеровой». В первом дошедшем до нас собственноручно писанном семнадцатилетним царем известии о самом себе — письме матери с Переславского озера — говорится: «Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка, благословения прошу и о твоём здравии слышать желаю... А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды все, кроме большого корабля, в отделке». Это самоопределение «в работе пребывающий», дополненное бессмертным пушкинским «на троне вечный был работник», навсегда останется для нас главенствующим во взгляде на Петра. Но было бы неверно представлять себе дело так, что вся преобразовательная программа Петра была рождена одним его творческим гением. Выше уже говорилось, что программа действий досталась Петру, так сказать, по наследству и заключалась в решении государственных нужд, неотложных и всем очевидных. Долгое время петровские преобразования были не планомерными реформами, а сумбурными и более или менее случайными нововведениями, обусловленными темпераментом и вкусами молодого царя и сиюминутными нуждами. Осознание значения начатого дела пришло позднее, когда приобретенный военный и государственный опыт позволил Петру взглянуть на пройденный путь с определенной точки исторической перспективы. Тогда-то обрели государственный смысл и потешные полки, и Немецкая слобода, и ботик, и брадобритие.

Петр I.

Зрелым двадцативосьмилетним мужем начав войну с семнадцатилетним шведским королем, Петр обрел в нем противника, на первый взгляд разительно отличающегося складом характера, направлением политической воли, пониманием народных нужд. Более внимательное рассмотрение и сопоставление обстоятельств их жизни, наиболее важных черт

личности обнаруживают в них много общего, явное или скрытое родство судеб и умонастроений, которое придавало дополнительный драматизм их борьбе.

Прежде всего бросается в глаза, что ни тот ни другой не получили систематического, законченного воспитания и образования, хотя образовательно-нравственный фундамент, заложенный в Карла его учителями, представляется более основательным. Петр же до десяти лет, то есть до тех пор, пока кровавые события не вытолкнули его из Кремля, успел лишь пройти выучку мастерству церковно-славянской грамоты под руководством дьяка Никиты Зотова. Те же науки, которые Карл изучал с опытными учителями — арифметику, геометрию, артиллерию, фортификацию, историю, географию и так далее, — Петр наверстывал сам, без всякого плана, с помощью «дохтура» Яна Тиммермана (математика весьма посредственного, не раз делавшего ошибки, например, в задачах на умножение) и других не более сведущих учителей. Зато охотой к учению и бойкостью в самостоятельном приобретении знаний Петр намного превосходил своего противника. Воспитание шведского короля можно назвать книжно-героическим, воспитание Петра — военно-ремесленным. Оба государя любили в юности военные забавы, но Карл относился к военному делу идеалистически, видя в нем способ удовлетворить свое честолюбие, а царь подходил к тому же предмету сугубо практически, как к средству решения государственных задач.

Карл рано оказался вырванным из круга детских представлений вследствие потери родителей, Петр — по причине дворцового переворота. Но если Карл твердо усвоил традиции шведской государственности, то Петр оторвался от традиций и преданий кремлевского дворца, которые составляли основу политического мирозерцания старорусского царя. Понятия и наклонности Петра в юности получили крайне одностороннее направление. По словам Ключевского, вся его политическая мысль долгое время была поглощена борьбой с сестрой и Милославскими; все гражданское настроение его сложилось из ненависти и антипатии к духовенству, боярству, стрельцам, раскольникам; солдаты, пушки, фортеции, корабли заняли в его уме место людей, политических учреждений, народных нужд, гражданских отношений: Область понятий об обществе и общественных обязанностях, гражданская этика «очень долго оставались заброшенным углом в духовном хозяйстве Петра». Тем удивительнее, что шведский король скоро презрел общественные и государственные нужды ради личных наклонностей и симпатий, а кремлевский изгой положил жизнь на служение Отечеству, выразив свою душу в бессмертных словах: «А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

И Карл, и Петр оказались самодержавными государями огромных империй в очень раннем возрасте, и оба в результате политического переворота (в случае с Петром, правда, более драматического). Оба, однако, сумели подчинить себе события и не сделались игрушкой в руках дворцовых партий и влиятельных фамилий. Петр ощущал колебания под своим тронном в течение длительного времени и после стрелецкого восстания остерегался надолго покидать Россию, в то время как Карл мог пятнадцать лет не наведываться в Швецию без всяких опасений за судьбу своей короны. Сама же охота к перемене мест была одинаково характерна для обоих: и король, и царь были вечными гостями как за границей, так и дома.

Равным образом им была присуща и склонность к неограниченному правлению — ни тот ни другой ни разу не усомнились в том, что они помазанники Божий и вольны по своему усмотрению распоряжаться жизнью и имуществом своих подданных. Оба жестоко карали всякое покушение на свою власть, но Петр при этом легко впадал в ярость и откровенное палачество. Собственноручная расправа над стрельцами и царевичем Алексеем — хрестоматийные тому примеры. Правда, заметное отличие в отношении к своему сану видно в том, что Петр не стыдился сделать собственную власть предметом шутки, величая, например, князя Ф.Ю. Ромодановского королем, государем, «вашим пресветлым царским величеством», а себя «всегдашним рабом и холопом Piter'ом» или просто по-русски Петрушкой Алексеевым. Трудно точно указать источник пристрастия к подобному

шутовству. Ключевский считал, что склонный к шуткам и веселью характер достался Петру от отца, «который тоже любил пошутить, хотя и остерегался быть шутом». Впрочем, скорее уж напрашивается сравнение с аналогичными выходками Ивана Грозного по отношению к Симеону Бекбулатовичу²⁷. Видимо, здесь мы имеем дело с чисто русским явлением — припадками юродства у самодержавного государя, которому его власть иногда самому кажется непомерной. Другая отличительная черта единовластия Петра состояла в умении прислушиваться к дельному совету и отступить от своего решения, если оно, по зрелом размышлении, неверно или вредно, — черта, совершенно отсутствующая у Карла с его почти маниакальной манерой непогрешимости и верности однажды принятому решению.

В тесной связи с шутовством Петра по отношению к своему сану находились и его непристойные до кощунства пародии на церковную обрядность и иерархию, причем эти увеселения были штатными, облеченными в канцелярские формы. Учрежденная ранее других коллегия пьянства, или по официальному определению «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор», состояла под председательством набольшего шута, носившего титул князя-папы, или всешумнейшего и всешутейшего патриарха московского, кукуйского и всея Яузы. При нем был конклав из 12 кардиналов и других «духовных» чинов, носивших прозвища, которые, по словам Ключевского, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати. Петр носил в этом соборе сан протодьякона и сам сочинил для него устав. У собора был особый порядок священнодействия, или, лучше сказать, пьянодействия, «служения Бахусу и честнаго обхождения с крепкими напитками». Например, новоприняемому члену задавался вопрос: «Пиеси ли?», пародировавший церковное: «Веруеши ли?» На Масленице 1699 года царь устроил служение Бахусу: патриарх, князь-папа Никита Зотов, бывший учитель Петра, пил и благословлял преклонявших перед ним колена гостей, осеняя их сложенными накрест двумя чубуками, подобно тому как делают архиереи дикирием и трикирием²⁸; потом с посохом в руке «владыка» пустился в пляс. Характерно, что паскудного зрелища православных шутов не вынес только один из присутствовавших — иноземный посол, покинувший собрание. Вообще иноземные наблюдатели готовы были видеть в этих безобразиях политическую и даже народовоспитательную тенденцию, направленную будто бы против русской церковной иерархии, предрассудков, а также против порока пьянства, выставляемого в смешном виде. Возможно, что Петр и в самом деле подобными дурачествами срывал свою досаду на духовенство, среди которого было так много противников его нововведений. Но серьезного покушения на православие, на иерархию в этом не было, Петр оставался набожным человеком, знавшим и чтившим церковный обряд, любившим петь на клиросе с певчими; кроме того, он превосходно понимал охранительное значение Церкви для государства. В заседаниях всешутейшего собора скорее видна общая грубость тогдашних русских нравов, укоренившаяся в русском человеке привычка пошутить в пьяную минуту над церковными предметами, над духовенством; еще более в них видно чувство вседозволенности властных гуляк, обнаруживающее общий глубокий упадок церковного авторитета. Карл подавал совершенно обратный пример своим подданным; но его сближало с Петром то, что и он не терпел претензий духовенства на авторитет в делах государства.

Инстинкт произвола всецело определял характер правления этих государей. Они не признавали исторической логики общественной жизни, их действия не соотносились с объективной оценкой возможностей своих народов. Впрочем, нельзя слишком винить их за это; даже самые выдающиеся умы века с трудом понимали законы общественного развития.

²⁷ Симеон Бекбулатович (? -1616) — имя, принятое после крещения касимовским ханом Саин-Булатом; он стал номинальным правителем русского государства с 1575 г., когда Иван Грозный притворно сложил с себя царский венец.

²⁸ Дикий, трикий — соответственно две или три свечи, которыми благословляют верующих в церкви.

Так, Лейбниц²⁹ уверял Петра I в том, что в России тем легче можно насадить науки, чем меньше она к этому подготовлена. Вся военная и государственная деятельность короля и царя направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе властного принуждения. Они искренне считали, что силе подвластно все, что герой может направить народную жизнь в иное русло, и потому они до крайности напрягали народные силы, тратили людские силы и жизни без всякой бережливости. Сознание собственного значения и всемогущества мешало принимать в расчет других людей, видеть в человеке человека, личность. И Карл, и Петр великолепно умели угадывать, кто на что годен, и пользовались людьми как рабочими орудиями, оставаясь равнодушными к человеческим страданиям (что, как ни странно, не мешало им часто обнаруживать справедливость и великодушие). Эту черту Петра превосходно уловили две образованнейшие дамы того времени — курфюрстина Ганноверская София и ее дочь София Шарлотта, курфюрстина Бранденбургская, которые парадоксально охарактеризовали его как государя «очень хорошего и вместе очень дурного». Это определение применимо и к Карлу.

Их внешний вид соответствовал их властным натурам и производил сильное впечатление на окружающих. Благородный облик Карла носил родовой отпечаток Пфальц-Цвейбркенской династии: искрящиеся голубые глаза, высокий лоб, орлиный нос, резкие складки вокруг безусого и безбородого рта с полными губами. При небольшом росте он был не коренаст и хорошо сложен. А вот каким увидел Петра во время его пребывания в Париже герцог Сен-Симон, автор известных «Мемуаров», внимательно присматривавшийся к молодому царю: «Он был очень высок ростом, хорошо сложен, довольно сухощав, с кругловатым лицом, высоким лбом, прекрасными бровями; нос у него довольно короток, но не слишком и к концу несколько толст; губы довольно крупные, цвет лица красноватый и смуглый, прекрасные черные глаза, большие, живые, пронизательные, красивой формы; взгляд величественный и приветливый, когда он наблюдает за собой и сдерживается, в противном случае суровый и дикий, с судорогами на лице, которые повторяются не часто, но искажают и глаза и все лицо, пугая всех присутствующих. Судорога длилась обыкновенно одно мгновение, и тогда взгляд его делался страшным, как бы растерянным, потом все сейчас же принимало обычный вид. Вся наружность его выказывала ум, размышление и величие и не лишена была прелести».

Что касается привычек будничной жизни и личных наклонностей, то и здесь некоторое сходство этих людей оттеняется разительными контрастами. Шведский и русский государи были людьми горячего темперамента, заклятыми врагами придворного церемониала. Привыкнув чувствовать себя хозяевами всегда и всюду, они конфузились и терялись среди торжественной обстановки, тяжело дышали, краснели и обливались потом на аудиенциях, слушая высокопарный вздор от какого-нибудь представлявшегося посланника. Ни тот ни другой не обладали деликатными манерами и очень любили непринужденность в беседе. Им были свойственны простота обхождения и непритязательность в быту. Петра часто видели в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных женой или дочерью. Дома, встав с постели, он принимал посетителей в простеньком «китайчатом» халате, выезжал или выходил в незатейливом кафтане из грубого сукна, который не любил менять часто; летом, выходя недалеко, почти никогда не носил шляпы; ездил обычно на одноколке или на плохой паре и в таком кабриолете, в каком, по замечанию иностранца-очевидца, не всякий московский купец решился бы выехать. Во всей Европе разве только двор прусского короля-скряги Фридриха Вильгельма I мог поспорить в простоте с петровским (Карл, при личном аскетизме, казенных денег никогда не считал). Пышность, которой Петр окружил в последние годы Екатерину, возможно, просто должна была заставить окружающих забыть ее слишком простое происхождение.

²⁹ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646-1716) — немецкий философ, математик, физик, языковед. По просьбе Петра I разработал проекты развития образования и государственного управления в России.

Эта скуповатость сочеталась у Петра с бурной неводержанностью в еде и питье. Он обладал каким-то несокрушимым аппетитом. Современники говорят, что он мог есть всегда и везде; когда бы ни приехал он в гости, до или после обеда, он сейчас готов был сесть за стол. Не менее поразительна его страсть к попойкам и, главное, невероятная выносливость в винопитии. Первейшей заповедью упомянутого всепьянейшего ордена было напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвым. Эту заповедь Петр чтит свято, отдавая часы вечернего досуга веселым собраниям за стаканом венгерского или чего-нибудь покрепче. При торжественных случаях или заседаниях собора пили страшно, замечает современник. В построенном на Яузе дворце честная компания запиралась дня на три, по словам князя Куракина, «для пьянства столь великого, что невозможно описать, и многим случалось от того умирать». Журнал заграничного путешествия Петра полон записей вроде: «Были дома и веселились довольно», т. е. пили весь день за полночь. В Дептфорде (Англия) Петру со свитой отвели помещение в частном доме близ верфи, оборудовав его по приказу короля соответствующим образом. После отъезда посольства домовладелец подал куда следовало счет повреждений, произведенных уехавшими гостями. Эта опись является позорнейшим памятником пьяному русскому свинству. Полы и стены были заплеваны, запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны, картины на стенах использовались в качестве мишеней для стрельбы, газоны в саду затоптаны так, словно там маршировал целый полк. Единственным, хотя и слабым оправданием подобных привычек является то, что Петр усвоил пьяные нравы в Немецкой слободе, общаясь с отбросами того мира, в который так упорно стремился.

Женского общества царь не избегал, в отличие от Карла, но в юности страдал чрезмерной застенчивостью. В городке Коппенбурге ему пришлось свидеться с уже знакомыми нам курфюрстинами. Они рассказывают, как царь сначала ни за что не хотел идти к ним. Правда, потом, после долгих уговоров, он согласился, но с условием, чтобы не было посторонних. Петр вошел, закрыв лицо рукой, как застенчивый ребенок, и на все любезности дам отвечал только одно:

— Не могу говорить!

Однако за ужином он быстро оправился, разговорился, перепоил всех по-московски, признался, что не любит ни музыки, ни охоты (правда, усердно танцевал с дамами, веселясь от души, причем московские кавалеры приняли корсеты немецких дам за их ребра), а любит плавать по морям, строить корабли и фейерверки, показал свои мозолистые руки, которыми приподнял за уши и поцеловал десятилетнюю принцессу, будущую мать Фридриха Великого, испортив ей прическу.

Окончательно определила характер и образ жизни как Карла, так и Петра Северная война, но каждый из них выбрал себе в ней роль, соответствующую его привычным занятиям и вкусам. Интересно, что оба они отказались от роли государя-правителя, направляющего действия подчиненных из дворца. Роль боевого генерала-главнокомандующего также не могла полностью удовлетворить их. Карл с его понятиями о викингской доблести скоро предпочтет славе полководца славу бесшабашного рубаки. Петр, предоставив вести военные действия своим генералам и адмиралам, возьмет на себя более близкую ему техническую сторону войны: набор рекрутов, составление военных планов, строительство кораблей и военных заводов, изготовление амуниции и боеприпасов. Впрочем, Нарва и Полтава навсегда останутся великими памятниками военного искусства этих венценосных врагов. Стоит отметить также любопытный парадокс: Швеция, морская держава, воспитала превосходного сухопутного полководца, ступившего на корабль чуть ли не два раза в жизни — при отплытии из Швеции и при возвращении туда; в то время как отрезанная от морей Россия управлялась непревзойденным корабелем и шкипером.

Война, потребовавшая безудержной деятельности и напряжения всех нравственных сил Петра и Карла, выковала их характеры односторонними, но рельефными, сделала их народными героями, с той разницей, что величие Петра утверждалось не на полях сражений и не могло быть поколеблено поражениями.

Северная война застала Россию врасплох. Немного найдется войн, в которые бы она вступала так плохо подготовленной. Несмотря на союз с Польшей и Данией, конкретные сроки войны стали для Петра полной неожиданностью.

К началу XVIII столетия спокойствие Европы нарушали три агрессивных государства — Франция, Швеция и Турция, борьба с которыми сколачивала остальные державы в коалиции. Против Франции объединялись Англия, Голландия, Испания, Австрия и Германская империя; против Турции — Австрия, Венеция и Польша; против Швеции — Польша, Дания и Пруссия (тогдашнее курфюршество Бранденбург). Заключив в 1686 году договор с Польшей, Москва вошла в антитурецкий союз, который на долгие годы определил деятельность Петра. Но интересы союзников расходились. Австрия в ожидании войны за испанское наследство спешила выгодным миром 1699 года в Карловице развязать себе руки на юго-востоке, но очень хлопотала, чтобы Петр один продолжал войну, оберегая австрийский тыл. Новый король Речи Посполитой Август II чувствовал себя на польском престоле как на горячих углях, опасаясь не только поляков, но и своего нового друга, русского царя. В 1700 году на мирных переговорах московского посла Е.И. Украинцева в Стамбуле польский посол очень упрашивал турок не мириться с москвитями. Другие страны вели себя не лучше. Русский военный корабль «Крепость», на котором прибыл русский посол, испугал не одних турок. Неожиданная сила, проявленная Москвой при взятии Азова, заставила Европу насторожиться. «От послов цесарского, английского, венецианского, — писал Украинцев Петру, — помощи мне никакой нет, и не только помощи, не присылают даже никаких известий. Послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону и больше хотят всякого добра туркам, нежели тебе, великому государю; завидуют, ненавидят то, что у тебя завелось корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельска; думают, что от этого будет им в их морской торговле помешка».

Союз завершился тем, что по Карловицкому договору 1699 года венецианцы и австрийцы забрали у Турции Морею, Трансильванию, турецкую Венгрию и Славонию и заткнули горло туркам, по выражению московского посла П.Б. Возницына, своими союзниками, предоставив полякам опустошенную Подолию, а русским — Азов с новопостроенными прибрежными городками.

Петр очутился в сложном положении. Воронежское дело его было разрушено; флот, стоивший стольких усилий и расходов и предназначавшийся для Черного моря, остался гнить в азовских гаванях, поскольку взять Керчь и стать прочно в Крыму не удалось; канал между Волгой и Доном был брошен. Вопрос об освобождении балканских христиан был отодвинут в сторону. На севере составлялась новая коалиция против Швеции. Чтобы не потерять последнего союзника — Польшу, царь вынужден был круто повернуть фронт с юга на север. 18 августа 1700 года в Москве был сожжен «преизрядный фейерверк»: царь Петр Алексеевич праздновал турецкий мир и приобретение Азова. На другой день, 19 августа, он объявил войну Карлу XII. Славный российский *шкипер*, столько лет готовивший себя в черноморские моряки, со всеми своими беломорскими, голландскими и английскими навигацкими познаниями вынужден был много лет вести сухопутную войну, чтобы пробиться к другому морю.

Перенос боевого фронта с юга на северо-запад делал для Петра необходимым прежде всего преобразование военных сил страны: старыми военными средствами еще можно было кое-как обходиться в борьбе с крымскими татарами, но, чтобы успешно воевать с Швецией,

надо было поставить армию на европейскую ногу.

Ключевский отмечал, что «военная реформа была первоочередным преобразовательным делом Петра, наиболее продолжительным и самым тяжелым как для него самого, так и для народа... Реформа оказала глубокое действие и на склад общества и на дальнейший ход событий».

От своих предшественников Петр унаследовал большую военную силу. Московское государство XVII века было в состоянии выставить на поле боя армию более чем в 200000 человек. Главную массу ее образовывало ополчение служилых людей, которые жили на данной им от государства «для службы» земле и по призыву правительства должны были идти в поход на конях и в вооружении, качество которого соответствовало по особой росписи количеству земли, даваемой «для службы».

Ополчение совершенно не походило на регулярную армию. Это было наследственное войско. Сын служилого человека должен был стать с возрастом тоже служилым человеком. Каждый воин шел в поход и содержал себя в войске на свои собственные средства; никакой строевой выправки и единообразного вооружения у этого войска не было. Начальники занимали свои места не по заслугам, а по родовитости. Наличие стрелецких отрядов не меняло общей картины.

Боевые качества московского войска были невысоки, а тактика боя определялась опытом вековой борьбы с татарами: армия легко воспламенялась и летела в бой, каждый отряд на свой страх и риск (предпочтение отдавалось удару конницы), и если этот первый натиск оказывался действенным, то поле боя оставалось за русскими, если же нет — то войско теряло присутствие духа и так же легко обращалось в бегство, как ранее шло в атаку. В XVII веке русские могли с трудом побеждать только те войска, которые формировались аналогичным образом и придерживались той же тактики, то есть татар, турок и поляков.

Московское правительство подметило эти недостатки и пыталось исправить положение, нанимая на службу целые отряды иноземных солдат. Вначале они играли в основном роль почетного конвоя при особе государя, но со времен Смуты стали вливаться в ряды русского войска как составная и деятельная его часть. Правительство царя Михаила сделало первый опыт такого рода. В 1631 году, ожидая войны с Польшей, царь нанял 5000 датчан, шведов, голландцев и англичан. К католикам москвичи относились с подозрением, поэтому русским послам был дан наказ «французан и иных, которые римской веры, никак не нанимать». Но и на наемников-протестантов всецело полагаться было нельзя, они также преподносили сюрпризы вроде перехода к полякам под Смоленском во время похода воеводы Шеина. К тому же наемники обходились чрезмерно дорого бедной русской казне, и московское правительство пришлось к мысли набрать несколько конных и пеших полков из беспоместных и малопоместных служилых и других охочих людей и обучить их иноземному строю под руководством иностранных офицеров. Так появились русские полки иноземного строя.

К концу царствования Федора Алексеевича насчитывалось уже 63 полка такого войска (89000 человек) на 164000 ополченцев (без учета малороссийских казаков).

Вместе с устройством полков иноземного строя были изменены и набор войска, и организация командования. В 1681 году комиссия из выборных служилых чинов под председательством князя В.В. Голицына предложила расписать всех ратных людей по ротам и назначить офицеров из служилых людей «без мест и без подбора», то есть не обращая внимания на местнические споры знатных фамилий. Вследствие этого постановления боярская дума указом от 12 января 1682 года запретила счет местами на службе. С тех пор, как бы знатен ни был человек, он должен был подчиняться более опытному и знающему старшему офицеру.

Введение войск иноземного строя изменило и сам состав армии: она перестала быть сословной в своей основе. В солдатские полки нельзя было набирать одних только служилых людей — помещиков; от солдат требовались постоянная служба и постоянное упражнение в военном деле. Поэтому солдат стали набирать таким же способом, каким впоследствии

набирали рекрутов.

Однако Петру достались лишь жалкие обломки этой новой системы комплектования армии. Переформировка шла медленно. В состав 112-тысячной армии, которую в 1689 году князь В.В. Голицын повел во второй крымский поход, все еще входили те же 63 полка иноземного строя, правда численностью уже до 80000. Поэтому совсем неожиданным является состав сил, направленных Петром в 1695 году в первый азовский поход. В 30-тысячном корпусе, который пошел с самим Петром, насчитывалось не более 14000 солдат иноземного строя, тогда как огромное 120-тысячное ополчение, направленное в Крым, все состояло из ратников русского строя, собственно никакого строя не знавших, по выражению современника. Косвенный ответ на вопрос, куда девались остальные 66000 ратников иноземного строя, дал князь Я.Ф. Долгорукий на известном пиру 1717 года. Он был знаком с состоянием московского войска при царе Федоре и царевне Софье и сказал тогда Петру, что отец его, Алексей Михайлович, учреждением регулярных войск ему путь показал, «да по нем несмысленные все его учреждения разорили», так что Петру пришлось делать все вновь и приводить в лучшее состояние. Поскольку Голицын водил 63 полка иноземного строя против Турции во время правления Софьи, то под «несмысленными» могут подразумеваться только Нарышкины, Стрешневы, Лопухины, цеплявшиеся за мать Петра, царицу Наталью. Видимо, потакая дворянству, они сменили иноземный строй на более привычный и легкий, русский.

По сути, к началу Северной войны у Петра под рукой было всего четыре полка регулярной армии: гвардейские Семеновский и Преображенский, Лефортовский и переустроенный по-новому старый Бутырский полк. Но зато эти полки были обучены уже по полной европейской программе. Остальные полки иноземного строя пополнялись двумя способами: или «кликали вольницу в солдаты», или собирали с помещиков рекрутов, по числу крестьянских дворов. Петр приказал писать в солдаты вольноотпущенных холопов и даже дал холопам свободу поступать в солдатские полки без отпуска от господ. Таким образом была составлена первая армия Петра в Северную войну: 29 вновь сформированных полков из вольницы и рекрутов по 1000 человек в каждом и 4 старых полка, всего до 40000 человек. Армия была разделена на три корпуса, или «генеральства»: Автонома Головина, командовавшего гвардией, Адама Вейде и князя Аникиты Репнина, чей корпус не успел сформироваться к началу военных действий и избежал нарвского погрома. Кроме регулярных полков, в поход двинулись и служилое ополчение в количестве 12000 человек, и около 10000 казаков. Таким образом, нарвская армия, без корпуса Репнина, насчитывала около 50000 человек.

Саксонский генерал Ланген, видевший эту армию до Нарвы, находил ее превосходной по составу. По его описанию, люди все были рослые, молодые, исправно обмундированные и обученные стрельбе так хорошо, что не уступят немецким полкам. Объясняется это тем, что Ланген видел, по всей вероятности, гвардейские и старые полки. Прочие полки, по выражению Корба, бывшего секретарем австрийского посольства в Москве в 1698-1699 годах, были сбродом самых дрянных солдат, набранных из беднейшей черни. Аттестация Головина подтверждает это мнение: многие из солдат были «гуляки великие», другие просто не знали своего дела и «за мушкет взяться не умели».

Нарва обнаружила их боевые качества.

НАРВА

*Рубились мы мечом!
Очень был я молод, когда мы надели
На востоке в Эйрасунде
Обед алчному волку
И желтоногой птице³⁰;*

³⁰ Желтоногая птица — т. е. хищная; желтые ноги характерны для многих хищных птиц: ястребов, соколов и

*Добыли мы там, где звучало
Об отороченные шлемы
Твердое железо, много корма.
Все море вздулось,
Плыл ворон³¹ по крови трупов.
Скандинавские саги. Песнь Лодброка.*

1

Петр вступил в Северную войну последним из союзников. В то время как царевы вербовщики еще только «кликали вольницу в солдаты», Август II уже вторгся со своими саксонцами в Ливонию и осадил Ригу. Начиная войну, польский король руководствовался главным образом соображениями внутренней политики, стремясь усилить свое положение в Польше вводом в нее саксонских войск. Война со Швецией и осада Риги служили лишь благовидным предлогом для этой цели.

Польскому сейму дело было представлено так, что сама Ливония хочет отложиться от Швеции под покровительство Речи Посполитой и что Паткуль получил на это полномочия от ливонского рыцарства; поскольку Польша боится войны, Август будет воевать на свой страх и риск с помощью саксонских войск. Был заключен договор, по которому Ливония присоединялась к Польше; но в секретных пунктах рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомков, если бы даже они не были королями польскими, и все доходы отправлять прямо к ним. Таким образом, Ливония переходила не к полякам, а к курфюрсту Саксонскому, который приобретал благодаря этому значительные выгоды для утверждения своей власти в Польше.

Русский царь был естественным и необходимым союзником Августа в его замыслах. «Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пехоту, которая очень способна работать в траншеях под неприятельскими выстрелами», — писал Паткуль польскому королю. Но при этом и Август, и Паткуль испытывали сильные сомнения: царь, человек необыкновенный, с ним надо обращаться осторожнее; он не подставит своих солдат под неприятельские выстрелы даром. Придется делиться добычей, а насколько разгорится аппетит царя в случае успеха — неизвестно. «Надобно опасаться, — писал Паткуль, — чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы воткнем на вертел; надобно договориться, чтоб он не шел дальше Нарвы и Пейпуса; если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Лифляндией и Эстляндией». То есть Петру, единственному серьезному участнику этой коалиции, предлагалось удовольствоваться карельскими болотами. А Петр хотел прежде всего овладеть именно двумя крепостями — Нарвой и Нотебургом, старым русским Орешком, чтобы, владея этими опорными пунктами, возвратить России утерянные Ингрию и Ингерманландию и, если удастся, завладеть удобным для мореплавания побережьем Балтийского моря. Раздражать царя было опасно еще и потому, что близость русских войск служила немаловажным аргументом для тех поляков, которые были недовольны Августом, и поддержка Петра была необходима Августу в самой Польше.

Вид на Нарву и Ивангород.

Вот почему Август начал войну, не дождавшись вступления в нее России. Скорейшее

других.

³¹ Ворон — одно из поэтических названий драккара у скальдов.

взятие Риги должно было стать главным козырем Августа в дальнейшем разделе Ливонии между ним и царем. Война начиналась союзниками вяло, без определенного плана и согласованных действий.

Ригу защищал значительный шведский гарнизон под командованием восьмидесятилетнего графа Дальберга, опытного воина, на чьем боевом счету было 60 проведенных кампаний. Осаду города вела саксонская армия во главе с графом Флеммингом, также опытным офицером и государственным деятелем, ставшим впоследствии министром Августа II, и Паткулем. Общее руководство осадой осуществлял сам польский король.

Опытность Дальберга взяла верх. Шведы успешно отразили все попытки саксонцев взять город. Август отчаялся овладеть городскими укреплениями и уже только искал предлога для почетного отвода войск на зимние квартиры. Он ухватился для этого за первый же представившийся случай. Рига была наводнена голландскими товарами. Голландский посланник сделал официальное представление Августу на этот счет, прося снять осаду. Август притворился любезным и отдал приказ отвести войска от города, хотя истинные причины снятия осады ни для кого не остались секретом.

Потерпев неудачу, Август не скрывал своего беспокойства по поводу намерения Петра осадить Нарву. Но скоро общая страшная опасность заставила союзников прекратить дележ шкуры неубитого медведя.

2

В начале осени 1700 года Карл возвратился из Дании. Он отдал приказ о разоружении армии, собираясь отложить поход против Августа до весны. Вдруг с востока пришло известие о вторжении русских в шведские провинции без объявления войны. Вероломство царя вызвало ярость Карла: еще совсем недавно три московских посла клялись ему в нерушимой дружбе! В одно мгновение в глазах Карла, с его понятиями о верности слову, Петр превратился в смертельного врага. Он отменил приказ о разоружении, наскоро распорядился делами и 1 октября отплыл в Ливонию с 16000 пехотинцев и 4000 кавалеристов.

Манифест об объявлении войны был все-таки с запозданием доставлен шведскому правительству. В нем, между прочим, среди причин войны выставлялись следующие веские обстоятельства: неоказание Петру почестей при его проезде через Ригу во время недавнего заграничного путешествия (это при том, что Петр путешествовал *инкогнито* !) и продажа по дорогой цене провизии его посланникам.

22 августа 1700 года Петр начал наступательное движение к Нарве. Проливные дожди испортили дороги, подвод не хватало, подвоз продовольствия и боеприпасов проводился нерегулярно. Под Нарву дотащились только 1 октября, а между тем надо было торопиться с взятием города. Петру доносили о том, что Карл высадился в Пернау (Рижский залив) и стремительными переходами движется на помощь осажденному гарнизону.

Командование 35-40-тысячной русской армией, осадившей Нарву, было поручено австрийскому генералу герцогу Карлу Евгению Кроа (встречаются написания Круа, Круи), потомку венгерских королей, фельдмаршалу, который представился Петру в Новгороде с отличными рекомендациями. Он и повел армию в дальнейший поход, а Петр с Головиным временно остались в Новгороде для того, чтобы ускорить отправку под Нарву отставших полков.

В Нарве засел небольшой гарнизон барона Горна, едва насчитывавший 1000 человек. Город почти не имел укреплений, но Горн сумел продержаться в осаде шесть недель. Не умаляя мужества шведов, главную причину столь удивительной стойкости следует искать все же в потрясающей безалаберности, неразберихе и деморализации, быстро распространившихся в лагере осаждавших. С 20 октября русские начали бомбардировку города, но... скоро прекратили ее, потому что израсходовали весь артиллерийский запас; тут

же выяснилось, что пушки, казавшиеся столь хорошими в Москве, на самом деле из рук вон плохи. 150 русских орудий едва смогли пробить незначительную брешь в городской стене, в то время как шведская артиллерия укладывала целые ряды солдат в траншеях осаждавших. Русские, по словам очевидца, ходили около крепости, как кошки около горячей каши. Армия почти сплошь состояла из людей, никогда не видевших правильной осады и все неудачи сваливавших на злоумышление своих офицеров-иностранцев. В конце концов осада свелась к земляным работам под тоскливый свист шведских ядер. Петр лично разметил укрепления русского лагеря и покинул армию, чтобы не стеснять герцога Кроа.

Карл и на этот раз действовал стремительно. Он буквально летел к Нарве, не заботясь об отставших частях. Оттеснив Шереметева, двинутого Петром к Везенбергу (его корпус присоединился к нарвской армии), шведский король 19 ноября явился перед русским лагерем во главе всего 8500 человек.

Уверенность молодого короля в победе разделяли далеко не все. Один офицер указал ему на опасность сражения со столь многочисленным противником. Карл беззаботно ответил:

— Как? Вы сомневаетесь, что я с моими восемью тысячами храбрых шведов возьму верх над восемьюдесятью тысячами москвитов?³²

Однако спустя некоторое время, боясь, что его слова могут показаться чересчур хвастливыми, король сам обратился к этому офицеру:

— Разве вы не того же мнения, что и я? Разве у меня нет двух преимуществ над врагом: во-первых, его кавалерия не может ему служить; во-вторых, так как место ограничено, то многочисленность будет им только мешать. Таким образом, в действительности я буду сильнее.

Неизвестно, что Карл имел в виду, говоря о беспомощности русской кавалерии, но в целом его соображения были верны и полностью оправдались в ходе боя.

Русское войско, по крайней мере впятеро превосходившее численностью отряд Карла, растянулось под Нарвой на целых семь верст, так что на всех пунктах оказалось слабее шведов. Русское командование, проявляя удивительную беспечность, не приняло никаких мер против неожиданного нападения. Карл превосходно использовал эти обстоятельства. Почти не дав своим солдатам отдохнуть, он с наступлением ночи бросил армию на русские укрепления. Сигналом к атаке были две ракеты, а боевым кличем — «С нами Бог!».

Как только шведские пушки пробили брешь в укреплениях, шведы двумя колоннами двинулись в атаку со штыками наперевес. Сильная вьюга била в спину шведским солдатам, ослепляя русских и скрывая нападавших от глаз противника. В двадцати шагах ничего не было видно.

Карл XII в сражении под Нарвой.

Шведы буквально выросли перед русскими из снежной мглы. Основной удар Карл направлял на правое крыло русских, где, как он предполагал, находилась ставка царя (королю не было известно, что Петр отсутствовал). Не прошло и получаса, как среди русской армии воцарилась паника. Истошный крик: «Немцы изменили!» — распространялся по полкам, за считанные минуты превратив регулярную часть в толпу беглецов. Карл больше всего боялся, как бы дворянская и казачья конница Шереметева не ударила ему в тыл, но она, по словам шведского короля, была так любезна, что первой обратилась в бегство и кинулась вплавь через Нарову, потопив в ее волнах тысячу человек с лошадьми. Пехота побежала к мосту, который, не выдержав тяжести сотен бегущих людей, обрушился;

³² Шведы и другие иностранцы, в частности Вольтер, значительно преувеличивали силы русских под Нарвой.

множество беглецов утонуло. Река и берег в мгновение ока покрылись трупами. В страшном озлоблении русские солдаты направили свою ярость на иностранных офицеров, принявшись за истребление тех, кто последовал за своими бегущими частями. Герцог Кроа, наблюдавший это, в сердцах воскликнул: «Пусть сам черт дерется во главе таких солдат!» — и сдался в плен шведам с тридцатью высшими офицерами. Русский генералитет последовал его примеру.

Карл принял их любезно, как гостей. Он оставил в плену только генералов; прочие были обезоружены, доведены до реки и отправлены в лодках восвояси.

Но победа шведов была еще далеко не полной: Преображенский и Семеновский полки, огорожая рогатками и артиллерийскими повозками, стойко отбили все нападения шведов; отряд генерала Вейде тоже стоял еще твердо. Неразбериха распространилась и на шведскую армию. Два шведских отряда в темноте вступили в бой друг с другом и погубили немало своих. Солдаты другого шведского отряда, пробившись в русский лагерь, нашли там много вина и перепились. Численность сопротивлявшихся русских частей была еще вполне достаточной, чтобы перебить всех шведов, которые к тому времени потеряли 600 человек. Но разобщенность русской армии и отсутствие единого командования сыграли свою роковую роль. Генералы Автоном Головин, князь Яков Долгорукий и Иван Бутурлин, не зная ничего о Вейде и считая, что он тоже разбит, начали переговоры с Карлом и согласились отступить, отдав шведам всю артиллерию. Когда Вейде узнал об этом, ему не оставалось ничего иного, как последовать примеру товарищей.

Шведы между тем очень беспокоились, чтобы наступавший день не открыл глаза русским на истинное положение дел. Чтобы не терять времени, Карл согласился оставить русским солдатам оружие после того, как остатки русской армии прошествовали перед ним с непокрытыми головами, в знак признания поражения, а офицеры сложили у его ног свои значки и знамена; он сказал при этом, что поступает так из уважения к их храбрости. Победитель так боялся своих побежденных, что до рассвета поспешил навести новые мосты вместо рухнувших под напором бегущих и спровадил русских солдат за реку; генералов же и высших офицеров, в нарушение договора, удержали в плену, придравшись к тому, что русские не выдали шведам войсковой казны, о чем в договоре, однако, речи не было.

Среди пленных находился грузинский царевич Александр, наследник грузинского престола. Его отец, изгнанный в 1688 году из страны, нашел пристанище в России. Девятнадцатилетний царевич сопровождал нарвскую армию и был взят в плен несколькими финскими солдатами, которые раздели его и хотели убить. Граф Рёншельд освободил царевича, дал одежду и представил королю. Карл отправил его в Стокгольм, где он и умер несколько лет спустя. Судьба Александра произвела сильное впечатление на Карла, который сказал перед его отъездом в Швецию:

— Это все равно как если б я очутился в плену у крымских татар!

Тогда Карл не мог и предположить, что выбрал не самое необычное сравнение для возможного перелома в своей судьбе. Эти слова короля часто вспоминали после Полтавы.

21 ноября Карл торжественно вступил в Нарву в сопровождении Кроа³³ и пленного генералитета. В упоении от столь блестящей победы, король держался подчеркнуто рыцарственно. Он вернул пленникам шпаги и выдал им денежное содержание: 1000 дукатов герцогу Кроа и по 500 — другим офицерам. Затем король лично вычеркнул из победной реляции все, что было чересчур хвалебно для него и оскорбительно для побежденных. В Стокгольме была выбита медаль, на одной стороне которой у пьедестала Карла находились закованные русский, датчанин и поляк, на другой — Геракл с палицей и Цербером у ног.

³³ Герцог Кроа умер в Ревеле, не избежав своеобразного наказания за свое бесславное поведение под Нарвой. Его кредиторы, которым герцог много задолжал, не разрешили хоронить его труп, более ста лет пролежавший под стеклом в подвале одной церкви, не подвергаясь тлению. Тело Кроа было захоронено только в 1863 г.

Сражение под Нарвой осталось наиболее впечатляющим военным достижением Карла. От сокрушительного разгрома русской армии захватило дух не у одного шведского короля. Весть о небывалой победе разлетелась по всем уголкам Европы, и восемнадцатилетний король немедленно был зачислен в ряды блистательных, непобедимых полководцев. В Европе ходила медаль с изображением Петра, бегущего из-под Нарвы: бросив шпагу, потеряв шляпу, царь утирает платком слезы; евангельская надпись внизу гласила: *и исшед вон, плакася горько*. Но парадоксальным образом нарвская победа сослужила плохую службу Карлу, до самой Полтавы определив его отношение к побежденному противнику. «Молва об этой победе широко распространилась — слава ее осталась незабвенной, — пишет Оскар II, — а все-таки день Нарвы со всем своим блеском не был для Швеции и Карла XII счастливым днем. Победа, хотя и купленная довольно дорогою ценою, казалась выигранной слишком чудесно и легко и вызвала пренебрежение к противнику, которое сделалось семенем для обильной жатвы будущих бедствий. Великий царь понял вполне противника, хотя в то же время удивлялся ему. Он сумел извлечь поучение из собственной невзгоды и из характера своих врагов и воспользоваться этим уроком. Хотя это и послужило к ущербу нашей страны (Швеции. — С.Ц.), но по справедливости ему нельзя отказать в этой славе».

Действительно, Петр, узнав о разгроме, не впал в уныние. Уцелевшие от боя, голода и холода во время бегства русские ратники приплелись в Новгород, по выражению современника, «ограбленные шведами без остатка», без пушек, палаток и всего своего скарба. Царь встретил беглецов словами: «Они побьют нас еще не раз, но в конце концов научат нас побеждать». Позднее, спустя 24 года, уже «ногою твердой став у моря», прославленный император, собираясь праздновать третью годовщину мира со Швецией, имел мужество признаться, что начал шведскую войну как слепой, не ведая ни своего состояния, ни силы противника.

Между тем было от чего схватиться за голову. Потери осадного корпуса были весьма значительны: сам Петр считал убитыми 6000 человек, другие цифру погибших определяли даже в 12000; вместе с ранеными выбыло из строя не менее трети людей. Десятков восемь весьма высокооплачиваемых офицеров, в том числе 10 генералов, попали в плен. Шведский король выражал полное удовольствие, что так легко выручил Нарву, неприятельскую армию разбил и весь генералитет в полон взял.

Пользуясь тем, что Карл после победы не двинулся в русские пределы, царь развил бешеную деятельность, стараясь как можно скорее поправить положение. Князь Репнин получил приказ привести в исправность полки, шедшие «в конфузии» от Нарвы; лихорадочно стали укреплять Псков и Новгород. «Рвы копали, церкви ломали, — пишет современник, — палисады ставили с бойницами и около палисад окладывали с обеих сторон дерном; также и раскаты делали, а кругом окладывали дерном; а на работе были драгуны и солдаты и всяких чинов люди и священники и всякого церковного чина, мужеска и женска пола; а башни насыпали землею, а сверху дерн клали, работа была насыпная, а верхи с башен деревянные и с города кровлю деревянную всю сломали, и в то же время у приходских церквей, кроме соборной церкви, служб не было»... Петр, как обычно, сам следил за работой и жестоко карал за недосмотры и упущения. Раз, недовольный ходом работ, он велел бить провинившегося подполковника плетью прямо на месте работ нещадно, разжаловал его в солдаты и послал в смоленский гарнизон. В Москве повесили за взятки при приеме подвод некоего Леонтия Кокошкина, в Новгороде за то же Елисея Поскачкина. Такие же строгие меры применялись и в других случаях.

Одновременно с укреплением границ шло пополнение, переустройство и обучение армии. От нарвского погрома уцелел корпус Репнина; с потерями, но сохранив боевой дух, ушла из-под Нарвы гвардия, в меньшем порядке и почти без оружия пришел отряд Вейде.

Новый рекрутский набор должен был покрыть человеческие потери. Под Нарвой гибель всего дела началась с паники среди дворянской конницы Шереметева, занимавшей настолько выгодное положение частью с фланга, а частью и в тылу у шведов, что Карл серьезно опасался ее нападения и в решительное наступление перешел только после того, как удостоверился в бегстве русской конницы. Регулярной кавалерии у Петра было очень мало, и потому значительную часть нового набора он решил использовать на устройство десяти новых драгунских полков.

Почти всю свою артиллерию русская армия оставила в руках шведов, купив такой ценой почетное отступление гвардейских полков и отряда Вейде с оружием и знаменами. Артиллерийское дело приходилось заводить заново. Металла на пушки не хватало, и Петр приказал со всего государства, у «знатных» городов, церквей и монастырей, забрать часть колоколов на пушки и мортиры. Давний глава металлургического дела в России Андрей Виниус был облечен званием надзирателя артиллерии с поручением возобновить «наряд». К ноябрю 1701 года он изготовил уже больше 300 хороших орудий. В школу при заводе Виниус набрал 250 ребят, чтобы сделать из них пушечного дела мастеров.

Со всем тем Петр не намеревался прятаться в угол, как побитая собака, в ожидании, пока затянутся раны. Сразу после Нарвы царь предпринял наступление теми силами, которыми располагал. Через две недели после разгрома Шереметев получил такое письмо царя: «Понеже нельзя при несчастьи всего лишаться, того ради вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, то есть над конницею новгородскою и черкасскою, с которыми, как мы и прежде наказывали, да в ту пору мало было людей, ближних мест беречь и иттить вдаль для лучшего вреда неприятелю. Отговариваться нечем: понеже людей довольно, реки и болота замерзли... Паки пишу, не чини отговорки ни чем даже и болезнью не то почту, что она получена меж беглецами, товарищ которых майор Л. на смерть осужден. Питер». Шереметев незамедлительно двинулся к Мариенбургу, но был отбит шведским генералом Шлиппенбахом, который, в свою очередь, был оттеснен русскими, когда вздумал преследовать Шереметева на псковской земле.

Эти боевые действия еще представляли собой ряд сумбурных мелких стычек. Должно было пройти больше года, прежде чем русские одержали первую победу над страшным противником. 29 декабря 1701 года под Эрестфером Шлиппенбах был окружен Шереметевым и после жаркого боя бежал. Петр был в восторге. Шереметев получил орден Святого Андрея Первозванного и звание генерал-фельдмаршала.

Период ученичества русской армии закончился.

ГЛАВНЫЙ ВРАГ

Будьте такими, чей взор всегда ищет врага — своего врага.

Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.

1

Поражение под Нарвой и неудача саксонских войск под Ригой сделали необходимой новую встречу союзные государей. Она вскоре состоялась в Бирзене (Литва). Совместным буйным разгулом на протяжении нескольких дней русский царь и польский король демонстрировали самое тесное сближение. На пирах договорились о том, что в ближайшее время Август предоставит в распоряжение Петра 50000 немецких солдат, а Петр пошлет в Польшу 50000 рекрутов для обучения немецкому строю и выплатит Августу 3 миллиона талеров в два приема — это была своеобразная плата за дальнейшее участие польского короля в коалиции, и царь вынужден был пойти на этот расход.

В окружении шведского короля имелось немало сторонников заключения мира с

саксонским курфюрстом; среди них были министры, генералы и иностранные послы. Еще до отплытия под Нарву Карлу внушали, что следует заключить мир с Августом и вести войну только с Россией. Но Карл не хотел ничего слушать. Русских он совсем не опасался, они внушали ему только презрение. Высадившись в Пернау, он даже хотел оставить Нарву царю и идти против Августа — такую ненависть внушал ему этот государь, покусившийся на богатейшую провинцию Швеции (вспомним юношескую подпись Карла под картой Риги: «Бог мне дал, дьявол у меня не отнимет»). После Нарвы советы вести войну только с царем усилились, но Карл относился к ним с таким раздражением, что даже приказал докучливым советчикам вернуться в Стокгольм.

Фигура саксонского курфюрста настолько колоритна, а обстоятельства его вступления на польский престол сыграли такую значительную роль в последующих событиях, что на них следует остановиться подробнее.

Фридрих Август вступил на саксонский престол в 24 года и занимал его с 1694-го по 1733 год — 39 лет. Он стал первым польским королем из саксонской династии под именем Августа II.

По описаниям современников, Август обладал ненасытной чувственностью, необычайной жизнерадостностью и поистине богатырской силой. Эти качества уже в молодости сделали его европейской знаменитостью.

Саксония была самым богатым княжеством Германии, а дрезденский двор — самым пышным немецким двором. Выгодное географическое положение, процветающие торговля и промышленность способствовали распространению благосостояния на все сословия курфюршества. Стремлением к роскоши были известны уже дед и отец Августа Иоганн Георг II (1656-1680) и Иоганн Георг III (1680-1691). При них придворные празднества в Дрездене приводили в восторг любителей удовольствий — и это в век Людовика XIV! Вот что писал один французский путешественник о дрезденском дворе в 1669 году: «Двор курфюрста Саксонского один из самых блестящих и великолепных в Европе; здесь царят роскошь и любезность, и так как в Саксонии нет ни одного дворянина, не побывавшего за границей, то вполне понятно, что в Дрездене встречаешь только благовоспитанных людей, ведущих приятный образ жизни. Все саксонское дворянство очень любезно, и вы не найдете ни одного отца, который, обладая большими средствами, не приложил бы всех стараний, чтобы хорошо воспитать своих детей, дать им высшее образование и возможность побывать за границей и в особенности во Франции. Таким образом саксонский двор состоит преимущественно из прекрасно образованных людей».

Среди придворных увеселений любимейшими были катания на каруселях или на лодках по Эльбе, костюмированные балы и маскарады, блестящие фейерверки, карнавалы, процессии. Затем вошли в моду гостиницы, где курфюрст с супругой изображали хозяев, а свита представляла слуг и служанок; и деревенские свадьбы, на которых принцы и принцессы разыгрывали роли деревенского парня, его невесты, сельского священника, судьи и т. п. Особенно прославились великолепные катания в сани. Они, рассказывает очевидец, «отличались истинно царской роскошью. Некоторые сани, при несметном количестве серебряных колокольчиков, обвешивающих лошадей, стоят до тысячи талеров. Сани сделаны из самого разнообразного материала и в виде самых разнообразных фигур: триумфальных колесниц, раковин, сирен, дельфинов, львов и орлов, вырезанных необыкновенно искусно. Золото и серебро блестят со всех сторон, а так как катание обыкновенно устраивается вечером, при свете факелов, то зрелище производит впечатление еще большего великолепия. Каждый кавалер везет даму, случается, вовсе не желательную, потому что иногда пары составляются по жребию. По улицам и площадям Дрездена проносятся поезда из пятидесяти — шестидесяти саней, в сопровождении факелов, придающих картине особенную красоту». Не были забыты и более изящные удовольствия — опера и балы, даваемые в зале, где с потолка свисали семь люстр из серебра, каждая весом в три-четыре пуда.

На придворных появлялась дорогая бархатная одежда, шитая золотом и серебром.

Дворяне щеголяли каретами, внутри обитыми бархатом, а снаружи украшенными золотой и серебряной отделкой.

Входили в моду парики, которыми щеголяли приезжие французы. Первым парик стал носить маркиз Монтозье, очень бережно относившийся к своей голове (судьбе было угодно, чтобы маркиз умер от ранения именно этой части тела: во время осады одного города камень угодил ему в голову, но маркиз не позволил докторам сделать операцию на голове, сказав, что на свете и так полно дураков). Духовенство громило с кафедр новую «противохристианскую» моду, как ранее шаровары и бритье бороды. Сохранилась любопытная речь одного проповедника о дьявольских париках. В виде укоризны он избрал изречение Христа: «У вас же и волосы на голове все сочтены»³⁴. Проповедь, отпечатанная на восьми листах, имеет четыре раздела:

I. О происхождении волос, природе, свойствах и естественных случайностях.

II. О правильном пользовании человеческими волосами.

III. О напоминаниях, увещаниях, предостережениях и утешениях по поводу волос.

IV. Как следует за ними по-христиански ухаживать и с ними обращаться.

По названиям разделов читатель может судить о содержании этой великолепной проповеди. Достоверно известно, что красноречие ретивого проповедника пропало даром. Как только католическое духовенство запретило ношение париков, протестантская Саксония, следуя духу противоречия, немедленно облачилась в них.

Роскошь проникла и в низшие сословия. Земские чины жаловались: «Очевидно и бесспорно, что всякая богобоязненность, добронравие и скромность находятся в пренебрежении; взамен того распространяется легкомысленная роскошь, особенно в одежде как мужчин, так и женщин, благодаря новым заграничным модам, украшению множеством разноцветных лент платья, рубашек, панталон, плащей, носимых через руку, обнажению шей женщинами, дорогим материям не по средствам; каковое тщеславие, кичливость и расточительность проявляется на свадьбах, крестинах, похоронах и пирушках. Люди, которым это вовсе не подобает, обзавелись дорогими ливреями и княжескими экипажами; ни один сапожник или портной не желает больше приходить на свадьбу, он должен непременно приехать в экипаже».

В веселых странах мало читают Библию и охотно ухаживают за женщинами, говорил Стендаль. Судя по всему, Саксония была веселой страной. Можно только догадываться, чем могла бы стать Германия, если бы ее объединила не солдафонская Пруссия, а счастливо-беспечная родина Августа.

Придворная жизнь с ранних лет определила привычки и характер Августа. Свои досуги он делил между верховой ездой, фехтованием, стрельбой, танцами, борьбой, искусством управления шестеркой лошадей, игрой в мяч и прочими забавами. Не забывал и охоту: только за двадцать лет его пребывания на престоле при саксонском дворе было убито около 100000 диких зверей, в том числе 2000 волков и медведей, в то время водившихся в Германии в большом количестве. Атлетические занятия развили в Августе чудовищную силу. Он руками ломал подковы, сплющивал серебряные кубки, свертывал в трубку серебряные тарелки и даже талеры. В нюрнбергском цейхгаузе (арсенале) посетителям показывали ядро весом в 450 фунтов (184 с небольшим килограмма), которое он приподнимал одной рукой на полметра; четверо самых сильных рабочих с трудом отрывали ядро от земли на два сантиметра. Про курфюрста говорили, что в детстве он пил львиное молоко. Из уважения к силе Августа его именовали саксонским Геркулесом и Самсоном и дали прозвище Сильный.

Эти качества Августа не могли остаться незамеченными женщинами. Действительно, ни Людовик XIV, ни любой другой коронованный донжуан не могли похвастаться таким обширным списком любовниц. В добавление к первому прозвищу Августу дали и второе —

³⁴ Евангелие от Матфея, 10, 30.

«король-волокита». О его похождениях ходили легенды. Маркграфиня Байретская, сестра Фридриха Великого, в мемуарах серьезно пишет о 354 детях саксонского курфюрста, а один профессор приписывал ему 700 жен. Таким образом, Август почти сравнялся с царем Соломоном если не в мудрости, то в сладострастии, и это при том, что саксонские законы карали смертью супружескую измену.

Вот образец его любовных приключений. Август объездил все дворы Европы. В Мадриде, на приеме у Карла II, он увидел в королевской свите прекрасную маркизу Манцер. Август сразу воспылал к ней страстью и решил добиться ее любви любой ценой. Сделать это было нелегко: как водится в подобных случаях, маркизу зорко сторожил ревнивый муж. К тому же сама маркиза не спешила обратить внимание на саксонскую диковину. Августу удалось подкупить камеристку маркизы, донну Лору, которая доставляла своей госпоже его письма и подарки и наконец сумела склонить ее к состраданию «несчастному принцу». Свидание состоялось в полночь, в спальне маркизы. «Не стану описывать радости, — пишет лукавый повествователь, свидетель этой интриги, — охватившей обоих влюбленных при свидании, не стану передавать их беседу. Первую легко себе представить, вторая же осталась тайной, никому не поведанной. По-видимому, время пролетело для них быстро, так как они провели вместе три часа, и хотя маркиза решила сказать принцу, что свидание больше не повторится, однако у нее не хватило сил исполнить свое намерение. Они условились о новой встрече и несколько раз беседовали таким образом».

У этой истории был типично испанский конец. Маркиз Манцер дознался про эти посещения и купил трех наемных убийц, которым поручил убить курфюрста. Подкараулив его ночью в саду, троица внезапно набросилась на Августа, когда тот, ничего не подозревая, шел на свидание, и нанесла ему несколько ударов. Августу удалось выхватить пистолет и прострелить голову одному из нападавших. На шум подоспел слуга курфюрста, и бандитам пришлось несладко — еще один из них был застрелен, третий ранен. Раны Августа были незначительными, и он намеревался скоро возобновить встречи с возлюбленной. Но маркиз, узнав, что покушение не удалось, решил доставить себе удовлетворение другим способом. С кинжалом в одной руке и кубком с ядом в другой он вошел в комнату жены, где была и донна Лора. Даже не потребовав оправданий, он на месте заколол донну, а жене предложил выбор между кинжалом и ядом. Несчастная женщина на его глазах осушила кубок. Маркиз свалился в горячке и последовал за супругой через несколько дней.

Август же отправился в Италию к новым победам.

2

Успехи у женщин не заглушили в Августе честолюбия, более приличного государю. Когда 17 июня 1696 года скончался знаменитый польский король Ян Собеский, некогда освободивший вместе с отцом Августа Вену от турок, саксонский курфюрст выставил свою кандидатуру на польский престол.

Польша, объединенная с Литвой в одно государство, носила название Речь Посполитая. Плодородная обширная страна с многочисленным населением жила в основном за счет земледелия. Промышленность пребывала в забвении; торговля находилась в руках иностранных купцов — англичан, немцев, французов, а еще больше — евреев, у которых было здесь 300 синагог. Торговцы покупали у крестьян по низкой цене хлеб, скот и другие продукты и везли в Данию и Германию, где сбывали втридорога.

Крепостное крестьянство находилось в полной зависимости от шляхты, владевшей правом суда и смертной казни. Подобно саксонским дворянам, верхушка польского общества щеголяла европейским лоском, в то время как большинство населения еще жило в мире библейских образов. Интересно, что Польша, хотя и не была в древности затронута римским влиянием, оставалась единственной страной в Европе, где продолжали в обиходе говорить на латыни; знанием языка католической Библии могла похвастать даже прислуга.

Исключительность государственного строя Речи Посполитой заключалась в том, что она сохранила название республики наряду с королевским достоинством. Каждый дворянин мог подавать голос за короля и сам быть избранным королем. Этим правом шляхта торговала, и так как сами поляки редко бывали богаты, польскими королями часто становились иностранцы.

Дворянство и духовенство защищали свободу от короля и отнимали ее у народа. Дворянин был полностью независим и практически ненаказуем. Мелкопоместная («загоновая») шляхта шла в услужение к панам за вознаграждение, предпочитая службу занятиям торговлей и промышленностью. Ухаживая за лошадьми хозяина, эти люди называли себя избирателями королей и истребителями тиранов, замечает Вольтер.

Власть польских королей была сильно ограничена: договор, заключаемый ими с дворянством при вступлении на престол (*pacta conventa*), освобождал от клятвы подданных в случае, если сам король оказывался неверен подписанным условиям.

Король назначал на все должности и жаловал все знаки отличия. Наследственное право сохранялось лишь на землю и звание дворянина; титулы не наследовались. Но король не мог отнять однажды пожалованную должность, а республика могла отнять у него корону.

Дворянство, продавшее королю свои голоса на избирательном сейме, часто изменяло своим настроениям. Боясь усиления королевской власти, оно постоянно составляло против нее заговоры. Те, кого король назначал на должности и не мог сменить, легко становились его врагами. Королевские фавориты были ненавистны остальным, поэтому в стране постоянно существовали по крайней мере две враждебные партии.

Высший законодательный орган страны — сейм — состоял из двух палат: сената, куда входили воеводы и епископы, и нижней палаты, где заседали депутаты от воеводств. На сейме решающий голос имел примас³⁵, архиепископ Гнезненский — наместник королевства в междучарствование и второе лицо после короля. Каждый депутат сейма имел право *veto*, и если дворянин, воспользовавшийся этим правом, покидал заседание, то сейм распускался.

Враждующие партии образовывали конфедерации, в которых дела решались большинством голосов. Конфедерации существовали не по закону, а по обычаю и действовали именем короля, хотя часто без его согласия и против его интересов. После окончания беспорядков сейм утверждал или отменял акты конфедераций. Сейм также мог отменить решение предыдущего сейма.

Шляхта была главной военной силой Речи Посполитой. Республика без труда выставляла по первому требованию 100-тысячную армию (королю сделать это было гораздо труднее). Однако эта армия медленно двигалась и дурно управлялась. Необеспеченность фуражом приводила к тому, что войско не могло долго находиться в боевом порядке. Но чувство собственного достоинства и природная смелость рыцарства делали это войско страшным для врага. Его можно было победить, однако очень нелегко удержать победу. Поляки сравнивали себя с тростником, который выпрямляется, когда ветер стихает. В стране почти не было сильных крепостей; шляхта, подобно спартамцам, считала себя лучшими стенами городов. К тому же королю не разрешалось возводить крепости, из боязни, что это может усилить его власть. В основном укреплялись пограничные пункты, а сама страна была совершенно открыта. Во время мятежей или войн наспех сооружали земляные укрепления, исправляли старые и город часто бывал взят быстрее, чем эти работы оканчивались.

Войско Посполитое созывалось только по решению сейма или приказу короля в случае крайней опасности. Оно существовало за счет республики и состояло из двух корпусов: польского (36000) и литовского (12000); оставшееся необходимое число набирали из ополченцев. Начальники обоих корпусов действовали независимо друг от друга. Назначал их король, но отчет они держали лишь перед республикой.

³⁵ Примас (от лат. *primas* — первенствующий) — в католических и англиканских церквях почетный титул главнейших епископов.

Полковники были неограниченными хозяевами своих полков. Обязанность содержания солдат ложилась на их плечи, точнее, обременяла их карман, но так как им самим республика платила крайне редко, то снабжение армии осуществлялось за счет населения.

Вельможи на войну одевались пышнее, чем в быту; их походные шатры зачастую выглядели роскошнее их домов. Особым великолепием отличалась конница, составлявшая две трети войска. Она разделялась на гусар и латников. У каждого всадника было несколько слуг, ухаживавших за лошадьми. Кони составляли предмет особой заботы и гордости, их украшали сбруей с серебряными бляхами и гвоздями, вышитыми золотом седлами, позолоченными или массивными серебряными стремянами, длинными, волочащимися по земле чепраками, как у турок, роскоши которых поляки подражали по мере сил. В целом кавалерия представляла собой внушительное зрелище.

Пехота, напротив, была оборванна и плохо вооружена. Ее формировали из крестьян и не особенно заботились о ней. У солдат не было не только мундиров, но даже и сносной одежды. Однако польские пехотинцы, как и все славяне, стойко переносили голод и холод.

Боевой дух войска Посполитого был очень высок, но переменчив из-за полного отсутствия дисциплины. Армию отличали страсть к нападению и готовность разбежаться и вновь начать сражение; победа обыкновенно бывала отмечена ожесточенной резней и неистовым грабежом.

Тяжелые поражения, понесенные во второй половине XVII века поляками от русских, турок и шведов, подточили военное могущество Речи Посполитой. Яну Собескому еще удавалось удерживать международный авторитет Польши, но делать это было все труднее. В то время как королевская власть в Польше клонилась к упадку, в соседних с ней странах крепла мощь абсолютистских монархий. Часы истории отстукивали последний век существования Речи Посполитой, закончившей свое существование в 1796 году.

3

Королем Польши мог стать только католик, и Август, не имевший ни политических, ни религиозных предрассудков и считавший, подобно Генриху IV, что престол стоит обедни³⁶, принял католичество. Вероотступничество государя повергло Саксонию в ужас. Самые близкие люди отвернулись от него. Курфюрстина, жена Августа, заперлась в своих покоях, а впоследствии отказалась принять титул королевы и последовать за супругом в Варшаву.

Соперниками Августа в борьбе за польский престол были очень влиятельные государи и вельможи. О своем желании примерить древнюю корону Ягеллонов³⁷ заявили сын покойного Яна Собеского Яков и курфюрст Баварский. Но опаснее других были притязания французского принца Людовика Конти, двоюродного брата Людовика XIV.

Заручась поддержкой Австрии, не желавшей в преддверии войны с Францией за испанское наследство видеть у себя под боком короля-француза, Август придвинул к польским границам 8000 саксонских солдат. Одновременно он послал в Польшу своего любимца, тогда еще драгунского полковника графа Флемминга, поручив ему склонить на свою сторону польских магнатов. Двоюродная сестра Флемминга была замужем за великим коронным казначеем Пржебендовским, благодаря чему Флемминг обладал значительным влиянием в Польше. Коронный казначей еще раньше подал надежду Августу, откровенно поставив единственное условие — «не жалеть для этого денег». А в щедрости с саксонским

³⁶ «Париж стоит мессы!» — известные слова Генриха Наваррского, предводителя французских протестантов, который согласился перейти в католичество, чтобы овладеть французским тронном.

³⁷ Ягеллоны — потомки великого литовского князя Ягайло, ставшего польским королем. Его династия правила в Польше в 1386-1572 гг.

курфюрстом было трудно сравняться.

Началась торговля за корону. Яков Собеский предложил избирателям 5 миллионов талеров, принц Конти — 10 миллионов. Августу для успеха надо было дать по крайней мере столько же. К счастью для него, аукционный молоток еще не опустился.

Саксонский курфюрст нашел поддержку у венских иезуитов, которые приняли в залог его драгоценности и открыли ему кредит у своих орденских братьев в Польше. Несмотря на это, первое время казалось, что корону все-таки получит Конти, за которого стоял примас Польши, алчный и честолюбивый архиепископ Гнезненский Радзивильский.

Флемминг сумел привлечь на сторону Августа вице-примаса; еще весомее было то, что в пользу саксонского курфюрста открыто высказался имперский посол. В июне 1697 года избирательный сейм начал заседания. Добиться единогласия не удалось ни одному из претендентов. Сторонники примаса выбрали Конти, а сторонники вице-примаса — Августа, и то лишь после того, как Флемминг роздал сенаторам еще почти 2 миллиона лир.

Составились враждующие конфедерации. Дело должна была решить сила. Тут-то и обнаружилось превосходство саксонского курфюрста. Франция была далеко, а саксонские войска — рядом; к тому же Петр I держал наготове у польских границ многочисленную армию (Конти был нежелателен для России, так как Франция поддерживала турок, с которыми воевал тогда русский царь). Август смело двинул армию на Варшаву. На границе его встретила лояльная депутация от республики, и Август без колебаний направился в древнюю столицу Польши Краков, где происходили коронации. 12 сентября новый, еще далеко не всеми признанный король торжественно вступил в город.

Во главе процессии ехали верхом краковские купцы и горожане; за ними двигались: польская гвардия, два драгунских полка, 24 пажа, 24 королевских коня в красных бархатных, вышитых серебром пополах, 22 королевские кареты, 40 мулов в желтых пополах саксонского курфюрста, 8 любимых лошадей короля, со сбруей и седлами, украшенными драгоценными камнями, 21 барабанщик и 2 литавщика. Затем следовали саксонские министры и кавалерия — кирасирский полк и гусары, — польское дворянство, сенаторы, вице-примас, коронный маршал князь Любомирский и, наконец, сам Август на сером коне, седло и сбруя которого были украшены бриллиантами и рубинами. Король был облачен в польское одеяние из золотой парчи, обшитое горностаем, и голубой жилет с перевязью; шесть представителей городского магистрата несли над ним балдахин из красного бархата. Короля окружали 50 пеших телохранителей в желтых швейцарских кафтанах. За Августом шествовали имперский посол и остальные сановники. Замыкали процессию две роты конной лейб-гвардии и полк лейб-кирасир. В шествии участвовали также 40 верблюдов, нагруженных золотом и серебром.

Польский король Август II.

Краковцы решили, что с таким королем можно жить. Три дня спустя Август короновался древней короной Ягеллонов. Коронация была обставлена с не меньшей пышностью. Август явился в собор в наряде собственного изобретения, очень напоминавшем маскарадный костюм и представлявшем смесь германско-рыцарского, древнеримского и польского одеяний. На нем была кираса, под ней — римская туника, поножи, с плеч свисала голубая бархатная, затканная золотыми цветами мантия, подбитая горностаем. Король был обут в сандалии, с которыми несколько комично сочеталась большая шляпа с султаном из белых перьев. Бриллианты на королевском костюме оценивались более чем в миллион талеров. Во время литургии произошла смутившая всех неприятность. Часа через три после начала торжества Августу стало так жарко в его наряде, что он лишился чувств, — по странному стечению обстоятельств именно в тот момент, когда епископ начал читать символ веры. Не вспомнить о недавнем протестантском прошлом короля было невозможно. С Августа сняли кирасу, привели его в себя, дочитали символ

веры, три раза прокричали «Vivat rex!» — «Да здравствует король!», пропели молебен и наконец вручили ему державу и скипетр под ружейную и пушечную пальбу в городе.

Между тем принц Конти высадился в Данциге, чтобы изгнать Августа. Эта экспедиция не имела успеха. При Оливе принца чуть не захватили в плен саксонские солдаты, и через несколько недель после высадки в Данциге те же горожане проводили незадачливого претендента восвояси.

Но и Августу его новое королевство доставляло мало радости. Он лишился всякой поддержки почти сразу после коронации, благодаря именно тем мерам, которые принял, чтобы всех собрать под свои знамена. Привыкнув в Саксонии к абсолютной власти над дисциплинированными немцами, он прилагал все усилия, чтобы превратить свою власть в Польше в наследственную. Этим он восстановил против себя даже тех магнатов, которые ранее поддерживали его. В 1699 году короля вынудили вывести из Польши саксонские войска, оставив с ним только 1200 гвардейцев.

Единственное свое спасение Август видел в войне.

4

Август пострадал в Северной войне больше всех, хотя приходился родственником Карлу XII — они были двоюродными братьями (их матери, обе — датские принцессы, были сестрами). Именно ввиду родства Карл и не мог простить Августу покушения на Лифляндию, решив вести войну до тех пор, пока не свергнет вероломного родственника с польского престола.

Надолго позабыв после нарвской победы о русских, Карл сосредоточил все усилия на изгнании саксонцев из Курляндии. Шведский король располагал в Лифляндии 44000 человек (16000 кавалеристов и 28000 пехотинцев); в Швеции осталось 20000 солдат, в Померании, Бремене, Вердене находилось столько же — всего более 90000 человек. С такой армией чувствовать себя всемогущим мог и человек, менее Карла уверенный в своей непобедимости.

Перезимовав под Нарвой, шведский король направился под Ригу. Саксонская армия преградила ему путь, заняв позицию вдоль Двины, которая в этом месте весьма широка. Поскольку Август уехал из армии, командование саксонцами принял на себя маршал Стенау; с ним были герцог Курляндский и Паткуль. В распоряжении Стенау находилось 12000 человек и одна пушка без лафета.

Карл привел к Двине 15000 шведов. При таком соотношении сил переправа представлялась делом весьма трудным. Карл приказал построить транспорты с более высокими, чем обычно, бортами, которые могли опускаться, как подъемные мосты, — по ним шведы должны были сойти на берег. Другая хитрость заключалась в том, что король, учтя направление ветра, — с севера, откуда подходили шведы, на юг, где располагались саксонцы, — приказал зажечь огромные вороха сырой соломы. Ветер понес густые клубы едкого дыма на саксонцев, и Карл начал переправу.

Как обычно, король находился вместе со всеми. На середине реки он ободряюще крикнул Рёншельду:

— Ну что! Двина не будет злее копенгагенского моря! Поверьте мне, генерал, мы их разобьем.

Через четверть часа барки подошли к другому берегу; короля едва уговорили не высаживаться с первым отрядом. Шведы сразу выгрузили пушки и открыли огонь по неприятелю. Ветер вскоре рассеял дым, и саксонцы увидели идущие на них синие шеренги.

Стенау повел на них отборную кавалерию. Шведская пехота была смята и преследуема до реки. Но Карл вновь собрал ее там так же легко, как на параде. Стенау был отброшен, и шведы вышли на равнину.

Теперь в смятении пребывали саксонцы. Видя это, Стенау отвел их к месту, окруженному лесом и болотом, где находилась его единственная пушка. Здесь саксонцы

воспряли духом и мужественно встретили атаку шведов. Герцог Курляндский ободрял их, показывая чудеса храбрости: он трижды врывался в середину шведской гвардии; под ним пали две лошади. Наконец его сбросили с коня ударом мушкета, и саксонские кирасиры вытащили его, полумертвого, из-под копыт. Саксонцы на этом участке пришли в беспорядок, за ними смешались и прочие.

Узнав о поражении своих войск в Курляндии, Август пришел в бешенство. Передают, что он получил эту весть, когда сидел в седле. Король прищипорил коня и мчался до тех пор, пока не загнал бедное животное. Тогда он соскочил на землю и саблей отрубил коню голову.

Все города Курляндии сдались шведам без боя. Летом 1701 года Карл въехал в Митаву, столицу герцогства. Не останавливаясь здесь, он проследовал дальше в Литву. Шведский король признался, что почувствовал удовлетворение, войдя в местечко Бирзен, где недавно встречались Август и Петр. Здесь он задумал лишить Августа трона.

За одним из королевских обедов некий немецкий полковник громко заметил, что стол шведского короля сильно отличается от пиров Августа и Петра, и не в лучшую сторону.

— Да, — сказал Карл, вставая, — тем легче я расстрою их пищеварение.

ПОЛЬСКАЯ ОХОТА

Каналья! Все у нас украл.
Фридрих II.

1

С приближением Карла к польским границам Август все явственнее видел, что перспектива войны со Швецией не вызывает у поляков особого энтузиазма. Они боялись оказаться зажатыми Августом в тисках между Саксонией и Лифляндией; кроме того, союз короля с русским царем, позволивший русским войскам передвигаться по польской территории, оскорблял их национальное чувство.

Перед началом войны в Речи Посполитой сложились две враждующие партии: князя Сапеги и вельможи Огинского. Август опирался на первую партию. Теперь, после захвата шведами Литвы, положение польского короля внутри страны значительно ухудшилось. Литовская армия, и без того небольшая, была почти истреблена Карлом. Немногочисленные сторонники Августа рассеялись по стране маленькими отрядами и мародерствовали.

В самой Польше коронное войско вместо 36000 человек едва насчитывало половину, но и эти люди были ненадежны; шляхта, не получая от короля жалованья, колебалась в своих настроениях.

Сторонники Огинского и примаса еще ранее требовали от короля созыва сейма, чтобы декларировать нейтралитет Польши в военных действиях как ведущихся Августом исключительно в качестве саксонского курфюрста. Король должен был пойти на созыв сейма 2 декабря 1701 года в Варшаве. С первых же заседаний Август заметил, что власть шведского короля на сейме, по крайней мере, равняется власти самого Августа. Приверженцы Сапеги, Любомирского, государственного казначея, — тех вельмож, которые больше всех были обязаны Августу, — уже более или менее явно держали сторону Карла.

Самым опасным врагом польского короля оставался примас, председатель сейма. Руководимый своим честолюбием и любовницей, прозванной злыми языками Кардинальшей, он несколько лет, прошедших после избрания Августа на польский престол, терпеливо ждал своего часа. Теперь он увлек за собой всех недовольных королем.

Примас действовал осторожно. Со стороны могло показаться, что он хочет примирить короля с республикой. Он рассылал по стране циркулярные письма, проникнутые, казалось, духом смирения и любви, — старая уловка из широкого набора святейших провокаций

политиканствующих прелатов; именем Христа он заклинал Карла дать мир Польше. На это Карл отвечал, что воюет не с поляками, а с Августом и саксонцами, что шведы пришли освободить Польшу от угнетения, но, не желая оказывать давления на сейм, пока остаются в Литве, надеясь, что поляки сами уладят свои дела, и так далее.

В результате секретных совещаний в доме примаса сейм принял решение: направить посольство к Карлу и одновременно потребовать у Августа отозвать из Польши саксонцев и не призывать на помощь русских. Фактически эти требования уже были лишними: остатки саксонцев, разбитых под Ригой, король отправил на зиму в Саксонию, а Петр еще не был в состоянии выполнить бирзенские соглашения о посылке Августу своих войск.

В конце концов интриги на сейме приобрели такой запутанный характер, что даже примас потерял над ними контроль. Образовалось столько партий, сколько вельмож чувствовали себя обойденными королевскими милостями или обещаниями примаса. Сегодня, на одном заседании, побеждали сторонники Августа, завтра, на другом, — его противники. Все кричали о свободе и справедливости и составляли тайные заговоры. Никто уже толком не знал, чего хотел, и 17 февраля 1702 года сейм разошелся, ничего не решив. Сенаторы остались в Варшаве (им было предоставлено право издавать предварительные законы, которые редко отвергались сеймом), чтобы присматривать за королем.

В такой ситуации Август предпочел, по словам Вольтера, получать законы от победителя, а не от подданных. Он направил к шведскому королю свою любовницу графиню Аврору Кенигсмарк с тайным поручением обговорить с Карлом условия мира.

Марии Авроре, дочери графа Конрада Христофора фон Кенигсмарка и его супруги Марии Кристины, урожденной графини Врангель из Стокгольма, было 34 года. Ее отец состоял поочередно на шведской и голландской службе и был убит бомбой в 1673 году при осаде Бонна.

Аврора была младшей дочерью в семье и отличалась необыкновенной красотой. Еще в двенадцатилетнем возрасте она обратила на себя внимание на бале-маскараде в Гамбурге, придя на него в костюме цыганки.

Она была среднего роста, стройна, хорошо сложена; ее большие черные глаза на прелестном лице сверкали огнем, умом, весельем. Вместе с тем графиня была умна и остроумна, скромна, приветлива, а ее доброта вошла в поговорку. Она получила прекрасное воспитание, говорила на немецком, французском, итальянском и шведском языках и читала древних авторов на латыни. Изысканные манеры она усвоила во время путешествий по лучшим дворам Европы. Август пленился ею еще до вступления на польский престол, и с тех пор графиня не раз оказывала сильное влияние на политику саксонского двора.

Взвешивая шансы на успех дипломатической миссии графини Кенигсмарк, Август исходил из трех соображений: Аврора была красива, опытна в государственных делах и имела влияние в Швеции через род Врангелей, к которому принадлежала по материнской линии. К тому же Карл не имел никакой причины сердиться на нее. Напротив, графиня однажды даже написала стихотворный панегирик Карлу, где заставила богов восторгаться различными добродетелями шведского короля. Стихотворение заканчивалось так:

Все боги, рассуждая о его деяниях,
Заранее помещали его в храм славы.
Только Вакх и Венера молчали.

Августу следовало бы обратить внимание на последнюю строчку. Впрочем, и сама графиня вряд ли сомневалась в том, что ей удастся очаровать шведского девственника.

Многое в тогдашнем положении Карла говорило за мир с Августом: восточные провинции Швеции в 1702 году уже начали переходить в руки Петра, Саксония же была далека и поход туда опасен. Польша пока не вступала в войну, несмотря на все усилия саксонского курфюрста, но вторгнуться в ее пределы означало увеличить число своих врагов; при этом война приняла бы несправедливый характер.

Сторонники здравого смысла в окружении шведского короля приняли графиню весьма любезно; граф Пипер легко пообещал ей аудиенцию у Карла. Однако все они еще мало знали своего короля.

Карлом владела одна мысль: свергнуть Августа с престола за его участие в коалиции. Сразу после переправы через Двину он издал манифест, в котором объявлял себя защитником польских вольностей, а Августа — тираном, поправшим их, и ставил себе цель лишить его короны для блага Польши и Швеции. Таким образом, с самого начала своих блестящих успехов Карл избирал для себя отдаленные цели, отражавшие только его личные стремления и непонятные его приближенным. Его душа викинга признавала только одну политику — порыв гордого сердца к бессмертной славе.

Старания Пипера добиться для графини Кенигсмарк аудиенции пропали впустую — Карл наотрез отказался ее видеть. Тогда графиня пошла на хитрость. Уверенная в том, что один взгляд, брошенный на нее королем, заставит его переменить свое решение, она подстерегла его на узкой тропинке во время охоты и, выйдя из кареты, пошла ему навстречу. Ее ждало жестокое разочарование. Король ей резко поклонился, дернул поводья и исчез. Это была единственная аудиенция, которой она могла добиться.

Вольтер, комментируя этот эпизод, галантно замечает, что графиня могла утешиться мыслью, что Карл, по-видимому, во всей Европе боялся только ее. На самом деле отношение короля к прекрасной посланнице было вызвано отвращением, которое она ему внушала. Карл знал, каким способом графиня добилась своего блестящего положения, и однажды в беседе обозвал ее грубым солдатским словом. К женщинам вообще Карл был равнодушен, женщин продажных он презирал.

Провал посольства графини Кенигсмарк стал полной неожиданностью для Августа. Его испугала непреклонность Карла. Чтобы сохранить видимость королевского достоинства, он вновь попытался вступить в переговоры — на этот раз через своего камергера графа Витцума. Граф должен был во что бы то ни стало добиться от Карла ответа на вопрос: где и как Карл соизволит принять посольство короля и Речи Посполитой? Новый посланник попал не на аудиенцию, а в тюрьму: Карл придрался к тому, что его бумаги недействительны, и отослал его в Ригу, где продержал три месяца. Это нарушение международного права было допущено откровенно по праву сильного. Карл заявил, что примет послов только от республики, а не от Августа.

Свои слова шведский король подкрепил действиями. Узнав о гибели маленького шведского отряда, перебитого литовцами, Карл, подобно разбуженному медведю, говорит его биограф Фриксель, двинулся к Гродно. Это переполошило сенат. Срочно было сформировано посольство из пяти сенаторов, которое встретило Карла в нескольких милях от города. Королю передали требования послов в отношении церемониала: послы хотели, чтобы король именовал республику Светлейшей, а им навстречу были высланы коляски. Карл пожал плечами и велел ответить, что он готов называть республику Прославленной, а что касается колясок, то он, король, их не держит, поскольку вокруг него много офицеров, но совсем нет сенаторов; к послам вышлют генерал-лейтенанта, и пусть они едут в шведский лагерь на своих лошадях.

Делать было нечего, послы согласились и на это. Карл принял их в своей палатке. Речи сенаторов были сбивчивы и неясны — было заметно только, что они не любят Августа и боятся Карла.

Карл, напротив, высказался вполне определенно: он все решит в Варшаве.

2

Вторжению Карла в Польшу предшествовал манифест, копиями которого примас и его партия в неделю наводнили всю Польшу. В нем король приглашал всех поляков соединить свою месть с его местью, уверяя, что интересы поляков и шведов совпадают. Манифест

произвел в Польше сильное впечатление. Сенаторы признали за Карлом звание протектора и были счастливы, что он удовольствовался этим титулом. Манифест шведского короля был опубликован в Варшаве, когда там находился Август.

При приближении шведов сенаторы разъехались — одни, чтобы отсидеться и переждать события, другие, чтобы поднять друзей против Августа. С Августом остались только императорский и царский послы, папский нунций и несколько верных кардиналов и воевод. Но даже они разрешили ему вызвать не больше 6000 саксонцев, зная о том, какое отвращение к ним питали поляки; однако и этот отряд, по требованию воевод, должен был находиться под командованием польского генерала и по заключении мира с Карлом немедленно отправиться назад в Саксонию.

Август выехал из Варшавы и опубликовал универсалы о созыве ополчения и войска Посполитого, но этот призыв остался пустым звуком. Большинство дворян предпочло остаться в своих поместьях. Тогда он тайно приказал саксонским министрам направить в Польшу 12000 человек и вдобавок потребовал от Австрии еще 8000 саксонцев, из числа тех, которые были ранее отряжены им в помощь императору против Франции. Это означало войну в Польше со всеми недовольными в надежде, что победа все оправдает.

Между тем шведское войско стремительно приближалось к Варшаве. 14 мая 1702 года горожане увидели у ворот человека со стриженной головой, в синем солдатском мундире и громадных сапогах, в сопровождении свиты. Короля узнали не сразу, но когда узнали, то открыли ворота по первому требованию. Карл распустил польский гарнизон и милицию, учредил шведские караулы и приказал населению сдать оружие. Размер контрибуции был им определен всего в 100000 далеров, чтобы не раздражать поляков излишне крутыми мерами.

Август сосредоточивал свои силы в Кракове. Он был очень удивлен прибытием туда примаса, который, видимо, хотел прогнать короля, не иначе как соблюдая все знаки приличия и почтительности. Примас добивался от Августа, чтобы тот сам послал его к Карлу. Он уверил короля, что Карл готов к разумному соглашению, и просил разрешения поехать к нему для выработки условий мира. Август разрешил то, чего он не мог запретить, тем самым дав примасу свободу вредить ему.

Примас увиделся с Карлом в Праге, предместье Варшавы, без всякого церемониала. Шведский король принял его в своем обычном мундире из толстого солдатского сукна с медными позолоченными пуговицами, в высоких сапогах и перчатках из буйволовой кожи, доходивших до локтя. Вместе с королем находились герцог Голштинский, Пипер и несколько генералов. Примас про себя отметил, что в королевской комнате нет обоев.

Беседа продолжалась около четверти часа, стоя. Затем Карл громко заявил:

— Я не заключу мира с поляками, пока они не выберут другого короля!

Эти его слова примас немедленно довел до сведения всех воеводств, уверяя поляков в своем огорчении и указывая на необходимость подчиниться победителю.

Август собрал в Кракове значительные силы. Он дождался своих саксонцев, получил от краковского дворянства обещание пролить за него всю кровь. Кроме того, Август мог располагать некоторыми частями войска Посполитого, явившегося к нему по его приказу. Всего под королевскими знаменами было около 24000 человек.

Карл с 12000 шведов уже спешил ему навстречу.

9 июля 1702 года противники встретились на равнине у Клишова, между Краковом и Варшавой. Войсками Августа командовали генералы Стенау и Шулленбург. Сражение началось с артиллерийского огня. При первых выстрелах герцог Голштинский, командовавший шведской кавалерией, был сражен ядром в поясницу. Узнав о смерти своего зятя, Карл закрыл лицо руками, чтобы скрыть навернувшиеся слезы (это были последние слезы, пролитые им по поводу смерти близкого ему человека, — сердце двадцатилетнего Карла уже достаточно очерствело для подобных чувств). Затем он внезапно пустил лошадь в карьер и во главе гвардии врезался в самую гущу саксонцев.

В этом сражении Карл впервые применил доселе неизвестный кавалерийский строй: атаку тесно сомкнутыми рядами, колено к колену, галопом. Ударная сила кавалерии при

таком построении увеличилась в несколько раз. Август сделал все, что мог. Он трижды лично водил саксонцев в атаку, но поляки, стоявшие на правом фланге, не выдержали натиска шведов и бежали.

Победа шведов была полной: они захватили лагерь Августа, знамена, артиллерию и военную казну. Битва у Клишова стала одной из самых блестящих побед шведского короля после Нарвы.

Побежденные отступили настолько быстро, что шведы не смогли преследовать их. С этого момента война в Польше потеряла характер правильных боевых действий и стала похожей на блестящую охоту по лесам и степям древней Сарматии, как называли Польшу древние римляне. Какой-либо стратегический план в действиях обоих противников отсутствовал. Карл стремился настичь своего врага в самых отдаленных уголках страны, Август — укрыться от преследования. Война, по выражению Ключевского, превратилась в длительное взаимное кровососание.

Август прежде всего устремился в Краков и заперся в нем. 31 июля кавалерийский авангард шведского генерала Стенбока в 300 всадников, при котором находился и Карл, подъехал к воротам древней польской столицы. Стенбок с угрозами потребовал, чтобы шведов впустили. Кастелян Виелепольский вступил с ним в переговоры, но тут к воротам подскочил Карл с криком:

— Ouvrez la porte!³⁸

Из любопытства кастелян приказал приоткрыть ворота, чтобы взглянуть на знаменитого героя, но тут же получил от Карла удар плетью по лицу и отскочил; шведы ворвались в город и стали рубить караулы. Карл вырвал фитиль из рук польского офицера, собиравшегося выстрелить из пушки, и поскакал вслед за кастеляном, спешившим укрыться в краковском замке. Король и его свита подоспели к воротам замка одновременно с беглецом — сопротивляться было бесполезно. Город сдался, Август усакал в Сандомир.

Карл разместил своих солдат по домам обывателей и наложил на жителей контрибуцию в 100000 риксдалеров. Но это не удовлетворило шведов. Граф Стенбок, назначенный губернатором города, велел открыть гробницы польских королей в церкви Святого Николая (молва утверждала о сокрытии там несметных сокровищ), однако шведы обнаружили в склепе только золотую и серебряную церковную утварь. Часть ее была конфискована, и Карл даже отослал одну чашу в подарок Шведской церкви. Страх перед ним был уже настолько велик, что этот грабеж не вызвал протестов у польских католиков.

Страсть Карла к военным забавам, помимо тех, которые доставляла ему сама война, позволила Августу получить передышку. На маневрах под Краковом с участием польской легкой кавалерии, сформированной Стенбоком из шляхты, преданной Карлу, королевская лошадь запуталась в палаточных веревках и упала. Карл сломал ногу выше колена и два месяца пробыл на попечении хирургов.

Распространился слух, что шведский король убится, упав с лошади. Это вызвало замешательство среди сторонников примаса. Воспользовавшись им, Август собрал в Сандомире сейм, где вновь привлек многих на свою сторону щедростью, обещаниями и приветливостью. Когда слух о смерти Карла не подтвердился, большинство польских вельмож были уже связаны клятвенными обещаниями с Августом. Сам примас поцеловал ему руку и присягнул вместе со всеми. Присяга заключала в себе слова, что имярек ничего не предпринимал и не будет предпринимать против короля. Август великодушно освободил примаса от первой части присяги, и он, краснея, произнес одну лишь вторую.

В результате сейм заявил, что Речь Посполитая будет содержать 50-тысячную армию за свой счет для нужд Августа и что шведам дается шесть недель для ответа на вопрос — согласны ли они заключить с Августом мир.

Карл в ответ созвал с помощью вездесущего примаса сейм в Варшаве для оправдания

³⁸ Откройте ворота! (*фр.*).

продолжения войны с Августом. Приближенные Карла вновь пытались склонить его на заключение мира с польским королем, указывая на успехи русских в Ливонии, где присутствие Карла могло стать необходимым. Но Карл пресек эти разговоры словами:

— Если бы мне пришлось оставаться здесь пятьдесят лет, я бы не ушел отсюда, пока не свергнул с престола польского короля.

Он предоставил Варшавскому сейму воевать словами с Сандомирским, а сам, усилив свою армию 14-тысячным корпусом, вытребованным из Швеции, ранней весной 1703 года отправился из Варшавы на северо-восток к Пултуску, где Август формировал новое войско. Разлив рек и отсутствие мостов задерживали движение шведов. Карл оставил пехоту на переправе через Буг (пехота на охоте не нужна), а сам с кавалерией устремился вперед, переплывая и переходя вброд реки и рассеивая мелкие отряды неприятеля.

На заре 1 мая Карл влетел в Пултук. Стенау располагал 10000 человек, у Карла было не больше того. Но саксонцы побежали, не дожидаясь боя; Стенау недолго сопротивлялся с двумя полками и был увлечен бегством. Часть саксонцев успела переправиться через Нарев и сломать мост, отчего другая часть была порублена шведами и взята в плен. Несколько саксонских офицеров старались отчалить от берега на пароме. Карл заметил это, догнал беглецов и лично арестовал генерала фон Бейста и его свиту, не признанный ими.

Шведы потратили больше сил на преследование, чем на само сражение.

Остатки саксонцев укрылись в Торне, старинном прусском городе на Висле, находившемся под покровительством Польши; Август бежал дальше. Карл сразу осадил город. На этот раз шведов было почти вдвое больше осажденных. Однако осада продолжалась полгода, так как Карл не успел подвезти пушки и ждал их прибытия морем. К концу этого срока от 6-тысячного гарнизона в строю осталось 1600 человек; 2500 солдат находились в лазарете, остальные погибли. Комендант Торна Робель согласился на безусловную капитуляцию. Солдаты гарнизона были объявлены военнопленными и отправлены в Швецию. Обезоруженного Робеля привели к королю, который возвратил ему его шпагу, щедро наградил и отпустил под честное слово не воевать против шведов.

Во время этой осады Карл часто подходил очень близко к стенам города, но его солдатское платье всякий раз выручало его — саксонцы не тратили зарядов на какого-то «солдата». Сам король, правда, не думал об этом, его забавляла опасность, которой он подвергался. Однажды он подошел к городским стенам вместе с офицером Ливеном, одетым в роскошное платье, и приказал ему встать за собой. Ливен колебался; в эту минуту саксонцы, привлеченные видом его платья, открыли огонь. Одно из ядер попало в Ливена и убило его. Смерть Ливена очень укрепила в Карле веру в то, что судьба охраняет его для великих деяний.

Все ему удавалось, он как будто присутствовал одновременно во всей Польше. Карл чувствовал себя хозяином обширных земель от Балтики до устья Днепра.

Только Данциг осмелился разгневать Карла. Когда 14 шведских фрегатов и 40 транспортов привезли 6-тысячное подкрепление с артиллерией и боеприпасами для осады Торна, этому каравану надо было подняться по Висле до лагеря Карла. Данциг расположен в устье этой реки. Он имел статус вольного города и пользовался привилегиями в Польше наравне с Торном и Эльбингом. На его свободу в разное время покушались Дания, Швеция и некоторые германские государства, но Данциг неизменно сохранял свободу, играя на разногласиях между своими врагами.

Стенбок от имени Карла созвал городской магистрат и потребовал свободного прохода по Висле и провиант для своих солдат. Магистрат колебался, и Стенбок угрозой применения силы заставил горожан не только выполнить свои требования, но и уплатить 100-тысячную контрибуцию.

Другой вольный город — Эльбинг, основанный тевтонскими рыцарями на одном из рукавов Вислы, не учел опыта Данцига и также долго колебался, давать ли шведам проход по реке. Эльбинг был наказан еще строже. 13 декабря Карл вошел в него во главе 4000 солдат со штыками на ружьях. Жители бросались перед ним на колени и просили о

милосердии. Оно было проявлено следующим образом: все горожане были обезоружены, шведы размещены на постой у них в домах; на магистрат была наложена контрибуция в 260000 экю; 200 городских пушек и 400 фунтов пороха перешли в собственность шведской армии.

Все это было предвестием падения Августа.

3

Август потерял королевство, но еще сохранял корону. Примас решил покончить с этой нелепостью. Уверенный в том, что король больше не вернется в Варшаву, он прибыл туда в сопровождении верных войск и угрозами и обещаниями составил великопольскую конфедерацию против Августа. Из его уст по-прежнему слышались только призывы к согласию и повиновению, но истинная цель его деятельности вскоре обнаружилась. Варшавский сейм объявил, что «Август, саксонский курфюрст, не способен носить польскую корону». Польский престол был единогласно признан свободным.

Вновь начались поиски короля. Карл (а следовательно, и сейм) желал, чтобы польская корона досталась Якову Собескому, который в это время находился в Бреславле (Силезия). Август решил устранить нежелательного претендента. Однажды, когда Яков с братом Константином охотились в лесу, 30 саксонских кавалеристов внезапно напали на них и захватили без сопротивления. Братьев сразу посадили на запасных лошадей и переправили в Лейпциг, где бросили в тюрьму.

Но и Август в свою очередь чуть не попал в плен. Как-то он сидел за обедом в трех верстах от Кракова, полагаясь на охрану, стоявшую чуть дальше. Кавалерийский отряд Рёншельда напал на саксонцев и обезоружил их, однако король успел вскочить на лошадь; погоня за ним продолжалась четыре дня, Август чудом добрался невредимым до Сандомира. Польша разделилась на две неравные части: Великая Польша бунтовала против Августа, Малая Польша поддерживала его. Обе партии называли друг друга изменниками отечества. Август метался между Польшей и Саксонией и звал на помощь русских.

После похищения Собеских вопрос о польской короне на какое-то время зашел в тупик. У Карла больше не было подходящих кандидатур. Пипер советовал ему возложить корону на себя, указывая, как легко это сделать сейчас с помощью верной партии и армии. Титул защитника лютеранства льстил Карлу. Он говорил, что легко сделать для Польши то, что Густав Ваза сделал для Швеции, — ввести в стране лютеранство и «порвать цепи народа». Однако, поразмыслив, он сказал Пиперу, что ему больше нравится раздавать короны, чем их захватывать.

— Вы же созданы для того, чтобы быть министром какого-нибудь итальянского государя³⁹, — добавил он, улыбаясь.

Князь Александр Собеский обратился к нему с просьбой о мщении за похищение родственников. Карл легко обещал помочь, так как это входило и в его планы. В конце беседы он неожиданно предложил Александру польский престол. Шведский король не ожидал отказа, но князь выказал благородство, сказав, что ничто не заставит его воспользоваться несчастьями брата. Карл, Пипер и другие, особенно молодой познанский воевода Станислав Лещинский, настойчиво уговаривали его, но тщетно. Князь стоял на своем. Карл был озадачен и не знал, что делать, — гневаться или удивляться. Впрочем, само предложение было не менее удивительно, чем отказ от него.

Один из присутствовавших при этом разговоре не догадывался, что корона польских королей достанется ему. Этим человеком был познанский воевода Станислав Лещинский,

³⁹ В Италии XIII-XVI вв. захват кондотьерами власти в городах-государствах был частым явлением. На это и намекал Пиперу Карл.

депутат Варшавского сейма, получивший аудиенцию у Карла для отчета о распрях на сейме после похищения Собеских. Его речь поразила Карла. Станислав Лещинский позже рассказывал Вольтеру, что сказал королю на латыни:

— Как же мы можем произвести выборы, если оба князя, Яков и Константин Собеские, в плену?

Карл ответил вопросом:

— Как освободить республику, не производя выборов?

Эта беседа привела Лещинского на престол.

Карл продолжал аудиенции с ним, чтобы познакомиться с его умом и характером. Позже он заявил, что не видел человека, более подходящего для того, чтобы примирить обе партии. Наведя о нем справки, Карл узнал, что познанский воевода малоизвестен, но храбр, умен, благороден, привык к труду, спит на соломе, не требует для себя лично забот от прислуги и являет собой редкий в Польше пример умеренности и экономии; его обожают крепостные, и это, быть может, единственный в Польше вельможа, у которого есть друзья. Если Любомирского называли могущественнейшим человеком Польши, а Карла Радзивилла — богатейшим, то Станислава Лещинского — честнейшим.

Выслушав все это, Карл громко произнес:

— Вот человек, который всегда будет моим другом.

Вскоре выяснилось, что эти слова означают: этот человек будет королем.

Оценка Карлом Лещинского была явно завышенной, особенно в том, что касалось его государственно-миротворческих способностей; правда, в личной преданности нового короля Карл не ошибся. Впрочем, и «изучение» Карлом Лещинского, и его высокое мнение о нем могли иметь причины, весьма далекие от государственных соображений. Скорее всего, шведскому королю понравились личные качества познанского воеводы. «Благородная внешность молодого дворянина... может быть, также мягкость и уступчивость характера расположили Карла XII в его пользу», — пишет Ф. Карлсон, биограф шведского короля. Станислав Лещинский был случайным человеком на польском престоле, попавшим туда по прихоти шведского короля и благодаря удачному стечению обстоятельств. Приведенный разговор с Александром Собеским свидетельствует, что Карл просто выбрал того, кто оказался под рукой.

Для поляков решение Карла оказалось полной неожиданностью. Примас поспешил к королю, желая предложить ему одного из Любомирских.

— Но что вы можете возразить против Станислава Лещинского? — спросил король.

— Ваше величество, он слишком молод, — ответил примас, но тут же понял, что допустил промах.

Карл сухо заметил:

— Он приблизительно одного со мной возраста.

Повернувшись спиной к примасу, король тотчас послал графа Горна объявить Варшавскому сейму, что в течение пяти дней следует выбрать Станислава Лещинского польским королем.

7 июля 1704 года Горн прибыл в Варшаву и назначил выборы на 12-е число. Примас приложил все силы, чтобы провалить их, но вслед за Горном в Варшаву инкогнито приехал Карл, и примасу пришлось замолчать. Он отсутствовал на выборах, бравируя бесполезным нейтралитетом.

12 июля, в субботу, в три часа пополудни, состоялось избрание. Вместо примаса председательствовал епископ Познанский. На заседании открыто присутствовали Горн и два шведских генерала как чрезвычайные послы Карла XII при Речи Посполитой. Заседание продолжалось до девяти часов вечера. Епископ Познанский закончил его провозглашением от имени сейма Станислава Лещинского избранным польским королем. Все шапки полетели в воздух...

Отсутствие на заседании примаса и других вельмож, пожелавших остаться нейтральными, вызвало раздражение у Карла. На следующий день он пожелал, чтобы они

публично засвидетельствовали свое почтение новому королю; самым большим оскорблением для них явилась необходимость сопровождать Лещинского до квартиры Карла. Шведский король оказал своему собрату все почести, ассигновал деньги и выделил войска для охраны.

Так в Польше оказалось два бессильных короля, из-за которых два могущественных государя продолжали войну.

4

Охота возобновилась.

Как было сказано, Малая Польша сохранила верность Августу. Здесь, подо Львовом, ему удалось собрать под свои знамена 23000 саксонцев, поляков и русских.

4 сентября Карл с одной кавалерией подошел к Львову, как обычно, бросив по пути пехоту и артиллерию. Требования шведов о сдаче города были отвергнуты. Львовский кастелян Галецкий не мог рассчитывать на милость шведского короля: он был одним из тех послов Августа, которые перед войной уверяли Карла в миролюбии своего государя. Такого вероломства, как мы знаем, Карл не прощал. Галецкий надеялся на городские укрепления и на украинского гетмана Мазепу, которого ожидали на выручку.

В это время Август, обойдя шведов, шел на Варшаву, чтобы выгнать оттуда Лещинского. Но Карл не торопился помочь союзнику, прежде он хотел рассчитаться с Галецким.

Ночь застигла шведов на марше, недалеко от города. Кавалеристы заблудились в лесу и рассеялись; вдобавок ко всему, как назло, разразилась страшная гроза. Карл остановился, приказал трубачам собрать солдат, а сам, завернувшись в плащ, лег на мокрую землю и заснул.

Дождь лил всю ночь. Наутро промокшая кавалерия подошла к стенам Львова. Многие из драгун были новобранцами, но Карл, не колеблясь, объявил штурм. Весь день и всю следующую ночь он учил новобранцев, как обращаться с ручными гранатами и штурмовать городские укрепления. Ранним утром 6 сентября три спешившиеся полка пошли на приступ.

Среди штурмующих находился и Карл. Генералы просили его уйти, но он отвечал им:

— Если вы хотите блюсти честь шведских солдат, то это тем более моя обязанность, так как я их король. Я должен находиться при моих ребятах и не могу иначе.

Карл был в числе первых, кто овладел валом. Преодолев ров и вал, шведы сели на плечи неприятелю, перешли мост и забросали гранатами защитников города. Все сопротивляющиеся были перебиты, но шведы не стали грабить город, а по сигналу построились на городской площади в боевом порядке. Туда привели остатки сдавшегося гарнизона. Карл приказал объявить при звуках труб, чтобы те горожане, у которых находится укрытое имущество Августа и его сторонников, сдали его до заката шведам под страхом смерти. Приказ возымел действие: шведами было конфисковано 400 ящиков золотой и серебряной монеты, горы драгоценной посуды и другие ценности.

Эпизод со взятием Львова великолепно характеризует отношение шведского короля к войне и политике: пока Карл упивался своей мстостью над Галецким, Август взял Варшаву и выгнал оттуда Станислава Лещинского.

Это событие произошло несколькими днями раньше срока, назначенного для коронации Лещинского. Вместе со Станиславом в Варшаве находилась его семья — мать, жена и две дочери, а также двор, состоявший из примаса, епископа Познанского и нескольких вельмож; короля охраняли 6000 поляков — войско, которое еще не было испытано. У коменданта столицы генерала Горна было под началом около 1500 шведов.

После отъезда Карла в Варшаву, казалось, все было спокойно, и Станислав хотел было уехать, чтобы принять участие в осаде Львова. Неожиданно у стен столицы появилось 20-тысячное войско Августа.

Варшава почти не была укреплена, к тому же приходилось опасаться сторонников Августа внутри города. Об обороне никто не думал. Станислав отправил в Познань свою семью под охраной тех солдат, которым доверял, и выехал вслед за ними к Карлу подо Львов; верная ему шляхта разъехалась кто куда. По дороге с семьей короля чуть не случилось несчастье: кормилица потеряла годовалую дочь Лещинского, Марию; он нашел ее в одной из деревень, в конюшне, в колоде, из которой поят лошадей. Судьбе было угодно развить этот почти евангельский сюжет — позже девочка стала королевой Франции.

Август вошел в Варшаву как грозный победоносный государь. Началась расправа со сторонниками Станислава. Жители были обобраны, дворец примаса разграблен, имения конфедератов под столицей конфискованы. Папский нунций требовал выдать суду Рима епископа Познанского — как соучастника короля-лютеранина. Рим давно учредил в Польше нечто вроде верховного суда во главе с нунцием; статус этого суда оспаривали только некоторые вельможи, и папа сохранял право судить всех духовных лиц Польши до 1728 года.

Август с удовольствием предал епископа Познанского в руки нунция. После ареста он был препровожден в Саксонию, где и умер.

Слабое сопротивление победителю оказали одни шведы. Горн заперся в варшавском замке, выдержал артиллерийский обстрел, но вскоре сдался.

Это была первая победа Августа в этой войне, победа, после которой надо было срочно удирать.

Карл форсированным маршем шел на Варшаву. Спешка была необычайная: конница выдвинулась далеко вперед, кавалеристы сутками не расседывали лошадей. Карл много ночей спал не под кровлей, а на сене возле бивачных костров; не было времени даже приготовить обед, и король питался черным хлебом, да и то только тем, что находил в провиантском мешке ближайшего солдата.

Города, находящиеся в окружности 30 верст от шведов, слали Карлу свои ключи. Успех стал привычен шведскому королю, он жаловался приближенным на легкость своих побед. Шведы считали победу обеспеченной, если вступали в бой в соотношении 1:5.

Август первым покинул Варшаву, передав руководство армией генералу Шулленбургу, но и Шулленбург предпочел отступить к границам Силезии, принадлежавшей нейтральной Австрии. Шулленбург был осторожным генералом, больше думавшим о сохранении армии, чем о победах. Он искусно скрывал свое движение, маневрировал и даже пожертвовал частью кавалерии, чтобы обеспечить отступление пехоте. Однако он никак не ожидал, что войска Карла, с которыми находился и Лещинский, одолеют 200 верст в девять дней.

Авангард Карла (4 драгунских полка) нагнал арьергард Шулленбурга (5000 пехоты и 1000 конницы) на самой границе с Силезией. Близился вечер, кони шведов были изнурены переходом. Но Карл не хотел ждать и отдал приказ атаковать саксонцев.

Вопреки распространенному тогда мнению военных, Шулленбург считал, что пехота может противостоять кавалерии без обычных рогаток, втыкавшихся в землю перед боевой линией. Он построил пехоту в каре, так, что она не могла быть окружена; первый ряд, вооруженный пиками и ружьями, встал на колени, второй ряд стрелков немного наклонился, давая возможность третьему ряду стрелять через головы двух первых.

Шведские драгуны легко опрокинули неприятельскую кавалерию, но их первые атаки на длинные каре саксонцев захлебнулись. Саксонцы держались стойко, хотя и несли тяжелые потери. Шулленбург лично руководил боем из глубины одного каре; он получил пять ран, все его адъютанты были убиты. С наступлением ночи ему удалось в полном порядке отвести свой корпус в Силезию — в город Гурнау.

Карл заночевал в крестьянской избе на самой границе, охраняемый несколькими телохранителями-драбантами. Шулленбург хотел напасть на него с 30 всадниками, но не смог отыскать охотников для такого предприятия.

Зато Карл, не задумываясь, перешел границу Силезии. Едва саксонцы отдохнули, Шулленбургу донесли, что в тылу его корпуса появились шведы. Шулленбург повел свою

наполовину уменьшившуюся пехоту через густой лес; шведская кавалерия, преследуя его, с трудом продиралась сквозь заросли. Саксонцы опередили преследователей на пять часов: когда Карл вышел из леса, он увидел, что Шулленбург и его корпус находятся на другом берегу реки Парте.

Карл не удержался от восклицания:

— Сегодня Шулленбург победил нас!

Король считал, что после удачного сражения его честь требует взять в плен Шулленбурга и остатки его корпуса⁴⁰.

«Блестящее отступление» Шулленбурга продолжалось в течение октября. В начале ноября военные действия прекратились, и шведы расположились на зимние квартиры вдоль силезской границы.

5

1705 год прошел в ожидании коронации Станислава Лещинского.

Август отступил в Саксонию и укреплял Дрезден.

Русские заняли почти всю Лифляндию.

Карл оставался на зимних квартирах до августа, заявляя, что не хочет «оказывать помощь полякам» против Августа, пока Станислав Лещинский не коронован.

Шведские генералы занялись доставкой земских послов на коронационный сейм. К октябрю все препятствия для коронации были устранены, только Ватикан отказывался признать Станислава. Папа Климент XI разослал грамоты всем польским епископам, в том числе и примасу, чья тираноборческая энергия теперь была направлена и против Станислава Лещинского. В грамотах папа грозил епископам отлучением, если они будут присутствовать на коронации или оспаривать право Августа на польский престол.

Карл и Станислав приняли меры, чтобы папские грамоты не дошли до Варшавы. В польскую столицу их должен был доставить один францисканский монах. Он лично вручил первое письмо холмогорскому викарию, который показал нераспечатанный конверт Станиславу. Лещинский приказал доставить к себе монаха. Он спросил его, как тот смел взять на себя такое поручение; францисканец ответил, что сделал это по приказу генерала ордена. Станислав, чуждавшийся крутых мер, ограничился высылкой монаха из Варшавы, сделав ему внушение, чтобы впредь в светских делах он больше слушался короля, чем духовное начальство.

В тот же день шведский король издал манифест, содержавший запрещение духовенству под страхом сурового наказания вмешиваться в государственные дела. Для верности к дверям всех прелатов, съехавшихся на сейм, были приставлены шведские часовые, а въезд в город иностранцев был ограничен. Все эти указы Карл подписал своим именем, чтобы не ссорить Станислава с духовенством. Сам он подобных ссор не боялся и говорил, что отдыхает от военных трудов, препятствуя интригам папы, против которых, по его мнению, надо бороться с помощью бумаги, а не оружия.

От примаса Карл потребовал совершения церемонии коронования. Примас оказался между двух огней: угрозой папского отлучения при выполнении этого требования и гневом шведского короля в случае отказа приехать. В первом случае он, по-видимому, терял больше. Желая заpastись законным предлогом, чтобы остаться в Данциге, где он в то время находился, примас велел слуге ночью наклеить у ворот своего дома папскую грамоту; всполошившийся магистрат пытался найти виновника, но безуспешно. Примас притворился разгневанным и... несколько дней спустя умер. Он оставил по себе память самого вздорного

⁴⁰ Впоследствии Шулленбург стал генералом Венецианской республики, которая поставила ему статую на острове Корфу за оборону острова от турок.

человека своего времени, успев поссориться к моменту своей смерти с тремя королями — Карлом, Станиславом и Августом, а также с республикой и папой, который незадолго до того вызвал его в Рим с отчетом. Справедливости ради следует сказать, что перед смертью примас продиктовал письмо Августу, прося его о прощении.

Коронация Станислава состоялась 4 октября 1705 года в Варшаве, несмотря на древний обычай короновать польских королей в Кракове. Архиепископ Львовский в сослужении со многими другими епископами, презревшими папский указ, совершил над Станиславом и его женой Шарлоттой Опалинской обряд коронации. Карл наблюдал церемонию инкогнито.

Шведы пребывали в бездействии до конца года, разбив лагерь недалеко от Варшавы. Солдаты страдали от холода в открытом поле, но Карл испытывал их терпение, живя в палатке, куда на ночь приказывал приносить раскаленные ядра.

Между тем 20-тысячное русское войско под командованием Меншикова и Огильви, нанятого на русскую службу в Вене на три года, было двинуто Петром на помощь Августу к Гродно. С началом зимы Карл поспешил навстречу русским по снежным пустыням Подляхия и Литвы. Солдаты долго не знали, куда их ведут. Думали, что в Лифляндию на зимние квартиры, оказалось — к Гродно. Начинался новый сезон травли саксонского курфюрста.

Путь на Гродно пролегал по безлюдным пущам, убежищам зубров и лосей, по рекам, покрытым еще таким тонким льдом, что на него приходилось настилать солому и поливать ее водой.

13 января 1706 года шведы вышли к замерзшему Неману. На противоположном берегу располагались саксонские форпосты. Карл лично повел гвардию по льду и затем вверх по крутому берегу. Союзники уклонились от сражения и укрылись в Гродно. Городские валы обледенели, и осадить город было нельзя. Карл очутился в опустошенной стране между Гродно и Вильной, где его солдаты в лесах и под снегом отыскивали скудное пропитание, спрятанное населением; обед самого Карла состоял из куса черного хлеба.

Но и в Гродно ощущался недостаток припасов. Август, по обыкновению, выехал из города. Огильви и Меншиков ждали спасения от русско-саксонского корпуса Шуллербурга, двигавшегося на помощь союзникам.

Карл отрядил навстречу Шуллербургу корпус генерала Рёншельда.

Карл Густав Рёншельд был родом из Штральзунда (шведская Померания), где его отец состоял членом городского суда. Внешность Карла Густава — бесцветный блондин с повелительным, холодным взглядом, заостренным носом и упрямо сжатым маленьким ртом — вполне отражала его характер. Это был суровый и усердный служака, умелый полководец, проявлявший недружелюбное высокомерие по отношению к подчиненным и сослуживцам. Он учился в Лундском университете, но вскоре выбрал военную карьеру. В Сконской войне с Данией в 1670-х годах он обнаружил личное бесстрашие и способности военачальника. С тех пор Рёншельд быстро продвигался по службе: в 27 лет он был уже подполковником. Как мы видели, он участвовал в походах Карла XII, начиная со взятия Копенгагена, почти безотлучно находясь при короле. Его называли Парменионом⁴¹ северного Александра. Наивысшим достижением пятидесятилетнего полководца стало сражение с Шуллербургом под Фрауэнштадтом 12 февраля 1706 года.

Корпус Рёншельда насчитывал 13 батальонов и 22 эскадрона — около 10000 человек. Шуллербург переправился через Одер, имея 20000 саксонцев и до 7000 русских.

Сражение продолжалось не более четверти часа. Панический страх охватил союзную армию быстрее, чем под Нарвой. Небольшое сопротивление оказали только русские. Шведы подобрали на поле боя 7000 заряженных ружей, брошенных беглецами. Саксонские генералы позже уверяли, что диспозиция Шуллербурга была превосходна.

⁴¹ Парменион — полководец Филиппа II и Александра Македонского, занимал после царя наиболее высокое положение в армии. Александр приказал убить Пармениона из страха мести за гибель его сына Филота, казнённого царем в 320 г. до н. э.

Потери союзников составили около 5000 человек: в основном это были русские, державшиеся дольше всех и почти поголовно истребленные; саксонцев погибло не более 700 человек.

Рёншельд отметил победу гнусным злодеянием, приказав перебить всех русских пленных. Спустя шесть часов после сражения шведы окружили кольцом 500 пленников и начали избиение. Русские умоляли о милосердии, но, говорит очевидец, «тут же без всякой пощады были в этом кругу застрелены и заколоты, так что они падали друг на друга, как овцы на бойне». В Журнале Петра Великого говорится, что шведы, «ругательски положи человека по 2 и по 3 один на другого, кололи их копьями и багинетами⁴²».

Часть русских пленных пыталась выдать себя за саксонцев, одетых в красные мундиры. По их совету русские выворачивали наизнанку свои мундиры с красной подкладкой. Хитрость была раскрыта. «Узнавши, что они русские, — пишет другой очевидец, — генерал Рёншельд велел вывести их перед строем и каждому прострелить голову; воистину жалостное зрелище!»

Эта бойня по своему масштабу и холодному расчету, с которым ее задумали и привели в исполнение, была необычна по тем временам. Рёншельд первым нарушил правила обращения с военнопленными, показав пример многим шведским и русским полководцам. Обыкновенно пленных тут же перевербовывали, как это случилось, например, с полком французов, взятым в плен саксонцами в 1704 году после битвы при Гохштете, несчастной для армии Людовика XIV. Теперь этот драгунский полк, которым командовал полковник Жуазе, убитый при первых же выстрелах, был целиком принят Рёншельдом на шведскую службу (из дальнейшего изложения станет ясно, что эпопея французских драгун на этом не закончилась). Решение шведского генерала перебить русских пленных можно объяснить только личной жестокостью Рёншельда, раздраженного победами русских в Лифляндии, и тем, что русские, в отличие от саксонцев и французов, имели в его глазах очень мало цены как перевербованные ратники. Презрение к русским солдатам прочно укоренилось в шведских военных со времен Нарвы.

6

Теперь, после поражения Шуленбурга под Фрауэнштадтом, положение русских, запертых в Гродно, лишенных подвоза провианта и военных запасов, стало критическим, тем более что на помощь Карлу спешили победитель саксонцев Рёншельд и вытесненный Шереметевым из Лифляндии Левенгаупт. Огильви и Меншиков потеряли от голода и болезней половину людей. Петр, верный своему основному плану — бить шведов по частям, — категорически запретил гродненскому корпусу ввязываться в генеральную баталию со шведами и еще до поражения саксонцев предлагал Огильви и Меншикову отступить из Гродно, бросив в Неман тяжелые орудия (15 пушек): «лучше о целости всего войска заботиться, нежели о сем малом убытке». Но пока Неман был покрыт льдом, отступление с ослабленными частями, при 4000 больных, представлялось слишком опасным делом; только в начале апреля, воспользовавшись вскрытием Немана, русские тайно оставили Гродно и направились через Брест-Литовск и Волынь к Киеву, расставляя по пути маленькие отряды, которые в непроходимых местах преграждали дорогу шведам.

Шведы прозевали отход русских, а когда спохватились и навели мост, ледоход снес его; только через пять дней Карл смог броситься вслед за Огильви и Меншиковым по весенней распутице.

Насколько необходимо было это преследование? Советники шведского короля указывали ему другие возможные направления движения: на север, чтобы избавить свои

⁴² Багинет — штык.

владения от присутствия русских войск; на восток, где находился Петр с большой армией; наконец, на запад, в Саксонию, чтобы окончательно добить Августа. Но Карл продолжал идти на юг — в неизведанные страны. Шведские историки оправдывали его поход тем, что он хотел преградить дорогу Огильви и наказать верного Августу Вишневецкого, у которого в Полесье были громадные имения. Скорее же всего викингскую натуру Карла привлекали трудности нового похода и его романтичность.

А трудности оказались из ряда вон выходящими. Сплошные болота Полесья в апреле превратились в громадные озера. Редкое население спасалось в лесах и за болотами; крестьяне истребляли мелкие шведские отряды, посылаемые за провиантом. Продвижение осложнялось русскими заградительными отрядами. Около монастыря Березы среди лесов и бездонных болот тянулась узкая дорога, перерезанная несколькими разрушенными мостами; в конце ее русские построили редут и засели в нем в количестве 1500 человек. Шведский авангард во главе с Карлом промерил пиками глубину болота и на штыках взял редут. Подобная преграда встретила шведов и возле монастыря Сельце.

Продвигаясь таким образом, армия Карла достигла Пинска. С высокой башни иезуитского монастыря, приор которого стоял рядом с королем, чтобы отвечать на его вопросы, Карл смотрел на окрестности — сплошное озеро с небольшими островками — и разужнавал про дороги. Из ответов приора он заключил, что дальше идти невозможно. В первый раз он сознался в этом, сказав с улыбкой:

— Я вижу, что здесь написано мое *non plus ultra*⁴³.

Он дал четырехнедельный отдых солдатам и в конце мая повел армию вдоль по реке Стири на Волинь, хотя преследовать было уже некого. После болот Полесья Волинь показалаь шведам землей обетованной или даже раем, по словам одного шведского историка. Карл поселился в Ярославичах близ Луцка; недалеко от него находилась главная квартира Станислава Лещине кого, к которому начали стекаться окрестная шляхта и вельможи Волини, опасавшиеся шведов, чьи летучие отряды разоряли имения тех, кто не изъявил покорности.

На Волини Карл принял решение поразить Августа в его наследственных землях — в Саксонии. Мотивы внезапной перемены его планов, если таковые и были, остались неизвестными: Карл редко делился соображениями со своими министрами, обычно сразу объявляя им готовый приказ. «Ни одному человеку в мире я не заикнулся об этом плане и не позволил себе даже намекнуть на него», — писал король Рёншельду. Возможно, что к этому походу его склонило недавнее поражение французов при Рамильи или кстати пришлось слово Пипера, не устававшего напоминать своему господину о здравом смысле.

Как бы то ни было, шведы еще раз прошли Польшу из конца в конец. 4 августа они переправились через Вислу, а четыре недели спустя пересекли западную границу Польши.

7

В то время как Карл колесил по Польше, на севере разорилось его орлиное гнездо. Со шведским королем произошло то же, что и с викингом Фритьофом, вернувшимся из похода на Оркнейские острова:

Уж он не видит хором своих;
Одни нагие стоят горнилы,
Как кости мужа во мгле могилы.
Где дом был прежде, там глушь теперь,
И вьется пепел, и воег зверь.

⁴³ Предел возможного (лат.).

Но Карл не мог, подобно Фритьофу, сказать в оправдание себе, что он не знал о нападении врага: почти после каждой победы в Польше королю доносили об успехе русских в Прибалтике.

Десять дней спустя после блистательной победы Карла под Клишовом, Шереметев второй раз (после Эрестфера) разбил Шлиппенбаха под Гуммельсгофом и взял штурмом укрепленные города Вольмар и Мариенбург. Русские овладели почти всей Лифляндией, за исключением крепостей, занятых шведскими гарнизонами. А пока Карл брал контрибуцию с Кракова и лежал со сломанной ногой в предместье, Петр приказал разорить Ливонию, «чтоб неприятелю пристанища [найти] и сикурсу⁴⁴ своим городам подать было невозможно», и Шереметев с малороссийскими казаками и нерегулярной конницей страшно опустошил всю страну. «Чиню тебе известно, — доносил Шереметев Петру, — что Всесильный Бог и Пресвятая Богоматерь желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили без остатку... только и осталось целого места Пернов да Ревель и меж ими сколько осталось около моря от Ревеля к Риге, да Рига, а то все запустошено и разорено вконец... Прибыло мне печали: где мне деть взятый полон; тюрьма полна... от тесноты не начали бы мереть». Около 600 местечек было разорено казаками и калмыками, 12000 человек и 20000 лошадей выведено в Россию.

Почти в тот же день, когда Карл, потеряв одного офицера и 11 солдат, взял Пултуск, разогнав саксонцев, русские заняли берега Невы, и капитан-бомбардир Петр Михайлов одержал «никогда не бываемую Викторию», захватив с 8 лодками 2 шведских военных корабля. В апреле 1703 года пал Ниеншанц, на месте которого в мае того же года был основан славный городок Питербурх. В конце мая после бомбардировки сдался город-крепость Копорье, затем Ямбург, и таким образом вся Ингерманландия оказалась в руках Петра. Древний путь «из Балтики на Русь» был навсегда загражден царем.

Пипер докладывал Карлу, что основание Петербурга значит больше для хода войны, чем вопрос о том, кто будет королем в Польше. Карл отвечал, посмеиваясь:

— Пусть царь трудится над основанием новых городов — я предоставлю себе только честь впоследствии их завоевать.

Но расчет Петра оказался вернее: он отстраивал столицу и «учреждал» войско и флот, пока «швед уязв в Польше».

После взятия Торна и зимовки в Западной Пруссии многие офицеры, выходцы из шведских прибалтийских областей, надеялись, что теперь их поведут на защиту шведских владений. Однако внимание Карла было целиком поглощено избранием Станислава Лещинского на польский престол. А когда в начале июля король отправился на юго-восток в погоню за Августом, русские осадили Дерпт и Нарву. Одновременно со взятием шведами Львова оба города были заняты русскими войсками. Торжествующий Петр въехал в Нарву победителем, велел прекратить грабеж и, как рассказывают, в гневе наслушав мародеров заколот одного из них шпагой; войдя затем в здание магистрата, царь бросил окровавленную шпагу на стол:

— Смотрите, мое оружие обагрено не кровью ваших горожан, а кровью моих солдат!

«Где перед четырьмя леты (четыре года назад. — С.Ц.) Господь оскорбил, — писал Петр в Москву, — тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость чрез лестницы шпагою в три четверти часа получили».

Взятие Нарвы приступом и ее разграбление произвели сильное впечатление на Карла. Он, по обыкновению, молчал и скрывал свои чувства, но датский посланник писал домой, что следствием затаенного горя была лихорадка, продолжавшаяся несколько дней.

На исходе 1704 года Петр праздновал в Москве достижение заветной цели: Россия получила выход к морю! Войско входило в столицу под семью триумфальными арками, со

⁴⁴ То есть помощь (от *фр.* secours — помощь).

«знатнейшими» пленниками и отбитыми пушками. Одна из триумфальных колесниц везла карту Ингрии с надписью под ней из Первой книги Маккавеев (XV, 33): «Мы ни чужой земли не брали, ни господствовали над чужим, но *владеем* наследием отцов наших, которое враги наши в одно время несправедливо присвоили себе. Мы же, улучив время, опять возвратили себе наследие отцов наших».

Карл же в это время молодечески гонялся по польским лесам за неуловимым Августом.

8

Швеция переживала во время этих блестящих походов далеко не лучшие времена.

Древние викинги ничего не требовали от родины для своего содержания и жили за счет грабежа завоеванных земель. Новые — тоже. Хотя Карл, как полагается конунгу, сам не наживался, но посылал в Швецию от своего имени драгоценные церковные сосуды и украшения в дар шведским церквям. «Многие же генералы, — повествует шведский историк, — а вероятно и большая часть офицеров, приобрели (во время Северной войны. — С.Ц.) значительные богатства золотыми, серебряными вещами и чистыми деньгами. Но и другие офицеры и солдаты, по-видимому, очень хорошо умели соблюдать собственные интересы на поприще военных действий».

Контрибуции на время затыкали дыры в бюджете, образуемые войной. Но уже в 1704 году дворяне начали продавать свои имения, чтобы рассчитаться с казной; крестьянские участки не обрабатывались; пасторы, лишившиеся своих доходов из-за рекрутчины и запустения крестьянских наделов, на свой счет вербовали драгун, сами возили дрова, чистили конюшни, пахали землю и, как свидетельствует современник, «утомленные непривычной работой, ложились на землю, около своего плуга»; чиновникам начиная с 1700 года платили половину жалованья, а с 1704 года — четверть. Даже сановники закладывали вещи. Сенат обращался к Карлу с жалобами и настойчивыми просьбами заключить мир хотя бы с Августом. В 1704 году сенаторы писали: «Царь покупает корабли и вербует офицеров, и скоро у него будет сильный военный флот в Балтийском море. Подобно другим народам, и русские начинают помогать своему государю мудрым советом. Этот наш опаснейший неприятель может быть обуздан только собственным оружием Вашего Величества».

Увы, король и его армия с каждым годом все дальше и дальше удалялись от границ Швеции.

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

*Ни шатров на судах, ни ночлега в домах:
Ибо враг за дверьми стережет;
Спать на ратном щите, меч булатный в руке,
А шатром — голубой небосвод.*
Э. Тегнер. Фритьоф.

1

События, изложенные выше, могут создать превратное представление о Карле-полководце, если не принять во внимание скрытую от посторонних глаз основу всех его поступков. Этой основой был устав викингов. Подобно древним конунгам, которые шли в поход, не зная путей и не считая врагов, Карл слепо верял себя своей судьбе, не заботясь ни о чем, кроме чести воина. Он намеренно воскрешал древний обычай войны, благодаря чему его походы приобрели черты легендарных странствий норманнских дружин.

Это разительное сходство становится еще заметнее при взгляде на ближайшее

окружение шведского короля. Прежде всего, помимо гвардии, мы видим рядом с ним особый отряд драбантов, который по-русски можно назвать не иначе как «дружиной». Драбанты существовали уже при Карле XI в качестве телохранителей, но у Карла XII они получили совсем иную организацию и значение.

Драбант Карла XII.

Численность драбантов в начале походов Карла достигала 150 человек. Их набирали из самых храбрых офицеров армии, которые считались в этом отряде простыми дружинниками; капрал дружины имел в армии чин майора, прапорщик — подполковника. Вождем дружины был Карл; заменял его Арвид Горн в чине капитан-лейтенанта.

Драбанты следовали за королем повсюду, куда бы он ни направлялся; к любому из них Карл питал неограниченное доверие. Когда ему говорили, что вдали от войска он подвергает себя опасности, Карл отвечал:

— Когда при мне находятся хоть девять человек моей дружины, никакая сила не помешает мне проникнуть туда, куда я хочу.

И действительно, не было случая, который опроверг бы эти слова короля.

В бою драбанты обязаны были орудовать одними палашами, по примеру древних витязей:

Как у Фрея, лишь в локоть будет меч у тебя;
Мал у Тора громящего млат.
Есть отвага в груди — ко врагу подойди,
И не будет короток булат.

Использовать пистолет или карабин дозволялось только в крайнем случае. Согласно этому уставу, Карл преобразовал вооружение и назначение кавалерии: латы были уничтожены, сабля стала главным оружием. Кавалерия атаковала без выстрелов, врбалась в ряды неприятеля и стреляла только в рукопашной схватке. Артиллерией Карл пренебрегал, применяя ее в основном при осадах; дальше будет показано, к какой катастрофе привело шведов это пренебрежение.

Подвиги драбантов невозможно перечислить, каждая битва свидетельствует об их воинской доблести. Особенную ярость они проявили в знаменитой Клишовской битве, где, забыв о смерти, на полном скаку врбались в оцетинившиеся штыками и пиками саксонские каре, подавая пример упавшей духом шведской кавалерии.

Народная молва, как водится, преувеличивала храбрость и силу драбантов, некоторые из них на родине становились героями легенд. Особенно славился некий Гинтерсфельт. Про него рассказывали, что однажды он поднял пушку и сделал ею «на плечо», а в одном бою пронзил палашом вражеского солдата, поднял его тело на палаше и перекинул через голову; в другой раз он въехал под своды городских ворот, схватился большим пальцем за сделанный в воротах железный крюк и приподнял себя вместе с лошадьо.

Как и полагается дружинникам, драбанты не пережили своего вождя. Их ряды таяли вместе с удачей Карла: перед Полтавой их было уже около 100, в Бендерах — 24; в 1719 году лишь нескольким уцелевшим ветеранам выпала честь стоять ближе всех к могиле героя.

В древние времена возле конунга находился один неразлучный спутник, особенно любимый вождем. В скандинавских сагах его называли Vapenbroder — брат по оружию или Fosterbroder — брат по воспитанию; в славянских языках этим понятиям соответствует слово «побратим». Побратимы никогда не разлучались, делили веселье и горе, труд и опасности, нередко вместе умирали (как Торстейн и конунг Бел в «Фритьофе»).

Карл имел своего побратима — молодого герцога Вюртембергского Максимилиана, которого шведские солдаты прозвали Маленьким Принцем. В четырнадцать лет слухи о

подвигах Карла вызвали в нем такое горячее желание участвовать в его походах, что семья вынуждена была отпустить его в шведский лагерь. Максимилиан увидел своего кумира в 1703 году под Пултуском. Он сразу представился королю и попросил позволения учиться под его руководством военному искусству.

— Хорошо, — ответил Карл, — я вас стану учить на свой лад.

Король тут же пригласил утомленного после дороги гостя сесть на коня и ехать с ним. Они долго скакали по шведским форпостам; принц достойно выдержал это испытание. Король оставил Максимилиана при себе. Вюртембергский посол сказал Карлу, что принцу нужен гофмейстер; Карл, смеясь, ответил:

— Я сам буду его гофмейстером!

С этих пор они были неразлучны, пока их не развела Полтава. Ни в одном бою верный паж не отстал от своего рыцаря.

И были оба в счастье и в дни страданий
Всегда друг с другом, будто две сжатых длани.

2

Быть побратимом Карла означало больше, чем бросаться вместе с ним в каждое сражение, в каждую схватку. Опасностей войны для короля было мало. Он вел жизнь викинга, намеренно рискующего головой при малейшем удобном случае.

В 1701 году, когда шведы стояли на зимних квартирах на границе Курляндии, Карл задумал вторгнуться с 2000 человек в Литву, где находились значительные силы Огинского. Не слушая предостережений, он углубился в неведомую страну на 200-300 верст, отрезанный от армии отрядами литовцев. Так он дошел до Ковно, где оставил гарнизон, а сам вернулся в шведский лагерь, сопровождаемый всего 50 драбантами. В лагере целый месяц о нем не было слышно, и сам король ничего не знал о своей армии. Военный совет даже отправил несколько отрядов на его поиски.

Во время осады Торна Карл запретил защищать лагерь шведов какими-либо укреплениями против вылазок саксонцев. Свою палатку и палатки свиты он поставил так близко к стенам города, что их постоянно дырявили пули и ядра; несколько офицеров были убиты. Карл и после этого не разрешил насыпать вал перед палатками. Однажды, когда король отсутствовал, Пипер приказал поставить перед ними стога сена. Карл, возвратившись, велел убрать стог перед своей палаткой, но другие оставил.

О его одиночных прогулках под стенами города уже говорилось. Он также ежедневно скакал со свитой вокруг крепости на таком близком расстоянии, что становился мишенью для артиллерии, и часто стоял в траншеях под огнем осажденных. Как-то раз ядро выбило у него из рук фашину⁴⁵; в другой раз — опрокинуло на него корзину с землей с такой силой, что Карл упал на дно траншеи.

На зимних квартирах Карл для развлечения скакал от одного отряда к другому, невзирая на расстояние и опасность. Из-под Торна ему вздумалось навестить отряд Рёншельда, квартировавший в Великой Польше. Король мчался двое суток без остановок, — загнав лошадь, он покупал в ближайшей деревне другую за двойную цену и продолжал путь. Драбанты один за другим отставали, и к Рёншельду Карл прибыл лишь в сопровождении Маленького Принца. Обратный путь был проделан таким же образом.

Во время одной из таких прогулок он лишь чудом избежал польской засады. Приближенные короля воспользовались этим предлогом, чтобы попросить его быть осторожнее.

⁴⁵ Фашина — связка хвороста для военно-инженерных работ.

— Я надеюсь, что Господь меня охраняет, — ответил Карл. — Впрочем, будь что будет, никому я не дамся живой!

В 1706 году под Пинском король был озабочен участью отряда полковника Крейца, оставленного в Литве. Как-то вечером он спросил Маленького Принца:

— Хотите завтра отправиться со мной к Крейцу?

Максимилиан выразил согласие. Карл поручил ему запастись хорошей лошастью и быть готовым к двум часам ночи, так как к обеду он был намерен проехать 20 миль. Отъезд готовился втайне, никто из генералов не знал о нем. Принц горячо поблагодарил Карла за доверие. Карл отвечал ему:

— Я не могу поступить иначе, так как знаю, что вы будете меня везде разыскивать, — и добавил: — После этого я всегда буду вас извещать, если задумаю куда-нибудь уехать.

Побратимы счастливо добрались до Крейца, только что одержавшего победу у Ляховичей (примерно в 100 верстах от Пинска). На обратном пути король взял с собой более многочисленную свиту, но скакал так быстро, что за ним поспевали лишь Маленький Принц, граф Мейерфельд и еще двое всадников. В Полесье они наткнулись на одно из многочисленных озер. С трудом им удалось добыть лодку. Карл правил, принц держал за узду лошадей, плывших за лодкой, остальные гребли. На середине озера испуганные лошади стали рваться прочь и чуть не опрокинули лодку. К счастью, все обошлось. Карл вернулся в лагерь так быстро, что его еще не успели хватиться.

Карл любил войну не потому, что она давала ему возможность руководить армией и одерживать победы, а потому, что испытывал радость, принимая личное участие в боевых действиях; жизнь доставляла ему удовольствие, только когда он испытывал смертельный риск. Его письма дышат восторгом, когда он сообщает, что какому-нибудь отряду «выпало счастье столкнуться с неприятелем». Завидев издали врага, Карл подпрыгивал от радости и хлопал в ладоши: «Идут, идут!» Глаза его разгорались, и он упрашивал генералов поскорее закончить приготовления, чтобы «приняться наконец за главное дело». «У него, когда он сидел на коне перед своей армией и обнажал шпагу, было совсем иное выражение лица, чем в обычном его общении, это было выражение, обладавшее почти сверхъестественной силой внушать кураж и желание сражаться даже тем, кого можно было считать наиболее павшими духом», — вспоминает ротмистр Петер Шенстрем. Если же неприятель бежал, не оказывая большого сопротивления, Карл бывал не в духе. Это возбужденное предвкушение крови, опьянение боем роднят шведского короля с его предками — страшными берсеркерами, впадавшими в ярость от одного вида врага и иступленно бросавшимися в бой без доспехов, в одной сорочке, с мечами в обеих руках.

Зная это, стоит ли удивляться тому, что Карлом владела страсть к рукопашному бою? Правда, король долго сдерживал ее из чувства приличия: как он ни увлекался маневрами (однажды в порыве увлечения король нанес тяжелую рану Арвиду Горну, а другого Горна, Акселя, убил выстрелом из пистолета, в котором по неосторожности оставил шомпол), как ни бросался в атаку в первых рядах своих солдат, какое-то время он ограничивал свое участие в бою личным присутствием и руководством.

В 1708 году берсеркер взял в нем верх. В начале русского похода, в сражении под Гродно, король влетел на мост через Неман, охраняемый неприятелем, зарубил одного офицера и заколол другого. С этого момента его руки не раз обагрялись кровью — на Украине, в Бендерах, в Норвегии.

Для иллюстрации сказанного очень характерен следующий эпизод. В 1708 году Карл ехал с Маленьким Принцем и Рёншельдом во главе сильно пострадавшего в боях Остготландского кавалерийского полка. Вдруг вдалеке показалась русская кавалерия. Вначале Карл решил, что это калмыки, и выслал на разведку патруль, который вернулся с сообщением, что перед шведами регулярная русская конница.

— Не повозиться ли нам с ними? — спросил Рёншельд короля.

Карл тотчас согласился, отправил Рёншельда за подкреплениями, но сам, не дожидаясь их, повёл полк в атаку. Численный перевес русских был настолько велик, что шведы сразу

были окружены со всех сторон. Началась безжалостная кавалерийская рубка. Взвод, находившийся при короле, почти весь был изрублен; только благодаря густым клубам пыли и простой одежде Карл избежал смерти или плена. Передают, что в суматохе он пристал к одному русскому отряду, пока не наткнулся на другой взвод своей кавалерии. Он сейчас же повел взвод против неприятеля. Вскоре и эта горсть людей погибла; под Карлом была убита лошадь — он отбивался пеший. Рядом с ним был убит один его адъютант, другой упал, раненный, с лошади. Карл вскочил вместо него в седло и продолжал сражаться. Его снова окружили русские драгуны. На этот раз короля выручил майор Линд, павший в этой схватке. Наконец к шведам подоспело подкрепление, и обе стороны отказались от продолжения боя. Говорили, что тогда Карл убил своей рукой 12 человек, но король, слыша такие разговоры, с обычной улыбкой замечал, что в подобных случаях надо верить тому, что говорят, только наполовину.

В Бендерах Карлу приписывали убийство девяти янычаров. Позже, в Норвегии, произошел знаменитый бой у Гёландской мызы. Ночью на шведов врасплох напал отряд датчан. Карл одним из первых услышал шум нападения на часовых, побежал на помощь и с отчаянной храбростью защищал ворота. Он убил пятерых вражеских солдат, причем в буквальном смысле «рубился мечами» с их предводителем, полковником Крузе, как конунг из саги.

3

Выбранный королем образ жизни тоже полностью соответствовал быту викингов.

В походах он никогда не останавливался в городах. Его главная квартира всегда располагалась в предместьях, уединенных замках или деревнях, даже если рядом находился большой город. Но и здесь Карл жил по возможности не под кровлей, а в палатке. Удобствами и гигиеной король пренебрегал, отчего смертность от плохой пищи и болезней среди его солдат была иногда непомерно велика.

На зимних квартирах в Курляндии в 1700-1701 годах Карл жил в палатке до конца ноября (это была палатка его деда Карла X, также любившего суровые условия). Когда стало слишком холодно, палатку обвязали соломой, что, впрочем, мало помогло, но король терпеливо сносил холод и только иногда приказывал принести в палатку раскаленные ядра. Основным способом согреться была верховая езда, продолжавшаяся по несколько часов.

Первое время Карл спал на походной кровати с матрасом, потом на сене или соломе. В последние годы он нередко ложился на земле или на полу, даже если рядом была кровать. В Норвегии ему стлали на землю еловые ветви: король закутывался в плащ, нахлобучивал на голову старую шляпу и ложился; по бокам вставали 2-3 солдата.

При таких привычках Карл не мог опрятно одеваться. Еще в Швеции он имел такой вид, что в нем не признавали короля, даже если встречавшие были предупреждены о его приезде; однажды крестьянка пожаловалась на проделки юного Карла офицеру свиты, которого приняла за государя.

Возвращаясь из поездок в мокром и запачканном платье, Карл никогда не менял его, а садился за стол и спал в том же костюме. Одно время он неделями не снимал сапоги. Карл вообще с каким-то суеверием относился к своим семимильным сапогам, которые неумоимо носили его по Европе. Он часто говорил о них и однажды написал шведскому сенату, умолявшему его вернуться в королевство, что пошлет в Стокгольм один свой сапог, чтобы он правил вместо него (Калигула в схожем случае пообещал сделать сенатором своего коня). Видимо, это было одно из дурачеств цезаря, опьяненного неограниченной властью.

Королевский стол был чрезвычайно прост и умерен. В Швеции любимыми кушаньями Карла были хлеб с маслом, поджаренное сало и брага (легкое пиво). Вина, как уже было сказано, он никогда не пил. Сервиз постоянно упрощался: серебряный был заменен на цинковый и наконец на жестяной.

Отступление от саг наблюдалось лишь в том, что король всегда садился за стол один, без дружинников. Он поспешно ел, не отрывая глаз от тарелки, и только когда вставал, за стол садились драбанты и заканчивали трапезу. Это была дань королевскому величию, о котором Карл очень заботился.

Зато к женщинам король относился в полном соответствии с уставом викингов:

Чти на суше мир дев, на судах нет им мест;
Будь то Фрея, беги от красы.
Ямки розовых щек всех обманчивей рвов,
И как сети — шелковы волосы.

Он не терпел присутствия женщин в лагере. Когда после продолжительного отдыха в Саксонии (о чем речь впереди) число солдатских подруг значительно возросло, Карл, дошедши до Березины, приказал им перейти на польский берег и сжег мост.

На своих офицеров король смотрел как на военное братство (в уставе викингов говорилось: «Никому не позволено вводить в крепость женщину») и очень неохотно давал им разрешение жениться.

Из Саксонии он писал: «Моя сестра мне пишет, что до нее дошли слухи о моей предстоящей женитьбе; но я должен признаться, что женат на моей армии на добро и на лихо, на жизнь и на смерть. Впрочем, мы стараемся все, сколько нас есть, избегать брака; в армии было запрещено думать о женитьбе как в Польше, так и в Саксонии, где мы теперь стоим, и никто в армии не смеет действовать вопреки тому, что однажды постановлено во благо всем».

Он часто повторял: «Любовь испортила немало великих героев».

Женщина, которую Библия называет более сильной, чем смерть, женщина, которая лишила сил Самсона, очаровала Цезаря, заставляла плакать Александра Великого, никогда не входила в сердце Карла, неприступное, точно крепость. В первые годы походов еще случалось, что во время зимних стоянок король являлся на вечера и свадьбы и танцевал с тем же увлечением, с каким носился на лошади по снежным просторам Польши. Но как только танцы кончались, он становился очень робок и неуклюже вежлив: например, выходя из комнаты, где находились женщины, он считал оскорбительным невежеством повернуться к ним спиной и медленно пятился спиной к двери.

К многочисленным предложениям о браке, иногда весьма назойливым (принцесса Брауншвейг-Бевеернская София Элеонора даже сама привезла свою дочь в Стокгольм), Карл был равнодушен и просил приближенных, чтобы эти планы были отсрочены хотя бы до достижения им тридцатилетнего возраста. Когда ему исполнилось тридцать и бабка напомнила ему об обещанном, Карл ответил, что мужчине нечего спешить с браком до 40 лет, и вновь попросил отсрочки до конца войны.

В последние годы о нем говорили, что он хотел жениться на какой-то шведке, и ему приписывали слова:

— Если Господь пошлет нам мир, я женюсь, но не из политических соображений, а на такой девушке, которая мне будет нравиться, чтобы мне не нужно было иметь при ней метрессу.

Можно предположить, что Карл в юности не питал физиологического отвращения к плотской любви. Скорее всего, война поглотила все другие страсти. Он был солдатом-монахом, преодолевшим соблазн суровой жизнью и верой в очищающий пламень войны.

Личная умеренность и воздержанность не мешали Карлу проявлять щедрость к своей дружине.

Конунг не ведал
Скупости — сыпал

Дневной свет карлов...⁴⁶
Щедро даянье
Длань расточала...

Устав викингов говорил о добыче:

Сам же конунг морской не вступает в дележ:
Он доволен и честью одной.

Раздавать солдатам золото горстями было его страстью. Нередко он давал каждому рядовому участнику особенно кровопролитной схватки по 10 червонцев; командиры получали соразмерные подарки. В 1703 году денежное поощрение выглядело так:

раненый капитан — 80 риксдалеров
нераненый капитан — 40
раненый лейтенант — 40
нераненый лейтенант — 20
раненый унтер-офицер — 2
раненый рядовой — 2
нераненый рядовой — 1 риксдалер.

Услуги генералов армии и драбантов вознаграждались еще щедрее. Стенбок однажды получил от короля 21000 далеров, не считая добычи. Арвид Горн, оправившийся от ран после переправы через Двину, был приведен Карлом в сарай, где король попросил капитана драбантов поискать, нет ли здесь чего-нибудь для него. Горн нашел в одном углу кошелек с 2000 червонцев.

Храбрые враги также возбуждали его щедрость. Мы помним, как король одарил пленных генералов, взятых под Нарвой. Карл мог наградить и целые отряды, как это случилось, например, с одним саксонским эскадроном. Король подарил командиру отряда оседланного коня, поручику — 50 червонцев, солдатам — по червонцу.

По возвращении в Швецию он всегда носил с собой до 400 червонцев и в отдельных кошельках от 10 до 50 червонцев. Карл вкладывал кошельки в руки то одному, то другому солдату или офицеру и запрещал всякие изъявления благодарности. Его пажу было приказано каждый вечер осматривать королевские карманы и восполнять недостающие суммы.

Пренебрежение к деньгам соединялось с презрением ко всякой отчетности. Карл всегда был готов потратить все деньги, которые были при нем, на ненужное, если даже можно было предвидеть, что завтра денег не хватит на самое необходимое.

С примерами такой расточительности читатель столкнется еще не раз. Здесь же заметим, что Карл швырял деньги, собранные за счет невыплаты жалованья чиновникам, тяжелых налогов на крестьян, пасторов, помещиков, живущих в очень небогатой стране. Если же какая-нибудь область не могла выплатить установленную сумму налогов, то Карл становился неумолим, его покидало всякое чувство справедливости и милосердия.

4

Шведская армия со времен Густава Адольфа славилась своей дисциплиной. Но бедность шведского правительства и значительная удаленность от Швеции стран, в которых находилась армия Карла, вынудили шведов жить за счет враждебного, нейтрального или даже дружественного населения. Войско, являвшееся вначале образец дисциплины,

⁴⁶ Так в сагах называли золото, которое гномы-карлики прятали в пещерах.

мало-помалу превращалось в сборище мародеров. Карл строго наказывал за мародерство и грабеж, но ему все чаще приходилось самому приказывать войску жить поборами с населения.

Иногда по политическим соображениям военные поборы принимали ужасающие размеры. В таких случаях инструкции Карла шведским генералам были просто бесчеловечны. Так, весной 1702 года Стенбок с 2000 кавалеристов был отправлен Карлом на Волынь, чтобы собрать деньги и припасы и заставить тамошнюю шляхту отречься от Августа. Во время этой экспедиции Стенбок получал такие письма от короля: «Всех поляков, которые вам попадутся, вы должны принудить волей или неволей принять нашу сторону или же так разорить их, чтобы они еще долго помнили посещение козла (второй слог фамилии Стенбока в переводе означает „козел“. — С.Ц.). Вы должны напрячь крайние усилия, чтобы как можно больше выжать, вытаскивать и сгрести». Стенбок выжимал, вытаскивал и сгребал. В течение шести недель он собрал 60000 далеров деньгами, на 30000 далеров драгоценных вещей, 15000 аршин синего сукна для солдатских мундиров, бесчисленное количество рубашек, башмаков, чулок и прочего.

Рёншельда Карл наставлял: «Если вместо денег вы будете брать какие-либо вещи, то вы должны оценивать их ниже стоимости, для того чтобы возвысить контрибуцию. Все, кто медлит доставкой или вообще в чем-либо провинится, должны быть наказаны жестоко и без пощады, а дома их сожжены. Если станут отговариваться, что поляки у них уже все отняли, то их следует еще раз принудить платить, и вдвое против других. Местечки, где вы встретите сопротивление, должны быть сожжены, будут ли жители виновны или нет».

Когда какой-то из отрядов Рёншельда был истреблен поляками с помощью жителей одного местечка, Карл писал: «О поражении нечего горевать, если только наши храбро держались и защищали свою честь до последнего человека. Но местечко, где наши были побиты, и все кругом — должно быть выжжено. Жители, которые сколько-нибудь находятся в подозрении, что оказались нам неверными, должны быть повешены тотчас, хотя улики были бы и неполны, для того чтобы все убедились со страхом и ужасом, что мы не щадим даже ребенка в колыбели, если нас затрагивают. Если неприятель вас не оставляет в покое, то лучше всего опустошить и выжечь все кругом, одним словом, так разорить страну, чтобы никто не мог к вам подойти. Что касается до нас, то нам нечего сообщать кроме того, что мы стараемся изо всех сил и также разоряем и выжигаем всякое местечко, где показался неприятель. Недавно я таким образом сжег целый город и повесил бургомистра».

Конечно, надо помнить, что Людовик XIV разорял подобным образом Пфальц, а Петр — Литву и Лифляндию. Но в действиях Карла видно больше сходства с поступками викингов, которые то отпускали купцов с товарами, не тронув ни их самих, ни товаров, то, не довольствуясь грабежом, вскидывали детей на копья, а на спинах врагов вырезали «кровавого орла», то есть делали надрезы на спине и выгибали оттуда ребра в виде крыльев. Правда, еще больше поступки Карла напоминают не совсем забытый в Восточной Европе немецкий «новый порядок» времен Второй мировой войны.

Карл то шагал в ногу со своим жестоким веком, то опережал его, отменяя пытку и придерживаясь веротерпимости. По натуре он был склонен к великодушию, но там, где считал себя вправе требовать или где видел нарушения долга, становился неумолим и свиреп. Король не стремился понять то, что в его глазах выглядело так просто: подданные *должны* платить налоги, поляки *должны* отказаться от Августа, крестьяне *должны* снабжать его солдат...

5

Солдаты Карла XII верили в него как в Бога. Он олицетворял для них Божественный Промысел; идя за ним в бой, они выполняли Высшую волю. Рука Провидения была ясно видна им во всех его предприятиях: Господь размягчал сердца его врагов, Господь посылал

вьюгу в глаза московитов под Нарвой, Господь охранял его от вражеских пуль и ядер, Господь неизменно посылал победу праведным... И они безропотно бросались по его приказу на штыки, редуты, стены, резали, жгли, отказывались от вина и женщин, мерзли и голодали, зная, что их король ценит только две добродетели — мужество и повиновение.

Конунгу, видно, ты дать замышляешь
Мести воителя добрый урок;
В полночь зажжем у него мы чертог:
Дрогнет злодей, ты венец похищаешь.
Или, как истинный викинг, вражду
Единоборством решить ты намерен,
Или потребуешь битвы на льду, —
Что ни затеешь, но в нас будь уверен⁴⁷,-

так могли бы сказать солдаты Карла XII вслед за викингами древних саг.

Карл воспринимал их страдания и жертвы как должное. «Историк не в состоянии привести ни одного живого выражения участия, которое бы вырвалось у короля при виде ужасных действий на Украине или в норвежском походе, — пишет один из биографов Карла. — Без сострадания смотрел он на то, как его солдаты голодали, замерзали, истекали кровью и умирали сотнями, даже тысячами». И ведь это были не иноземные наемники, а его соотечественники, шведские крестьяне — «одна кровь, одна почва».

Речь идет не о неизбежных страданиях и тяготах войны. Дело в том, что Карл *без нужды* подвергал своих солдат смертельной опасности и лишениям, более того, это вошло у него в обычное с первого похода.

Сразу же после Нарвы королем овладела страсть к самым рискованным предприятиям, совершаемым в самых трудных условиях. Его не удовлетворяла просто победа — Карлу нужна была победа, добытая наиболее смелым и трудным способом. Король больше всего боялся, чтобы его не обвинили в том, что слава получена им чересчур легко.

Вот отрывок из письма Стенбока (начало 1701 года): «При нападении на Аугдов шведам пришлось провести 5 дней под открытым небом. В последнюю ночь замерзло 3 человека; 80 офицеров и солдат отморозили руки и ноги, а остальные так окоченели, что не были в состоянии действовать ружьем. Во всем моем отряде не более 100 человек годны к службе».

Полковник Поссе писал примерно тогда же: «Несмотря на всякого рода лишения и такой холод, что вода замерзает в избах, король не хочет пускать нас на зимние квартиры. Я думаю, что если бы у него осталось только 800 человек, то он и с ними вторгнулся бы в Россию, не заботясь о том, чем они будут жить. А если кого-нибудь убьют, то он это так же мало принимает к сердцу, как если бы то была вошь, и никогда не жалеет о такой утрате. Вот как смотрит на дело наш король, и я уже теперь предвижу, какой конец нас ожидает». Поссе проявил удивительную прозорливость. Восемь лет спустя он прошел вместе со шведской армией все круги ада украинского похода и был взят в плен под Полтавой.

При осаде Торна Карлу однажды вздумалось ночью повести армию на штурм. Напрасно генералы возражали, что это решение приведет к бесполезной бойне. Король стоял на своем. Наконец один из офицеров произнес: «Если ваше величество будете настаивать на своем намерении, тогда все мы зря побегим к стенам, чтобы нас застрелили вместе с нашим королем». Карл погрузился в раздумья; в это время стало рассветать, и затея не осуществилась.

Вспомним также, как Карл, не задумываясь, подставлял под пули свою свиту во время прогулок под стенами крепости.

⁴⁷ Цитата из XVI песни «Фритьофа»; 4-я строка изменена в соответствии с обстоятельствами.

Впрочем, к отдельным солдатам и офицерам король мог быть трогательно нежен. В его палатке или комнате вместе с ним находился дежурный паж. Нередко, возвратясь поздно, Карл заставал его спящим; в этом случае король заботливо укрывал его собственным плащом и тихо раздевался сам.

Однажды пожилой полковник Рейхель, утомившись, прилег на скамью отдохнуть, но скоро его разбудили по служебным делам. Ворча и проклиная военную жизнь, полковник поднялся. Случайно рядом оказался Карл. Услышав ругань старого служаки, король сказал ему, улыбаясь:

— Вы устали, любезный Рейхель, я же отдохнул. Ложитесь на мой плащ и поспите немного. Я пока исполню вашу службу и позову вас, когда будет нужно.

Полковник сопротивлялся, но Карл накрыл его своим плащом и приказал повиноваться.

Конечно, на завтра Карл, ни минуты не раздумывая, отправил бы полковника на верную смерть, если бы посчитал это необходимым.

Такое равнодушие к жизни других людей коренится в психологии так называемых «великих людей» не случайно. Никто не мучается угрызениями совести, раздавив муравья. Не все способны пожалеть собаку, погибшую, защищая хозяина. Возразят, что человек не муравей и не собака. Но сильные натуры, часто рискующие собой и искренне верящие в свое особое предназначение, в свою судьбу, счастье, в свою звезду, неизбежно приходят к логическому выводу: если нечто (Бог или природа, не имеет значения) создало меня для определенных целей, если это нечто вложило в меня способности, выделяющие меня из толпы, наконец, если цель любого творения — наиболее полно раскрыть свою сущность, — а моя сущность заключается в том, что я живу только для войны и славы, — следовательно, остальных людей этот известный (или неизвестный) мне Творец создал для осуществления *моих* целей, которые превосходят цели заурядных смертных, и я вправе рассматривать прочих людей как средство, как необходимый мне материал. Истина заключается в том, что такой человек даже не *столько* думает подобным образом, сколько *чувствует* свое право распоряжаться жизнями других людей; его воля, энергичная и постоянно напряженная, привыкла переламывать и увлекать за собой другие воли, уверенная в том, что эти менее сильные, не умеющие отстоять свое предназначение воли получают в слиянии с ней высший смысл и оправдание своего существования. Если человек подобного рода к тому же родился на троне и усвоил привычки неограниченного государя, то «муравьиная» ценность остальных людей не вызывает в нем никаких сомнений. Ссылки на мораль и категорический императив здесь неуместны. Любой Карл или Наполеон ответил бы на них словами Козимо Медичи⁴⁸: «Государством нельзя управлять с помощью Pater Noster⁴⁹». Каждый человек поступает согласно личной, а не общей морали; правители не являются исключением.

Карл посылал людей на смерть не из холодного расчета, как Наполеон, а охваченный боевым жаром — единственно доступным ему видом опьянения. В лишениях Карл видел своеобразную поэзию военного быта. Его нравственный тип принадлежал другому времени — с его «жизненной свежестью, с его отвагой, с его дерзостью», как писал Тегнер в «Письме о „Фритьофе“».

Как весел он, как смел, как полн надежды!
Он к сердцу Норны твердо приложил
Конец меча и говорит: назад!

Чувствуя сердце викинга в своей груди, Карл предполагал, что такие же сердца бьются и у его солдат. И он почти не ошибся в этом. Некоторый ропот слышался только к концу

⁴⁸ Медичи Козимо (1389-1464) — правитель Флоренции с 1434 г.

⁴⁹ «Отче Наш...» — начальные слова католической молитвы (*лат.*).

войны, да и то в основном от генералов, считавших образ действий короля неполитичным. Солдаты и офицеры остались до конца верны своему королю, чей дух служил им знаменем и заменял устав.

То вождя был наказ, и от часа на час
Рос он в славе на чуждых берегах,
И подобных себе не встречал он в борьбе.
Его людям не ведом был страх.

В САКСОНИИ

*Пора то была, что я шведами правил,
Медведя ловил я, щиты я ломал,
И смело ходил на железную рать;
Свергал я конунгов, других возводил,
Я Гуторму доброму помощь подал,
Покоя не знал, пока Кнуи не пал.
Скандинавские саги.*

1

Август наблюдал марш шведского короля от Вислы к Одру и вторжение его в свои наследственные земли, сидя в Кракове без средств, под охраной двух полков саксонцев, двух полков русских и полка поляков. Собственно, деньги у Августа были, но расходовались они, по донесению русского посланника в Польше князя Григория Долгорукого, не на защиту своих владений, а «на польских дам, на оперы и комедии». Одним только «оперным певцам дано на зиму 100000 ефимков». «Надейся на Бога, — писал Долгорукий Петру, — а на поляков и саксонцев надеяться нельзя».

Семья Августа при приближении шведов обратилась в бегство: жена уехала к родственникам в Байрейт, королева-мать с наследным принцем нашла убежище в родной Дании.

Карл повел армию в Саксонию прямо через Силезию, не предупредив об этом германского императора. Германия была в изумлении. Ратисбонский сейм, представлявший Священную Римскую империю, объявил Карла ее врагом, но постановления сейма, говорит Вольтер, были столь же бесплодны, сколь торжественны.

1 сентября 1706 года шведы вступили в Саксонию. Август приказал населению покидать жилища при приближении врага, спастись в лесах или бежать в Богемию. Саксонцы переполошились. Лейпциг, например, совсем опустел. Из города было вывезено столько богатств, что за подводу платили «бочку золота».

Карл в свою очередь издал манифест, в котором объявил, что явился в Саксонию водворить мир и что все, кто вернется в свои дома и заплатит контрибуцию, будут рассматриваться как его подданные; прочие не вправе рассчитывать на пощаду. Указ возымел действие; жители мало-помалу стали возвращаться на прежние места.

Шведы без сопротивления вступили во все крупные города курфюршества. Штаб-квартира Карла вначале разместилась в Таухе, а затем была перенесена в Альтранштадт, недалеко от Люцена, где некогда пал Густав Адольф. Карл осмотрел место гибели своего легендарного предка.

— Я пытался жить, как он, — сказал король, — быть может, Бог пошлет мне когда-нибудь такую же славную смерть.

Он так не хотел расставаться с этим местом, что не уехал из Альтранштадта даже тогда,

когда городок почти весь выгорел.

Станислав Лещинский, сопровождавший Карла, остановился рядом с ним, в Лейпциге.

Карл приказал саксонским Штатам собраться и прислать ему реестр финансов курфюршества для определения суммы контрибуции. При чтении этого документа у короля и его свиты захватило дух: Саксония была поистине золотым дном. Ежемесячная контрибуция была определена в 625000 риксдалеров (125000 из них выплачивались натурой); кроме того, каждый шведский солдат получал ежедневно за счет саксонской казны 2 фунта мяса, 2 фунта хлеба, 2 кружки пива и 4 су, а кавалеристы — еще и фураж.

В первый раз в Саксонии к уплате было привлечено дворянство, освобожденное от податей. Дворяне верноподданнейше возразили королю, что они по старинному праву не платят никаких налогов и обязаны только поставлять рыцарских коней в армию. Карл дал им достопамятный ответ:

— Где же ваши рыцарские кони? Если бы рыцарство исполнило свой долг, я не был бы здесь. Когда при дворе можно пображничать, туда спешат все рыцари, когда же дело идет о спасении родины, все прячутся по домам. От вас, господа дворяне, я требую уплаты контрибуции. Если вы сумеете уплатить ее, ничего не тратя, мне будет очень приятно, что все остались освобожденными от налогов.

Что оставалось делать? Дворяне (все, как мы знаем, любезнейшие и образованнейшие люди) подчинились.

С целью оградить население от насилия Карл распорядился, чтобы в тех домах, где квартируются шведские солдаты, хозяева ежемесячно выдавали им удостоверение в хорошем поведении; в противном случае солдат лишали жалованья. Каждые две недели армейские инспектора осматривали дома. Если обнаруживался убыток, то хозяевам его возмещали, а солдат наказывали. Впрочем, Карл стремился держать армию подальше от больших городов; он не позволил солдатам войти в Лейпциг, боясь, быть может, что он станет для них Капуей⁵⁰.

Таким образом, шведы хвастались дисциплиной, а саксонцы жаловались на притеснения. Примирить эти два взгляда трудновато. Несомненно, что шведы тащили все, что было можно. Другое дело, что тащить разрешалось далеко не все. Карл действительно наказывал мародеров; правда, однажды, при подобной попытке, ему самому пришлось выслушать назидательное нравоучение.

Как-то саксонский крестьянин пожаловался королю, что шведский солдат забрал у него петуха.

— Правда ли, что ты ограбил этого человека? — сурово спросил король мародера.

— Да, ваше величество, — нагло ответил тот, — но я взял у этого мужика только петуха, а вы отняли у его государя корону.

При этих словах Карл так смутился, что не сразу собрался с духом, чтобы дать ответ. Наконец он протянул крестьянину два червонца за петуха, а солдату сказал:

— Помни, любезный, другой раз, что если я и отнял у короля Августа целое королевство, то я ничего от него не оставил себе.

В похвалу шведской дисциплине можно сказать, что, например, на большой лейпцигской ярмарке было совершенно незаметно шведское вторжение в страну: купцы приезжали на ярмарку в полной безопасности, и кругом не было видно ни одного шведского солдата.

Все же контрибуционные выплаты были чрезвычайно обременительны для жителей. Саксонцы умоляли своего государя вспомнить о них и поскорее заключить мир со шведским королем.

⁵⁰ Капуя — город, в котором Ганнибал после победы при Каннах разместил свои войска; жители Капуи славились изнеженностью и сибаритством. Карфагеняне быстро переняли от капуанцев эти пороки и потеряли боеспособность. Классический пример морального разложения армии.

Отняв у Августа польскую корону, Карл задел его честолюбие; утвердившись в Саксонии, Карл залез к нему в карман. Август оказался в безвыходном положении. Если раньше его еще удерживали от заключения мира денежные выплаты царя, то теперь никакие подачки не могли возместить ему потерю саксонских налогов. Но открыто искать мира или прибегнуть к посредничеству Август тоже не мог. Он находился в Польше под надзором двух русских полков и российского посланника — то есть почти под властью царя — и боялся царской мести.

Август выбрал для ведения тайных переговоров с Карлом двух верных ему людей: барона д'Эмгофа и референта частного совета Фингстена. Он вручил им собственноручное письмо к шведскому королю и наделил их всеми полномочиями, выдав чистый бланк со своей подписью.

— Подите попытайтесь получить для меня разумные и христианские условия, — инструктировал курфюрст своих посланцев.

Послы прибыли на главную квартиру Карла ночью. По их просьбе им была дана тайная аудиенция. Прочитав письмо Августа, Карл сказал:

— Господа, вы сию же минуту получите мой ответ.

Он ушел в кабинет и продиктовал секретарю:

«Я соглашаюсь заключить мир на следующих условиях, причем нечего ожидать, чтобы я согласился на какие-либо изменения:

I. Король Август навсегда отказывается от польской короны: он признает Станислава Лещинского законным королем и обещает никогда не думать о возвращении на престол, даже после смерти Станислава.

II. Он отказывается от всех других договоров и, главное, от договоров, заключенных с Москвой.

III. Он отправляет с почестями в мой лагерь князей Собеских и всех, взятых им в плен.

IV. Он передает мне всех дезертиров, перешедших к нему на службу, и особенно Иоганна Паткуля, и прекращает всякие преследования против тех, кто от него перешел ко мне».

Король отдал бумагу Пиперу, поручив ему договориться об остальном.

Послы были испуганы строгими условиями договора. Они несколько раз совещались с Пипером, пустив в ход все уловки и увещания, но тот неизменно отвечал:

«Такова воля государя, моего короля; он никогда не меняет своих решений».

20 октября в Альтранштадте договор был подписан.

Во время этих тайных переговоров Петр осадил Выборг и отправил значительный отряд Меншикова на помощь Августу. Русская помощь испугала Августа больше, чем могло это сделать шведское нападение: он опасался, что и Петр, и Карл могли подумать, что он ведет двойную игру.

Меншиков всячески торопил Августа напасть на шведского генерала Мейерфельда, стоявшего с 10000 человек у Калита в Познанском воеводстве. Август как мог отказывался, но, видя, что рано или поздно ему придется уступить, тайком послал к Мейерфельду гонца уведомить шведов об идущих тайных переговорах. Однако Мейерфельд решил, что это хитрость, и поторопился дать сражение.

Сражение под Калишем замечательно тем, что это была первая победа русских над шведами, одержанная при равенстве сил. Бой был ожесточенным. «Радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились», — доносил Меншиков Петру.

Победа под Калишем только ухудшила положение Августа, хотя и позволила ему

въехать победителем в разоренную Варшаву. Не успел он отслушать *Te Deum*⁵¹, как к нему явился Фингстен с договором, лишавшим его польской короны, и с требованием к нему саксонцев вернуться на родину, чтобы смягчить их участь. Калишское сражение заставляло Августа заботиться уже прежде всего о своей участи. У него оставалась надежда, что при личной встрече Карл смягчится. Бросив Петра и последних польских союзников, Август помчался в Саксонию.

16 декабря 1706 года он неожиданно появился в Лейпциге, сопровождаемый одним кавалером и своим камердинером. На следующий день курфюрст отправился к Карлу; король выехал ему навстречу. По дороге они разъехались, и Август первым прибыл на квартиру Пипера в Гюнтерсдорф (полчаса верховой езды от Альтранштадта).

Карл поспешил туда. Они встретились без церемоний. Присутствовавшие забавлялись разницей во внешности победителя с остриженной головой, в синем солдатском мундире, с черным платком на шее вместо галстука и в высоких ботфортах и побежденного, одетого во французский, расшитый золотом кафтан и в большом парике с буклями.

Государи обнялись и поцеловались, подали друг другу руки и час провели в дружеской беседе. Разговаривали только о сапогах Карла, и Август с интересом узнал, что за шесть последних лет король их снимал только ложась спать; говоря это, Карл опирался на эфес длинной шпаги, бывшей при нем под Нарвой. Август слушал с любезным и довольным видом, словно он проделал такой долгий путь и предал царя только ради того, чтобы поболтать со шведским королем о сапогах.

Покладистость Августа не помогла ему. Как он и опасался, Карл ужесточил свои требования. Помимо выполнения предыдущих условий, король заставил Августа выдать вместе с Паткулем главнокомандующего коронных войск в Польше и некоторых саксонских министров, отослать Станиславу польские драгоценности и архив короны; Август должен был лично приказать саксонским чиновникам не титуловать себя впредь польским королем, а также вычеркнуть этот титул из общецерковных молитв.

Но наибольшее унижение курфюрст испытал, когда Карл выразил желание, чтобы Август в собственноручном письме поздравил Станислава Лещинского со вступлением на престол. Шведскому королю пришлось повторить свою просьбу-требование несколько раз. Наконец Август уступил и набросал следующую записку:

«Государь и брат мой!

Причина, по которой мы до сих пор не ответили на письмо, какое мы имели честь получить от Вашего Высочества, заключается в том, что нам казалось излишним вступать в особый обмен письмами. Но, исполняя желание шведского короля и стремясь доказать, что мы всегда готовы следовать его воле, мы приносим Вашему Высочеству свое поздравление с восшествием на престол и желаем, чтобы Вы нашли в своем отечестве более верных и покорных подданных, чем оставили мы. Весь мир должен признать по справедливости, что за все свои благодеяния и заботы мы были награждены неблагодарностью, и большинство наших подданных помышляло только об образовании партий для содействия нашему свержению. Желаем, чтобы Вас не постигло такое же несчастье и поручаем Вас защите Всевышнего.

Ваш брат и сосед Август, король.

Дрезден, 15 апреля 1707 года ».

Но и это было еще не все. После подписания Августом Альтранштадтского мирного договора Карл стал относиться к нему с подчеркнутым пренебрежением. Король часто приглашал его на обед, но сам не являлся, а посылал вместо себя министров или генералов. Августу приходилось идти. На одном из таких обедов он даже встретился со Станиславом

⁵¹ «Тебе, Господи...» — начальные слова католической молитвы (лат.).

Лещинским. Это была тяжелая встреча для обоих. Лещинский не был любителем унижать врагов. Они не подошли друг к другу с приветствиями, а ограничились церемонными поклонами издали.

Зато всевозможные почести Карл оказывал матери Августа, вернувшейся из Дании (Карл был ее племянником); жена саксонского курфюрста также встретила самый любезный прием.

Условия Альтранштадтского договора и поведение Августа изумили всех. Один саксонский генерал даже предложил курфюрсту устроить покушение на Карла с 20-30 верными людьми, но Августу эта затея показалась безумно дерзкой.

Репутация Августа особенно упала в глазах женщин, что, возможно, было наиболее чувствительно для «короля-волокиты». Герцогиня Орлеанская писала из Версаля своей сестре Луизе: «За всю свою жизнь я не слыхала ничего ужаснее мира, заключенного королем Августом. Он положительно сошел с ума, соглашаясь на такие условия. Никогда я не считала его способным настолько забыть свою честь, и мне стыдно перед своим народом, что немецкий король оказался таким бесчестным».

Немецкий Самсон превратился в поверженного Голиафа.

3

Подписав Альтранштадтский договор, Август унизил себя, но согласившись выдать Карлу Паткуля, он себя опозорил.

Паткуль в 1704 году перешел на русскую службу и получил должность царского посла в Дрездене. В том же году он был арестован Августом. По словам Морица Саксонского, сына Августа, дело было в том, что Паткуль, имея гордый характер, не мог ужиться с саксонским министром Флеммингом. Паткулю стало известно, что Флемминг и саксонский канцлер готовят проект сепаратного мира со шведами на любых условиях; ему захотелось опередить ненавистного соперника, предложив царю эту идею. Но Флемминг обнаружил замысел Паткуля и добился его ареста. В оправдание этого поступка Август заявил Петру, что Паткуль изменник, предававший их обоих.

С тех пор царь настаивал на возвращении Паткуля, но Август продержал его в замке Кёнигштейн в Саксонии до вторжения Карла. Дав формальное согласие Карлу на выдачу Паткуля, Август все же хотел выйти из этого позорного дела с чистыми руками и тайно приказал коменданту кёнигштейнского замка предоставить возможность Паткулю бежать.

Комендант, однако, не торопился с выполнением приказа. Зная, что Паткуль богат, он хотел заставить его выкупить свободу; Паткуль отказывался. В результате этих препирательств время было упущено. Четверо шведских офицеров с конвоем явились в замок и отвезли пленника в Альтранштадт.

Над Паткулем тяготел смертный приговор, подписанный еще отцом Карла XII. Карл помнил только, что Паткуль родился его подданным, словно забыв, что теперь он является царским послом. Король приказал военному совету вынести Паткулю строгий приговор. Судьи приговорили его к колесованию и четвертованию.

Смертный приговор застал несчастного Паткуля почти в тот день, который обещал ему, быть может, наивысшую радость. Он был обручен с некоей саксонской дамой, госпожой д'Эйнзидель; давно намеченный срок их свадьбы пришелся как раз на время суда. Когда в камеру Паткуля вошел священник, он разрыдался в его объятиях. Паткуль просил его пойти к госпоже д'Эйнзидель и заверить ее, что он умирает преисполненный любви к ней.

Паткуль, человек храбрый, не смог оправиться от душевного потрясения и на месте казни. Увидев на эшафоте колеса и столбы, возведенные для его истязаний, он в судорогах повалился на руки сопровождавшего его офицера, который обнял его и накрыл плащом.

Стали читать приговор:

— «Сим извещается, что по чрезвычайному приказанию Его Величества, нашего

всемилоостивейшего государя...»

Услышав последние слова, Паткуль воскликнул:

— Какова милость!

Офицер, читавший бумагу, продолжил:

— «...этот человек, как изменник отечества...»

Паткуль вновь прервал его:

— Увы! Я слишком хорошо ему служил!

Дальнейшее он выслушал молча.

— «...присужден к колесованию и четвертованию во искупление своих вин и для примера другим. Пусть каждый остерегается измены и служит верно своему королю».

Карл лично дал подробную инструкцию палачу. Паткуль сначала должен был получить 16 ударов железной палкой, с долгими промежутками между ними. Первые же удары переломали ему кости рук, ног, ребра, позвоночник... Паткуль пополз к колесу, умоляя палача рубить. Его страдания были настолько ужасны, что офицер, руководивший казнью, дал знак палачу, несмотря на то что Паткуль не получил все назначенные удары палкой. Палач вначале отрубил голову (правда, только с четвертого взмаха) и затем четвертовал тело Паткуля.

Карл в гневе разжаловал офицера, нарушившего его инструкции.

Четвертованный труп Паткуля был оставлен на столбах до 1713 года, когда Август снова вступил на польский престол и велел убрать его. Прах Паткуля был доставлен в ящике в Варшаву. В это время с Августом находились французский посол и несколько придворных. Посмотрев на ящик, король сказал только: «Вот останки Паткуля!» — и не добавил к этому ничего; остальные побоялись заговорить о столь щекотливом для него деле.

Итак, двое врагов Карла — датский король и Август — были усмирены, третий, Паткуль, казнен. Оставался последний — русский царь.

4

Сразу после подписания Альтранштадтского мира Петр разослал европейским дворам письма, где назвал вероломством и трусостью выдачу Паткуля и призвал остальных государей вмешаться, чтобы предупредить оскорбление, которое в его лице Карл собирается нанести всем королевским особам, а также не гарантировать мирный договор, вырванный угрозами. Но эти письма лишь подтвердили могущество шведского короля: никто из государей не решился ради Паткуля угрожать Карлу войной и поддерживать свергнутого с польского престола саксонского курфюрста. В Европе все еще продолжалась война за испанское наследство, и силы Англии, Голландии, Австрии и Франции были скованы этой борьбой.

Петру советовали в ответ на казнь Паткуля репрессировать пленных шведских офицеров, но царь отверг это предложение.

Чтобы оживить антишведские настроения в Польше, Петр предпринял вторжение на ее территорию со значительными силами, дошел до Львова и велел собрать сейм. Во Львов съехались все, кого удалось собрать угрозами или соблазнить деньгами (затем сейм переехал в Люблин).

Казалось, в Польше вот-вот должен был появиться третий король. Однако всеобщее разорение Польши и неуверенность в способности русских противостоять шведскому королю заставили сейм действовать осмотрительнее: сенаторы ограничились тем, что не признали ни Августа, ни Станислава; новый король выбран не был.

Польша превратилась в арену войны всех против всех. Конфедераты, шведы, русские жгли, разоряли, убивали, насиловали. Стране грозило полное опустошение.

Это заставило Станислава вспомнить, что, собственно, из-за него шведы очутились в Саксонии, а на его родине подданные режут друг друга. 15 июля 1707 года он покинул

Альтранштадт в сопровождении 16 шведских полков под началом Рёншельда. Карл выдал ему также большую сумму денег.

Появление Станислава и Рёншельда в Польше несколько успокоило сумятицу мятежей. Везде, где он проезжал, его приветливость и, главное, шведские деньги объединяли вокруг него шляхту. Петр без боя отступил в Литву, и Станислав мирно въехал в Варшаву.

5

Шведы благоденствовали в богатой Саксонии, наслаждаясь долгожданным миром; лишь их король не переменил привычек военной жизни. Карл вставал в четыре утра, одевался сам, за столом сидел не более четверти часа, трижды в день скакал верхом и устраивал ежедневные смотры и маневры.

6 сентября 1706 года, во время одного из таких учений, шведский отряд, возглавляемый королем, оказался недалеко от Дрездена, куда удалился после подписания Альтранштадтского мира забытый всеми Август. Карл, по обыкновению, ехал в 200-300 шагах впереди отряда с несколькими генералами. Он указал спутникам на город:

— Ну, раз мы так близко, поедem туда.

Не дожидаясь ответа, он прищипорил лошадь. Изумленные генералы поспешили за ним. Шведский отряд в считанные минуты потерял их из виду.

У городских ворот от короля и его свиты потребовали представиться. Король ответил, что его зовут Карл и он королевский драбант, остальные тоже сохранили инкогнито. Неузнанные, они въехали в Дрезден. Первым, кто опознал короля, был граф Флемминг, увидевший его на городской площади. Он не поверил своим глазам: зверь не просто оказался в ловушке, он, так сказать, сам забрел прямо на кухню!

По просьбе Карла Флемминг проводил его к Августу. Курфюрст находился в цейхгаузе, где обыкновенно занимался атлетическими упражнениями; вместе с ним была графиня Козел.

Раздался стук в дверь; Август разрешил войти. Карл, гремя шпорами, быстро подошел к нему и обнял со словами:

— Здравствуйте, брат мой!

Если бы Август дал волю чувствам, то это объятие, вероятно, оказалось бы для Карла последним: силач курфюрст просто задушил бы его. Но Август растерялся и бормотал какие-то любезности. Зато графиня Козел, как и Флемминг, сразу оценила положение; она приблизилась к Августу и шепнула, чтобы он велел арестовать короля.

Однако у Августа не хватило на это решимости. Карл догадался, о чем просит курфюрста графиня, и сделал знак растерявшемуся врагу. Август понял и велел графине удалиться; она подчинилась и вышла, метнув яростный взгляд в сторону шведского короля.

Карл вел себя как добрый друг. Он попросил Августа показать городские укрепления и улицы. Они вышли из цейхгауза, осмотрели валы и стены и, сопровождаемые привлеченными новостью горожанами, медленно дошли до ворот.

Здесь один ливонец, служивший у Августа, стал умолять курфюрста испросить для него прощение у короля, уверенный в том, что Карл не откажет Августу в такую опасную минуту. Август согласился и, взяв под руку Горна, изложил ему суть просьбы.

— Я надеюсь, что ваш государь не откажет мне, — добавил курфюрст.

— Вы его не знаете, — возразил Горн, — он вам откажет здесь скорее, чем в другом месте.

И действительно, Карл ответил на эту просьбу категорическим отказом.

Август проводил короля еще с полмили до Нейдорфа, где они простились. Это было прощание навсегда.

Офицеры покинутого Карлом отряда все это время пребывали в ужасе за его судьбу. Они сказали ему, что собирались осадить Дрезден, если бы узнали, что король пленен.

— Ладно, — улыбнулся Карл, — они не посмели бы!

Шведский генерал барон Штральгейм, узнав на следующий день, что после отъезда Карла Август собрал чрезвычайный совет, сказал: «Вот увидите, они совещаются о том, что им надо было сделать вчера».

Через несколько дней Карл, беседуя с кем-то об этом случае, обронил:

— Я положился на мою счастливую судьбу, но тем не менее я пережил не совсем хорошую минуту. Флемминг ни за что не хотел, чтобы я так скоро выехал из Дрездена.

Примерно тогда же произошел еще один случай, весьма характерный для Карла. Один ливонский перебежчик по фамилии Пайкель, взятый в плен и приговоренный стокгольмским сенатом к смерти, предложил в обмен на жизнь открыть секрет приготовления золота. Ему позволили произвести алхимические опыты в тюрьме, в присутствии полковника Гамильтона и членов магистрата. Все они свидетельствовали, что в тигле действительно оказался слиток золота, который отправили на стокгольмский монетный двор. По этому поводу был сделан ученый доклад в сенате, показавшийся столь важным, что бабка Карла приказала приостановить действие приговора и ходатайствовать перед королем о помиловании Пайкеля: не стоил ли философский камень головы одного мятежника? Надо сказать, что Карл считал подобный опыт возможным, но возмущенный тем, что с ним смеют торговаться о его решении, король заявил, что никогда никого не помилует из выгоды, если не сделал этого по дружбе, и ускорил день казни.

Деньги были для Карла лишь средством, чтобы делать пули и отливать пушки. Бесформенные монеты, отчеканенные в его царствование, рисуют его едва ли не лучше, чем его портреты. Это широкие медные квадраты, заштампованные королевской печатью с четырех углов, — настоящая спартанская монета, сделанная наскоро для потребностей войны.

Правда, Август, узнав об этом случае, ехидно заметил:

— Я не удивляюсь тому, что шведский король так равнодушен к философскому камню, — он его нашел в Саксонии.

По его расчетам, годовое пребывание шведов в Саксонии стоило стране 23 миллионов риксдалеров деньгами и поставками натурой и 12000 (по другим сведениям, 24000) красивых молодых людей, забранных Карлом в солдаты. Саксонскому золоту странным образом суждено было оказаться в русской казне и послужить поражению Швеции.

Пожалуй, единственной государственной и просто человеческой заслугой Карла за время его пребывания в Саксонии стало покровительство силезским протестантам. Благодаря твердому, почти угрожающему поведению относительно венского двора, Карлу удалось доставить Силезии религиозную свободу, уничтоженную там вскоре после окончания Тридцатилетней войны. Лютеране получили в свое распоряжение больше 100 церквей, которые католики вынуждены были им уступить. Когда шведы вечером становились вместе со своим королем на молитву, то тысячи саксонцев и силезцев присоединялись к ним, призывая благословение Всевышнего на Карла и его народ. Протестанты пели, выразительно глядя на короля, слова псалма:

Наши силы иссякали,
Полона не миновать,
От *Него* лишь помощь ждали,
Он один мог поддержать!

«Такие минуты, — справедливо говорит Оскар II, — напоминали времена Густава Адольфа, героя веры, и могут считаться счастливейшими минутами в жизни Карла XII».

Папский нунций упрекал германского императора за эти уступки протестантам, но услышал от него такой ответ:

— Вы должны быть очень счастливы, что шведский король не предложил мне принять лютеранство, ибо, если бы он этого захотел... я не знаю, что бы я сделал!

Когда император письменно подтвердил религиозные свободы силезских протестантов, Карл заявил, что отныне он лучший друг Империи (все эти свободы были сразу ликвидированы, как только Карл после Полтавы лишился возможности диктовать законы). Но противодействие Рима вызывало в нем досаду. Король с раздражением говорил, что Швеция некогда уже покорила Рим (он имел в виду племена готов), и велел предупредить папу, что когда-нибудь потребует назад «наследство Христины».

Из этого видно, что Карл не имел плана дальнейших действий и колебался между самыми рискованными предприятиями. Он даже послал офицеров в Египет и Азию, чтобы они сняли там планы городов и собрали сведения о военных силах турок.

Но вскоре карта другой страны появилась на его столе.

6

Альтранштадт становился центром европейской политики. Сюда съезжались послы чуть ли не всех государств Европы: одни, чтобы уговорить Карла оставить в покое имперские земли, другие, чтобы склонить его к союзу против германского императора (распространился слух, что Карл собирается стать императором Священной Римской империи), третьи, более умные, чтобы вывести дальнейшие планы шведского короля.

Петр также решил вступить в переговоры с Карлом для выработки мирного договора со Швецией. Царь попытался привлечь к посредничеству в этих переговорах английского герцога Мальборо, имевшего большое влияние на королеву Великобритании Анну.

Джон Черчилль Мальборо слыл одним из лучших полководцев Европы, соревнуясь в этом со шведским королем. Будучи главнокомандующим английских войск на континенте, он одержал над французами ряд блестящих побед. Кроме того, он был превосходным дипломатом и, по словам Вольтера, «сделал столько же зла Франции умом, сколько оружием». Мальборо в совершенстве владел изощренным дипломатическим искусством своего времени. Секретарь Генеральных Штатов (Голландии) Фагель рассказывал, что правительство Нидерландов неоднократно решало твердо противостоять предложениям Мальборо, но герцог являлся, говорил с ним, Фагелем, и другими на французском языке (на котором, кстати, очень плохо изъяснялся) и всех переубеждал. Об исключительной убедительности и обаянии герцога свидетельствовали и другие дипломаты.

Джон Черчилль, герцог Мальборо.

Склонить его к посредничеству было нелегко. Хотя герцог и был чрезвычайно корыстолюбив (позже его отстранили от командования за растрату казенных денег), размеры его богатства исключали обычный подкуп. Петр долго не знал, чем купить «дука»⁵², но Мальборо сам определил размер вознаграждения: 200000 ефимков и доход с Киева, Владимира или какого-нибудь другого крупного города. В случае успешного завершения переговоров царь еще обещал герцогу такой рубин, какого или «совсем на свете нет», или «зело мало», и орден Святого Андрея Первозванного.

Рубин снял последнее напряжение в переговорах с герцогом. Мальборо обещал русскому посланнику в Гааге Артемону Матвееву «крепко говорить со шведами», «чинить все к угодности его царского величества» и «разъехался с несказанно какою любовью!» (письмо Матвеева Петру).

Главная цель поездки Мальборо в Альтранштадт заключалась в том, чтобы выяснить, не собирается ли Карл напасть на Австрию, союзницу Англии в войне за испанское

⁵² То есть герцога — от английского обозначения этого титула (duke).

наследство. Правда, Карл уже раньше дал слово не вмешиваться в эту войну, но Мальборо не верил, чтобы какой-либо государь мог быть рабом своего слова.

В Альтранштадте Пипер представил герцога вместе с английским послом Робинсоном королю. Мальборо по-французски обратился к Карлу, сказав, что счастлив изучить в военном деле под его руководством то, чего еще не знает. Карл не ответил и, казалось, забыл, кто перед ним. Мальборо не понравился ему: король нашел, что герцог фат и имеет мало воинственный вид. Беседа была утомительна для обоих и носила общий характер. Из-за давнего предубеждения против французского языка Карл говорил по-шведски, Робинсон переводил. Мальборо внимательно изучал Карла и не торопился с предложениями. Он заметил, что король с радостью говорит о победах союзников над Францией. Это обнадежило его, что интересы Англии будут соблюдены. Зато при имени царя глаза Карла воинственно зажглись, к тому же на королевском столе Мальборо заметил карту России. Герцог понял, что ему не нужно тратить лишних слов. Было ясно, что Карл оставит в покое германского императора и направит свои усилия против Петра.

Мальборо вздохнул, мысленно расставаясь с доходами от Киева и с необыкновенным рубином, и не сделал Карлу никаких предложений. Великобритания ничего не имела против того, чтобы шведский безумец исчез в снегах Московии.

РУССКИЙ ПОХОД

*Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он Шел на древнюю Москву...*
А.С. Пушкин. Полтава.

1

Дальнейшие планы Карла оставались загадкой для его приближенных до сентября 1707 года. Однажды король потребовал как бы мимоходом, в разговоре, у генерал-квартирмейстера Гилленкрока, занимавшего тогда должность начальника генерального штаба, «письменного маршрута из Лейпцигу в...» — тут он запнулся и, улыбнувшись, продолжил: — «Ну да, во все столицы Европы». Гилленкрок выполнил это распоряжение. Описание маршрутов начиналось с заголовка, выведенного крупными буквами: «Дорога, из Лейпцига в Стокгольм». Король взглянул и сказал:

— Господин гофмаршал, я прекрасно вижу, куда вы хотите меня повести; но мы так скоро не вернемся в Стокгольм.

Только изредка он давал что-то понять о своих намерениях. Как-то раз он сказал в ответ на уговоры заключить мир с царем:

— Да, я заключу с ним мир, но по-саксонски.

Еще определеннее Карл высказался в разговоре со Станиславом Лещинским, который отговаривал его от похода в Россию:

— Прошу вас поразмыслить, что Польша никогда не найдет покоя, пока будет иметь соседом такого несправедливого царя, начинающего войну без всякой уважительной причины. Поэтому необходимо, чтобы я отправился и сместил его с престола.

А в письме английской королеве Анне Карл заявлял, что не потерпит затягивания переговоров с Австрией по поводу силезских протестантов, «потому что это снова даст москвитам возможность ускользнуть...».

В сентябре 1707 года шведская армия оставила Силезию. Вместе с Карлом в поход выступило 44000 человек. Кроме них, Карл мог рассчитывать на 16-тысячный корпус Левенгаупта в Курляндии и на 16000 поляков Станислава.

Это было самое благодатное время для шведской армии. Все полки были полностью укомплектованы и даже имели сверхкомплектный личный состав. Отдохнувшие от походов солдаты получили превосходное вооружение и обмундирование; армия ни в чем не испытывала нужды: в каждой полковой казне шведы везли от 140000 до 160000 риксдалеров. Правда, многие лучшие офицеры, товарищи детства и юности Карла — Арвид Горн, Стенбок, Нирод и другие, — получили назначение в Швецию на государственные должности. Но армию все еще возглавлял цвет шведского офицерства. Главной фигурой в ней после Карла стал Рёншельд, постепенно оттеснивший от короля даже Пипера.

Основной силой армии была кавалерия, составлявшая 60 процентов (25000) от общей численности войск. Всадники-драгуны могли в случае необходимости сражаться и в пешем строю. В сражении драгуны строились в три линии и атаковали галопом, тесно сомкнутыми рядами. «Понятия того времени, но еще более наклонности и вкус самого короля, сделали из него прежде всего превосходного кавалерийского генерала, — пишет Оскар II. — Быстрота соображения, скорость действий, сила в нападении — вот три главные черты его характера как воина. Даже прусские военные писатели признают, что шведская кавалерия послужила образцом для прусских кавалеристов Зейдлица⁵³...».

Пехота из-за несовершенства огнестрельного оружия оставалась в сражении на вторых ролях — ее использовали главным образом для гарнизонной службы. Пехотинцы делились на мушкетеров, гренадеров и пикинеров. Мушкетеры были вооружены пятикилограммовыми мушкетами с кремневыми замками. Скорость стрельбы не превышала двух выстрелов в минуту, дальность — 150 метров. Калибр мушкета составлял 20 мм. Из-за большой отдачи мушкет при стрельбе приставляли к правой стороне груди: приложив приклад к плечу, можно было получить вывих. Мушкетеры стреляли не целясь, залпом. Результативность такого огня не превышала одного попадания на 300 выстрелов, зато его устрашающий эффект был велик. Карл разрешал стрельбу только с очень близкого расстояния, и мушкетеры говорили, что король хочет, «чтобы они стреляли не раньше, чем белки в глазах врага увидят». Как правило, шведы успевали сделать два-три залпа до начала рукопашной.

Вооружение шведской армии.

Гренадеры помимо ружья имели гранаты — полые ядра из чугуна, свинца, обожженной глины или дерева, диаметром 8 сантиметров и весом 1,5-2 килограмма. Гранаты начиняли зарядом, воспламенявшимся от запального шнура.

Карл приучил мушкетеров и гренадеров к штыковому удару, но треть пехоты все еще ходила в атаку с пиками. Это оружие имело устрашающий вид, но вреда неприятелю причиняло немного. Один офицер шутил, что тот, кто убивает пикинера, убивает невинного: сам он редко видел, чтобы пикинер кого-либо убил, «а если с кем-либо и вправду случалось, что он становился жертвой пики, то виноват в этом был только он сам, ибо зачем ему надо было на пику лезть?». Однако Карл не раз с успехом использовал пикинеров против польской и русской нерегулярной кавалерии.

Шведская армия была оснащена всеми видами пушек различного калибра — от трех— до двенадцатифунтовых (калибр зависел от веса снаряда: вес трехфунтового ядра равнялся 1,5 килограмма, двенадцатифунтового — 6 килограммам). Длина полета ядра могла достигать одного километра, но прицельный огонь мог вестись на расстоянии до 500 метров. При этом легкая пушка могла стрелять в несколько раз чаще, чем мушкетер; двенадцатифунтовое орудие делало 10 выстрелов в час.

⁵³ Зейдлиц Фридрих Вильгельм фон (1721-1773) — прусский генерал от кавалерии, командующий кавалерией Фридриха II в Семилетней войне 1756-1763 гг.

Удачный артиллерийский залп вызывал настоящее опустошение в рядах неприятеля. Например, при стрельбе железными ядрами целились в колени вражеских солдат или в брюхо лошади — в этом случае одно ядро, отскакивая рикошетом от земли, людских и лошадиных тел, могло повалить до 20 человек. Действие прямого попадания ядра было ужасно: человека буквально разрывало на куски.

Еще более эффективной была стрельба «виноградной дробью» — так по-шведски называлась картечь. Картечный снаряд представлял собой картонную, деревянную или железную оболочку для свинцовых пуль, уложенных как виноградная гроздь. Стрельбу картечью можно сравнить с пулеметным огнем — она сметала целые шеренги.

Существенным недостатком артиллерии была ее малая подвижность: двенадцатифунтовое орудие весило 1,7 тонны, для его перевозки нужна была упряжка в 12 лошадей. Обычно пушки оставались на своих местах до конца сражения, за исключением трехфунтовых орудий, которые перевозили с помощью тройки лошадей или 12 человек артиллерийской прислуги. Видимо, это обстоятельство заставляло нетерпеливого Карла зачастую пренебрегать артиллерией в сражениях или использовать ее только в качестве метательных машин — для забрасывания ядер и гранат во вражеские окопы и за стены осажденных городов. В русском походе это пренебрежение достигло своих крайних пределов; король-викинг превратил своих солдат чуть ли не в средневековых паладинов, атакующих врага лишь холодным оружием.

2

План действий русской армии на территории Польши был выработан Петром на военном совете в Жолкве (около Львова): «Тут же в Жолкве был Генеральный совет, давать ли с неприятелем баталии в Польше, или при своих границах, где положено, чтоб в Польше не давать: понеже, ежели б какое несчастье учинилось, то бы трудно иметь ретираду [отступление]; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах, и партиями, так же оголошением провианта и фуража, томить неприятеля, к чему и польские сенаторы многие в том согласились» (Журнал Петра Великого).

Русские войска начали отходить на восток, создавая около русской границы двухсотверстную зону рукотворной пустыни.

Поход по разоренной Польше после годичного пребывания в обильной Саксонии подействовал на шведов удручающе. Все ждали, что Карл быстро пройдет Польшу и вторгнется в Россию, но осенняя распутица заставила его остановиться на Висле и простоять здесь до декабря. Чтобы поддерживать связь с Левенгауптом, Карл был вынужден вести армию не через богатую Волынь, а через лесистую Мазурию, северную область Польши, где до сих пор не бывала ни одна армия. Все время приходилось рубить лес для прохода. Местные крестьяне скрывали съестные припасы и нападали на мелкие отряды шведов. Карл в ответ посылал в леса экзекуционные экспедиции с приказом убивать мужчин старше 15 лет, забивать весь скот, который нельзя увести, и сжигать деревни. Пойманных крестьян шведы подвергали пыткам, чтобы заставить их указать продовольственные тайники: зажимали пальцы в кремневый замок ружья, стягивали палкой веревку на голове, пока не вылезут глаза, или ловили детей, били кнутом на глазах у родителей и делали вид, что вешают их.

Через десять дней шведская армия добралась до Литвы, оставив в Мазурии выжженную пустыню. Один драгунский полковник вспоминал: «Множество народу было убито, а также все было сожжено и разорено, так что, думается мне, оставшиеся в живых не скоро забудут шведов».

Вечером 27 января 1708 года Карл подошел к Неману и узнал, что в Гродно находится сам царь. Не считая неприятельских сил, всего с 800 кавалеристами и драбантами,

сопровожаемый Маленьким Принцем, король ворвался на мост. Здесь он впервые убил нескольких человек в рукопашной схватке. На другой день русские покинули город через северные ворота, буквально в то самое время, когда шведы входили в него через южные. Приказ разрушить за собой мост не был выполнен из-за измены бригадира Мюленфельда⁵⁴, перешедшего на сторону шведов (другие перебежчики, капитаны Сакс и Фок, предлагали со 100-150 людьми захватить Петра, который, по их словам, часто бывал без охраны далеко от армии). Однако ночью 3000 русских кавалеристов вернулись, напали на караулы и проникли в Гродно. В темноте завязалась отчаянная рубка, почти вслепую. Король вновь принял в ней участие и едва не погиб: ружье русского драгуна, направленное на него, дало осечку.

Отбив нападение, Карл бросился за русскими. Преследование велось им так быстро, что русский отряд едва успевал опустошать за собой местность. Шведы въезжали в деревни, где еще дергались обожженные туши скотины; по дорогам виднелись трупы загнанных русских лошадей.

В начале февраля король дал отдых войску в Сморгони, известном тогда пристанище литовских укротителей медведей. Гилленкрок пишет, что именно здесь, в результате бесед с Мюленфельдом, расписавшим яркими красками тяжелое положение русских, Карл окончательно решил идти на Москву, а не на Новгород и Псков, как хотел Пипер (генерал Аксель Спарре сейчас же «вспомнил» старинное предсказание, что некто Спарре будет губернатором в Москве). Однако это показание сомнительно: до сих пор Карл всегда прямо шел на вражеские столицы, и вряд ли советы Пипера держаться ближе к шведским провинциям могли прийтись по вкусу королю.

В середине марта Карл двинулся дальше к Радошковичам, где еще три месяца простоял, занимаясь муштрой и выискивая по деревням последние крохи съестных припасов. Шведы научились отыскивать крестьянские тайники. Крестьяне даже подозревали здесь колдовство, но дело объяснялось просто: шведы заметили, что тайник обычно располагается под тем местом, где быстрее тает снег. Солдаты втыкали в землю шесты с крюками — вытащенная из-под земли солома служила верным признаком сокрытия тайника.

25 марта в Радошковичи прибыл Левенгаупт для получения инструкций. На его вопрос, куда вести курляндский корпус, Карл дал уклончивый ответ, «как делал не раз, не желая преждевременно раскрывать своих планов» (записки Левенгаупта). Эта уклончивость впоследствии дорого обошлась и Левенгаупту, и самому Карлу.

6 июня Карл из Радошковичей повел армию дальше на восток. На вопрос Гилленкрока о направлении движения король ответил:

— Теперь мы идем по дороге на Москву, и если только будем продолжать, то, конечно, дойдем!

Гилленкрок возразил, что русские, несомненно, будут воздвигать на пути шведов укрепления и защищать их.

— Все эти укрепления ничего не стоят и не задержат наступления, — отмахнулся от него Карл.

Король простился со Станиславом и оставил ему 8000 новобранцев под началом генерала Крассау. Передают, что Карл сказал Станиславу:

— Я надеюсь, что князь Собеский нам всегда останется предан. Не полагаете ли вы, что он мог бы быть отличным царем России?

Польшу Карл не увидел больше никогда, а при следующей его встрече со Станиславом один из них был уже беглецом без армии, другой — турецким пленником.

⁵⁴ Мюленфельд попал в плен под Полтавой и был посажен на кол 30 июня 1709 г.

В том, что двадцатипятилетний Карл, победоносно окончивший семь кампаний, надеялся дойти до Москвы и свергнуть Петра с престола, не было ничего удивительного. Такие походы совершались как до него, так и после — татарами в XVI-XVII веках, поляками в Смутное время, Наполеоном в 1812 году — при практически одинаковом военно-техническом обеспечении продвижения войск. Россия с ее 15-миллионным населением и огромной протяженностью границ не могла быть одинаково защищенной на всех направлениях и предоставляла противнику большие возможности в выборе маневра при вторжении. У Карла даже были преимущества перед Наполеоном: шведы лучше знали Россию, не боялись зимних кампаний, и им противостояла армия, имевшая очень небольшой боевой опыт; наконец, вспыхнувшее в 1708 году восстание Булавина и колеблющаяся позиция Мазепы грозили России добавлением к войне с внешним врагом войны гражданской.

Большинство упреков, брошенных военными и историками в адрес Карла после полтавской катастрофы, касаются не самого решения шведского короля идти на Москву, а стратегического осуществления этого замысла. Одни (как, например, Леер в классической «Стратегии»), не отрицая военных дарований Карла, повторяют вслед за Вольтером: «храбрый, отчаянно храбрый солдат, не более» — и определяют стратегию Карла как типично *авантюристическую*. Другие (вроде русского историка Герье) вообще не признают наличия какого-либо плана в русском походе, «если только не называть планом стремление бить врага там, где он встретится, но тогда полководцами были и Рагнары, Гаральды и Рюрики».

Действительно, полководческие способности Карла в значительной мере ослаблялись его «викингством», если, конечно, вообще можно говорить об их ослаблении у человека, одерживавшего в течение семи лет непрерывные победы. Точнее будет сказать, что Карл великолепно овладел агрессивной, наступательной тактикой, которая принесла ему первые успехи, и постепенно стал пренебрегать стратегией. Однако в русском походе стратегический план у Карла, вероятно, был (об этом можно судить только по его действиям, поскольку королевские архивы не дошли до наших дней) и состоял в следующем: 1) энергичное наступление к Москве; 2) использование операционных линий севернее Полесья; 3) поддержание связи (а в будущем и соединение) с Левенгауптом. Ниже мы увидим, как упорно Карл проводил в жизнь свой стратегический замысел, и если все-таки не преуспел в этом, то значительная доля «вины» за его неудачу лежит и на русском генеральном штабе.

Хуже всего было то, что Карл выдумал себе определенные правила войны и хотел, чтобы победа доставалась ему сообразно с ними. Правила эти заключались, как мы уже могли видеть, во-первых, в том, чтобы не допускать даже мысли об отступлении и придерживаться однажды выбранного направления и цели. Перед сражением никогда не делалось никаких распоряжений на случай отступления и не назначался сборный пункт. Сигналы к отступлению было запрещено подавать даже во время маневров. На отступивших Карл смотрел как на дезертиров. Он знал одну команду: «Вперед, ребята, с Богом!» Это привело к тому, что при первой же неудаче шведы потеряли способность к сопротивлению.

Во-вторых, Карл не щадил своих солдат и не принимал в расчет ни количество врагов, ни климат. Рано или поздно напрасная трата людских сил должна была сказаться на моральном состоянии армии.

Наконец, король первый подавал пример храбрости, основанной на полном презрении к противнику. Привычка не считаться с действиями противной стороны, не признавать за ней способности к разумным решениям и инициативе стала настоящей бедой шведского генералитета.

более чем 100-тысячную армию: основные силы — 83000 человек под началом фельдмаршала Шереметева, прикрывавшие московское направление, и ингерманландский корпус генерала Боура (24000), наблюдавший за Левенгауптом. В Польше действовал верный царю коронный гетман Сенявский с 15000 кавалеристов.

Сочетание этих сил обеспечивало русским превосходство над шведами не менее чем на треть на любом выбранном ими направлении.

Карл с армией двинулся к «речным воротам» России, туда, где Двина и Днепр — естественная водная преграда на ее западных границах — поворачивают на восток, образуя узкий коридор — дорогу на Москву. Здесь шведов ожидали главные силы русской армии. В страшной суматохе укреплялись Смоленск и Москва.

Первая серьезная стычка в Польше произошла в ночь на 4 июля 1708 года у Головчина. Здесь находился 6-тысячный отряд генерала Репнина и кавалерийского генерала Гольца (левое крыло Шереметьевской армии), отделенный от остальных русских сил трехкилометровым болотом. Карл произвел рекогносцировку и напал на Репнина с одним авангардом, не дождавшись подкреплений. «Король не мог ждать», — свидетельствует один из участников сражения.

Схватив одной рукой полковника Нирода и протянув другую капитану Адлерфельду, Карл бросился в речку Бабич, призывая солдат не ждать наведения понтонов. Полки последовали за королем.

Под проливным дождем, сделавшим дороги непроходимыми, шведы переправились и после ложной демонстрации стремительно атаковали на главном направлении. Карл сразу убедился, что перед ним уже не тот сброд, который был под Нарвой восемь лет назад. Бой продолжался четыре часа. Русская кавалерия стойко отбивала атаки и сама три раза («тремя волнами») бросалась на драгун Рёншельда. Карл сражался пеший в рядах гвардии, уступив коня раненому капитану Гилленштерну. На рассвете Репнин и Гольц отступили, сохраняя порядок, и присоединились к Шереметеву.

По шведским данным, русские потеряли в этом бою 5000 человек (что маловероятно), шведы — 1200. В Журнале Петра Великого потери русских определяются в 547 убитых, 675 раненых и 630 пленных; шведов — до 2000 убитыми и ранеными.

Несмотря на проявленное упорство корпуса Репнина, Петр пришел в бешенство: путь к «речным воротам» для шведов был открыт! Трибунал по требованию царя разжаловал командующего в рядовые и обязал его оплатить за свой счет потерянные боеприпасы и пушки. Солдат, раненных в спину, расстреливали и вешали.

«Головчин оказался тем местом, над которым в последний раз взошла звезда счастья Карла XII», — отмечает шведский историк Кнут Лундблат. После Головчина открывается длинный счет бедам, несчастным случайностям и тяжелым страданиям, обрушившимся на шведов, каждый шаг которых отныне будет обильно полит их кровью. Отсюда, от Головнина, началась гибель армии Карла XII.

8 июля Карл занял Могилев и простоял там почти месяц, ожидая подхода Левенгаупта с огромным обозом (16000 солдат, 16 пушек и 8000 повозок). Левенгаупт сильно задержался и выступил в поход короткими переходами только в конце мая. За месяц он едва преодолел 230 километров. Наличие обоза не оправдывает этого черепашого шага. В 1812 году в тех же местах 50-тысячный корпус маршала Даву, обремененный не менее громадным обозом, проделал 200 километров за 6 дней — и это при том, что перед ним отступал Багратион. Неторопливость движения шведов объяснялась странным поведением самого Левенгаупта: две недели он простоял в Долгинове; затем несколько дней ждал драгунский полк Шлиппенбаха и, дождавшись, дал ему недельный отдых. Левенгаупт позже оправдывался, ссылаясь на то, что его задерживали какие-то «беспорядки» в армии. В сущности, этим он расписался в собственной несостоятельности, в неспособности навести дисциплину в своем корпусе.

Прусский военный агент при шведской армии подполковник Зильтман сообщал домой (письмо от 28 июля), что Карлу, конечно, хотелось бы дождаться Левенгаупта, но сделать это

было невозможно из-за *постоянных нападений русских* из Шклова и Быхова.

5 августа Карл двинулся на юго-восток, держась между Днепром и рекой Сож, чтобы не потерять связь с Левенгауптом. Отныне его армия уподобилась коту, который ищет лазейку в высокой глухой стене и бредет вдоль нее все дальше и дальше, туда, где его ожидает свора собак.

Время между 8 августа и 15 сентября — наиболее труднообъяснимый период похода, когда в действиях Карла и в самом деле обнаруживаются какая-то запутанность и неясность. На пути к Смоленску король пытается навязать бой ускользающим русским отрядам; иногда, стремительно врываясь в русский лагерь, он застает в нем брошенных лошадей, верблюдов и армейских проституток. В то же время Карл чего-то ждет, делает две остановки, теряя в первый раз два дня, а во второй — неделю, и находит удовольствие в перестрелках с «болотными Иванами» (это прозвище шведы дали русским), как, например, под Черниговом, где король брал мушкеты у своих солдат и, как утверждают, уложил многих неприятелей.

30 августа перед рассветом Карл с драбантами издали наблюдал, как несколько батальонов и эскадронов Голицына, «по грудь в воде», перешли Черную Наппу у села Доброе и отогнали отряды генералов Рооса и Крузе, которых спасло только то, что русская кавалерия, преследуя их, увязла в болоте. Шведская армия была еще на марше и не могла оказать помощь разбитым отрядам. Впрочем, придворные летописцы Карла, Адлерфельд и Нордберг, не смущаясь, говорят о победе шведов в этот день.

Успех у Доброго был высоко оценен Петром: «Правда, что я как стал служить, такой игрушки не видал. Аднакож сей танец в [о]чах горячего Каролуса изрядно станцовали». По русским данным, неприятель потерял 2000 человек убитыми и 2000 ранеными.

Цифры могут быть неточными, но достоверно известно, что шведы три дня хоронили убитых.

Ожесточенное сопротивление русских вызвало в шведской армии новую волну убийств пленных. На этот раз не щадили даже офицеров. После сражения у Доброго один шведский офицер помиловал русского подполковника, но какой-то финский солдат с криком: «Только не давать пощады, господин, мы сыты по горло такими, как он, добрый господин!» — проколол пленного шпагой.

Доброе заставило многих пересмотреть возможности «северного Александра» и его противника, который, кажется, вовсе не собирался повторять судьбу Дария III⁵⁵. Старый дипломат Урбих, перешедший из Дании на русскую службу, писал Лейбницу: «Вы правы, что война между царем и шведом не кончится, пока не погибнет тот или другой. Правдоподобнее, что это случится скорее с Карлом XII, чем с царем; у нас есть и всегда будет возможность оправиться, если же шведы будут побиты, то они не оправятся и в сто лет. Поэтому шведскому королю следовало бы заблаговременно подумать о мире, возвратив царю то, что прежде ему принадлежало, и бросить своего Стенцеля (шутливоуменьшительное от имени Станислав. — С.Ц.), который никогда не может быть королем в Польше. Если король шведский не сделает этого, то я опасаюсь, что ни его армия, ни он никогда не возвратятся живыми в Швецию».

Даже Рёншельд стал колебаться и снизошел до того, что пожелал услышать совет Пипера. Но Пипер ответил ему: «Черт, который до сих давал свои советы, пусть и теперь он же подает свой совет» (биограф Карла Фриксель).

Карл сменил направление движения и теперь шел на север. 9 сентября у Раевки он столкнулся с частями кавалерии Боура, который отходил на соединение с главными силами по мере приближения Левенгаупта. Здесь произошел эпизод с окружением Остготландского полка, описанный выше (см. раздел 2 главы «На войне как на войне»). При спасении Карла из окружения погибли два шведских генерала: Тюре Хорд и Карл Розеншерн.

⁵⁵ Дарий III (правил в 336-330 гг. до н. э.) — последний персидский царь из династии Ахеменидов. Потерпел поражения от Александра при Иссе и Гавгамелах и был убит своими придворными.

Петр назвал этот бой «счастливой партией». Он лично командовал войсками и находился так близко от шведов, что «виден нам был король шведский сам особою своею».

11 сентября шведы достигли Татарска — крайнего пункта своего продвижения на север. Король остановился в селе Стариши. Здесь между 11 и 13 сентября состоялось знаменитое совещание, которое большинством историков принимается за исходную точку похода на Украину.

В передаче походного капеллана и автора записок о Карле XII Нордберга совещание проходило следующим образом. Карл впервые заговорил об Украине и пожелал узнать мнение своего штаба о походе в том направлении. Пипер настаивал, что следует дожидаться Левенгаупта и продолжать движение к Смоленску. Поход на Украину Пипер назвал гибелью армии. По его словам, в этом случае Левенгаупт будет обречен и тогда «никто не может гарантировать, что шведский солдат, который до сих пор сражается с радостью, не разочаруется во всем наконец и что ему даже и жизнь надоеет, когда он увидит, что его привели в страну, откуда выйти когда бы то ни было у него нет никакой надежды». Пипер сделал вывод, что «концом всего этого будет гибель столь цветущей армии, с которой король совершил такие блестящие деяния, и эта потеря будет невосстановимой как для самого короля, так и для шведского королевства».

Рёншельд, напротив, указывал, что на Украине шведов ждет Мазепа с 20000 казаков и что когда Карл выиграет там первое сражение, то «казаки покажут чудеса при преследовании неприятеля и истребят русских всех, целиком». Из плодотворной Украины шведам будет «легко и проникнуть в Московию, и сообщаться с Польшей». Что касается Левенгаупта, то он не пропадет: враги «подумают дважды перед тем, как осмелиться напасть на него».

Польский генерал Понятовский, участник похода, в своих записках говорит, что король, видя, как русские жгут даже принадлежащую им Смоленщину, решил, что невозможно идти дальше «голодным и разоренным краем», и повернул на Украину, имея в виду помощь Мазепы и «казачий бунт».

Свою точку зрения высказывает и Гилленкрок, на показаниях которого основываются сторонники того мнения, что Карл в этом походе действовал наобум. Гилленкрок рассказывает, что еще до совещания у него состоялась беседа с королем. Карл сказал ему, что в армии «есть полки, три недели не имеющие хлеба и питающиеся другими продуктами», и сразу добавил, что «это бы еще ничего, но совсем нет фуража для лошадей». А на свой вопрос, каковы дальнейшие планы его величества, Гилленкрок с изумлением услышал, что у короля «нет никакого плана».

Итак, совещание в Старишах имеет существенное значение для прояснения трех вопросов:

1. Придерживался ли Карл какого-либо плана при вторжении в Россию?
2. Если такой план был, то что заставило короля изменить его?
3. Куда Карл повел армию после совещания?

Ответ на первый вопрос был уже дан выше: Карл придерживался своей обычной стратегии — стремительное вторжение в неприятельскую страну и захват ее столицы. Он намеревался собрать все силы шведов в один кулак и двигаться через «речные ворота» по маршруту Могилев — Смоленск — Москва. Может быть, в этом плане отсутствовала детальная проработка конкретных боевых операций, но в том, что сам план у Карла был, сомневаться не приходится.

Основная причина, по которой от этого плана пришлось отказаться, также достаточно ясна и отчасти указана в записках упомянутых очевидцев — это выполнение на совещании в Жолкве (Польша) плана русского генерального штаба, то есть сплошное опустошение местности на пути движения шведов. Вот какая картина, по словам шведского историка Эрнста Карлсона, предстала перед глазами Карла в Старишах: «Вся местность кругом стояла в огне; горизонт окаймлялся горящими селами, воздух был так наполнен дымом, что едва можно было видеть солнце; опустошение распространилось уже до Смоленска». Поскольку Левенгаупт с обозом задерживался (29 августа и 5 сентября Карл отправил к нему гонцов с

требованием поторопиться; но Левенгаупт, верный себе, получив первый приказ, простоял на месте три дня, а после второго — неделю), королевская армия уже начала испытывать нужду в самом необходимом. Де Безанваль, французский поверенный в делах Польши при Станиславе Лещинском, переслал в Версаль весьма характерную выдержку из письма своего осведомителя в армии Карла, относящуюся к первой половине сентября: «Голод увеличивается в армии со дня на день, там уже совсем не знают, что такое хлеб, полки живут только кашей, вина нет ни в погребе, ни за столом короля; король, офицер и солдат одинаково пьют воду, о пиве вспоминают только в пожеланиях, простой, даже самой зловонной водки у нас нет вовсе и, как будто разгневанное небо согласилось с нашими врагами лишить нас всего, что могло бы служить нам пищей, нельзя найти ни одной штуки дичи, и это в стране и в лесах, где раньше все кишело дичью для охоты... Как мы будем жить в этой ужасной пустыне? О, как тяжела эта кампания, как мы страдаем больше, чем это можно выразить, и как это еще мало сравнительно с тем, что придется вынести дальше! Заморозки, очень частые в этих странах, перемежающиеся с сильными, холодными дождями, очень увеличивают наши бедствия».

Шведы дошли до такого оскудения, что искали зерна ржи в несжатых колосках на полях и раздавливали их камнями; соль пришлось заменить селитрой; умирающим не давали причаститься из-за отсутствия вина. Раненые говорили, что у них только три лекарства: вода, чеснок и смерть.

Недостаток в съестных припасах и постоянные налеты русской кавалерии привели к тому, что Карл был *вынужден* пересмотреть прежний план, изменить направление движения армии и идти на юг, не дожидаясь Левенгаупта, который находился *всего в пяти переходах* от основных сил. Такая поспешность говорит о многом и прежде всего о том, что Петр и русская армия *заставили* шведского викинга принять их условия игры. Карл оказался под Полтавой не по своей воле — его привел туда жолкевский план Петра. В одном из донесений английского посла в Москве Уитворта королеве Анне говорится, что в августе 1708 года некий русский инженер, которому царь поручил обследовать пограничную местность от Великих Лук до Гомеля, высказал мнение, что шведы рано или поздно свернут на Чернигов и Украину. Царь тогда же включил этот маршрут в свои оперативные планы, а Карл задумался над ним лишь в середине сентября.

Наиболее сложно ответить на третий вопрос: куда Карл повел свою армию после совещания в Старицах, когда была признана невозможность дальнейшего движения к Москве через Смоленск? Прежде всего стоит заметить, что из трех возможных направлений — назад, на запад в Польшу, на северо-запад к шведским провинциям и на юг — для Карла реально существовали только два последних: о возвращении в Польшу он просто не вспоминал. Северо-западное направление также вряд ли могло прельстить короля. Во-первых, из его предыдущих кампаний можно сделать вывод, что Карл по каким-то причинам твердо решил предоставить оборону Лифляндии и Финляндии шведскому сенату. Это решение становится понятным, если вспомнить психологическую подоплеку его походов: Карл стремился не удерживать за Швецией балтийские провинции, а *наказать* виновников войны; решение второй задачи влекло за собой решение и первой. Во-вторых, король не придавал никакого стратегического значения Петербургу и русским крепостям на Балтийском побережье; он, с наслаждением излазавший чуть ли не все болота Восточной Европы (причем без нужды, из одной лишь любви к трудностям), питал какое-то необъяснимое презрение к невиским топям. Наконец, поход в свои владения мог казаться Карлу *отступлением*, и одно это могло перевесить дюжину доводов в пользу такого похода.

Таким образом, южное направление было единственно приемлемым для Карла. Остается выяснить, означал ли поворот на юг начало похода на Украину. События второй половины сентября говорят скорее о том, что Карл, не меняя стратегического плана — наступление на Москву, — попытался обойти с юга разоренные смоленские земли и продолжить движение к русской столице через Брянск и Калугу. Он, как всегда, утаил свои планы от приближенных, отчего у Нордберга и других сложилось мнение, что король ведет

армию на Украину.

Украина была тем местом, где Карл, пожалуй, меньше всего желал бы оказаться. Что он мог найти там, кроме удобных зимних квартир? Его целью была Москва. Король еще ничего не считал потерянным.

— Мы должны держать, пока нам сопутствует счастье, — сказал он Гилленкроку в Старишах.

5

Обход Смоленска с юга выдвигал на первый план задачу захвата Северской земли, после чего перед шведами открывалась дорога на Брянск. В ночь на 15 сентября на юг был отправлен отряд генерала Лагеркроны — 2000 пехотинцев и 1000 кавалеристов с четырьмя орудиями. Лагеркрона должен был не допустить русских в Северскую землю и обеспечить базу главным силам шведской армии.

Роль отряда Лагеркроны в планах Карла была исключительно велика; между тем дальнейшие события показали полную неспособность Лагеркроны справиться с ней. Почему в таком случае командование в этой операции было поручено именно ему?

Очевидцы передают, что 14 сентября Карл совещался со штабом о назначении командира авангарда. Королю представили список генерал-майоров армии. Кандидатуру Спарре Карл отверг со словами: «Он слишком много пишет и рассуждает в своих письмах; с ним трудно сговориться». О Крузе король сказал, что «старик хорош, но силы его не выдержат форсированного марша, и притом он плохо видит». На чье-то предложение о Роосе и Мейерфельде Карл просто отрезал: «Нет» (Роос дал захватить себя врасплох у Доброго; отвод кандидатуры Мейерфельда проясняет его зять, Пипер: «он [Мейерфельд] был недоволен решением Его Величества идти в Северскую землю, так как хотел иметь при себе жену»; этот верный муж к тому же проиграл сражение при Калише — достаточно оснований для того, чтобы король забыл о его существовании).

Тогда Рёншельд предложил Лагеркрону и Карл согласился.

Генерал Понятовский в своих записках объясняет выбор Карла тем, что Лагеркрона до сих пор отличался точным исполнением приказов. Никто не мог ожидать, что его исполнительность станет одной из причин провала операции.

Преградить русским путь в Северскую землю Лагеркрона должен был у Мглина. У шведов были хорошие возможности первыми оказаться у этого города: они шли по короткой дороге, и русские какое-то время не знали об их намерениях. Но здесь, по словам шведского историка Артура Стилле, произошло «единственное в шведской военной истории несчастье такого рода» — Лагеркрона заблудился. Вместо того чтобы взять влево, он уклонился вправо и вышел не к Мглину, а к Стародубу. Трудно сказать, что сбilo Лагеркрону с пути. Костомаров объясняет это тем, что Скоропадский⁵⁶ подослал к шведам «проводника», однако сомнительно, чтобы гетман так рано узнал о марше шведов на Мглин.

Теперь Карлу не оставалось ничего другого, как взять на себя задачу Лагеркроны. 21 сентября он устремился с авангардом главных сил в Северскую землю. Но все преимущества Лагеркроны были королем потеряны: он упустил время, у него не было пушек, и с ним была одна кавалерия генерала Коскуля.

25 сентября атака Коскуля на Мглин была отбита его немногочисленным гарнизоном (около 300 человек). Один из шведских офицеров — участников атаки — сетовал, что «Мглин был бы легкой закуской для отряда Лагеркроны, имевшего пушки».

Русские, не дожидаясь второй атаки, сами оставили город. Карл не преследовал их. Он вообще прекратил всякие действия и две недели простоял в Костеничах. Спешить было

⁵⁶ Скоропадский Иван Ильич (1646-1722) — гетман Левобережной Украины в 1708-1722 гг.

некуда: русские отряды преградили Калужскую дорогу и разоряли окрестности, Петр укреплял Брянск.

Положение шведов могло бы значительно улучшиться, если бы Лагеркрона, оказавшийся у Стародуба, захватил город, на чем настаивали полковники его отряда. Потеря Стародуба помешала бы русским разорять отсюда местность. Но Лагеркрона не совсем кстати доказал, что обладает качеством, которое отметил у него Понятовский: он ответил полковникам, что ему не приказано атаковать Стародуб, и повел отряд к Мглину, куда уже заведомо опоздал. В результате русский генерал Ифланд 29 сентября вошел в Стародуб и начал жечь окрестности, несмотря на то что от ускоренных маршей лошади в его полках «стали томны» (донесение Шереметева).

Карл, узнав 1 октября, что Стародуб еще не занят, пробормотал: «Лагеркрона совсем сошел с ума», а когда ему донесли о движении Лагеркрона к Мглину, с гневом вскричал: «Он совсем сумасшедший и не знает, что делает!»

Король приказал незадачливому генералу вернуться и захватить Стародуб. Лагеркрона атаковал город, но потерял 1000 человек и отошел. Возможно, он считал, что ему не в чем себя упрекнуть.

6

Между тем Карла ожидали еще худшие новости. 1 октября к нему в Костеничи прибыл солдат с известием о том, что два дня назад русские напали на Левенгаупта у деревни Лесная. По словам гонца, сражение длилось с 11 часов утра до ночи; шведы выдержали все атаки неприятеля, однако ночью Левенгаупт «как можно тише» снялся с места и отошел.

Выслушав это, Карл заявил, что солдат лжет.

Солдат действительно лгал: на самом деле шведов постигла настоящая катастрофа.

Сражение у Лесной стало первым поражением Адама Людвиг Лебенгаупта, который был одним из самых талантливых полководцев Карла XII. Он родился в 1659 году в шведском лагере в Зеландии под Копенгагеном, в разгар войны с Данией; таким образом, первыми людьми, которых он увидел, были солдаты, а первыми вещами — амуниция и оружие. Отец Адама Людвиг был крупным землевладельцем и служил в армии, мать принадлежала к знатному роду цу Гогенлоэ-Нойштайн унд Гляйхен и приходилась троюродной сестрой Карлу X. Оба родителя умерли рано, оставив сына на попечении опекунов — Делагарди и Врангеля.

Левенгаупт хотел стать дипломатом, для чего старался получить хорошее образование: он окончил университеты в Лунде, Упсале и Росток, благодаря чему позже, в армии, получил прозвище Полковник-латинист. Убедившись, что перспектив на дипломатическом поприще у него нет, он определился на военную службу за границу, чтобы ускорить свое продвижение в чинах. Левенгаупт воевал против турок в Венгрии и девять лет провел под голландским знаменем во Фландрии. В 1700 году он перебрался в Швецию на должность командира полка.

В Северной войне Левенгаупт оказался единственным шведским военачальником в Прибалтике, не только не побитым русскими, но и постоянно одерживавшим над ними победы. В 1705 году король назначил его губернатором Риги и передал ему командование всеми шведскими войсками в Лифляндии, Курляндии и Земгалии.

При личном мужестве и хладнокровии Левенгаупт обладал несчастным характером: чересчур мрачно смотрел на жизнь, временами впадая в параноидальную подозрительность, легко доводил разногласия до свары и имел сверхчувствительный нюх к служебным интригам, затрагивающим его интересы. Черты лица отражали эту двойственность его натуры: большие, близко посаженные глаза глядели чуть-чуть испуганно из-под тяжелых век, под длинным аристократическим носом маленький рот обнаруживал решительную линию плотно сжатых губ.

По отношению к солдатам Левенгаупт играл роль «отца-командира» и был не прочь поговорить о том, как он любит своих «горемычных солдатиков». Солдатики если и не любили, то уважали его.

На этот раз присущая ему осторожность стала походить на апатию. Трудно понять, как такой опытный воин, получивший к тому же от Карла несколько приказов поторопиться, мог так беспечно поставить под угрозу судьбу всей кампании. Но Левенгаупт как ни в чем не бывало продвигался с прежней неторопливостью. 19 сентября его корпус достиг Шклова (на Днепре). Переправа закончилась только 23-го числа. 24-е шведы простояли, поджидая отставших. Может быть, Левенгаупт и в самом деле считал, как говорил Рёншельд, что русские дважды подумают, прежде чем напасть на него.

И Петр действительно обдумал все очень тщательно.

Наперерез Левенгаупту были посланы 4830 пехотинцев и 6795 кавалеристов (Петр считал, что обоз прикрывают 8000 «природных шведов», но оказалось, что вдвое больше), которые должны были тревожить неприятеля до подхода подкреплений. 27 сентября во время движения через лес Левенгаупту донесли, что «противник сильно наседает на наш арьергард». Генерал распорядился отправить обоз с прикрытием вперед, а остальным силам атаковать русских. В ночь на 28 сентября русский авангард (около 4000 человек) был отброшен шведами. Русские дождались подкреплений и с рассветом возобновили атаки.

Левенгаупт попался на уловку. Нападение русского авангарда задержало движение шведов еще на сутки: они продвинулись вперед не более чем на 5 верст.

После полудня 28 сентября сражение развернулось во всю ширь. 12 батальонов русской пехоты и 12 эскадронов конницы, построенные в три линии, атаковали шведов на всех пунктах и выбили их из леса. Левенгаупт приказал вернуть войска, сопровождавшие обоз, но это не помогло — после прибытия к русским кавалерии Боура шведы были опрокинуты.

Левенгаупт понял, что его положение безнадежно. До реки Сож, за которой мог укрыться обоз, оставалось еще целых 15 верст (вот где сказались потерянные сутки!); защищать его на месте было некому — шведы бежали, не слушая командиров. Левенгаупт приказал зажечь повозки, утопить артиллерию и играть отход.

Сражение при Лесной.

Из перехваченных русскими донесений Левенгаупта явствовало, что обоз вез такое количество провианта, что его должно было хватить на всю шведскую армию в течение трех месяцев. Но вместо продовольствия Левенгаупт привел Карлу 6700 голодных ртов.

Разгром шведов был полным. Они потеряли до 6000 человек убитыми и ранеными; 2673 солдата и 703 офицера попали в плен. Петр сообщал, что удалось спасти от огня около 5000 повозок (из 8000). Потери русских составили 1100 человек убитыми и 2856 ранеными.

Несмотря на это, в шведской армии была принята версия Левенгаупта о том, что он отразил все атаки и «отступил». Нордберг пошел еще дальше и в своей «летописи» представил сражение у Лесной как победу шведов. Истина проглянула у него только в заключительных словах: «Невозможно не согласиться, что в этом случае ничто не могло нас более огорчить, чем уничтожение наших запасов и потеря этого большого обоза, на прибытии которого мы основывали все наши надежды и который стал для нас тем более необходим, что численность наших войск значительно увеличилась».

То, что шведы *могли* победить, не отрицал и Петр: «Как я сам видел... ежелиб не леса, тоб оные выиграли; понеже [так как] их 6000 больше было [чем] нас». Успех сражения не был предreshен заранее, от русских солдат и офицеров потребовались все силы и все тактическое мастерство, приобретенное за эти годы, чтобы доказать превосходство русского оружия.

Царь хорошо понимал значение этой победы. Он называл Лесную «матерью» полтавского младенца; причем всякому, «кто желает исчислить», шутя предлагалось

посчитать: от 28 сентября 1708 года до 27 июля 1709 -го — ровно 9 месяцев! Петр ежегодно торжественно отмечал годовщину Лесной.

Карл поддерживал ложь о победе Левенгаупта, которому писал: «До меня уже дошли слухи о счастливом деле, которое вы, господин генерал, имели с неприятелем, хотя сначала распространялись известия о том, будто вы, генерал, разбиты». В королевском бюллетене, посланном в Стокгольм, на шести листах рассказывалось о том, как шведы весь день храбро отражали нападение 40000 москвитов и как к вечеру варвары отступили. О потере обоза не было сказано ни слова.

Впрочем, от генералов не укрылось истинное душевное состояние Карла. «Его Величество старался скрыть свою скорбь о том, что все его планы разрушены», — пишет Гилленкрот и рассказывает далее о том, что король лишился сна и не мог ночью оставаться один; он заходил в палатку то к Гилленкроку, то к полковнику Хорду, садился рядом и молчал. Гилленкрот даже позволяет себе высказать подозрение, что с этих пор Карл стал сомневаться в окончательной победе.

Положение шведской армии действительно становилось угрожающим. Северская земля была разорена; запасов на зиму не было; кавалерийский корпус Меншикова, посланный царем на запад, вклинился между шведами и Днепром, выжигая все, что еще оставалось нетронутым в шведском тылу.

План Карла о походе на Москву через Северщину рухнул точно так же, как ранее потерпел неудачу поход к столице через Смоленск. Обстоятельства гнали короля дальше на юг.

11 октября Карл очнулся от потрясения, вызванного потерей обоза, и снова произнес: «Вперед!»

Дальнейшее движение шведской армии на юг позже было названо украинским походом. Это не совсем верно. «Вперед» для Карла означало «на Москву». Он вновь обходил русскую армию с юга, и его новый маршрут выглядел так: Киев — Курск — Тула — Москва.

Гилленкрот ошибался. Король ни на минуту не усомнился в том, что будет зимовать в Первопрестольной.

ШВЕДЫ НА УКРАИНЕ

— Которая из ваших дорог наиболее удобна для похода на Москву?

— Все одинаковы, ваше величество.

Карл XII пошел через Полтаву.

Из разговора Наполеона с пленным русским офицером, 1812

г.

1

Многие историки, особенно шведские, преувеличивают влияние Мазепы на решение Карла идти на Украину, таким образом до некоторой степени оправдывая поспешность короля, с которой он повернул от Смоленска на юг, не дождавшись Левенгаупта. Например, Фриксель пишет: «С одной стороны, осторожность требовала дожидаться Левенгаупта; с другой, Мазепа все сильнее настаивал на обещании Карла явиться со своей армией на Десне, присовокупляя к этому угрозу, что если не скоро последует это движение, то казаки его, Мазепу, оставят и соединятся с русскими». И далее: «Истинную причину того, почему Карл не хотел идти на север (то есть к Витебску, на соединение с Левенгауптом. — С.Ц.) следует искать в его союзе с Мазепой».

Это мнение основывается на свидетельстве придворного историка Карла XII Адлерфельда, участника похода. Адлерфельд пишет, что повести армию на Украину короля

заставил некий договор с Мазепой, в котором был определен день, когда гетман сообщит своим есаулам о союзе со шведами, и день, когда Карл перейдет Днепр, чтобы соединиться с Левенгауптом. Но, по словам Адлерфельда, Левенгаупт опаздывал, а Мазепе было все труднее удерживать есаулов от намерения повиниться царю. «Наконец его величество решились пожертвовать отрядом Левенгаупта, чтобы не упустить выгод, которые представлял союз с казаками». Карл якобы *сделал вид*, что идет на Смоленск, чтобы отвлечь русское войско и «дать Мазепе возможность действовать с большим простором».

Оставим на совести рассказчика какие-то «выгоды», будто бы заставившие Карла обречь на гибель 16000 вымуштрованных, отлично вооруженных шведов ради союза с несколькими тысячами запорожцев, бывших в глазах шведского короля скорее вражескими дезертирами, чем союзниками. Абсурдность другого утверждения, о том, что Карл отвел себе и своей армии роль громоотвода, чтобы отвлечь внимание царя от Мазепы, обнаруживается при первом знакомстве с маршрутом движения шведов, не говоря уже о том, что Адлерфельд в данном случае демонстрирует редкую слепоту относительно психологии Карла. Однако эти басни неоднократно повторялись другими историками, благодаря чему фигура Мазепы приобрела почти эпический размах: этакий грозный седовласый старец на горячем коне, колебатель империй, верный наперсник северного героя. Одному из таких историков, увлеченному «выгодами» союза шведов с могущественным гетманом, пригрезилось даже, что, «если бы Карл XII вовремя соединился с Мазепой, нам бы, может быть, пришлось увидеть Украинское Величество из династии Мазепид и великую шведскую империю на севере Европы!».

Все эти авторы смешивают факт сношений Карла с Мазепой с вопросом о том, что заставило шведского короля повернуть на юг.

Мысль о вторжении на Украину зародилась у Карла до установления переписки с гетманом и без постороннего влияния. Король оценил стратегическое значение Украины еще в 1704 году, когда охотился за Августом возле Львова; тогда он сказал приближенным, что, умиротворив Польшу, через Украину пойдет на Москву (никаких предложений Мазепе им в то время еще не было сделано). Но, как было показано, позже Карл решил перенести операционные линии на север, ближе к Левенгаупту, и повернул на юг только после безуспешных попыток прорваться к Москве через Смоленск.

Полную самостоятельность этого решения Карла подтверждают и показания Пипера, взятого в плен в Полтавском сражении и допрошенного Петром в присутствии Головкина и Шафирова. На вопрос Петра, не Мазепа ли был причиной поворота шведов на Украину, Пипер ответил, что у шведов не было никакой переписки с Мазепой до того, как они зашли в глубь страны, и привел слова Карла: «Неприятель безостановочно убегает и всюду на 7-8 миль все сжигает, и потому если бы дальше шведы так шли [на Смоленск], то должны были бы погибнуть».

Движение на соединение с Мазепой было для Карла в лучшем случае удобным оправданием неудачи смоленского похода. Для Мазепы же Карл был непрошеным гостем, разрушившим своим появлением приятные мечты «Его Украинского Величества» о спокойной старости. Лукавый старик, перехитривший своей казацкой политикой себя самого, внезапно лишился гетманства, честного имени и царевой пенсии.

2

Иван Степанович Мазепа-Колединский родился в 1629 году. Его род был одним из самых древних в Малороссии и заслуженных в Войске Запорожском. В 1544 году его отдаленный предок получил от Сигизмунда I село Мазепинцы в Белоцерковском повете, с обязательством несения конной службы при белоцерковском старосте.

Отец Мазепы в 1638 году был осужден на смертную казнь за убийство шляхтича. С помощью денег и влиятельных связей ему удалось замирился с семейством убитого и

получить от короля охранную грамоту.

Мать Ивана Степановича происходила из шляхетского рода Мокиевских. Позже она стала игуменьей киевского Фроло-Вознесенского монастыря под именем Марии Магдалины и одновременно настоятельницей монастыря в Глухове. Обладая выдающимся умом, она до самой смерти сохранила влияние на сына: недаром ее считали чаровницей.

Степан Мазепа после истории с убийством уgomонился и стал вести себя благоразумно. Видимо памятуя о собственной молодости, он постарался пристроить сына ближе к королевскому двору: «Пусть лучше мой сын научится обращению с людьми вблизи королевской особы, а не где-нибудь в корчмах, предаваясь всяким безобразиям». Иван Степанович был послан получать образование куда-то за границу на казенный счет и, судя по всему, преуспел в науках, приобретя изрядную по тем временам ученость.

В 1659 году видим его уже в Варшаве среди придворных, которые косо смотрят на «козака»: для них он «недостаточно благородный». Исполняя королевские поручения к гетманам, Мазепа проявил ум, сметливость и верность польской власти. Однако частые посещения Украины заронили в его сердце семена первой «измены». «Пан Мазепа, покоевый (нечто вроде окольного. — *С.Ц.*) вашей королевской милости, — писал королю гетман Тетеря, — может довольно рассказать о злодействах [поляков] и до того наслушался плача и стенаний жителей Украины, что был поражен ужасом...»

Но бедствия Украины сами по себе не могли толкнуть Мазепу на какие-либо решительные шаги. Иван Степанович никогда не действовал ради отвлеченной идеи, но всегда соблюдал прежде всего свои интересы. Покинуть польскую службу его заставила одна очень неприятная история.

Наиболее романтическая и потому самая распространенная версия гласит, что Мазепа завел тайную любовную связь с одной панной, чей муж вскоре обнаружил ее неверность. Разъяренный супруг приказал слугам привязать Мазепу к хвосту его коня и пустить в поле. Конь, приведенный Мазепе с Украины, потащил хозяина в родные степи, где его, полумертвого, нашли казаки и оставили у себя. По другим рассказам, муж раздел Мазепу донага, обмазал дегтем, обвалял в пуху и привязал к лошади задом наперед. Правдоподобнее, что Мазепа сам после такого позора уехал из Польши «со срамом», как и свидетельствует один очевидец.

В 1669 году Иван Степанович переходит на службу казачеству. Поочередно состоя в ближайшем окружении гетманов Дорошенко и Самойловича, Мазепа проявил умение очаровывать и убеждать, которое, быть может, унаследовал от матери и которое сохранил до старости. Своим тонким нюхом он первый почуял, что гетманские мечты опереться на поляков при создании независимой Малороссии обречены на неудачу: казаки сами выдавали Москве изменников. Прочность гетманства на Украине теперь целиком зависела от его верности России. Мазепа не стал терять время на приобретение популярности среди казачества. Вместо этого он вошел в доверие к князю Голицыну и в 1687 году, после аресте Самойловича, получил гетманскую булаву.

Итак, вторая «измена», на этот раз делу «Речи Посполитой Украинской». Но ошибочно видеть в Мазепе вечного изменника — Польше, Самойловичу, Петру, делать из него прирожденного вероломного негодяя. Мазепа принадлежал тому поколению украинцев, которые в силу обстоятельств и вследствие неразвитого национального самосознания, по словам современника, служили «двум или трем сторонам». Нравы эпохи и необходимость лавирования между Польшей и Россией делали ницшевский принцип «Падающего — толкни», в свое время принятый за новое откровение дьявола, очевидной и наиболее простой философией политического выживания.

Верность Москве Мазепа долгое время хранил вполне искренне. Он был тесно связан с правительством царевны Софьи и вместе с князем Голицыным ходил против турок в Крым. Падение Софьи поставило его в сложное положение. Мазепа поехал в Троице-Сергиеву лавру на встречу с Петром. Речи гетмана понравились семнадцатилетнему царю, и с тех пор Петр видел его ежегодно и советовался с ним о государственных делах. Некоторые историки

полагали даже, что именно Мазепа посоветовал царю напасть на Швецию, чтобы отвлечь внимание России от Украины.

Ни один малороссийский гетман не пользовался таким доверием московского правительства, как умный, любезный и образованный Иван Степанович Мазепа. Царские милости — похвалы, соболя, меха, кафтаны — из года в год сыпались на него. В 1696 году он выговорил себе у Петра город Янполь, чтобы в случае его смерти «было где прожить вдове». Царь охотно удовлетворил эту просьбу.

«Счастье удивительно служило Мазепе, но никто, лучше Мазепы, не умел помогать своему счастью», — говорит русский историк Ф. Уманец.

Украинский казак.

С одобрения Петра Мазепа строил крепости против татар и заодно против запорожцев. Перед казаками он не заискивал и даже опасался их, понимая, что без Москвы ему не удержать гетманскую булаву. Казаки не любили его. «Еще такого нежелательного гетмана у нас не было, — говорил кошевой Гордеенко, — був еси нам перше [прежде] батьком, теперь стал витчимом».

Мазепа отдавал себе отчет в том, что самостоятельная малороссийская политика была осуществима только в согласии с Москвой. Он слишком хорошо знал Украину, чтобы верить в «Речь Посполитую Украинскую», а его практический ум слишком хорошо понимал, что Петр, вытягивая Россию из национальной ограниченности и отсталости, одновременно поднимает на уровень цивилизованного государства и Малороссию.

Начало Северной войны и особенно поражение под Нарвой, видимо, стали первым серьезным испытанием его верности Петру. Казачество уже давно глухо волновалось. Еще в 1698 году Иван Степанович писал в Москву: «В продолжение 12-ти лет с начала моего гетманства, я совершил 11 летних и 12 зимних походов, и не трудно всякому рассудить, какие трудности, убытки и разорения от этих беспрестанных походов терпит Войско Запорожское и вся Малая Россия». Теперь же казаков отправляли и вовсе на край света, и они должны были содержать себя там за свой счет. К тому же им чинились постоянные обиды. «Хотя по царскому указу, — писали казаки Мазепе из Прибалтики, — нам и дано ржаной муки по три и по четыре шапки на человека в месяц, однако дано меньше, чем полагается солдатам. Можно ли прожить этим провиантом, без соли, без крупы и сала! Купить не на что. Наши лошади шестимесячным походом и скудостью кормов так истощены, что не на чем служить; а, самое главное, чуть ли не все казаки голы и босы. Взятые из дому... сапоги и шапки подрались, кожухов и не вспоминай, а новых не на что купить».

В 1704 году Мазепа командовал лишь небольшим самостоятельным корпусом, а большинство казаков были причислены к регулярным войскам и служили под началом «москалей и немцев». Армейские начальники в чужой стране не только грабили мирное население, но отнимали «законную» добычу у казаков.

— Когда так, — кричали казаки, — пойдем к польскому королю служить!

Многие из них переходили к шведам или убегали домой.

Между регулярными частями и казаками постоянно возникали стычки. «А что между нашими людьми и приезжими москалями драк бывает, того и описать невозможно», — доносили есаулы Мазепе.

Война привела к крупным потерям в казачьих частях. Казаки, превосходно воюя с татарами и поляками в южнорусских степях, не умели биться против регулярной армии шведов. Так, из 1700 человек одного казачьего отряда, посланного воевать в Польшу, вернулись домой всего 80.

Но главное ущемление интересов гетмана и казачества заключалось в том, что Петр пытался сторговаться с Польшей за счет Малороссии. Верность Августа II и его

конфедерации, по мысли царя, следовало оплатить украинскими землями. Мазепа знал об этом торге, и нельзя поручиться, что и у него и его старшин временами не возникала мысль, как у прежних неверных гетманов, говоривших царю: «Дашь [полякам] не то, что сам взял... не саблей нас взяли», и не являлось старое желание самим о себе позаботиться.

Правда, Мазепу могло сдерживать весьма существенное обстоятельство — во всех своих бедах казаки винили именно его. «Что наш гетман? — говорили они. — Он в Москву ездит да милости получает... а о нас не радит, что мы на царской службе разоряемся». Сотник Мандрыка высказывался еще определеннее: «Не буде у нас на Украине добра, пока сей гетман живой буде, бо сей гетман — одно за царем разумеет».

Казаки в любой момент могли крикнуть: «За гетманство Мазепы биться не хотим!» — и тогда прощай и почет, и власть, и богатство.

Это заставляло Мазепу тщательно обдумывать каждый свой шаг. Не надо забывать и о том, что он вряд ли смог бы воспользоваться плодами своей новой измены даже в случае успеха: в то время Мазепе было уже за шестьдесят, а наследников у него не было. По зрелом размышлении ему выгоднее было держать сторону Петра, чтобы сохранить за собой гетманство и спокойно дожить свой век.

По свидетельству самых близких к нему людей, долгое время он так и поступал. В 1705 году, когда Мазепа стоял с обозом под Замостьем, к нему тайком прибыл из Варшавы некто Францишек Вольский с секретным прелестным письмом от Станислава Лещинского. Мазепа выслушал предложения короля и немедленно сдал гонца под караул царскому чиновнику Анненкову. Вольского подвергли пытке, а письмо Станислава Мазепа переслал царю. На следующий год последовали новые предложения, сделанные через куму Мазепы княгиню Дольскую. Получив от нее второе письмо, гетман засмеялся и сказал:

— Глупая баба! Хочет через меня царское величество обмануть, чтоб его величество, отступая от короля Августа, принял в свою протекцию Станислава и помог ему утвердиться на польском престоле, а он обещает государю помочь в войне шведской. Я об этом ее дурачестве уже говорил государю, и его величество посмеялся.

А при чтении ее третьего письма Мазепа уже кричал в гневе:

— Проклятая баба обезумела! Прежде меня просила, чтобы царское величество принял Станислава в свою протекцию, а теперь другое пишет, беснуется баба, хочет меня, искусную и ношеную птицу, обмануть. Погубила бы меня баба, если б я дал ей прельстить себя! Возможное ли дело, оставивши живое, искать мертвого и, отплывая от одного берега, другого не достигнуть? Станислав и сам не надеется царствовать в Польше, республика польская раздвоена; какой же может быть фундамент безумных прельщений этой бабы? Состарился я, служа верно царскому величеству, и нынешнему, и отцу его, и брату. Не прельстили меня ни король польский Ян, ни хан крымский, ни донские казаки, а теперь, при конце века моего, баба хочет меня обмануть!

Мазепа сжег письмо Дольской и велел своему секретарю Орлику написать ответ: «Прошу вашу княжескую милость оставить эту корреспонденцию, которая меня может погубить в житии, гоноре и субстанции; не надейся, не помышляй о том, чтоб я, при старости моей, верность мою царскому величеству повредил». Дольская действительно приостановила переписку на целый год.

Но в 1706 году произошли два важных события, видимо несколько «повредившие» верность гетмана его царскому величеству. Историк С.М. Соловьев рассказывает, что в июле Петр приехал в Киев. Мазепа задал в его честь большой пир. Когда и царь, и остальные, по обыкновению, крепко выпили, Меншиков громко сказал Мазепе, кивнув на старшин:

— Гетман Иван Степаныч! Пора теперь приниматься за этих врагов.

Мазепа ответил также громко:

— Не пора!

— Не может быть лучшей поры, — настаивал Ментиков, — когда здесь сам царское величество с главною своею армией.

— Опасно будет, — отвечал Мазепа, — не кончив одной войны с неприятелем,

начинать другую, внутреннюю.

— Их ли, врагов, опасаться и щадить, — шумел Меншиков, — какая в них польза царскому величеству? Ты прямо верен государю, но надобно тебе знамение этой верности явить и память по себе в вечные роды оставить, чтоб и будущие государи знали и имя твое ублажали, что один такой был верный гетман Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству Российскому учинил.

После этих слов царь поднялся и пресек разговор. Мазепа отвел старшин и полковников в соседнюю комнату и сказал:

— Слышали все? Вот всегда мне эту песню поют, и на Москве, и на всяком месте; не допусти им только, Боже, исполнить то, что думают.

Между полковниками начался сильный ропот. Видимо, после этого разговора и проснулась измена в «славном, его царского величества, Войске Запорожском».

Однако сам гетман лично еще не был задет, а это для него было главное. Но вот та же искусительница, княгиня Дольская, шлет ему новое письмо, в котором приводит слова, сказанные генералом Ренном в разговоре с Шереметевым: «Князь Александр Данилович Меншиков яму под ним [Мазепой] роет и хочет, отставя его, сам быть гетманом в Украине». Дольская попала в больное место. Мазепа и сам с некоторых пор подозревал, что Меншиков метит на его место. Гетману было над чем призадуматься. Влияние Меншикова на царя было огромным, в этом с ним могли соперничать, пожалуй, только двое людей: Лефорт и Екатерина I. Петр называл его «мой милый друг», «мой брат» и даже «дитя моего сердца». Из русских вельмож один *Данилыч* подписывался под письмами царю без непременною «раба». У Мазепы были веские причины полагать, что царь не откажет своему любимцу в такой «мелочи», как малороссийское гетманство.

— Свободи меня, Господи, от его господства, — сказал Иван Степанович после чтения письма Дольской и продиктовал свой ответ с благодарностью за приязнь и предостережение.

С приближением шведов к русским границам на Украину помчались царские начальные люди с приказом строить укрепления, слать в Смоленск обозы с продовольствием, набирать рекрутов. Полковники беспрестанно приходили к гетману с жалобами: приставы у крепостного строения казаков палками по головам бьют, уши шпагами отсекают; казаки, оставив свои дома, сенокосы и жнитво, терпят на службе царской зной и всякие лишения, а там москали дома их грабят, разбирают и палят, жен и дочерей насилуют, коней и скотину и всякие пожитки забирают, старшин бьют смертными побоями. Громче всех раздавались голоса двух полковников — миргородского Апостола и прилуцкого Горленко:

— Очи всех на тя уповают, не дай, Боже, над тобою смерти! Тогда мы останемся в такой неволе, что и куры нас загребут.

В это время, как нарочно, явился иезуит Заленский с прямым предложением Станислава перейти на сторону непобедимого короля шведского. Но гетман, *искусная и ношенная птица*, все еще старался усидеть на трех стульях, угодив и Петру, и Карлу, и своим полковникам.

— Верность мою к царскому величеству буду продолжать до тех пор, пока не увижу, с какою потенцией Станислав к границам украинским придет и какие будут прогрессы шведских войск в государстве Московском, и если не в силах будем защищать Украину и себя, то зачем же сами в погибель полезем и отчизну погубим? — делился он своими мыслями с Орликом.

Станиславу Мазепа отписал, что никаких дел начинать не может по следующим причинам: 1) Киев и другие крепости в Украине осаждены великими гарнизонами, под которыми казаки, как перепела под ястребами, не могут голов поднять. 2) Все силы царя уже сосредоточены в Польше, недалеко от Украины. 3) В Украине начальные и подначальные, духовные и мирские, как разные колеса, не в единомышленном находятся согласии: одним хорошо в протекции московской, другие склонны к протекции турецкой, третьи любят побратимство татарское, по природной к полякам антипатии. 4) Он, Мазепа, имеет

постоянно подле себя несколько тысяч регулярного великороссийского войска, которое бодрым оком смотрит на все его поступки. 5) Республика польская сама раздвоена еще. Мазепа обещал только не вредить ни в чем интересам Станислава и шведским войскам.

Свое спасение Мазепа видел в хитрости, тайне, выжидании. Суть его ответов полковникам и полякам сводилась к одному: еще не пора. А на вопросы наседавших на него старшин: когда же пора? — он сердито отвечал:

— Зачем вам об этом прежде времени знать? Положитесь на мою совесть и на мой подлый разумишко, не бойтесь, он вас не сведет с хорошей дороги. У меня одного, по милости Божией, больше разума, чем у вас всех.

Если его уж очень допекали, гетман грозил:

— Черт вас побери! Я, взявши Орлика, поеду ко двору царского величества, а вы хоть пропадайте.

Старшины хмуро умолкали, но затем все начиналось сначала.

Мазепа рассчитывал, что, Бог даст, грозу пронесет, все дело решится под Смоленском или Москвой, а Украина останется в стороне, никому не досадив, и ему не нужно будет решаться на крайний, страшный шаг. Мазепа видел, что Петр еще не мертвый лев, что со времени Нарвы русские научились бить шведов и что, несмотря на непобедимость Карла, предугадать исход борьбы невозможно. Вот почему, когда к гетману пришла весть, что Карл от Смоленска повернул на Украину, он воскликнул:

— Дьявол его сюда несет! Все мои интересы перевернет, войска великороссийские за собой внутрь Украины впровадит на последнюю ее руину и на погибель нашу.

Полковники при этом известии вновь осадили его: как быть? Мазепа ответил вопросом на вопрос:

— Посылать к королю или нет?

— Как же не посылать! — отвечали все. — Нечего откладывать!

В шведский лагерь был послан гонец с письмом на имя графа Пипера. Мазепа изъявлял великую радость в связи с прибытием королевского величества в Украину, просил протекции себе, Войску Запорожскому и всему народу освобождения от тяжкого ига московского, объяснял стесненное свое положение и просил скорой присылки войска на помощь, для переправы которого обещал приготовить паромы на Десне, у пристани Макошинской. Гонец возвратился с устным ответом, что король обещал поспешить к этой пристани и быть там в будущую пятницу, то есть 22 октября.

Мазепа оттягивал последнее решение до конца, сколько было возможно. Он прикинулся больным и даже причастился, словно уже собирался отдать Богу душу.

22 октября прошло, но о короле ничего не было слышно. А 23-го к Мазепе явился полковник Войнаровский и объявил, что тайком ушел от Меншикова, который завтра с войском будет здесь, у гетмана, и что слышал, как один немецкий офицер говорил другому, имея в виду гетмана и его окружение: «Сжался, Боже, над этими людьми: завтра они будут в кандалах».

Нервы Мазепы сдали. Он «порвался, как вихрь»: в тот же день поздно вечером был уже в Батурине; 24 октября ранним утром переправился через Десну, а ночью за Орловкой достиг первого шведского полка, стоявшего в деревне. Отсюда он направил к Карлу Орлика и выехал следом за ним.

Гетман был мрачен. Его не оставляла мысль, что судьба сыграла с ним, «искусной и ношеной птицей», злую шутку. Мазепа мог бы сказать вместе с героем «Призраков» Тургенева: «Я как будто попал в заколдованный круг, и neodолимая, хотя тихая сила увлекает меня подобно тому, как еще, задолго до водопада, стремление потока увлекает лодку».

Просьба Мазепы скорее прибыть к Десне застала Карла уже на Украине. То, что король и не подумал поторопиться, лишний раз доказывает, что Мазепа в его глазах был не слишком завидным союзником и что в планы Карла не входила долгая задержка на Украине. От гетмана королю было нужно только одно: чтобы Мазепа помешал русским разорить край.

Карл и Мазепа встретились 29 октября. Мазепа держал речь на превосходной латыни, чем потрафил королю, однако имел задумчивый вид. Было заметно, что на душе у него лежит могильный камень. Вместе с гетманом к шведам переметнулось всего 4000 казаков, остальные оставались верны России (Меншикову доносили, что «черкасы», то есть казаки, шведам продавать «ничего не возят», а «собрася компаниями, ходят и шведов зело много бьют и в лесах дороги зарубают»).

Теперь многое зависело от того, кто первый — русские или шведы — поспеет к Батуруну, гетманской резиденции, где хранились значительные запасы продовольствия и боеприпасов и 70 пушек. Не пропустив Меншикова на Украину, Карл и Мазепа могли надеяться на широкое восстание казаков вроде булавинского на Дону. Мазепа всячески торопил Карла. Меншиков и сам поспешал.

Русские и шведы наперегонки устремились к Батуруну.

3 ноября Карлу донесли, что спешить некуда. Днем раньше Меншиков штурмом взял Батурин, устроил в нем резню, спалил город дотла и завладел всеми припасами. Мазепа, узнав об участии своей столицы, горько сказал:

— Злые и несчастливые наши початки! Знаю, что Бог не благословит моего намерения. Теперь все дела инако пойдут, и Украина, уstraшенная Батурином, будет бояться стать с нами заодно.

Но впереди был еще богатый, неразоренный край. Держась параллельно друг другу, шведы и русские двигались все дальше на юг. Вскоре небо над Украиной почернело от дыма: теперь жгли не только русские, но и шведы, чтобы защититься от кавалерийских набегов. Каждому полку выделялись округа, которые нужно было разграбить и сжечь. О том, насколько дерзко действовала русская кавалерия, говорит, например, такой факт: в начале русского похода у Карла было 6 генерал-адъютантов, а уже к 16 ноября пятеро из них погибли при налетах казаков и калмыков, один попал в плен. Однажды казак едва не зарубил Маленького Принца.

Восполнить недостаток припасов шведы не смогли. «В эту прелестную страну, — пишет Адлерфельд, — вступила армия, полная доверия и радости, и льстя себя надеждой, что она, наконец, сможет оправиться от всяческой усталости и получит хорошие зимние квартиры. И это на самом деле произошло бы, если бы мы не оказались вынужденными так тесниться друг к другу, быть в такой близости один от другого, чтобы быть безопасными от нападения врага, который окружал нас со всех сторон. Да и то мы не могли воспрепятствовать тому, чтобы некоторые полки, слишком отдаленные по расположению своих стоянок, не пострадали бы, потому что мы были не в состоянии помочь им вовремя — не говоря уже о том, что неприятель своими непрерывными налетами мешал нам пользоваться изобилием и плодородием этой прекрасной страны в той степени, как мы желали бы. Припасы становились к концу крайне редкими и чудовищно дорогими».

Вместо 20000 казаков, которые, по словам Рёншельда на совещании в Старишах, должны были так лихо преследовать и истреблять московитов, шведов встретило на Украине враждебно настроенное население. Адлерфельд то и дело вносил в летопись похода записи вроде следующей: «10 декабря полковник Функ с 500 кавалеристами был командирован, чтобы наказать и образумить крестьян, которые соединялись в отряды в различных местах. Функ перебил больше тысячи людей в маленьком городке Терее [Терейской слободе] и сжег этот городок, сжег также Дрыгалов [Недрыгайлово]. Он испепелил также несколько враждебных казачьих деревень и велел перебить всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим». Шведы придумали такой трюк: останавливаясь в деревне, давали за провиант деньги, а уходя, отбирали их. «Таким образом, — продолжает Адлерфельд, — мы постоянно находились в драке с обитателями, что в высшей степени огорчало старого Мазепу».

Мазепе вообще уже надо было держать ухо востро: полковники, толкнувшие его к Карлу, теперь подумывали, как бы им, по доброму казацкому обычаю, выкупить свои головы за счет гетманской головы. Петр в ноябре получил письмо полковника Апостола с предложением захватить и выдать Мазепу за царское прощение. Ответа не последовало.

18 ноября Карл на несколько недель остановил армию в Ромнах. Русская армия, возглавляемая Петром, заняла позиции около Лебедина, прикрыв дорогу на Курск. Шведы нуждались в отдыхе, к тому же людские потери с начала похода достигли 8000 человек, то есть четверти армии.

В декабре ударили жестокие морозы. Несмотря на то что указание на сильный мороз можно встретить при описании чуть ли не каждого вторжения в Россию, Карлу действительно повезло с погодой меньше других завоевателей. Необычайно суровая зима установилась тогда по всей Европе. Балтийское море, река Рона и каналы Венеции покрылись льдом, причем Рону можно было переезжать на тяжелых повозках; в шведских церквях замерзло причастие в чашах.

Можно себе представить, каково было на Украине. К Рождеству холода сковали всякое движение. Известный нам полковник Поссе пометил в дневнике, что мороз мешал слушать проповедь, и шведы ограничивались одним пением молитвы. Люди сотнями замерзали насмерть или получали тяжелые обморожения.

Русским, видимо, пришлось еще хуже, так как они в это время находились на марше. Один шведский офицер пишет в дневнике, что видел на дороге в Лебедин больше 2000 трупов русских солдат и лошадей. Несомненно, что с обеих сторон потери от морозов были равнозначны потерям в нескольких сражениях.

Тем не менее Петр, который, по словам Стилле, «берег людей меньше, чем лошадей», попытался овладеть Гадячем, где стоял шведский отряд. Карл, не берегущий ни тех ни других, ринулся ему навстречу.

Пипер назвал этот поход «сумасшествием». Путь к Гадячу в самом деле был ужасен. Всадники замерзали на лошадях, заиндевелившие пехотинцы коченели, прислонившись к деревьям или телегам. В мелких стычках по дороге замерзшие люди давали забить себя, как скотину.

Однако пока это был только путь на Голгофу; сама Голгофа ждала шведов впереди.

В Гадяч шведская армия вошла ночью 28 декабря, опередив русских. Квартир в маленьком городке на всех не хватило, и доброй половине солдат пришлось заночевать в поле под открытым небом. Люди примерзали к саням, седлам; пытаясь согреться, они оглушали себя водкой и тем ускоряли свою гибель.

«Но в самом городе, — пишет Фриксель, — ужасающие сцены были, если только это возможно, еще страшней. Одна треть города сгорела, а остальные две трети были далеко не в состоянии приютить целую армию. Почти каждый из этих домов превратился в лазарет, где хирурги были заняты отпиливанием замерзших частей тела или по крайней мере оперированием их. Проходившие по улице ежесекундно слышали вой несчастных и видели лежащие перед домами там и сям отрезанные части тела. А по улице встречались больные, которым не удалось нигде найти пристанища и которые ползали по земле в немом отчаянии или в припадке сумасшествия».

В эту ночь от холода погибло около 4000 шведов. «Люди, мужчины и женщины, лошади погибали безнадежно, — вспоминал генерал Понятовский. — Все-таки король прибыл вовремя в Гадяч, чтобы заставить московитов удалиться». Зато Шереметев обошел Гадяч и разорил Ромны в тылу у шведов.

Король оставался невозмутимым. «Здесь в армии все идет очень хорошо, — писал он сестре Ульрике Элеоноре, — хотя солдатам приходится переносить трудности, всегда сопряженные с близостью неприятеля. Кроме того, зима была очень холодна; она казалась почти необыкновенной, так что многие у неприятеля и у нас замерзли или потеряли ноги, руки и носы. Тем не менее зима была спокойная. Ибо хотя нас и постигло несчастье пострадать от холода, зато, к нашему удовольствию, от времени до времени на нашу долю

выпадало некоторое развлечение, так как шведские отряды имели маленькие стычки с неприятелем и наносили ему удары». Читая эти строки, видишь довольную усмешку Карла; ему было чем гордиться: еще бы, на редкость трудный поход!

Нельзя сказать, что его не трогали страдания солдат. Напротив, король утешал и ободрял их, но делал это по-своему, по-викингски. Однажды он остановился перед лазаретным фургоном, в котором лежал поручик, отмороживший ноги под Гадячем. Карл спросил его о здоровье. Офицер пожаловался, что у него совсем отпали пальцы на ногах и пятки.

— Это пустяки, пустяки, — успокоил его Карл и, прикоснувшись к своей щиколотке, добавил: — Я видал людей, отмороживших ногу до сих пор и которые все-таки были в состоянии ходить, набивши сапог.

В другой раз один из ветеранов выразил ему свое опасение, что они так далеко зашли в неизвестную страну.

— Ты, может быть, опасаясь, что не увидишься более с женой? — сказал Карл. — Если ты настоящий солдат и любишь честь и славу, мы с тобой так далеко зайдём, что до тебя в целых три года не дойдет известие из дома.

Другой солдат подал ему кусок плохого хлеба, чтобы показать, как бедствует армия. Король откусил от ломтя, а остальное протянул солдату со словами:

— Хлеб не хорош, но его можно есть.

В чем могли упрекнуть короля эти люди? Он переносил все лишения наравне с ними.

Из Гадяча Карл не вернулся в Ромны, а в начале января 1709 года повел армию дальше, к крепости Веприк. Этот городок, не имевший ни одного бастиона и укрепленный лишь валом, оборонял гарнизон капитана Юрлова, насчитывавший вместе с вооруженными жителями 1100 человек. Карл, подошедший к Веприку с авангардом и без пушек, не раздумывая бросил 4 шведских полка на обледенелые валы. Юрлов отразил три приступа, но потерял почти весь отряд и оставил крепость. Веприк был скрыт.

Штурм Веприка произвел тяжелое впечатление на шведов. Они оставили на его валах 1200 убитых, в том числе цвет офицерства. Армия недоумевала: зачем королю понадобилась эта «дрянная крепость»? Непонятное упорство Карла, не посчитавшегося при штурме с такими несоразмерными потерями, можно объяснить только одним: он рвался к Белгороду; Веприк был важным стратегическим пунктом на пути к Москве. Карл в очередной раз предпринял попытку обойти с юга русскую армию. Так что причина зимнего похода могла крыться не только в молодечестве короля, но и в том, что зимой шведы могли совершать обходное движение по льду рек. В пользу предположения о наступлении на Москву говорит и то, что Карл вызвал из Польши 8-тысячный отряд Крассау и войска Станислава.

Январские морозы вновь приостановили боевые действия до конца месяца; затем Карл возобновил наступление. Он опрокидывал русские заслоны и энергично преследовал отступавших. 11 февраля у Краснокутска произошла отчаянная кавалерийская рубка, ставшая, быть может, самым выдающимся подвигом короля в эту кампанию. Карлу с драбантами пришлось восстанавливать положение в том месте схватки, где дрогнули драгуны Таубе. Они оказали неповиновение даже королю, и Карл едва не был окружен. Его выручил генерал Крузе, но десять драбантов погибли, защищая короля. В конце концов русские, имевшие многократный численный перевес, не устояли, и Карл с драбантами устроил настоящее избиение бегущих. «С величайшим изумлением мы смотрели, — пишет очевидец, — как его величество гнал врага и через наполненные водой, но не замерзшие болота, и по глубокому снегу через леса и высоты, причем полегло много врагов». 659 трупов русских кавалеристов осталось по дороге от Краснокутска к Городному и еще 115 на улицах Городного, где «его величество ворвался в середину русских». Все убитые «были пронзены шпагами драбантов». Потери шведов составили 132 человека убитыми и ранеными.

Наступление Карла вызвало сумятицу в русском штабе. Петр оставил армию и уехал укреплять Воронеж: значит, царь считал положение дел критическим.

Теперь Карл мог беспрепятственно выйти на южную дорогу Полтава — Харьков — Белгород; деморализованная постоянными неудачами русская конница без боя откатывалась назад. Но погода вновь сыграла злую шутку с планами Карла. Внезапно наступила оттепель, реки разлились, а 13 февраля даже разразился «ужаснейший ливень» (Адлерфельд) с громом и молниями. За ночь одежда солдат превращалась в ледяную корку; «армия находится в неопишимо плачевном положении», — писал Пипер жене. Отчаянное наступление, стоившее таких усилий и жертв, сорвалось.

Карл привел в Россию 35000 солдат; вместе с присоединившимися остатками корпуса Левенгаупта численность армии осенью 1708 года должна была составить приблизительно 41000 человек. Летом 1709 года к Полтаве подошло около 30000 шведов. Такова была цена за зимние «развлечения» короля.

Шведская армия потянулась дальше на юг, к Полтаве.

4

Для шведов начался четырехмесячный период обороны между реками Псёл и Ворскла. Русские отряды с востока, северо-востока и запада постоянно тревожили шведские форпосты. Распутица исключала широкие боевые действия, и целью Карла было обеспечение переговоров Мазепы с запорожцами. 30 марта около 8000 казаков присоединились к королевской армии.

Весной шведы перехватили письмо Петра Августу, в котором курфюрсту предлагалось вторгнуться из Саксонии в Польшу, так как, писал царь, шведская армия почти уничтожена и Карл никогда не явится на помощь Станиславу. При чтении этого письма Карл хохотал от всего сердца, по словам прусского военного агента Зильтмана. Между тем шведы все ближе подходили к Полтаве.

Варяжская спесь не оставляла Карла. 13 февраля недалеко от Коломака, который, согласно географическим познаниям Адлерфельда, «расположен на границе Татарии», между королем и Мазепой состоялся следующий разговор. Мазепа, желая польстить королю, сказал ему по-латыни:

— Отсюда до азиатской границы всего восемь миль; вот как далеко проникло победоносное оружие вашего величества.

Карл улыбнулся и скромно заметил:

— Относительно этого географы не согласны между собой.

В то время некоторые географы считали границей Европы и Азии Северный Донец, приток Дона, близ которого находился Карл; другие оспаривали это. Королевское замечание, говорит Адлерфельд, заставило покраснеть «этого доброго старика». Но, возвратясь на главную квартиру, Карл приказал Гилленкроку навести справки *о путях, ведущих в Азию*. Гилленкрок возразил, что Азия далеко и добраться до нее этим путем невозможно.

— Но Мазепа мне сказал, что граница ее недалеко отсюда, — настаивал король. — Нам надобно туда отправиться, чтобы можно было говорить, что мы и в Азии побывали.

— Ваше величество изволите шутить и не серьезно помышляете о таком деле.

— Я вовсе не шучу. Подите сейчас и справьтесь о дороге.

Испуганный Гилленкрок пошел к Мазепе, который тоже перепугался и сознался, что только из любезности заговорил об этом.

— Ваше превосходительство отсюда может видеть, как опасно шутить таким образом с нашим королем, — назидательно сказал Гилленкрок. — Ведь это господин, который любит славу больше всего на свете, и его легко побудить продвинуться дальше, чем было бы целесообразно.

Оба поспешили к королю и отговорили его от намерения отыскивать след Александра Македонского.

Чтобы вполне оценить трагикомизм этой бесподобной сцены, надо помнить, что Карл

решил завернуть в Азию до продолжения похода на Москву, во время распутицы и после убийственных морозов, сделавших небоеспособной половину армии. Шведское войско таяло, как снег в украинской степи. В строю оставалось чуть более 18000 человек, не считая казаков. Воздух в степи был заражен миазмами от разлагающихся трупов. Припасы были столь скудны, что за кружку водки платили от 7 до 12 далеров. Солдаты уже требовали хлеба или смерти, и похоже, что король охотнее предложил бы им второе.

Карл оставался невозмутимым, как викинг, выброшенный морем на утес в одной из баллад Гейера. В марте он писал Станиславу: «Я и вся моя армия — мы в очень хорошем состоянии. Враг был разбит, отброшен и обращен в бегство при всех столкновениях, которые у нас были с ним. Запорожская армия, следуя примеру генерала Мазепы, только что к нам присоединилась. Она подтвердила торжественной присягой, что не переменит своего решения, пока не спасет своей страны от царя...»

В Европе еще не все понимали, к чему идет дело. В Саксонии и Силезии, например, появилась листовка с благодарностью Карлу от имени... Днепра. В ней Днепр «уверял» шведского короля, что русские уже трепещут и готовятся бежать при приближении героя. Они будут прогнаны до Черного моря и там утоплены! Мечтой этого немецкого Днепра было: «Да поднимется во мне уровень воды от русской крови!»

В марте Карл отправил Станиславу еще одно письмо: «Положение дел привело к тому, что мы расположились на стоянке здесь, в окрестностях Полтавы, и я надеюсь, что последствия этого будут удачны».

Следующее сообщение из «окрестностей Полтавы» Станислав получил от польского капитана, который принес известие о гибели шведской армии.

5

В начале апреля шведы осадили Полтаву.

В 1399 году в этих местах золотоордынский хан Едигей разбил великого князя Литвы Витовта. С тех пор тихий городок, утопающий в садах, проживал в спокойной безвестности. Его примитивные укрепления — земляной вал с деревянным палисадом — предназначались для защиты от набегов крымских татар.

Комендантом Полтавы был Алексей Степанович Келин, стойкий и исполнительный офицер, вроде толстовского капитана Тушина. За зиму 1708/1709 года он исправил полтавские укрепления согласно тогдашней инженерной науке и намеревался удерживать город до подхода русской армии. Под его началом находилось 4182 солдата регулярных войск, 4270 артиллеристов и орудейной прислуги при 28 пушках и 2600 вооруженных горожан.

Первые атаки шведов на город были отбиты. Вести осаду на виду у русской армии, сосредоточивавшейся на другом берегу Ворсклы, было рискованно. Однако именно опасность и привлекла внимание Карла к Полтаве. Нордберг пишет, что Мазепа убеждал короля быстрее взять город, чтобы получить удобный опорный пункт для сообщения со Станиславом. «Эти доказательства прились по вкусу [королю], в особенности [подействовало] обнаруживаемое этими людьми (запорожцами. — С.Ц.) беспокойство по поводу превосходства неприятельской армии. Чтобы внушить им мужество и доверие, король сам отправился к Полтаве, которую и осадил некоторою частью войск».

Шведские генералы пребывали в смущении, викингство давно выветрилось из них. Даже Рёншельд, который всегда охотно кидался за конунгом в бой и даже сам его подзуживал, как под Раевкой, теперь понурился. На вопрос Гилленкрока, зачем нужно осадить Полтаву, фельдмаршал хмуро ответил:

— Король хочет до той поры, пока придут поляки, иметь развлечение.

Гилленкрок бросился к благоразумному Пиперу.

— Я боюсь, что если только какое-нибудь чудо нас не спасет, то никто из нас не

вернется из Украины, и король погубит свое государство и землю и станет несчастнейшим из всех королей, — убеждал он его.

Пипер был того же мнения, но признавал всю бесполезность здравых советов, когда речь шла о королевских развлечениях. Гилленкрок и Пипер настолько унизились, что решили действовать через любимцев Карла — Нирода и Хорда, попросив их убедить короля идти за Днепр. Те согласились, но при первых их словах Карл нахмурился, и они умолкли.

Тогда Гилленкрок решил лично переговорить с королем. Привожу этот разговор полностью, так как он того стоит.

На вопрос Гилленкрока, что король намерен предпринять, Карл ответил:

— Вы должны приготовить все для нападения на Полтаву.

— Намерены ли ваше величество осаждать город?

— Да, и вы должны руководить осадой и сказать нам, в какой день мы возьмем крепость. Ведь так делал Вобан⁵⁷ во Франции, а вы наш маленький Вобан.

— Помоги нам Бог с таким Вобаном. Но как бы велик он ни был, все-таки я думаю, что он имел бы сомнения, если бы он видел здешний недостаток во всем, что необходимо для такой осады.

— У нас достаточно материала, чтобы взять такую жалкую крепость, как Полтава.

— Хотя крепость и не сильна, но гарнизон там сильнее, в нем четыре тысячи человек, не считая казаков.

Король на мгновение задумался, а потом привел свой обычный неотразимый аргумент:

— Когда русские увидят, что мы серьезно хотим напасть, они сдадутся при первом же выстреле по городу.

— Мне это кажется невероятным. Я скорей думаю, что русские будут защищаться до крайности, и затем трудные осадные работы истощат вашу пехоту.

— Я имею в виду употреблять для этих работ не мою пехоту, а запорожцев Мазепы.

— Ради бога, прошу ваше величество подумать, возможно ли, чтобы осадные работы выполняли люди, которые никогда такими вещами не занимались, с которыми можно объясняться только при помощи переводчика и которые убегут прочь, как только работа будет для них обременительна и как только они увидят, что их товарищи падают под пулями осажденных.

— Не разбегутся: им будут хорошо платить.

— Если даже запорожцы дадут запрячь себя в работу, то ведь ваше величество не имеет пушек, которые было бы возможно пустить в ход с успехом против валов, обнесенных палисадами.

— Но ведь вы сами видели, что наши пушки уже разбивали бревна, которые были толще, чем палисады.

— Конечно, то есть тогда, когда снаряды попадали. Но здесь нужно прострелить несколько сотен столбов.

— Если можно пробить один, то можно и сотни.

— Я тоже того мнения, но когда падет последний палисад, то одновременно окончатся и наши боевые запасы.

— Вы не должны представлять нам дело таким трудным. Вы привыкли к осадам за границей и все-таки считаете подобное предприятие невозможным, если у нас для этого нет всего, что есть у французов. Но мы должны выполнить при наших незначительных средствах то, что другие совершают при больших.

— Я бы действовал предосудительно, если бы создавал ненужные затруднения. Но я знаю, что нашими пушками ничего достигнуть нельзя, вследствие чего в конце концов задача взять крепость будет возложена на пехоту и при этом она целиком погибнет.

⁵⁷ Вобан Себастьян Ла Претр де (1633-1707) — военный инженер, маршал Франции (1703), почетный член Французской академии (1699). Построил 33 новые крепости, укрепил свыше 300 старых и руководил осадой 53 городов. Основал первые саперные и минные роты.

— Я вас уверяю, что не потребую никакого штурма.

— Но тогда я не понимаю, каким образом будет взят город, если только нам не повезет необыкновенное счастье.

— Да, вот именно, мы должны совершить то, что необыкновенно. От этого мы получим честь и славу.

— Да, бог знает какое это необыкновенное предприятие, но боюсь я, что оно и конец будет иметь необыкновенный.

Это уже была дерзость, но Карл не удостоил ее вниманием.

— Только примите все необходимые меры, и вы увидите, что вскоре все будет сделано хорошо, — закончил он разговор.

«Маленький Вобан» приступил к осаде по рецептам Вобана большого. Этот способ осады состоял в следующем. Вначале строились оборонительные укрепления вокруг вала для защиты от вылазок. Затем на расстоянии 600 метров от вала ночью копалась «первая параллель», где располагали тяжелую артиллерию. Вслед за первой рыли «вторую параллель» в 300 метрах от вала и «третью параллель» — почти перед вражескими укреплениями. «Параллели» соединялись апрошами — зигзагообразными траншеями. Если к тому времени крепость не сдавалась, то осаждавшие рыли сапы (подземные ходы для закладывания мин) к той точке крепостной стены, где артиллерия должна была пробить брешь. Осажденные вылазками мешали работам и рыли встречные ходы, чтобы взорвать минный заряд вместе с осаждавшими.

С 6 апреля у валов Полтавы разгорелась ежедневная борьба: шведы рыли «параллели», а русские ночью разоряли эти укрепления. Допрос одного из шведских пленных показал, что «король, не взяв Полтавы, бою с войсками царского величества дать не хочет».

Вскоре произошло то, чего опасался Гилленкрок: 14 апреля Карл лично осмотрел валы; один из них показался ему низким, и король в тот же день назначил штурм. 3000 мушкетеров бросились на городские укрепления. Келин вывел на валы до 4000 человек и отбил атаку. Русские потеряли 142 человека убитыми и 182 ранеными; шведов, по донесению Келина, «до 500 трупами положили».

На следующий день осада стала очень «крепкой». Шведы подвели под вал подкоп, но русские саперы вынули минный заряд. 22 апреля была обезврежена еще одна мина.

К 30 апреля вся шведская армия стянулась к Полтаве. Немедленно один за другим последовали два штурма; оба окончились неудачно. В начале мая инициатива перешла к русским: 1, 2 и 3 мая шведам приходилось отбивать вылазки. 14 мая осажденные напали на апроши и привели в город подмогу — около 1000 человек. Затем продолжились приступы — 15, 23, 24 мая и 1 июня. У шведов стали подходить к концу запасы пороха и ядер. «Выстрелы, которые вы слышите, — это выстрелы русских, а не наши», — сказал Гилленкрок Пиперу во время последнего приступа. Шведы дошли до такого оскудения, что стреляли железками и камнями.

Русские, насмехаясь над шведскими «снарядами», бросали во вражеские траншеи поленья и дохлых кошек; шведы отвечали камнями и комьями земли. Однажды оскорблению подвергся Карл, которому дохлая кошка угодила в плечо. Шведы в гневе забросали русских шквалом ручных гранат, и те на время утомонились. Немало вреда шведам причиняли снайперы-охотники. Так, в один из дней пятеро шведских караульных были убиты выстрелами в голову. «Эти [осадные] работы стоили нам много людей, — говорит Нордберг, — особенно инженеров, и не проходило дня, когда бы у нас не было из них несколько убитых или раненых. К концу король был принужден пользоваться в качестве инженеров пехотными и кавалерийскими офицерами».

Шведы продолжали испытывать нужду и в провианте. В окрестностях Полтавы рыскали мелкие шведские отряды, отыскивающие крестьянские тайники. «Они были зарыты очень глубоко, — говорит Нордберг, — и были полны ядовитых испарений... Те, кого при открытии этих складов спускали туда на веревке, задыхались уже на полпути до такой степени, что лишались слова. Некоторые из них погибли таким образом». А русские часовые

перекликались, намеренно дразня шведов:

— Добра хлеба, добра пива!

Шведы озверели до такой степени, что однажды, поймав четырех русских солдат, двоих сожгли живьем, а двум другим отрезали носы и уши и отправили к Шереметеву. Духовник Карла Нордберг смиренно одобрил эти действия.

2 июня, готовясь к восьмому штурму, Рёншельд послал к Келину барабанщика с предложением сдаться на любых приемлемых для русских условиях; иначе фельдмаршал грозил штурмом и всеобщим избиением защитников. Келин ответил Рёншельду следующим образом: «Мы уповаем на Бога, а что объявляешь, о том мы чрез присланные письма (т. е. предыдущие штурмы. — *С.Ц.*), коих 7 имеем, известны; тако же знаем, что... из присланных на приступе более 3000 человек при валах полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле Божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет», и с оным ответом барабанщик отпущен.

В подтверждение слов об умении обороняться Келин предпринял вылазку, стоившую шведам 200 человек убитыми и ранеными и 4 захваченных русскими пушек.

В 20-х числах мая Карла достигло известие о разгроме отрядом полковника Яковлева Запорожской Сечи. Вначале верх взяли запорожцы, которые захватили 300 русских пленных и умертвили их страшным образом. Но затем к Яковлеву подошла подмога. Запорожцы издали приняли солдат за своих союзников — крымских татар, вышли навстречу и были разбиты. Русские на плечах казаков ворвались в Сечь и всех перебили, кроме «знатнейших воров», которых отправили в Москву. Сечь была разорена, «дабы оное изменническое гнездо весьма выкоренить».

Все это тревожило приближенных короля. Пипер не выдержал и обратился к Карлу, предлагая снять осаду Полтавы.

— Если бы даже Господь Бог послал с неба своего ангела с повелением отступить от Полтавы, то все равно я остался бы тут, — был ответ.

Чудо, на которое надеялись Гилленкрот, Пипер и другие, явилось к шведам не в виде ангела, а в виде Головкина, приехавшего в шведский лагерь с мирными предложениями от Петра. Царь выдвигал два условия: признать за ним все завоевания русских в Прибалтике и не вмешиваться в польские дела.

Ответ Карла гласил: «Его величество король шведский не отказывается принять выгодный для себя мир и справедливое вознаграждение за ущерб, который он, король, понес. Но всякий беспристрастный человек легко рассудит, что те условия, которые предложены теперь, скорее способны еще более разжечь пожар войны, чем способствовать его погашению».

Пипер еще раз убедился, что у короля слова не расходятся с делами.

6

В ночь с 16 на 17 июня Карл получил то последнее, чего ему недоставало, чтобы чувствовать себя настоящим викингом, — рану. О том, как это случилось, историки говорят разное. Одни передают, что Карл поехал осмотреть русский лагерь и наткнулся на пикет казаков, которые грелись у огня, не замечая шведов. Карл не утерпел, слез с лошади и выстрелил по ним. Один казак упал, а другой стал отстреливаться и попал в короля.

По другой версии, которой придерживаются шведские историки, дело обстояло так. Карлу накануне его дня рождения не спалось. Около полуночи он взял с собой Левенгаупта и поехал на берег Ворсклы. Они всю ночь скакали без всякой цели, а на заре подъехали так близко к Полтаве, что попали под ружейный огонь. Карл остановился и, как всегда, с удовольствием сделался мишенью. Левенгаупт заметил, что лучше было бы отъехать:

— Вашему величеству не следовало бы подвергать так бесцельно опасности никакого капрала, не говоря уже о вашей высокой особе.

Но Карл, недолголюбивавший Левенгаупта после Лесной, не ответил ему. После того как пуля ранила в ногу лошадь Левенгаупта, генерал вновь обратился к королю с той же просьбой.

— Пустяки, — ответил Карл, — не бойтесь, найдете другую лошадь.

Тогда Левенгаупт с достоинством сказал:

— Без пользы приносить в жертву не следует даже солдата, тем менее генерала. Я поеду своей дорогой.

Он повернул лошадь и уехал в лагерь; Карл, помедлив, последовал за ним. В это время небольшой русский отряд начал переправляться на шведский берег. Король собрал солдат и помешал переправе. Однако после того как русские отступили, он продолжал разъезжать по берегу под пулями. Наконец ему это наскучило. Карл тронул поводья, чтобы уехать, и в это время пуля попала ему в пятку.

Карл не вскрикнул, не изменился в лице и спокойно поехал в лагерь. Долгое время никто из драбантов, едущих рядом, ничего не замечал. Вдруг один из них обратил внимание остальных, что с королевского сапога стекает кровь. Сначала они думали, что под королем ранена лошадь, но затем, увидев побледневшее лицо Карла, поняли, в чем дело. Карл, с трудом державшийся в седле, отказался от помощи и доехал до лагеря сам.

Навстречу ему вышел Левенгаупт.

— Господи, помоги нам, — в испуге вскричал он, — случилось то, чего я всегда опасался и что я предсказывал!

— Рана только в ноге, — спокойно и как будто даже с сожалением сказал Карл. — Пуля еще в ней, но я велю вырезать ее на славу.

Король не сразу вызвал врачей. Он еще заехал в траншеи, чтобы проверить караулы. Быть может, в это время он вспоминал устав викингов:

Рана — прибыль твоя: на груди, на челе то прямая украса
мужам.

Ты *чрез сутки, не прежде, ее повяжи*, если хочешь собратом
быть нам.

Прошло около часа. Рана успела так воспалиться, что сапог пришлось разрезать. Кость оказалась раздробленной, и хирурги сделали глубокие надрезы на ступне, чтобы вынуть осколки. Король ободрял их:

— Режьте, режьте живее — ничего!

Он не позволил, чтобы его поддерживали во время операции, сам подставлял ногу и не спускал глаз с ножа. Позже, когда вновь потребовалось удалить гниющее мясо, хирург не захотел браться за нож и предпочел прижечь рану. Тогда Карл взял нож и собственноручно вырезал что было необходимо.

В письме Ульрике Элеоноре король мимоходом упомянул, что «получил в ногу *faveur*». Он употребил это французское слово, означающее «милость», потому, что оно как нельзя лучше выражает отношение к ранам викингов, видевших в них отличие, благодеяние судьбы.

Опасность гангрены миновала, но королю пришлось несколько дней пролежать в постели. Чтобы развлечься, он заставлял своего слугу, Гультмана, садиться рядом и рассказывать саги и истории о рыцарях. Гультман отметил в дневнике, что Карлу особенно понравилась сага о Роларе Гётриксоне, о том, «как этот богатырь одолел русского волшебника на острове Ретузари (где ныне расположен Кронштадт. — С.Ц.) и завоевал всю Россию и Данию, так что имя его почиталось и прославлялось на всем севере».

ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ

*В начале восемнадцатого века
Восток дремучий с помощью луны,*

*Добившись небывалого успеха,
Отторгнет кус от северной страны.
Король, вдали от родины разбитый,
В долины полумесяца бежит...*
Нострадамус.

1

Между тем «русский волшебник» всю весну «колдовал»: готовил флот для предупреждения возможного выступления Турции на помощь шведам и вел переговоры с султаном. В конце концов подкупленный великий визирь дал обещание соблюдать нейтралитет.

26 апреля Петр из Азова прибыл под Полтаву. 4 июня был «учинен воинский совет, каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталии...» (Журнал Петра Великого). Обычная осторожность не оставляла царя даже после того, как он лично обозрел «ситуацию» и убедился, что «по-видимому, кроме помощи Божией, оной армии никакого спасения ни убежать, ни... противустоять российской иметь было невозможно», так как шведская армия «самым малым местом довольствоваться имела, где в пище и питье скудость имела не малую». Царь ни на минуту не забывал, что перед ним не Левенгаупт, а победитель при Нарве.

«Ситуация» и в самом деле напоминала положение дел под Нарвой, только с переменной ролей: теперь Карл осаждал крепость, а Петр шел ей на выручку.

Генерал Брюс на совете объявил «свое простейшее мнение»: следует перейти Ворсклу и построить ретрашемент⁵⁸. Петр согласился с ним, но дожди задержали переправу до 20 июня. Царь использовал это время, чтобы стянуть к Полтаве все имеющиеся силы.

Келин со своей стороны построил два редута на берегу реки, таким образом прорвав осаду. Ответом шведов были три штурма — два 21 июня и третий 22-го. Карл не щадил людей, и казалось, что город на этот раз обречен. 22 июня шведы уже ворвались на верх вала, но не сумели закрепиться и были сбиты оттуда. Потери русских в эти дни составили 1319 человек, шведов — около 2200.

24 июня началось возведение редутов перед русским лагерем. Петр все еще не был уверен, что удастся спасти Полтаву. В царском приказе от 19 июня Келину предписывалось в случае взятия города прорываться в русский лагерь, предварительно уведя жителей и все взорвав. Но осажденные намеревались стоять до конца. Толпа горожан даже растерзала человека, заговорившего о сдаче города.

26 июня царь ободрил Келина: «Мы лучшую надежду отселя, с помощью Божиею, имеем вас выручить». В русском штабе поняли, что шведы со дня на день дадут генеральную баталию.

Утром этого дня Шереметев доложил Петру, что к шведам сбежал один унтер-офицер Семеновского полка и что «оной изменник будет предлагать о разорвании линии [русских войск] через новоизбранный полк». Было решено обезвредить последствия измены хитростью. С новобранцев сняли «серые мундиры простого сукна» и обрядили в них Новгородский полк — один из лучших в армии.

Тогда же была произведена роспись полков по дивизиям. Первую пехотную дивизию «царское величество своею персоною изволил принять в правление, а прочие разделил по генералитету». Верховным командующим пехоты назначался Шереметев.

Покончив с организационными делами, Петр, «сняв шляпу», обратился к армии с

⁵⁸ Ретрашемент — вспомогательное фортификационное сооружение, вторая линия укреплений в крепостях, лагерях и в системе полевых позиций.

речью. Шведы, говорил царь, «уже в Москве и квартиры расписали, и генерал-маюр Шпара (Спарре. — С.Ц.) в Москву пожалован генерал-губернатором», а король шведский «государство похваляется разделить на малые княжества»; Петр призывал стоять насмерть и грозил, что те, «которые в бою уступят место неприятелю, почтутся за нечестных и в числе добрых людей счисляемы не будут и таковых в компании не принимать и гнушаться их браку».

В ночь на 27 июня войскам был зачитан приказ Петра, ставший знаменитым с тех пор: «Воины! се пришел час, который должен решить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложну быти вы сами победами своими над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога; на Того Единого, яко всесильного в бранех, уповайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

Русский лагерь притих в томительном ожидании боя.

2

Затянувшееся почти на три месяца «стояние на Ворскле», на виду друг у друга, объясняется тем, что не только в русском, но и в шведском главном штабе было немного сторонников немедленной генеральной баталии. Шведы очень надеялись на подход корпуса Крассау из Польши и помощь крымского хана. Статс-секретарь Хермелин писал: «Мы ныне стоим на том самом пути, по коему татары обычно ходят воевать Москву. Видно, и теперь они нам компанию составят».

Но 21 июня эти надежды испарились. Письмоводитель Крассау Клинковстрём прибыл в шведский лагерь с сообщением, что Станислав Лещинский и шведский корпус стоят под Ярославом в Западной Польше, блокированные русским корпусом генерала Гольца и польско-литовскими войсками гетмана Сенявского. От Полтавы их отделяло около тысячи верст. А эмиссары крымского хана, прибывшие к Карлу одновременно с Клинковстрёмом, сообщили, что Девлет-Гирей горит нетерпением присоединиться к шведам, но без согласия султана не может этого сделать; султан же, прислушиваясь к мнению подкупленных русскими сановников, склонен выжидать.

Все это убедило последних колеблющихся, что спасение, если оно существует, заключается единственно в решительном сражении с русскими. Ждать помощи больше было неоткуда, а уйти без сражения шведы не могли, так как были почти окружены: с юга от них находилась Полтава, с севера — русский лагерь, с востока и запада дорогу преграждали русские кавалерийские отряды генералов Боура и Генскина.

«Наконец, было решено пойти на решительные действия, — пишет Нордберг. — Две причины, одинаково важные, заставили короля решиться на это. Во-первых, недостаток в припасах, а затем постоянные движения по соседству неприятеля, который был по крайней мере втрое сильнее нас и который не переставал нас тревожить днем и ночью только затем, чтобы утомить наши войска».

Долго убеждать Карла в необходимости дать сражение, конечно, не пришлось. В тот же день, 21 июня, когда были получены неутешительные известия от Крассау и хана, король вывел всю армию из лагеря и построил в боевой порядок, вызывая русских на бой. Продержав войска в напрасном ожидании несколько часов, Карл бросил их на штурм полтавских укреплений, о чем уже говорилось выше. В последующие дни шведы подкидывали русским дезинформацию о том, что к Полтаве движется Крассау или, наоборот, что они слабы, как никогда. В ответ русские только усиливали давление на шведские аванпосты. Петр выжидал до последней крайности, понимая, что с каждым днем шведы все ближе подходят к краю бездны. В этом ожидании был и свой риск: пуще всего царь

опасался, что Карл уйдет за Днепр без сражения. Впрочем, царское сердце было зря: Карл и не думал об отступлении.

В одной из таких стычек 26 июня Левенгаупт заманил в засаду отряд казаков и приказал открыть огонь. То, что случилось потом, ошеломило генерала, он не поверил своим глазам: шведы дали залп, но пули вылетели из мушкетов на каких-нибудь 20 шагов, не причинив никакого вреда казакам. Оказалось, что у шведов отсырел порох. Левенгаупт сразу доложил об увиденном королю, но Карл не поверил ему и даже издал приказ, запрещающий говорить о нехватке или испорченности пороха.

Тем не менее в полдень 26-го у короля собрался военный совет с участием Рёншельда, Пипера и командира Далекарлийского полка фон Сигрота. Последний обрисовал положение дел самым мрачным образом: в армии не хватает боеприпасов, солдаты льют пули из переплавленных офицерских сервизов или подбирают под стенами Полтавы русские ядра; последние два дня солдаты не получают хлеба, лошадей приходится кормить листьями; запорожцы готовы взбунтоваться; в армии царят безнадежность и уныние, усиливаемые дурными предсказаниями и предзнаменованиями. Дело, по мнению Сигрота, зашло так далеко, что он не может поручиться за своих солдат.

Рёншельд в свою очередь поддержал Сигрота, сказав, что ждать можно еще несколько дней — потом армия или разбежится, или взбунтуется. Ядер, пуль и пороха хватит на одно большое сражение; после него останется по 3-4 заряда на человека, в то время как нормой является 40 зарядов. Во что бы то ни стало нужна победа, иначе нечего и думать о походе на Москву.

На слова Сигрота Карл ответил, что раз дело так плохо, то «пусть ни он сам [Карл], ни кто-либо другой из армии не вернется живым». А Рёншельда король уверил:

— Все найдем в запасах у московитов.

Вслед за тем король объявил, что завтра атакует неприятеля.

Военный совет был закончен в четыре часа пополудни. К королю был вызван Гилленкрок. Рёншельд от имени Карла приказал ему разделить пехоту на 4 маршевые колонны и вручил ему *ordre de bataille* — план сражения. Гилленкрок молча стоял у постели Карла. Рёншельд, назначенный главнокомандующим вместо больного короля и ставший от этого вдвойне привередливым и нервным, повысив голос, спросил Гилленкрока, понимает ли он, как следует выполнить задание, но Карл чуть раздраженно перебил фельдмаршала:

— Да-да, Рёншельд, он все знает.

Фельдмаршал мрачно насупился. С этой минуты и до конца сражения он находился в постоянном раздражении. Помимо сознания ответственности за исход боя, его мучила боль от раны, полученной при штурме Веприка (эта рана позднее и свела его в могилу), и досаждало назначение Левенгаупта, с которым он был в ссоре, командующим пехотой. Левенгаупт, кстати сказать, последние дни страдал от поноса, что также не прибавляло ему добродушия.

Да и сам Карл потерял свою обычную бодрость и ясность духа. Из-за воспаления раны его терзала лихорадка с высокой температурой. Его вид и речи поражали какой-то угрюмостью. Солдаты и офицеры шептались, что король хочет быть убитым, чтобы избежать бесчестия. Слова Карла, сказанные Сигроту, дают основание для такого мнения. Королей из династии Ваза вообще отличала эта мрачная готовность к смерти. К примеру, отец Карла XII после одного поражения от датчан бормотал на марше: «Хоть бы и сгинуть, одной лишь смерти жажду». С другой стороны, Карла все сильнее охватывал паралич воли, сходный с апатией Наполеона в день Бородинского сражения, так великолепно изображенной Толстым.

Болезнь Карла и весь ход Полтавского сражения дали повод многим историкам утверждать, что в действиях шведов отсутствовал общий план. В качестве доказательства они приводят слова Гилленкрока: «Я по крайней мере не знаю ничего о какой-либо диспозиции или плане атаки», а также аналогичное свидетельство Левенгаупта. Другие, как, например, Фриксель, оспаривают это мнение и на основании некоторых мемуаров делают

вывод, что диспозиция была составлена накануне сражения и вручена генералам и полковникам, собравшимся к королю на вечернюю молитву.

Судить о наличии у Карла конкретного плана действительно приходится только задним числом, на основе анализа хода сражения. Показания таких очевидцев, как Гилленкрок и Левенгаупт, ненадежны, так как они стремились если не оправдать поражение шведов, то, по крайней мере, снять с себя ответственность за исход боя. К тому же Гилленкрок явно лукавит: какие-то распоряжения перед боем он все-таки получил.

Прежде чем говорить об этом вопросе определеннее, надо взглянуть на место, где произошло сражение, и на расположение войск противников. Король, его штаб, драбанты и гвардия размещались в Яковецком монастыре к востоку от Полтавы. Пехота находилась в лагере западнее города. В четырех верстах от нее в том же направлении разбила лагерь шведская кавалерия. Южнее Полтавы стоял обоз, охраняемый двумя драгунскими полками. Армия была разделена, чтобы избежать скученности и распространения заразы.

Строевые части шведов насчитывали около 24000 человек (не считая 11000 или 12000 запорожцев); 2250 раненых и больных находились в лазаретах при обозе. Там же числилось: около 1100 чиновников канцелярии, около 4000 конюхов, денщиков и рабочих и 1700 жен и детей солдат и офицеров.

Русский лагерь располагался на берегу Ворсклы, строго к северу от Яковецкого монастыря. Он был очень велик: вмещал в себя около 42000 человек, без учета нестроевых, число которых неизвестно. Мощные укрепления, сооруженные по последнему слову инженерной науки, окружали русский лагерь с трех сторон — севера, юга и запада; с восточной стороны сразу за лагерем начинался 60-метровый обрыв, спускавшийся к реке. Севернее лагеря тянулся длинный глубокий овраг.

Противников разделял довольно узкий проход (от двух до трех верст), ограниченный с востока Яковецким, а с запада Будищенским лесом. Шведы могли атаковать русских только по этому коридору. Здесь, недалеко от лагеря, по личному указанию Петра были сооружены 10 редутов в виде буквы «Т» (6 редутов в горизонтальной линии и 4 в вертикальной), перегородившие проход между лесами; работы на двух южных редутах еще не были закончены. Их защищали около 4000 человек пехоты и 10000 кавалеристов корпуса Меншикова. Форма редутов была задумана гениально: проходя через них, шведы непременно должны были потерять связь между правым и левым флангом и выйти к месту генеральной баталии дезорганизованными.

Полтавское поле таило в себе опасность для любой проигравшей стороны. В случае поражения русские были бы прижаты к реке и оврагу, что неминуемо привело бы к гибели почти всей армии; шведы при отступлении оказывались скученными в узком проходе между лесами и должны были бы вновь прорываться сквозь редуты, чтобы попасть в свой лагерь.

Таким образом, план Карла непременно должен был состоять из двух частей: 1. Прорыв через редуты. 2. Сражение за редутами. Вторая часть плана могла иметь два варианта, смотря по тому, как поведут себя русские: а) генеральная баталия перед лагерем и б) штурм лагеря.

Свидетельства очевидцев и сам ход сражения убеждают в том, что у Карла была более или менее разработана только первая часть плана. Согласно ей пехота должна была быстро прорваться через редуты, а кавалерия — обеспечить этот прорыв, сбив русскую кавалерию за редутами. Представитель Станислава Лещинского при шведском штабе резюмировал эту часть плана (считая ее общим планом) такими словами: «Фельдмаршал [Рёншельд] с конницей должен ударить врага во фланг, пехота — напасть с фронта».

Что касается действий шведов за редутами, то Карл, вероятно, не только не дал никаких ясных распоряжений на этот счет, но и сам не очень хорошо представлял, какой из двух вариантов боя предпочтут русские. Скорее всего, он надеялся, что само сражение подскажет, какие действия следует предпринять. Шведский король действовал под тем же девизом, что и Наполеон: «Ввяжемся в бой, а там посмотрим».

В целом распоряжения Карла были не хуже и не лучше его распоряжений в

предыдущих сражениях. Нетерпение берсеркера никогда не позволяло ему кропотливо расписывать диспозицию. Король действовал так, как привык действовать всегда и везде. План Полтавского сражения стоял на двух китах стратегии и тактики Карла: «Вперед, ребята, с Богом!» и «Неприятель, увидев, что мы серьезно собираемся напасть, побежит».

3

После совещания у Карла шведская армия стала готовиться к атаке. Вести ее предполагалось четырьмя колоннами пехоты и шестью колоннами кавалерии; 7 драгунских полков должны были остаться при обозе. Солдатам и офицерам сообщили пароль: «С Божьей помощью».

Вечером король лично осмотрел приготовления к бою. Его сопровождал отряд телохранителей: 15 рядовых гвардейцев под командованием Нильса Фриска, одетые в синие плащи с желтыми обшлагами и подкладкой, и 24 драбанта во главе с Юханом Ерттой, щеголявшие голубыми плащами, расшитыми золотом. Их роль заключалась в том, чтобы живой стеной окружить Карла во время сражения и уберечь его от шальных пуль (в шведской армии ходили слухи, что в юности короля заговорила ведьма, сделав его неуязвимым; но после ранения Карла этому верили уже не так безусловно).

Специально для короля солдаты Далекарлийского полка смастерили носилки, укрепленные между парой белых жеребцов, запряженных тандемом. На носилки положили походную койку с шелковыми матрацами; по обе стороны от носилок шли 8 солдат.

За час до полуночи из главного штаба ко всем полкам помчались вестовые с приказом строиться в боевые порядки. Темнота сразу внесла некоторую неразбериху в действия командиров. Рёншельд затеял перепалку с Левенгауптом, обвинив его в том, что он нарушает порядок движения колонн (Левенгаупт, не считаясь со сроками выступления, тщательно строил солдат согласно диспозиции). Затем, несмотря на потерю времени, начали богослужение, составлявшее важную часть психологической подготовки солдат к бою. В шведской армии существовала особая молитва, которую следовало читать, как было сказано в уставе, «когда предстоял поход либо при других опасных случаях». Молитва звучала так: «Дай мне и всем тем, кто вместе со мной будет сражаться против наших неприятелей, прямодушие, удачу и победу, дабы наши неприятели увидели, что Ты, Господь, с нами и сражаешься за тех, кто полагается на Тебя». А перед большим сражением всегда пели еще и псалом:

С надеждой на помощь зовем мы Творца,
Создавшего сушу и море,
Он мужеством нам укрепляет сердца,
Иначе нас ждало бы горе.
Мы знаем, что действуем наверняка,
Основа у нашего дела крепка.
Кто может нас опрокинуть?

Богослужение закончилось в час ночи. Батальоны двинулись на исходные позиции, безмолвно исчезая в темноте один за другим. Впереди каждой роты шли барабанщики и трубачи, за ними капитан с 50 мушкетерами, затем два отряда пикинеров, между которыми находился прапорщик с ротным знаменем, следом остальные мушкетеры с лейтенантом.

70 рот пехоты, входившие в состав 18 батальонов, построились в 4 колонны. Первую колонну возглавил генерал-майор Аксель Спарре, вторую генерал-майор Бендт Отто Стакельберг, третью генерал-майор Роос, четвертую генерал-майор Лагеркрона. Общая численность пехоты составляла 8200 человек.

Вслед за пехотой везли 4 пушки и 4 повозки с боеприпасами, которые сопровождали 30

человек прислуги в серых мундирах с синими галунами и в черных шляпах. В обозе осталось 28 пушек с достаточным количеством зарядов — по 110-150 выстрелов на ствол. Это распоряжение Карла было, пожалуй, самым необъяснимым и самым безрассудным.

Шесть колонн кавалерии были отправлены вперед еще раньше, без богослужения. Численность 14 кавалерийских полков (109 эскадронов и корпус драбантов) достигала 7800 человек. К ним присоединились и 3000 запорожцев. Мазепа с остальными казаками остался при обозе (это лишний раз доказывает, что Карл никогда не рассматривал запорожцев как серьезную военную силу).

По пути на позиции офицеры беспрестанно напоминали солдатам о Нарве.

4

К двум часам ночи колонны вышли на исходные позиции в 600 метрах от южного русского редута. Здесь пехота получила приказ залечь до рассвета. Короля носили между живыми коврами солдатских спин, покрывших мокрую от росы траву. Карла, кроме охраны, сопровождали Рёншельд со штабом, Левенгаупт, Гилленкрок, Сигрот, адъютанты, иноземные послы и военные наблюдатели — пруссак Зильтман, поляк Урбанович и англичанин Джеффриз, а также весь придворный штат под началом гофмаршала барона Густава фон Дюбена. В королевской свите находились также два камергера: первым был Карл Густав Гюнтерфельд, потерявший в сражении под Клишовом в 1702 году обе руки, но продолжавший исполнять свои обязанности, потому что во Франции ему изготовили «две удивительные машины, кои в известной мере потерю названных конечностей возмещали»; вторым — тридцативосьмилетний Густав Адлерфельд, уже известный нам историограф Карла. В 1700 году он был представлен королю, который произвел его в камер-юнкеры. Вскоре Адлерфельд начал писать о походах Карла, и эта его затея получила королевское одобрение. С тех пор Адлерфельд исполнял обязанность летописца армии и возил с собой большую библиотеку.

С королем находились и перебежчики из русской армии: Мюленфельд, сдавший шведам мосты под Гродно, и Шульц, чей побег заставил Петра переодеть Новгородский полк.

Близился рассвет, а сигнала к бою все не было: Карл ждал кавалерию, сбившуюся в темноте с дороги. Когда она подошла, время, назначенное для атаки, прошло. В предрассветных сумерках русские заметили шведов, прозвучали первые выстрелы, и надежда на внезапность рухнула.

Рёншельд сразу заволновался. «Все пришло в конфузию», — сказал он Спарре. Тот что-то возразил, и главнокомандующий взорвался: «Ты хочешь быть умнее меня!» Остальные генералы с недоумением смотрели на фельдмаршала и перешептывались. Гилленкрок спросил Спарре, в чем состоит эта «конфузия». Спарре ответил, что не знает, и презрительно добавил, метя в распоряжения Рёншельда, что «все здесь удивление вызывает». Карл безучастно слушал эти препирательства.

Наконец Рёншельд отдал приказ: «Колоннами стоять, как и сюда шли» — и обратился к Левенгаупту:

— Что скажете вы, граф Лейонхювюд⁵⁹?

— Уповаю на то, что с Божьей помощью атака нам удастся, — нехотя отозвался Левенгаупт, пребывавший не в духе от полученного недавно нагоняя.

— Что ж, с Богом, — произнес фельдмаршал и повернулся к королю: — Будем продолжать.

⁵⁹ Лейонхювюд, т. е. «львиная голова» — точный перевод фамилии Левенгаупта с немецкого языка на шведский. В шведской армии Левенгаупта называли именно так.

Карл кивнул. Было ровно 4 часа утра.

С восходом солнца промокшие и озябшие шведы двинулись на редуты, с которых на них смотрели жерла 102 русских пушек.

Позже один из солдат Йончёпинского полка так описал свои впечатления в то утро:

Грохот и неразбериха, бряцанье оружия, скрежет и ржанье
Слышны от сотен телег, от коней и от войск на равнине,
Ближе и ближе сходящихся в сумерках раннего утра,
Пушечный гром возвестил о начале сраженья,
Залпы послышались, пули посыпались градом,
И с фитилем подожженным гранаты ложатся средь храбрых.

Из-за спешки возникла сумятица, так как не все колонны успели построиться к началу атаки. К тому же многие командиры поняли диспозицию так, что следует не идти между редутами, а атаковать их. Эта неточность в распоряжениях Карла дорого обошлась шведам.

Правда, первый редут, недостроенный к началу сражения, просто захлестнула волна синих мундиров. Ни один из русских, находившихся в нем, не ушел — пленных не брали. Но дальше возник беспорядок: одни командиры вели батальоны мимо редутов, другие приказывали штурмовать их. Спарре, Стакельберг, Роос и Лагеркрона не могли понять, куда деваются части из их колонн.

Карл находился на правом фланге, лежа в носилках, в сапоге со шпорой на здоровой ноге и со шпагой в руке. Он не командовал, а только подбадривал солдат.

Колонны правого фланга шли мимо редутов, с которых по ним велся непрерывный огонь. «Когда наши рядовые солдаты слышали, что ни единая [шведская] пушка не пришла к ним на подмогу, они стали терять мужество», — вспоминал Левенгаупт.

Однако Далекарлийский полк с большими потерями взял и второй редут, вновь перебив всех защитников. По выражению одного шведского офицера, шведы «сокрушили каждую косточку у тех, кто был внутри».

Затем Левенгаупт повел колонны правого фланга в обход редутов по кромке Яковецкого леса. Колонны левого фланга последовали за ними и вышли прямо на третий редут, где укрепились 500 русских солдат из бригады Айгустова. Первая атака шведов была отбита одним артиллерийским огнем, причем бегущие смяли и подошедшее подкрепление. Вторая атака тоже закончилась безрезультатно. Тогда часть батальонов прокралась мимо редута и ушла дальше за Левенгауптом, а часть задержалась перед редутом, готовясь к новому штурму.

Движение шведских колонн временно приостановили 85 эскадронов (9000 кавалеристов) Меншикова, стоявшие позади последней линии редутов. Для отражения кавалерийской атаки пехоте надо было иметь идеальный строй, а теперь боевые порядки шведов были расстроены; к тому же шведская кавалерия находилась за пехотой. По рядам мушкетеров прокатился вопль: «Кавалерию вперед, ради Бога, кавалерию вперед!» Драбанты, конногвардейцы и драгуны поспешили на помощь пехоте, но из-за тесноты не смогли вытянуть боевую линию и были отбиты. Рассеянная шведская кавалерия отошла на фланги, чтобы перестроиться.

Клубы пыли и порохового дыма висели над полем, покрывая мундиры солдат таким плотным слоем грязи, что нельзя было разобрать их цвет. Один отряд шведских драгун после схватки обнаружил, что 6 русских кавалеристов встали в их строй в полном соответствии с уставом: 4 всадника в первой шеренге и 2 во второй. Все они были убиты.

Петр приказал Меншикову отойти и встретить шведов за редутами — царь не хотел превращать их оборону в генеральную баталию. Но успех вскружил голову Данилычу: он отослал в лагерь адъютанта с сообщением, что бой идет хорошо и нужны подкрепления для полной победы. Царь вновь послал сердитый приказ об отступлении. Меншиков в ответ отправил ему трофейные знамена с уверениями, что если отозвать кавалерию, то редуты

падут.

Шведское знамя.

Эти споры дали возможность шведской пехоте и кавалерии перестроиться. Некоторое время противники вели оживленную перестрелку, но когда русская кавалерия все-таки стала отступать, шведская конница бросилась в атаку. Преследуя русских, шведы не заметили, как оказались у редутов. Узкие проходы (150-170 метров) мешали шведским эскадронам держать боевую линию, всадники толпами неслись очертя голову сквозь огненный смерч. За редутами, по словам очевидца, завязалось «смертоносное и кровавое сражение на шпагах, вкупе с сильной стрельбой». Русская конница оставляла один проход за другим, откатываясь назад. Ожесточение шведов было так велико, что некоторые русские части на правом фланге охватила паника. В разгар боя Сконский драгунский полк, предводительствуемый Маленьким Принцем, получил записку от командира 2-тысячного отряда казаков с предложением перейти на сторону шведов. Маленький Принц почему-то счел нужным ответить им в бюрократическом стиле: «Поелику милостивый наш король по ходу баталии не с нами оказался и в сей момент здесь не присутствует, мы не можем выяснить его милостивую волю по этому поводу». Делать было нечего, казаки остались с русскими.

Около 5 часов утра шведская кавалерия оказалась за задней линией редутов. Командование русской кавалерией перешло к генералу Боуру, но, собственно, командовать ему было нечем — большая часть кавалерии неслась на север мимо русского лагеря, преследуемая шведами.

Судьба сражения висела на волоске. Русская конница приближалась к оврагу, который через несколько минут должен был стать ее могилой. Но Рёншельд неожиданно остановил преследование. Некоторые шведские историки, например Энглунд, объясняют роковое решение фельдмаршала тем, что он не хотел упускать из виду свою кавалерию и оставлять пехоту в двусмысленном положении между редутами и русским лагерем. Но дело, видимо, обстояло значительно проще: Рёншельд *не знал* топографии местности, на которой разыграл генеральное сражение!

Между тем шведская пехота, не взяв больше ни одного редута, также вышла на поле перед русским лагерем. Карл все это время находился позади десяти батальонов правого фланга. И сам король, и его свита испытали на себе губительный огонь русских батарей. Один из коней, несущих королевские носилки, был убит, рядом с животным упали мертвыми три драбанта и несколько гвардейцев. Из-за потерь отряд телохранителей был усилен лейб-драгунами из эскадрона Роберта Муля — того самого, к которому по ошибке пристали русские всадники. Возле русского лагеря королевский отряд вновь попал под огонь. На этот раз у носилок ядром разбило дышло. Пока чинили носилки, вокруг Карла полегло еще больше людей. После этого король присоединился к батальонам Левенгаупта.

Солдат русской армии.

Левенгаупт хотел было немедленно начать штурм русского лагеря, но получил от Рёншельда приказ маршировать на запад, к Будищенскому лесу, для соединения с кавалерией. Возможно, это была вторая упущенная Рёншельдом возможность победы. Психологический момент для атаки лагеря был очень благоприятный. Левенгаупт в мемуарах утверждает, что русские солдаты уже начали отходить от валов; к шведам также поступили сведения, что русские наводят понтоны через Ворсклу. Но как бы то ни было, Левенгаупт подчинился.

На этот раз осторожность Рёншельда была вызвана тем, что он неожиданно обнаружил исчезновение с поля боя *трети* пехоты вместе с генерал-майором Роосом и полковником

Сигротом. Прошло немало времени, прежде чем ситуация прояснилась.

Дело было в том, что Роос и Сигрот, находившиеся на левом фланге, увлеклись резней во втором редуте, а когда опомнились, то увидели вокруг только поле, покрытое трупами, и остальные редуты, утопающие в клубах дыма и пыли. К тому же их колонны уменьшились наполовину, так как часть батальонов ушла вслед за Левенгауптом. Незадачливые победители не знали, что делать дальше и куда вести колонны (это лишний раз доказывает, что распоряжения Карла касались только прохождения через редуты).

Роос и Сигрот подошли к третьему редуту, перед которым в молчании стояли шведские батальоны, дважды неудачно штурмовавшие его. Сигрот повел своих далекарлийцев на приступ и сразу был ранен; все шведы, взобравшиеся на вал, погибли. Вторая атака привела к еще большим жертвам, поскольку у Рооса не было ни артиллерии, ни лестниц, а с редута на шведов обрушивался шквал огня. Повторялся штурм Веприка: картечь валила людей шеренгами; из 21 капитана Далекарлийского полка в строю осталось 4.

Упоминавшийся выше солдат Йончёпинского полка с ужасом вспоминал страшное действие русской артиллерии:

Стоны и крики кругом: мне прострелили плечо,
Голову, голень, ступню, руку, лодыжку, запястье.
Друг дорогой, помоги до лазарета добраться!
Ну а иные бегут в страхе без ружей и шапок.

Роос, хваставшийся, что под Нарвой половина его солдат полегла на русских укреплениях, а его платье было продырявлено пулями, безучастно смотрел на гибель своего отряда: возможно, что он и теперь опирался на свой нарвский опыт или, что вероятнее, просто не знал, что делать. Наконец один лейтенант вырвал у него приказ об отступлении. Роос увел на опушку Яковецкого леса 1500 человек из 2600, с которыми начал штурм.

Солдаты русской армии.

Здесь выяснилось, что русские вновь сидят в одном из взятых шведами редутов! Левенгаупт так торопился, что не выставил там заслонов и не заклепал пушки.

В это время Карл принимал поздравления от свиты с удачным завершением первого этапа сражения (король постоянно спрашивался у Рёншельда, не выходят ли русские из лагеря, чтобы дать сражение, но тот отвечал, что это невозможно, русские не могут быть столь дерзкими). Гилленкрок изъявил свои восторги по этому поводу и присовокупил:

— Дай Бог, чтобы генерал-майор Роос был здесь.

— Верно, он скоро будет здесь, — спокойно ответил король.

Около 6 часов утра Рёншельд наконец узнал о местонахождении пропавших батальонов. Он тут же приказал «добыть нам Рооса», по выражению Гилленкрока. На выручку ему был послан отряд Спарре.

О положении Рооса узнало и русское командование. Для его уничтожения были отряжены 3 пехотных полка во главе с Ренцелем и 5 драгунских полков. По пути русские натолкнулись на небольшой разведывательный отряд Шлиппенбаха, заблудившийся в Яковецком лесу перед началом сражения. Шведы были быстро рассеяны, Шлиппенбах сдал свою шпагу. Затем Ренцель с пехотой двинулся прямо на Рооса, а драгуны предприняли обход с юга, чтобы взять шведов в «клещи».

В 7 часов Роос увидел сзади русскую кавалерию, которую принял за шведскую, и выслал навстречу ей адъютанта. Тот вернулся в ужасе и застал у Рооса гонца, прибывшего от Рёншельда с требованием присоединиться к остальной армии. В это время показалась пехота Ренцеля.

Роос построил свой отряд в две линии под прямым углом друг к другу и спиной к лесу.

Бой был коротким. «Все было тщетно, — пишет один шведский унтер-офицер, — острия вражеских пик вонзались в наши тела, смертельно ранив большинство из нас». Роосу удалось прорваться лишь с 300-400 шведами. Он отступил к Полтаве, где был добит вышедшим из города Келиным.

Спарре не решился пробиваться к Роосу сквозь русские полки. Он посмотрел на бойню издали и вернулся к Рёншельду с сообщением, что фельдмаршалу «незачем больше думать о Роосе», добавив, что «если Роос не может со своими шестью батальонами защитить себя от русских, то пусть убегает к черту и делает что хочет».

Рёншельд не успел обдумать странные слова Спарре. Новое известие действительно заставило его забыть о Роосе. С передовой линии доложили, что «неприятель выходит из своих укреплений».

Было 9 часов утра. Начиналась генеральная баталия.

5

Еще во время марша Левенгаупта на опушку Будищенского леса для соединения с кавалерией Рёншельда Петр распорядился вывести из лагеря и построить с северной и южной стороны 23 батальона, чтобы создать угрозу шведским флангам при возможном нападении на лагерь. Но Рёншельд, как мы видели, три часа провел в бездействии, выясняя судьбу батальонов Рооса. Эта передышка позволила русскому командованию привести в порядок отступившую кавалерию Боура и выработать план дальнейших действий.

После гибели отряда Рооса царь пуще всего боялся, чтобы шведы не ушли без сражения. Он говорил генералитету: «Ежели вывести все полки, то неприятель увидит все великое излишество и в бой не вступит, но пойдет на побег». Шереметев, Репнин, Боур, Волконский, Скоропадский возражали: «Надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным», на что царь отвечал: «Победа не от множественного числа войск, но от помощи Божией и от мужества бывает, храброму и искусному вождю довольно и равного числа». Поэтому было решено оставить в лагере 6 полков и отослать к Полтаве 3 батальона — «для коммуникации». Солдаты резерва упрашивали Петра, чтобы он «повелел им быть в баталии». Царь разъяснил им: «Неприятель стоит близь леса и уже в великом страхе. Ежели вывести все полки, то не даст бою и уйдет: того ради надлежит и из прочих полков учинить убавку, дабы чрез свое умаление привлечь неприятеля к баталии».

Таким образом Петр намеренно ослаблял свои силы, чтобы добиться победы, — вещь неслыханная в военной истории!

Закончив совещание, царь и генералы вышли из шатра. Петр был одет как большинство офицеров — на нем был зеленый мундир с красными обшлагами и подкладкой, черная треуголка и высокие сапоги; на грудь через плечо была возложена голубая шелковая лента Святого Андрея Первозванного. Царь вскочил в седло своей любимой Лизетты, гнедой арабской лошади, подаренной турецким султаном, и поехал между рядами войск к воротам лагеря. Здесь проходящих солдат кропили святой водой.

Пехота строилась в две линии, заполняя промежуток между уже построенными 23 батальонами. Всего Петр предполагал использовать 42 батальона: 24 в первой линии и 18 во второй (по две шеренги в линии). Боевой порядок был очень тесный — локоть к локтю; в интервалы между батальонами поместили 55 трехфунтовых орудий (остальные полсотни пушек на всякий случай оставили в лагере на прежних позициях).

Кавалерия, построенная также в две линии, встала по флангам: на правом 45 эскадронов (9000 человек) Боура, на левом 12 эскадронов (4800 человек) Меншикова. Не участвовали в сражении казаки Скоропадского, стоявшие за Будищенским лесом, и калмыки хана Аюки, опоздавшие к началу боя.

Увидев порядок построения русских войск, Карл обратился к Рёншельду:

— Вероятно, нам нужно двинуться по направлению к русской кавалерии и ее прежде

всего повернуть вспять?

Рёншельд возразил:

— Нет, ваше величество, нам следует нанести удар вон там, — и указал на русскую пехоту, видневшуюся на расстоянии версты от шведов.

Король в этот день был послушен, как ребенок.

— Делайте, как считаете нужным, — сказал он.

52 эскадрона Крейца первыми достигли своего места построения на правом фланге, но обнаружили, что им невозможно развернуть боевую линию: с севера им мешала своя же пехота, а с юга — огонь с редутов. Крейц отдал приказ построиться сзади пехоты. Когда Левенгаупт увидел это, у него, по его выражению, «резануло сердце, точно от удара ножом».

Малочисленной шведской пехоте пришлось построиться с большими интервалами, чтобы ее линия могла сравняться по длине с линией русской пехоты, но даже после этого линия русских оказалась длиннее линии шведов. В связи с этим между Левенгауптом и Рёншельдом возникла еще одна перепалка, окончательно взбесившая обоих. Левенгаупт, по его собственным словам, «испытал великую досаду» и «готов был скорее умереть», нежели дальше служить под началом Рёншельда. Впрочем, фельдмаршал вскоре смягчился.

— Сослужите его величеству еще одну верную службу, а мы с вами давайте помиримся и будем опять добрыми друзьями и братьями, — сказал он Левенгаупту.

— Желает ли его превосходительство, чтобы я сию минуту на врага войско двинул? — хмуро спросил Левенгаупт, вовсе не оттаявший от слов Рёншельда.

— Да, сию же минуту, — подтвердил тот.

Без четверти десять прозвучал сигнал атаки. Шведская пехота тронулась с места, русская двинулась ей навстречу. Противники начали сходиться: 10 батальонов против 42, 4000 человек против 22000, 4 орудия против 55.

Левенгаупт вел солдат с тяжелым чувством. «Этих, с позволения сказать, идущих на заклание глупых и несчастных баранов вынужден был я повести против всей вражеской инфантерии⁶⁰», — писал он впоследствии. Но атаковать было необходимо, иначе шведам грозило окружение. К тому же атака пехоты позволяла кавалерии восстановить свою линию на правом фланге.

Рёншельд приказал Крейцу атаковать те русские батальоны, которые выступали за линию шведской пехоты. Сам фельдмаршал поскакал на левый фланг, бросив на ходу королю:

— Пехота пошла скорым шагом на врага.

Услышав это, Гилленкрот изумился:

— Как это возможно, чтобы баталия уже началась? (Его удивило то, что прошло всего несколько минут, как пехота построилась.)

— Они идут, — удовлетворенно отозвался Карл.

Охрана сомкнулась вокруг короля, его понесли на пригорок. Толстяк Пипер семенил за носилками и бормотал, задыхаясь: «Господь должен сотворить чудо, чтобы нам и на сей раз выпутаться удалось».

Царь перед началом атаки обратился к войскам:

— За отечество принять смерть весьма похвально, а страх смерти в бою — вещь, всякой хулы достойная.

Затем он некоторое время ехал рядом с Шереметевым впереди пехоты. Когда противники сошлись на расстояние орудийного выстрела, Петр остановил коня, взмахнул шпагой, благословляя войско, и сказал Шереметеву:

— Господин фельдмаршал, вручаю тебе мою армию, изволь командовать и ожидать неприятеля на сем месте.

После этого он отъехал во вторую линию и принял начальство над одной из дивизий.

⁶⁰ Инфантерия — старинное название пехоты.

Шереметев последовал за ним (по уставу генералы и знаменосцы в бою должны были находиться за первой линией).

Русская пехота остановилась, ожидая врага; артиллеристы поднесли к фитилям факелы. Спустя мгновение раздался первый орудийный залп, шеренги окутал пороховой дым, распространяя по полю тяжелый запах тухлых яиц.

Атака шведов продолжалась 9 минут под несмолкающим артиллерийским огнем; на расстоянии 200 метров русские перешли с ядер на картечь. Оставшиеся в живых шведы с ужасом вспоминали эту атаку. По словам капрала Снепуста, неприятельский огонь напоминал «какую-то нескончаемую грозу». Драбантский писарь Нурсберг вспоминал, что «метание больших бомб вкупе с летающими гранатами на то похоже было, как если бы они с неба градом сыпались». Эскадронный пастор Смоландского кавалерийского полка Шёман свидетельствовал, что огонь был «доселе неслыханный», так что «волосы вставали дыбом от грома пушек и картечных орудий залпов». Прусский наблюдатель Зильтман вообще не нашел подходящих слов для описания.

Шведы валились на землю десятками, сотнями. По словам одного участника, «за один-единственный залп мы потеряли чуть не половину полка». Лейтенант фон Вайне писал, что его солдаты «сломя голову неслись навстречу смерти и по большей части бывали сражены грохочущими русскими пушками прежде, чем получили возможность применить мушкеты». А в одном шведском отчете о ходе сражения было сказано, что «наши полегли, точно трава под косой».

Сражение под Полтавой.

Шведские историки подсчитали, что русская артиллерия сделала 1471 (!) выстрел, каждый третий — картечью.

Несмотря на убийственный огонь, шведы шли прямо, уверенные в том, что, как сказано в уставе, «ни одна пуля не поразит солдата» без воли Божьей. Когда расстояние между противниками сократилось до 100 метров, первая линия русских мушкетеров опустилась на колени и вскинула ружья. Шведы перешли на бег, прибегая свои залпы напоследок.

Русские произвели залп с 50 метров одновременно всеми четырьмя шеренгами. Послышался шум, который одному русскому офицеру показался похожим на шум рушащейся избы, — это падали тела шведов. Левенгаупт, ехавший на коне в середине строя, диву давался: «Уму человеческому непосильно вообразить было, что хоть одна душа из всей нашей ничем не защищенной пехоты живой выйдет».

Наконец шведы с остервенением ударили в штыки, и часть русских батальонов дрогнула! Только тогда Левенгаупт скомандовал: «Пли!» — но отсыревший порох сделал шведский залп неэффективным. Сам Левенгаупт сравнил треск выстрелов со слабым хлопком о ладонь парой перчаток. С этой минуты на поле боя воцарилась неразбериха. На правом фланге напором шведов поддался Новгородский полк, переодетый в мундиры новобранцев, на который, как и опасался царь, Левенгаупт направил главный удар (согласно шведским источникам, отступили чуть ли не все батальоны Московского, Казанского, Псковского, Новгородского, Сибирского и Бутырского полков, стоявшие в первой линии; но это маловероятно, так как в этом случае в бой должна была вступить вторая линия русских, а она участия в сражении так и не приняла). Первый батальон новгородцев был смят, шведы захватили 15 орудий. Чтобы восстановить линию, Петр лично повел второй батальон в атаку. В схватке одна пуля пробила шляпу царя, другая засела в седле Лизетты.

Для закрепления успеха шведам требовалась кавалерийская атака, а она запаздывала. К тому же удача сопутствовала пехоте только на правом фланге; левый, натолкнувшись на лучшие русские полки — Семеновский, Преображенский, Ингерманландский и Астраханский, — пятился назад.

Теперь судьбу сражения решала стойкость каждой из сторон.

По свидетельству как шведов, так и русских, рукопашная схватка длилась не более получаса. Кавалерия Крейца все-таки атаковала на правом фланге два гренадерских полка русских, которые построились в каре и встретили атаку огнем. Но на левом фланге шведские эскадроны, едва вступив в бой, увидели, что шведская пехота левого фланга бежит, преследуемая русской гвардией! Спустя некоторое время и Крейц обнаружил бегство правого фланга шведской пехоты.

Шведский строй в мгновение ока лопнул, как натянутая струна. По словам Петра, «непобедимые господа шведы скоро хребет показали». Видимо, огромные потери во время сближения, в сочетании с угрозой окружения более вытянутой линией русской пехоты, сыграли свою роль. Левенгаупт пытался предотвратить крах, призывая солдат опомниться, но тщетно. Сражение становилось неподвластным приказам командиров, которых, кстати, у шведов почти не осталось: из 10 батальонных командиров, возглавивших последнюю атаку, в строю находилось только трое, и все они были ранены.

Левенгаупт увидел среди бегущих Спарре и крикнул ему:

— Дорогой брат, ради бога, давай заставим их остановиться!

— Да их сам черт не остановит! — отозвался тот, прищипывая лошадь.

Шведская кавалерия держалась дольше, но из-за несогласованности действий отдельных полков все ее атаки были отбиты русскими. Об ожесточенности этих атак говорит, например, то, что из 170 всадников одного шведского эскадрона уцелело 70 человек, но и они от ран едва держались в седле. Другие три эскадрона сумели прорубиться сквозь русскую кавалерию, и лишь залпы пехоты остановили их.

В конце концов обратилась в бегство и кавалерия. Вездесущий Левенгаупт пытался остановить и ее.

— Стоять! — кричал он несущимся мимо драгунам.

— Стоять! Стоять! — по привычке подхватывали они приказ и мчались дальше.

На левом фланге шведов русские кавалеристы захватили штандарты Сконского кавалерийского полка. Это заставило Маленького Принца отдать приказ о контрнаступлении. Шведы отбили штандарты, но были окружены русскими, которые, как сказано в шведской реляции, «со всех сторон нахлынули и навалились». К русской кавалерии присоединились казаки и пехота: прорваться сквозь них удалось немногим сконцам во главе с Маленьким Принцем.

Панику увеличивал распространившийся слух о смерти Карла. Король, смотревший на сражение с пригорка, в самом деле несколько раз подвергался нападениям русских кавалерийских отрядов, ведущих преследование, но его охрана всякий раз отбивала нападавших, и те устремлялись дальше на юг, вслед за шведами.

Король не верил своим глазам. Когда к нему с левого фланга примчался Рёншельд со словами: «Что творится, что творится, всемилостивейший государь!.. Наша инфантерия бежит!» — Карл недоверчиво переспросил:

— Бежит?

Но Рёншельд, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, крикнул драбантам: «Берегите государя, ребята!» — и пустил коня в карьер.

Бегство не спасло шведскую пехоту: она оказалась в западне, зажата между русскими, наседавшими с севера и востока, Будищенским лесом — с запада и своей кавалерией — с юга. Шведские знамена падали на землю одно за другим, батальоны вырезались за считанные минуты. Из Упландского полка, численностью в 700 человек, в живых осталось 14, из 500 солдат Скараборгского батальона — 40. Гвардейский капитан Ларе, лежавший на земле с оторванной ногой, видел, как его солдаты устилали землю «грудой, точно павшие друг на друга или нарочно вместе покиданные, тогда как неприятель пиками, штыками и шпагами

вгорячах бил их и что было мочи резал, не разбирая, живые они или мертвые». В официальной русской реляции сказано, что «шведское войско ни единожды потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами и байонетами⁶¹ колоты, и даже до... леса, где оные пред баталиєю строились, гнаны» и что шведов били «яко скот»⁶².

Спаслись лишь те, кому невероятно повезло. Так, 30 шведских солдат с подполковником Синклером засели за изгородью и выговорили себе право на плен, избежав общей резни. Русские не трогали только высших офицеров, и те все охотнее отдавали свои шпаги. Первым сдался генерал-майор Стакельберг, командующий третьей колонной.

Посреди волн всеобщего бегства возвышался один островок, на котором неподвижно толпились люди, — пригорок, где находился Карл со свитой. Наконец королю доложили, что оставаться здесь более нельзя: везде русские. Карл приказал отступать к лесу, усилив свой отряд конногвардейцами, награжденными в 1676 году Карлом XI серебряными литаврами за храбрость, и конницей Крейца.

Русские, не подозревавшие, что это за отряд, не препятствовали его отходу. Только один батальон преградил путь королю. Атака кавалерии Крейца была отбита огнем, потерпели неудачу и конногвардейцы, оставив в руках у русских свои серебряные литавры. Все же Карлу удалось обойти преграду.

Следующая задержка случилась в болоте, на краю леса. Здесь отряд Карла попал под огонь русской артиллерии. Одно ядро угодило в паланкин и убило переднюю лошадь; задняя лошадь и несколько солдат упали, сбитые с ног обломками носилок. На застрывших шведов посыпался град бомб и картечи: из 24 драбантов пал 21, были потери и среди гвардейцев. Вместе с другими погиб Адлерфельд. «Русское ядро поставило точку в его труде о Карле», — говорит Энглунд (другой шведский летописец, Нордберг, попал в плен). Забрызганного чужой кровью короля посадили на лошадь Нильса Фриска, начальника гвардейцев-телохранителей, только что убитого картечной пулей в голову. Не успел Карл проехать нескольких шагов, как одно ядро перебило у его лошади ногу, а другое оторвало круп у лошади ехавшего рядом королевского слуги Хюльтмана.

— Не иначе как Господь Бог хранит его величество! — воскликнул преданный Хюльтман.

Карл скользнул взглядом по оставшимся в живых драбантам.

— Ертта отдаст мне своего коня, — сказал он, указывая на тяжело раненного командира драбантов.

Ертту ссадили с коня и прислонили к дереву (он простоял так довольно долго, пока за ним не вернулись его братья). Король со шпагой в руке, в сапоге со шпорой на одной ноге и окровавленной повязкой на другой сел на его лошадь.

Вперед за помощью был послан драгунский офицер Карл Густав Хорд. Он сразу натолкнулся на Левенгаупта.

— Господин генерал, — окликнул его Хорд, — нет ли возможности остановить бегущих? Они же бросают короля на произвол судьбы.

— Я уже пытался, но не сумел. А где его величество?

— Да тут, рядом только что были.

Левенгаупт именем короля стал останавливать бегущих. Несколько солдат отозвались

⁶¹ Байонет — штык.

⁶² В 1950-х гг. в Швеции было проведено медико-анатомическое исследование останков четырех шведских солдат, павших под Полтавой. Установлено, что одному из них (возраст около 30 лет) вначале нанесли несколько несмертельных ударов саблей — сверху и сзади; смерть наступила от выстрела в череп. Вторым (около 40 лет) получил рубленый удар по затылку, также несмертельный, и скончался, видимо, от потери крови. Третьему, того же возраста, могучий рубленый удар рассек череп, после чего двумя-тремя ударами ему проломили левый висок. Наконец, четвертый, молодой человек 25 лет, скорее всего, успел увидеть своего убийцу, вероятно казака: острие пика поразило его в лоб и пронзило мозг.

на его призыв: «Если король тут, мы хотим остаться». Вокруг генерала стали собираться люди, паника мало-помалу улеглась.

Левенгаупт повел солдат в направлении, указанном Хордом. Король вскоре отыскался: он ждал подмогу, положив раненую ногу на холку лошади.

— Вы живы? — удивленно спросил он Левенгаупта.

— Да, ваше величество, к сожалению, жив, — ответил тот.

Королевский отряд разросся до нескольких сот человек, правда, большинство из них были ранены. Офицеров было только двое: Левенгаупт и молодой гвардейский лейтенант. Карл, осмотрев свое воинство, решительно сказал:

— Теперь я сам в состоянии повести шведов в бой.

Но его уже никто не слушал. Левенгаупт скомандовал отступление, и шведы стройными рядами двинулись к обозу.

Туда же еще ранее поскакал и Рёншельд, чтобы организовать сопротивление силами семи резервных драгунских полков. На южной опушке леса ему повстречался Пипер, отбившийся от королевской свиты.

— Не знаете ли вы, где король? — спросил Пипер фельдмаршала.

— Не знаю, — буркнул Рёншельд.

— Ради бога, давайте найдем нашего короля, он же у нас раненый и совершенно беспомощный, — настаивал первый министр.

Рёншельд отмахнулся от него:

— Все пропало!

Следующим, кого повстречал фельдмаршал, был Гилленкрок, едущий со стороны Полтавы. Генерал-квартирмейстер спросил, не будет ли каких приказаний для кавалерии.

— Все идет не так, как надо, — ответил Рёншельд и направился дальше на юг.

Гилленкрок крикнул ему вслед:

— Не езжайте туда, там неприятель!

— Это свои, — отозвался фельдмаршал.

Через несколько минут он был окружен русскими кавалеристами и молча протянул им свою шпагу. Чуть позднее, в ретрашементах под Полтавой, Келину сдался и Пипер, также не внявший предостережению Гилленкрока. Вендель, начальник шведского отряда, оставленного у города, начал переговоры с полтавским комендантом об условиях капитуляции, но был застрелен своими солдатами.

На левом фланге в плен был взят Маленький Принц, отступавший последним со 100 кавалеристами Сконского полка. Молодость пленника ввела в заблуждение русских драгун: не сам ли это Карл? Но подполковник Врангель утихомирил страсти, опознав в пленном принца Вюртембергского.

К полудню резня затихла, преследование шведов за редутами вяло продолжали только несколько полков русской кавалерии. Во втором часу король в сопровождении 2000 человек подъехал к обозу. Запорожцы, приняв шведов за русских, сгоряча дали по ним два залпа.

Приезд Карла вдохновил шведов, они принялись сооружать из повозок укрепления для артиллерии. Тем не менее, если бы русские сразу атаковали обоз, то, по словам капеллана Агрелля, ни один швед «не сумел бы унести ноги». Эскадронный пастор Шёман вторит Агреллю: «Пока их держит в руках фурия или битва, шведы — добрые солдаты, но, коль скоро начинается отход или бегство, их уже не остановишь». Священники за долгие годы походов хорошо изучили свою паству.

Король выглядел на удивление бодрым. Он, смеясь, заявил своей свите, что случившееся не имеет большого значения. Пока ему перевязывали рану, Карл осведомлялся об участии Рёншельда, Пипера, Маленького Принца и других, кого не было рядом. Узнав, что все они в плену, король воскликнул:

— Как? В плену у русских? Тогда лучше умереть среди турок. Вперед!

Гилленкрок спросил о направлении отступления.

— Доберемся до Функа, а там видно будет, — ответил король (Функ возглавлял отряд,

стоявший на Ворскле южнее Полтавы).

Левенгаупт, уже имевший опыт подобных победных отступлений, посоветовал взять с собой пушки и сжечь обоз, но король приказал уничтожить только все ненужное — имущество убитых и тому подобное.

Вечером того же дня Карл в коляске генерала Мейерфельда выехал в неизвестную даль. Армия потянулась следом, вина во всем злую судьбу, но не доблесть врагов.

7

Преследование шведов было остановлено по приказу Петра. Возможно, царя несколько ошеломил невиданный успех генеральной баталии. Вероятно и то, что русское командование боялось утратить контроль над войсками.

Царь со шляпой в руке встречал возвращающихся воинов и благодарил их. Генералы целовались с ним. Все чувствовали опьяняющую радость победы и не стеснялись показывать свое счастье. Петр возбужденно спрашивал при виде каждой новой партии пленных:

— А где же мой брат король Карл?

Русские обирали пленных догола и издевались: какие они (пленные. — *С.Ц.*) бедные и несчастные, коли им, от голоду и жажды страждущим, русское угощение не по вкусу пришлось, показалось слишком крепким, ноги подкосило да головушку задурвило; но пускай, дескать, будут покойны, вот доберутся до Москвы, куда их зело тянет, там их снабдят всем, чтоб русский гостинец понравился; там найдут любой струмент, мотыги, кирки, лопаты, ломы, заступы и тачки, все справят в наилучшем виде для их здоровья, потому как, наработавшись, не смогут шведы на плохой аппетит или сон жалиться.

На поле сражения были поставлены походная церковь и два роскошных шатра. Торжественный молебен закончился троекратным салютом из пушек и ружей; солдаты склонили знамена под звуки военной музыки.

Затем царь вошел в один из шатров и велел привести пленных генералов. Фельдмаршал Рёншельд, Маленький Принц, генерал-майоры Шлиппенбах, Стакельберг и Гамильтон вручили царю свои шпаги, возвращенные им после пленения. Петр обратился к «гостям» с речью:

— Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой Карл ко мне с вами в шатер не пожаловал, в чем пароля своего не сдержал. Я его весьма ожидал и сердечно желал, чтоб он в шатрах моих обедал, но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать.

Пировать перешли в другой шатер, где окровавленная земля была прикрыта коврами. Все расселись на коврах, опустив ноги в специально вырытые канавки. Царь был весел и любезен, сам разливал водку и говорил комплименты. Он осведомился у Рёншельда, сколько солдат было у шведов перед сражением. Фельдмаршал ответил, что списки армии находились у Карла, который не показывал их никому, но, по его мнению, в лагере было около 30000 человек: 18000 шведов, остальные — казаки. Петр удивленно спросил, как же шведы решились с такими малыми силами зайти так далеко в его страну.

— С нами никто не советовался, — ответил Рёншельд, — но, как верные слуги, мы повиновались нашему господину и никогда не прекословили.

— Вот как надо служить своему государю, — обратился царь к русским генералам и, подняв бокал, добавил: — За здоровье моих учителей в военном искусстве!

Рёншельд спросил, кого царь считает своими учителями.

— Вас, господа шведские генералы.

— В таком случае ваше величество очень неблагодарны, что так поступили с нами, — заметил Рёншельд.

Другие шведские генералы говорили, что не знали, насколько сильно русское войско, и

что во всем штабе один Левенгаупт утверждал: «Россия пред всеми имеет лучшее войско». По их словам, в качестве примера он приводил сражение при Лесной и «секретно им (шведским генералам. — С.Ц.) объявлял, что войско непреодолимое...». Но Левенгаупту не верили: «Все то не за сущее, но в баснь вменено было» — и продолжали думать, что русское войско все то же, как под Нарвой, «или мало поисправнее того».

Благостное течение беседы было нарушено лишь под конец, когда генерал-лейтенант русской службы фон Халларт обрушился на Пипера с упреками за жестокое содержание его, Халларта, в шведском плену после Нарвы. Меншиков пресек ссору и извинился за Халларта: тот, мол, выпил лишнего. Пипер, оправдываясь, сказал, что много раз советовал Карлу заключить мир с русским царем. Петр, услышав это, посерьезнел:

— Мир мне паче всех побед, любезнейший.

Миролюбие Пипера было оценено по достоинству: Шереметев предоставил ему на ночь свою палатку и постель и дал «в долг» 1000 дукатов.

В то время как шведские генералы обменивались любезностями с «учениками», сумерки сгущались над полтавским полем, покрытым горами тел. Издалека казалось, что земля шевелится — это корчились тысячи раненых.

Потери шведов были огромны. Из 19700 человек, принявших участие в сражении, было убито или пропало без вести 6900 (среди них 300 офицеров) и ранено 2800. Полтавское сражение стало крупнейшей военной катастрофой в истории Швеции. Потери составили 49 процентов численности армии (для сравнения можно привести французские потери при Ватерлоо — 34 процента от общего количества войск).

Помимо шведов в плен к русским попало несколько сотен запорожцев и перебежчики — Мюленфельд и Шульц. Все казаки были колесованы, а перебежчики посажены на кол.

Русские оплатили победу 1345 убитыми и 3920 ранеными.

Убитые русские были похоронены в двух братских могилах: офицерской и солдатской. Тела шведов бросали в топь или закапывали там, где находили. Могилы большинства из них неизвестны до сегодняшнего дня.

Добыча русской армии состояла из четырех пушек, множества знамен и штандартов, королевского архива (он был утерян позднее) и из 2 миллионов золотых саксонских талеров.

Вечером Петр написал Екатерине:

«Матка, здравствуй.

Объявляю вам, что всемилостивый Господь неописанную победу над неприятелем нам сего дня даровати изволил, и единым словом сказать, что вся неприятельская сила на голову побита, о чем сами от нас услышите. И для поздравления приезжайте сами сюды.

Piter ».

Царь разослал еще 14 писем того же содержания членам царской фамилии и высшим государственным чинам. В одном письме он сравнил судьбу армии Карла с судьбой Фазтона⁶³: «И единым словом сказать: вся неприятельская армия Фазтонов конец восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ль или с отцы нашими обретается)».

Значение Полтавской победы царь понял сразу. В письме Апраксину сделал приписку: «Ныне уже совершенной камень во основание Санкт-Питербурху положен с помощью Божию».

Карл в свою очередь отправил письмо Ульрике Элеоноре, полное родственных нежностей и выражений забот о ее здоровье. Уже после подписи «Karolus» король сделал постскрипtum: «Здесь все хорошо идет. Только... вследствие одного особенного случая армия имела несчастье понести потери, которые, как я надеюсь, в короткий срок будут

⁶³ Фазтон — в греческой мифологии сын бога солнца Гелиоса. Он выпросил у отца разрешение один день управлять его колесницей, но не сумел справиться с лошадьми и устроил на земле страшный пожар. Зевс в наказание поразил Фазтона молнией, и он упал с неба.

поправлены».

Что и говорить, случай действительно был «особенный» и для многих просто незабываемый. Кое-кто из шведских историков склонен считать это письмо короля выражением твердости его духа в несчастье. С таким же успехом в нем можно видеть желание не огорчать лишней раз сестренку.

«Викингство» завело Карла слишком далеко, король перестал понимать происходящее. Нет никаких сомнений в том, что он получил от генеральной баталии одно удовольствие: ведь поражение приносит с собой столько же крови, дыма и грохота, сколько и победа. Остальное не важно, остальное можно «поправить».

Итак, Петр торжествовал; у Карла «все шло хорошо». Но самую большую радость Полтавское сражение принесло гарнизону Полтавы. Когда на следующий день, 28 июня, русские вошли в город, его защитники плакали от счастья: у них в арсенале оставалась только одна бочка пороха и 8 ящиков с патронами.

РАГНАРЁК⁶⁴

*Государь,
Боюсь, день опоздания омрачил
Все радости грядущих наших дней.
Верни вчерашний день, — ты вместе с ним
Двенадцать тысяч воинов вернул бы.
А день сегодняшний, день злых несчастий.
Лишил тебя друзей, надежд и власти...
Шекспир⁶⁵.*

1

Весь вечер после Полтавского сражения шведская армия брела на юг вдоль берега Ворсклы. Впереди шли обоз с артиллерией и подводы с казной, затем остатки пехоты и кавалерия; замыкал шествие арьергард из 300 человек Упландского конного полка, с которым находился король.

Русские не тревожили шведов. Тем не менее к ночи, по словам очевидца, уже «никто никому не подчинялся, каждый боялся только за себя и старался вырваться вперед». Обоз застрял у болота рядом с селом Федерки; Карл оставил здесь прикрытие и двинулся дальше.

Ниже по реке находилось несколько шведских отрядов, не принимавших участия в Полтавском сражении: у Новых Сенжар — полк генерал-майора Мейерфельда, в Беликах и Кобеляках — эскадроны подполковников Функа и Сильверьельма. К половине второго ночи Карл, «совершенно измученный», добрался до Новых Сенжар. Как только ему перевязали рану в одной из хат, он сразу заснул. Гилленкрок, гофмаршал Дюбен и полковник Хорд легли рядом на полу.

Выспаться шведам не удалось. На рассвете Дюбен растолкал короля:

— Ваше величество, русские! Надо уходить отсюда.

Это были 10 драгунских полков под командованием Меншикова, которому царь поручил «не испустя времени» искать «короля швейцарского». Тому, кто захватит в плен Карла, Петр обещал награду в 100000 рублей и чин генерала.

От лихорадки, воспаления раны и усталости Карл едва сообразил, в чем дело, и

⁶⁴ Рагнарёк — гибель мира и богов в скандинавской мифологии.

⁶⁵ Строки из трагедии «Король Ричард II», акт III, сцена 2; перевод М. Донского.

безвольно махнул рукой:

— Да-да, Дюбен, делайте что хотите.

Шведы потянулись дальше в прежнем порядке. Начиная с этого момента армией, собственно, уже никто не командовал. Больной Карл делать это был просто не в состоянии, а Левенгаупт — теперь второе лицо в армии после короля — устранился от ответственности. Накануне вечером он не получил никаких приказаний относительно дальнейшего движения, а наутро даже не поинтересовался, куда выступает армия. Через два дня его бездействие привело шведов к катастрофе.

К русским был отправлен Мейерфельд. Он должен был сообщить царю, что Пипер наделяется полномочиями вести переговоры о мире и обмене пленными. На самом деле это была уловка, чтобы задержать преследование и выяснить силы Меншикова. Мейерфельд натолкнулся на передовые отряды русской кавалерии уже в пяти верстах от Новых Сенжар. Его препроводили к царю, но хитрость не удалась, и через два часа преследование возобновилось.

Следуя распоряжению короля, данному после Полтавского сражения, Гилленкрок поскакал в Велики к Функу. По смыслу этого распоряжения ближайшая цель Карла состояла в переправе через Ворсклу или Днепр. Дальше, за разоренной Сечью, начинались владения крымского хана, где шведы могли чувствовать себя в безопасности. Задача Гилленкрока заключалась в поиске удобного места для переправы.

По неудачному стечению обстоятельств Функ к моменту приезда в Велики Гилленкрока находился на другом берегу реки и смог увидаться с ним лишь через несколько часов. Драгоценное время для наведения переправы в Беликах было упущено. Правда, от одного казака Гилленкрок узнал, что на Днепре, недалеко от разрушенного городка Переволочна, есть брод, через который можно проехать на телегах. Но Гилленкроку снова не повезло. Некоторое время он еще пытался разузнать про переправы через Ворсклу, а когда вновь хватился казака, тот уже в суматохе исчез. Местные жители ничего не слыхали о бросе на Днепре и отказались проводить туда Гилленкрока, хотя он сулил им «любые деньги».

Тогда Гилленкрок отправился к Переволочне сам, предварительно написав записку Левенгаупту с просьбой прислать сюда плотников и рабочих. По пути к Днепру, у местечка Кишенки, он обнаружил, что Ворскла в этом месте довольно мелка и здесь имеются 8 паромов. Однако помня о заветном бросе, Гилленкрок велел спустить паромы к Переволочне.

Вечером 29-го Гилленкрок оказался у цели. Осмотрев местность, он испытал жестокое разочарование: Днепр здесь был довольно широк, на берегу валялось около 70 бревен, а лодок и леса почти не было. От Левенгаупта прибыли 24 плотника, но делать им здесь было нечего. Гилленкрок срочно отправил донесение, чтобы шведская армия шла не к Переволочне, а к Кишенкам.

Но он спохватился поздно — шведы уже неудержимо неслись к Днепру. Вокруг них кружились казаки, поминутно вступая в перестрелку с охраной обоза. Шведы бросали одну подводку за другой, иногда не успев их поджечь. «Поход оказался донельзя тягостный», — вспоминает один из его участников; по словам других, войска, «томимые страшной жарой и жаждой», шли «с печалью в сердцах».

Утром 30 июня Гилленкрок онемел, увидев передовые части армии. К полудню в Переволочну прибыл Карл, и Гилленкрок совсем «расстроился».

Левенгаупт нашел, что место переправы похоже на ловушку. Спустя некоторое время с ним произошел один случай, который был принят Левенгауптом за неблагоприятное предзнаменование и подтверждение его дурных предчувствий. Когда он прилег отдохнуть на берегу, к нему в шапку забрался горноста́й. Левенгаупт поймал его. Офицерам, собравшимся посмотреть на добычу, генерал сказал, что армия «сама себя в ловушку завлекла», подобно зверьку. Он отпустил горноста́я, «моля Господа, чтобы и мы [шведы] так же во здравии из оного места выбрались».

Вера в предзнаменования была широко распространена в шведской армии. Появления

ложных солнц и комет отмечались с почтительным трепетом (кометы, в частности, неоднократно считались предвещением Судного дня), по ним делались предсказания об исходе походов и битв. Но если раньше, в Польше и Саксонии, все знамения истолковывались как благоприятные для шведов, то с началом русского похода все чаще стали обращать внимание на какой-нибудь дурной знак. Так, у Ромн вспомнили, будто Карлу предсказано, что он останется непобедим, пока не возьмет Рим: некоторое сходство в звучании названий городов (Рим по-шведски «Rom») вызвало у многих солдат мистический ужас. Сам король тоже верил в приметы и суеверно боялся темноты, из-за чего охотно спал с солдатами, положив голову кому-нибудь на колени. Священники ничего не могли поделать с этими предрассудками, тем более что сами они (как, например, капеллан драбантов и духовник короля Нордберг) частенько перед боем сподобливались «откровений» о грядущей победе шведов. Заслон язычеству был поставлен только в виде королевского указа, запрещающего колдовать и заговаривать оружие.

По-видимому, случай с горностаем сильно повлиял на Левенгаупта, который именно после этого стал совершать один странный поступок за другим. Вообще все его действия свидетельствуют о том, что за последние дни он потерял остатки душевных сил.

Карл приказал Крейцу найти «более удобное место» для переправы. Было решено выступить в Кишенки на рассвете. Однако армию уже трудно было повернуть назад. Люди тянулись за Днепр — силой захватывали плоты, платили баснословные деньги за лодку (одно место стоило до 100 далеров) или бросались в реку группами по 10-20 человек, из которых на другой берег добирались двое-трое. На тех, кто еще не совсем потерял голову, эта картина действовала отрезвляюще. Эскадронный пастор Смоландского кавалерийского полка пишет: «Когда увидели мы, с какими стенаниями народ на тот берег перебраться пробовал, решили мы со товарищи, что лучше останемся все скопом и будь что будет, в любом случае доля более завидная, нежели с собой в реке покончить».

Вечером 30 июня с разрешения Левенгаупта на тот берег переправились Мазепа с женой и Войнаровским, несколько сотен казаков и рота конных егерей. Высшие чины сидели в лодках, казаки и егеря держались за гривы лошадей; течение унесло многих из них. Канула на дно и часть гетманских сокровищ (впоследствии чье-то смутное воспоминание об этом событии породило знаменитую легенду о «кладе» Мазепы).

Тем временем у короля проходило совещание с целью выработки плана дальнейших действий. Выбор был невелик: или, переправившись у Кишенки, идти во владения крымского хана, или дать у переправы бой приближавшейся русской армии. Карл высказался, конечно, в пользу сражения, но увидел испуганные лица офицеров. Гилленкрок поспешил заявить, что «солдат обуял страх и стоит им только завидеть неприятеля, как они массой перейдут к врагу, остальные же утопнут в реке». Карл резко оборвал его:

— Они будут драться, коль скоро я прикажу им!

Тут Левенгаупт со слезами на глазах пал перед ним на колени:

— Ваше величество, вам нужно переправиться за Днепр, чтобы спасти хотя бы себя.

Король сердито толкнул его в грудь:

— Вы, генерал, не знаете, что говорите. Мне приходится думать о других, гораздо более важных делах.

— Ничего иного не приходится, кроме как в полон идти либо всем убитыми быть, — не унимался Левенгаупт, мрачно глядя в пол.

— Но сначала грянет бой! — кипятился король.

После этого на Карла обрушился целый ураган увещаний, что если он оставит армию и переправится за Днепр, то таким образом «получит много способов помочь своим». Левенгаупт особенно упирал на то, что ханский эмиссар, сопровождавший шведов, обещал дать верного человека, который покажет дорогу в Крым, и что хан обещал обеспечить шведов продовольствием.

— Если русские подойдут с одной кавалерией, то с ними как-нибудь справятся, но если явится вся русская армия, то нельзя сказать, что будет, — добавил Крейц.

Наконец Карл уступил. Условились, что король с небольшим отрядом двинется в Очаков, где будет ждать прибытия остальной армии. Оттуда решено было идти в Польшу на соединение с Крассау и войсками Станислава. Это должно было увеличить силы шведской армии до 40000 человек. Одновременно предполагалось объявить в Швеции новый рекрутский набор. Король хотел возложить командование армией на Крейца, но Левенгаупт настоял на том, чтобы эта должность была предоставлена ему. Король, подумав, согласился.

Левенгаупт объявил приказ по армии: «Не забавляться дальше постройкой негодных плотов или переправой через Днепр», а сжечь все подводы с имуществом, раздать казну солдатам и офицерам, запастись патронами и провиантом и быть готовыми на рассвете выступить к Кишенкам. Это распоряжение вызвало массу «скандалов и буйств»; имущество сожгли лишь некоторые полки. Крейц невольно усилил беспорядки, необдуманно разрешив переправиться за Днепр лейб-драгунскому полку Эрнстеда. Другие шведские части ринулись на берег вслед за лейб-драгунами и возобновили сооружение плотов.

Около 10 часов вечера Карл в коляске подъехал к месту переправы. Его сопровождала горстка генералов. Левенгаупт пожелал всем счастливого пути и добавил, что у него есть одна просьба.

— Какая же? — спросил Карл.

— Ваше величество, я прошу не допустить, чтобы моя несчастная жена и дети в случае потери кормильца вынуждены были пойти по миру.

Карлу не очень понравилось умонастроение главнокомандующего, но он заверил Левенгаупта, что его просьба будет выполнена.

Началась переправа. Первыми на тот берег высадилось несколько десятков драбантов с казной. Королевский экипаж поставили на две связанные лодки, на весла сели 12 драбантов. Лодок хватило еще для Дюбена, Спарре, Хорда, Гилленкрока, Лагеркроны, Поссе, Рооса, епископа, 18 пасторов, раненых офицеров и некоторых других «высокопоставленных и знатных особ, которые, удобно сидючи, и были перевезены». Поварам, конюхам, денщикам, пажам, лакеям и 200 солдатам пришлось переправляться вплавь. Всего на другом берегу Днепра оказалось около 1300 шведов и 1500 казаков.

Когда король сошел на берег, часы показывали полночь. Для шведской армии наступал ее последний день.

2

Как только лодки с королевскими носилками отчалили, Левенгаупт и Крейц почувствовали облегчение: заклания армии не будет. Они вернулись в лагерь и стали готовить выступление. Раздача казны на некоторое время отвлекла солдат от переправы. Но с рассветом на шведских аванпостах началась перестрелка. Худшие ожидания шведских генералов подтвердились: русские все-таки успели к Переволочне.

Крейц посоветовал Левенгаупту отвести армию направо, ближе к Ворскле, а сам поехал на выстрелы. Один драгунский отряд неся карьером прямо на него; Крейц услышал, как солдаты бранят своего корнета за приказ об отступлении. Генерал остановил их, вернул на позиции и отогнал казаков. С пригорка он смог осмотреть всю русскую армию, уже построенную в боевой порядок. Меншиков привел к Переволочне Семеновский полк, посаженный на марше на коней, и кавалерию — всего около 9000 человек. Теперь семеновцы спешили и встали в центре, кавалерия расположилась по флангам. Левенгаупт в мемуарах уверяет, что корпус Меншикова казался огромным (он даже говорит о 30000 человек), но другие шведские источники не скрывают того факта, что русских было *намного меньше*, чем шведов. Крейц даже заметил, что русская кавалерия изнурена погоней: при спуске с откоса лошади казаков валились с ног от усталости.

Шведы, как и опасался Левенгаупт, оказались почти в ловушке. Однако их положение не было безнадежным: между Ворсклой и шведским лагерем не было никаких русских войск,

а под началом Левенгаупта находилось не менее 13000 человек. Атакой на правый фланг Меншикова, где у русских не было артиллерии, можно было попытаться проложить себе дорогу к переправе в Кишенках.

Правда, выполнению этого плана мешало одно существенное препятствие — шведы перестали слушаться приказов главнокомандующего. «У своих знамен оставалось не более половины нижних чинов и офицеров, — пишет Левенгаупт, — прочие были на берегу Днепра, пробуя переправиться вплавь или на негодных плотах, и большая часть бывших здесь не слушали команды или были в таком отупении, что сами не знали, что будут делать». Появились первые перебежчики к русским — группы от 5 до 20 человек.

Левенгаупт рассказывает, что он закричал драгунам Мейерфельда, чтобы те садились на коней, но «ни единый человек не говорил ни слова, они только смотрели на меня так, словно я рехнулся». Он спросил, где офицеры полка, — ответом был тот же молчаливый пристальный взгляд. Впрочем, не исключено, что вид у Левенгаупта и в самом деле был не совсем обычный: полтавская атака и мрачные предчувствия должны были оставить на нем свою печать.

Все же паника не была всеобщей. Дворянский полк Рамсверда рано утром уже был готов к бою, как и полк Веннерстедта; драгуны Альбедилля лежали на траве рядом с оседланными лошадьми и читали молитвенники — картина, совсем не похожая на панику. Даже если «под знаменами», как говорит Левенгаупт, находилась лишь половина армии (6-7 полков), то все равно шведы могли с успехом противостоять отряду Меншикова. Эпизод с драгунами, развернутыми Крейцем, показывает, что шведов можно было вести в бой, а превосходство шведской кавалерии над русской не оспаривается никем из военных авторитетов. Решающую роль в катастрофе под Переволочной сыграло все-таки поведение самого Левенгаупта.

Чтобы выиграть время, к Меншикову выслали парламентаров: сначала прусского военного агента Зильтмана, а затем Крейца с несколькими офицерами. Они просили Меншикова заключить перемирие до новых указаний от царя. Но Меншиков оба раза ответил, что таковые указания у него уже есть и они весьма определены: предложить шведам капитуляцию на хороших условиях, а в случае отказа — всех перебить. Крейцу Меншиков гарантировал при капитуляции сохранность имущества солдат и офицеров и дал шведам час на размышление.

Левенгаупт созвал командиров полков и предложил им ответить на два вопроса: что они думают об условиях Меншикова и могут ли они поручиться за своих солдат?

— Вы сами, конечно, знаете, — сказал Левенгаупт, — что его величество не мог дать других приказаний, кроме как защищаться, покуда возможно, и поэтому мне прежде надо знать, что вы, ваши офицеры и нижние чины намерены делать, раньше чем я скажу вам, что намерен делать я.

Таким образом Левенгаупт умышленно искажил истину, умолчав о прямом распоряжении Карла идти к Очакову. Понять его слова можно было так, что король приказал биться до последнего, без надежды на спасение.

Офицеры выразили личную преданность королю, но в отношении своих солдат высказали разноречивые мнения: одни говорили, что солдаты «ружья свои положат, коль скоро завидят идущего на нас неприятеля»; другие, не подвергая сомнению верность солдат, жаловались на отсутствие патронов; третьи заверяли в готовности своих подчиненных умереть за короля. Выслушав их, Левенгаупт недовольно заявил:

— Господа, вы хотите в столь трудном деле взвалить всю тяжесть ответственности мне на плечи. Для меня одного она слишком велика. Нет, этого не будет; я еще готов рискнуть моей седой головой, но лишь если вы с вашими людьми готовы на то же.

Вслед за тем он отдал распоряжение, совершенно скандальное с точки зрения армейской дисциплины и, пожалуй, единственное в своем роде в военной истории: пойти к солдатам и выяснить у них, желают ли они защищаться или предпочитают сдаться в плен. Впоследствии Левенгаупт оправдывался тем, что не хотел «вести несчастных на убой» и

брать на себя ответственность за «тщеславную лихость» сторонников решительных действий. Атаковав русские позиции, пусть даже неудачно, он сохранил бы благорасположение короля, но, по словам самого Левенгаупта, он «больше боялся всеведущего Господа, который сурово спрашивает за намеренное смертоубийство, нежели стыдился подобного сраму». И, развивая религиозные мотивы своего поступка, он приводит из Библии примеры Гедсона⁶⁶ и Иуды Маккавея⁶⁷ и цитирует то место из Пятикнижия, где говорится, что начальник должен предложить оробевшему остаться дома, чтобы он не заставил сердца своих братьев так же ослабеть, как его сердце. Все это хорошо, но похоже на то, что сердце ослабело прежде всего у самого Левенгаупта. В данной ситуации ему можно поставить в заслугу только то, что он не считал «горемычных солдатиков» пушечным мясом. Но, как показывает военная история, это отнюдь не способствует авторитету полководца среди солдат.

Построенные к бою солдаты пришли в недоумение от опроса. Лейб-драгуны Альбедия кричали:

— Зачем нас теперь спрашивают? Прежде нас никогда не спрашивали, а только командовали: вперед! Мы не можем сказать, что побьем врага, но мы сделаем все, что в человеческих силах.

Большинство же солдат встретили странный опрос опасливым молчанием или дали уклончивый ответ, «середина на половину». Левенгаупт не был доволен результатами. Он даже счел, что ответ лейб-драгун и тех, кто думал так же, был «более претензией на храбрость, чем смелым намерением драться», и этим, конечно, незаслуженно оскорбил шведскую армию, до сих пор ни разу не давшую повода сомневаться в своей верности и мужестве. Он потребовал от офицеров вернуться к подчиненным и «представить им, что враг стоит перед нами со своей армией и приходится думать только о том, чтобы биться до последней возможности или сдаться в плен».

— На этот счет я хочу точно знать, что они думают делать, — добавил он.

Как видим, Левенгаупт вторично умолчал о распоряжениях Карла; более того, создается впечатление, что он хотел повлиять на солдат с целью склонить их к принятию предложения о капитуляции.

Опрос и на этот раз не выявил единодушия: кто-то говорил, что готов драться, другие колебались, большинство же опять промолчало. В это время от Меншикова прибыл барабанщик за ответом.

Левенгаупт отозвал в сторону офицеров и изложил свои доводы в пользу капитуляции. Офицеры согласились с ним, что «лучше сдаться на сколько-нибудь почетных условиях, чем продолжать испытывать счастье оружием». В 11 часов утра к Меншикову отправился гонец с вестью о принятии его условий.

Половина шведской армии вздохнула с облегчением, другая половина стиснула зубы от боли и стыда, многие плакали. Спустя час королевская армия сложила оружие перед Семеновским полком. «Сами можете себе представить, с каким сердцем мы такое проделывали», — пишет один шведский гвардейский капитан.

Война для этих людей закончилась навсегда.

Капитуляция под Переволочной вызвала единодушное удивление у русских и их союзников. Недоумение по поводу поведения Левенгаупта высказывали сам Петр, русские генералы, английский посол Уитворт, датский посол Грунд и другие.

Карл никак не ожидал такого результата своего отъезда. 11 июля, уже из Очакова, он

⁶⁶ Гедсон — судья израильский, избавитель еврейского народа от нападений мадианитян и других кочевников. Перед одним из сражений приказал удалиться из израильского войска всем калекам и робким.

⁶⁷ Иуда Маккавей — предводитель восстания иудеев против сирийцев (II в.), павший в одной из битв с ними, где число сирийцев значительно превышало горсточку иудеев, которую он возглавлял. Левенгаупт ставит его в пример, видимо, в связи с упоминанием о 30000 русских.

просил крымского хана обеспечить продовольствием армию Левенгаупта, а бендерскому паше писал, что несчастье шведской армии под Полтавой ограничилось тем, что ей придется вступить во владения хана. 12 июля король отослал в Швецию распоряжение о наборе рекрутов в пехоту, исходя из предположения, что шведская кавалерия под началом Левенгаупта и Крейца находится в хорошем состоянии.

Хотя Карл не предписывал Левенгаупту изменнических намерений, он не простил его никогда. В письме Ульрике Элеоноре от 14 декабря 1712 года король писал, что «Левенгаупт поступил противно приказанию и воинскому долгу, самым постыдным образом, и причинил непоправимую потерю⁶⁸, которая не могла ни в каком случае быть больше, если бы он отважился на самое крайнее. Всегда прежде он выказывал себя с отличнейшей стороны, но на этот раз он, по-видимому, не владел рассудком, так что ему вряд ли можно будет что-либо поручать впредь... Я не думаю, чтобы он сделал это по умышленной злонамеренности или по личному малодушию. Но на войне это не оправдание, и он, верно, совсем потерял голову и не имел духа поступить как надлежало генералу в трудную минуту, потому что тогда непростительно выказывать робость, как это сделал он. Если бы он не уверял меня торжественно совсем в другом при нашем расставании, то я никогда не оставил бы его, но он сам предложил себя для замещения главнокомандующего».

Поведение Левенгаупта, действительно ничем не оправданное с военной точки зрения, тем не менее по-человечески понятно: он страшно устал от войны и особенно от поражений и бедствий последнего года. Подобные случаи в истории нередки. Именно усталость от бесконечных войн, по единодушному мнению очевидцев и историков, послужила причиной измен наполеоновских маршалов в 1813-1814 годах. Даже Ней, этот, по выражению Наполеона, «храбрейший из храбрых», принял участие в знаменитом «заговоре маршалов» и *заставил* Наполеона подписать отречение в Фонтенбло. Через год, отдохнув, он показал чудеса храбрости при Ватерлоо и умер за императора.

Левенгаупту не суждено было поправить свою военную репутацию. Из русского плена он не вернулся.

3

Условия капитуляции, предложенные Меншиковым, заключались в следующем. Рядовые получали статус военнопленных с возможностью в дальнейшем обмена или выкупа; им было оставлено их имущество, кроме лошадей и оружия. Офицерам было обещано, что они «будут содержаны честно», то есть не только сохраняют свою собственность, но и получают деньги и продовольствие за счет царской казны (обеспечение провиантом пленных нижних чинов в то время не предусматривалось). Весь обоз переходил к русским. Запорожцы рассматривались не как военнопленные, а как изменники и подлежали выдаче.

Последний пункт был самым постыдным для шведов, которые после Полтавы уже знали, что ждет их союзников: пытки, виселицы, колы, четвертование... Меншиков организовал на берегу настоящую охоту: казаков сгоняли, «как скотину», с женщинами и детьми и забивали на месте. Кто-то из них сопротивлялся, кто-то предпочитал смерть в волнах Днепра... А Меншиков в это время, по примеру Петра, угощал обедом Левенгаупта, которому происходящее на берегу не испортило аппетита.

По подсчетам Энглунда, в плен к русским попало почти 20000 шведов: 983 офицера, 12 575 унтер-офицеров и рядовых (из них 9151 кавалерист), 4809 нестроевых (пасторы, фурыеры, лекари, лакеи, денщики, писари, обозная прислуга и т. д.) и 1657 женщин и детей. Вместе с 2800 солдатами и офицерами, взятыми в плен под Полтавой, это составляло почти

⁶⁸ Как видим, на этот раз Карл не скрыл от сестры масштабов поражения; следовательно, он и в самом деле не считал Полтавское сражение катастрофой, а рассматривал его как временную, поправимую неудачу.

23000 человек.

49 лучших полков королевской армии были полностью уничтожены русскими за 4 дня. Из 49 500 шведов (считая нестроевых), которых Карл вывел из Саксонии, на 1 июля 1709 года у него оставалось 1300 человек, сопровождающих его на пути в Очаков.

Официальные трофеи и добыча составили: 31 пушку, 142 знамени и 700000 далеров (300000 из них принадлежали Мазепе). Сколько денег награбили солдаты, осталось неизвестным.

Условия капитуляции для рядовых были нарушены сразу же: шведских солдат обобрали до нитки, связали, раздетых, друг с другом и «гнали и понукали, как быдло». Позже их поселили в Нижнем Новгороде, на Урале и в Сибири, где они промышляли своим трудом, сапожничая, скорняжничая, учительствуя и т. п.; особенным спросом пользовались изготавливаемые ими игрушки.

Пленных офицеров распределили по городам европейской России. В Смоленске, например, сначала проживали Левенгаупт, Шлиппенбах и 13 штабных и обер-офицеров, затем их число увеличилось до 375 человек. Их содержание было довольно сносное. Петр приказал «иметь с ними обхождение по достоинству их рангов». Они получали провиант от казны, так как не имели с собой «никаких скарбов», иначе говоря, были также ограблены.

Возвращение шведов на родину растянулось на долгие годы. Увидеть родные берега было суждено лишь 4000 из них. Они продолжали возвращаться еще и в 1729 году, а последний военнопленный, гвардеец Ханс Аппельман, вернулся в родные места лишь в 1745 году — через 36 лет после Переволочны.

4

В конце VIII века святой Лиудгер, один из христианских подвижников среди фризов⁶⁹, рассказал сестре свой тяжелый сон:

— Мне снилось, что нечто похожее на солнце спасалось с севера за море, преследуемое страшными тучами; оно пролетело мимо нас, покрылось мраком и исчезло вдали, а темные тучи легли по всем этим прибрежным странам. После долгого времени солнце опять вернулось и прогнало мрак по ту сторону моря.

Сказав это, святой Лиудгер залился слезами. На вопрос сестры, что означает этот сон, он пояснил:

— Тяжкие гонения от норманнов, грозные войны и великие опустошения постигнут нас, так что эти прекрасные области останутся почти безлюдными. Но с Божьей помощью христианство сподобится мира, и то же бедствие, какое они причинят нашим странам, постигнет и норманнов.

«Это пророчество, — говорит русский историк Герье, — сбывалось не раз относительно норманнских отрядов, усеявших костями берега морей от Фризии до Неаполя; сбилось оно и относительно последней норманнской рати, вновь отправившейся добывать обширную Гардарику⁷⁰».

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

*Как, снова гости? Согласитесь, друг мой!
Не будь войны, причины моря слез,*

⁶⁹ Фризы — народ, поселившийся во времена Великого переселения народов на территории современных Нидерландов и до сих пор живущий там (ок. 420000 человек, данные начала 1990-х гг.).

⁷⁰ Гардарики — так древние скандинавы называли Северо-Западную Русь.

*Не собралось бы в этот лагерь столько
Венчаных славой доблестных мужей.
Шиллер*⁷¹.

1

За Днепром, куда хватало глаз, расстилалась голая степь — без дорог, деревьев, воды и жилья. Днем стояла нестерпимая жара, ночью холод пронизывал до костей. Королевский отряд терпел жестокую нужду во всем, особенно сильно донимала жажда. К концу первого дня пути казаки случайно натолкнулись на мутный ручеек — это спасло беглецов.

Карл ехал впереди в коляске, остальные следовали за ним верхом, в повозках или пешком. Последним приходилось совсем туго, так как отряд двигался на пределе возможного, опасаясь преследования. Многие из них отставали и гибли в степи; их белеющие в траве кости случайные путники видели еще и десятилетия спустя.

В пути шведы почти полностью зависели от казаков, умевших ориентироваться по солнцу и звездам. Казаки осмелели и с каждым днем все громче заявляли о своих требованиях. «Они роптали, — пишет Нордберг, — что им платят жалованье из взятого с собой бочонка с саксонской мелкой монетой, которую по причине ее легковесности называли *саксонскими летучими мышами*, и казаки угрожали предоставить шведов их судьбе». Свое недовольство они попытались выместить на Мазепе. По словам Понятовского, на третий день в ночь в лагере возникла тревога: «казаки, которые возмутились против Мазепы, хотели разграбить его телеги, где у него были большие ценности, а его самого схватить и выдать царю». Шведам удалось уговорить их оставить Мазепу в покое, но несколько десятков запорожцев покинули лагерь и скрылись в высокой траве, вероятно решив вернуться домой.

На пятый день королевский отряд достиг Буга. Люди были полностью измотаны: они преодолели 230 верст и не отдыхали по-настоящему уже восемь суток, со дня Полтавского сражения.

За Бугом начинались владения Турции. Карл расположился лагерем на берегу реки и направил к очаковскому коменданту Мехмету-паше Понятовского, поручив ему вытребовать у турок съестные припасы и лодки для переправы. 2000 дукатов, врученные королем посланцу, должны были ускорить переговоры.

Но «паша в Очакове был несговорчивый и жестокий человек» (Нордберг). Сначала он пообещал выделить шведам 5 небольших судов с провиантом и впустить их в город. Затем, увидев многочисленность королевского отряда, паша испугался ответственности и разрешил переправиться лишь королю со свитой; прочие должны были ожидать распоряжений султана.

Карл настаивал на немедленной переправе всего отряда; переговоры затянулись. Наконец Понятовскому удалось «подобающими средствами» (то есть, попросту говоря, подкупом) добиться от паши желаемого. Шведы и казаки начали переправу. Однако переговоры отняли слишком много времени — в степи показалась русская кавалерия. Повторилась Переволочна, только меньшего масштаба. Карл, переправившийся одним из первых, вновь не смог руководить обороной, и ему пришлось лишь наблюдать гибель остатков армии. Из 2800 человек на турецкий берег Буга перебралось всего 600, остальные (как большая часть храбрых драбантов) нашли свою смерть от русских сабель и пик, утонули в реке или сдались в плен. Запорожцев русские убивали на месте, а 300 пленных шведов обезоружили, связали и табуном погнали в степь.

⁷¹ «Пикколомини», действие I, явление 2; перевод Н. Славятинской.

Паша просил у Карла прощения за промедление и умолял не жаловаться султану. Вольтер передает, что Карл обещал ему это, предварительно отчитав его, «словно имел дело с подданным». Нордберг же рассказывает, что разгневанный король сразу отправил султану жалобу и тот выслал Мехмету-паше шелковый шнурок (это означало смертный приговор: чиновник, получивший от султана шнурок, должен был повеситься на нем).

В Стамбул (так назывался Константинополь с 1453 года, когда его захватили турки) король отправил Нейгебауэра, ставшего первым шведским послом в Турции. Это был уроженец Данцига, знавший многие языки, в том числе русский и турецкий. Одно время он состоял воспитателем при царевице Алексее, но бежал к Карлу и быстро вошел у него в милость. Он должен был заявить султану о желании шведского короля заключить «торговый договор на пользу подданных обеих стран» и «более тесный союз для безопасности от беспокойного для обоих соседа, московитов».

Султан приказал Юсуфу-паше, сераскиру⁷² Бендер, принять Карла как гостя Османской империи. Это означало, что турецкая казна брала на себя содержание шведов. Сераскир выслал навстречу королю чауша⁷³ и приготовил торжественную встречу. Для шведов в «чудесном месте» под городом был разбит лагерь, куда отправили десятки повозок с провизией. Сам сераскир с толпой великолепно одетых всадников встретил Карла в пути и сопровождал его до города. Король с почетным конвоем проехал через Бендеры, салютующие ему орудийными залпами с крепостных валов, и направился в лагерь. Здесь, у роскошной шелковой палатки, его приветствовал караул янычар под оглушающие звуки военной музыки.

Лагерь под Бендерами стал последним земным пристанищем Мазепы. 22 августа 1709 года гетман умер. Его похоронили близ Бендер, но затем гроб выкопали и отправили в Яссы. На Украине долго жила легенда, что похороны были фиктивные, а на самом деле Мазепа пробрался в Киев, принял схиму в Печерской лавре и умер в покаянии.

Вслед за смертью Мазепы Карл узнал о кончине 21 января 1708 года в Стокгольме его старшей сестры Ядвиги Софии⁷⁴, матери молодого герцога Голштинского Карла Фридриха. Гонец из Швеции принес эту весть еще в конце июня под Полтаву, но тогда ввиду ранения Карла было решено скрыть от него печальную новость до лучших времен. Однако тяжелые времена сменились еще худшими, приближенные короля все медлили и, наконец, в Бендерах показали Карлу письмо его бабки с сообщением о случившемся.

Это письмо совершенно подавило Карла.

— Ах, сестра моя, моя милая сестра! — воскликнул он несколько раз и закрыл лицо плащом. Видно было, как он сжимал под ним руки, а когда он снова показал лицо, его веки были влажны от слез.

Несколько дней Карл не мог совладать с горем и полностью отдался скорби, забыв обо всем. Это дало повод некоторым европейским дипломатам в Стамбуле, плохо знавшим характер Карла, известить свои правительства, что шведский король пал духом от неудач. Так, австрийский посланник Тальман писал, что Карл «благодаря своему настоящему тяжелому положению впал в меланхолию». Насколько эти слова не соответствовали действительности, явствует из письма Карла Государственному совету в Стокгольм (осень 1709 г.), где среди прочего говорится: «Потеря [под Переволочной] очень велика, но неприятелю не удастся тем не менее одержать верх или извлечь какие-либо выгоды; необходимо лишь не падать духом и не выпускать дела из рук».

В декабре король оправился от раны и сразу принялся за обычные занятия — верховую

⁷² Сераскир — главнокомандующий турецкими войсками в провинциях.

⁷³ Чауш — начальник гонцов.

⁷⁴ Внук Ядвиги Софии Карл Петр Ульрих стал российским императором под именем Петра III.

езду, охоту, маневры, утомляя ежедневно трех лошадей и всех своих подчиненных. Единственным отдыхом, который он себе иногда позволял, была игра в шахматы; причем Карл постоянно проигрывал, так как и на шахматной доске стремился атаковать в основном королем. Неудачи и здесь не заставили его переменить тактику.

Впоследствии барон Фабрициус, камер-юнкер герцога Голштинского, любезный молодой человек, неплохо знавший французскую литературу, незаметно приохотил короля к чтению. Он дал Карлу трагедии Корнеля, Расина и сочинения Депрео. Наибольшее впечатление на короля произвел «Митридат» Расина. Сходство судьбы побежденного и жаждущего мщения боспорского царя с его собственной участью взволновало Карла, и он не раз указывал Фабрициусу на поразившие его воображение строки. Но сатиры Депрео ему не понравились из-за насмешек над великими людьми. Прочитав ту часть 8-й сатиры, где Депрео называет Александра Великого сумасшедшим и одержимым, Карл в гневе даже разорвал страницу.

Шведский лагерь под Бендерами, как когда-то Альтранштадт, стал местом паломничества европейцев, проживавших в Стамбуле, а также турок и татар. Последние толпами стекались сюда, чтобы подивиться на странного гяура, воздерживающегося от вина и женщин и дважды в день встающего на молитву. Некоторые правочерные даже называли Карла «настоящим мусульманином». Карл предоставлял любопытным сколько угодно глазеть на себя, но близкими отношениями с турками гнушался.

Янычары, приставленные к королю для охраны, обожали его за смелость и щедрость. Поскольку шведы все необходимое получали от сераскира, Карл истощал остатки своей казны, раздавая направо и налево денежные награды. Будучи щедр сам, король и в других не любил расчетливости. В Бендерах его любимцем сделался барон Гротгузен, охваченный такой же страстью к приключениям и расточительности. Именно последнее качество барона побудило Карла назначить его на должность главного казначея. О том, каким образом расходовались казенные деньги, дает представление следующая история. Однажды Гротгузену пришлось дать отчет королю о 60000 далеров, истраченных им из королевской казны. Гротгузен уместил отчет в одно предложение:

— Десять тысяч далеров выдано шведам и янычарам по приказанию вашего величества, а остальные истрачены мной на собственные нужды.

Карл улыбнулся:

— Я люблю, чтобы мои друзья таким образом представляли свои отчеты! Если Мюллерну⁷⁵ приходилось давать отчет о нескольких тысячах далеров, он заставлял меня прочитывать целые листы. По мне, уж лучше лаконичный отчет Гротгузена.

Когда один пожилой офицер, слышавший за очень расчетливого человека, неодобрительно высказался о расточительности Гротгузена и попустительстве короля, Карл сказал:

— Я даю деньги только тем, кто умеет ими пользоваться.

Все же в королевской казне были и другие статьи расходов, и те, кто получал по ним деньги, вскоре показали, что они умеют тратить презренный металл с большей пользой для короля.

2

В начале XVIII века Турция владела обширными территориями в Азии, Европе и Африке, господство над которыми держалось почти исключительно на военном насилии. Турецкий султан — Великий сеньор, или Великий турок, как называли его в европейских дипломатических документах, — считался одним из самых могущественных государей.

⁷⁵ Мюллерн — предыдущий главный казначей.

Внутри Османской империи он именовался «земным Богом», «сыном Божиим», «братом Солнца и Луны», «раздателем всех венцов на свете» и тому подобными пышными прозваниями и обладал неограниченной властью.

Стамбул был Парижем этой разношерстной империи. Европейская мода справляла здесь свои триумфы. Султан и вельможи соперничали в придумывании увеселений, устройстве празднеств и пиров, возведении дворцов и парков. В окрестностях Стамбула, на берегах небольшой речки, известной у европейцев под названием «Сладкие воды Европы», были сооружены роскошный султанский дворец Саадабад и около 200 более скромных дворцов — *кёшков* — придворной знати. Вельможи особенно изошрялись в разведении тюльпанов, украшая ими свои сады и парки. «Стиль тюльпанов» проявился и в архитектуре, и в живописи, как и вся эта эпоха вошла в турецкую историю под названием «*la le devri*» («время тюльпанов»).

Все люди, живущие во дворце, считались рабами султана и имели единственную обязанность — угождать его прихотям. Бороду — отличительный признак мужчины и господина — здесь носили только сам султан и бостанджи-паша (главный садовник, нечто вроде дворцового коменданта). Последний был вхож к султану в любое время суток; его посылали к тому, кого султан хотел лишить головы.

За всеми делами надзирали евнухи — черные и белые. Черным евнухам поручался присмотр за султанскими женами, поэтому кызлар-ага, глава черных евнухов, пользовался огромным влиянием. По турецким законам даже простой взгляд на жену султана карался смертью. Когда прекрасные пленницы гарема гуляли в саду, садовники выстраивались на валу с большими полотнищами на древках, образуя вокруг женщин полотняную стену. Черные евнухи в это время внимательно наблюдали за потупившими глаза садовниками: заметив нескромный взгляд, они тут же отрубали несчастному голову.

Белые евнухи служили непосредственно султану; они заведовали казной, хозяйством, невольниками и ич-огланами — пажами султана, имевшими доступ в гарем. Ич-огланов набирали из числа христианских мальчиков-рабов, на теле которых не должно было быть ни одного изъяна. Они проходили суровую выучку послушания под руководством белых евнухов. 40 наиболее расторопных и преданных ич-огланов неотлучно состояли при султани; из них он выбирал кандидатов на должности визирей и пашей. Султан и вельможи пользовались ич-огланами и для извращенных любовных утех.

Дворянства в Османской империи не существовало, поэтому для продвижения по службе имели значение только личные заслуги перед султаном. Такой порядок назначения на должности позволял султану, по словам одного английского дипломата, «возвышать без зависти и низвергать без страха».

С другой стороны, визири и паши забирали в свои руки все управление государственными делами, оставляя на долю султана лишь телесные наслаждения. Вторым официальным, а зачастую и первым неофициальным лицом империи был великий визирь. Он постоянно носил с собой государственную печать и обладал всей полнотой гражданской и военной власти, за исключением права казнить пашей и наказывать янычар. Четыре раза в неделю он созывал диван — заседание турецкого правительства, или, как говорили и писали европейцы, Оттоманской Порты.

На власть великого визиря обыкновенно посягали еще три человека: глава черных евнухов, мать султана и его любимая жена. Если им удавалось повлиять на султана, то великого визиря отсылали управлять провинциями или заключали в тюрьму, откуда, как правило, он уже не возвращался.

Все уровни государственного управления империей пронизывала коррупция. Государственные интересы и измена, правосудие и нарушение закона, верность и предательство — все имело свое денежное выражение. В одном турецком трактате о состоянии дел в империи автор, говоря о повсеместном распространении взяток, порицает этот обычай за его несовместимость «с разумом и шариатом» и наставительно замечает, что взятки запрещены и осуждаемы даже среди «мерзких» гяурских правителей.

Военные силы Турции были по тем временам громадны. Султан мог выставить на поле боя почти 200000 человек пехоты и 180000 конницы, к которым при необходимости присоединялись 60000 крымских татар. В мирное время армия составляла 170000 человек, размещавшихся в гарнизонах.

Главной опорой, но также, при случае, и главной угрозой султанской власти был янычарский корпус — регулярное профессиональное войско из 113000 человек на государственном жалованье. Янычары в турецкой армии появились еще в XIV веке при султанах Орхане и Мурате I в качестве рабов-телохранителей. Они набирались из пленных христиан, захваченных во время набегов на Балканский полуостров, и их численность вначале не превышала нескольких тысяч человек. Но уже при Мурате II (1421-1451) и Мехмете II (1451-1481) окончательно оформилась практика девширме — рекрутирования янычар из числа детей христианских подданных султана. Надобность в янычарах увеличивалась по мере возрастания необходимости противостоять хорошо обученной и вооруженной европейской пехоте.

Рекруты (аджеми-огланы) от 5 до 10 лет содержались в особых казармах под началом опытных офицеров. Целью их воспитания была полная исламизация и тюркизация и приучение к суровым условиям жизни. Аджеми-огланы выполняли общественные работы в столице, служили дровосеками и поварами во дворцах знати или были гребцами на судах.

Если рекрут выдерживал все испытания, офицер несильно бил его по уху в знак того, что он произведен в янычары. Посвященный таким образом аджеми-оглан переводился в янычарские казармы, где отныне занимался лишь военными упражнениями: стрельбой из лука и ружья и фехтованием. Янычарский корпус долгое время был военно-монастырским братством с общей трапезой и обетом безбрачия. Имущество умершего или погибшего янычара наследовали его товарищи по оджаку, как называли корпус янычар.

Война была основным ремеслом янычар. Отличная выучка и высокий боевой дух делали их грозными противниками европейской пехоты. Наградой им служила военная добыча. Грабежи, сопровождаемые зверствами, были нормой их поведения и даже рассматривались как доблесть. В мирное время янычары получали жалованье и обязаны были содержать себя сами.

Со временем коррупция проникла и в их ряды, что привело к утрате кастовой замкнутости янычарского корпуса. В XVII-XVIII веках янычарами все больше становятся сами турки, особенно разорившиеся крестьяне, привлеченные многочисленными привилегиями султанской гвардии: освобождением от налогов, неподсудностью гражданским и военным властям (янычар могли наказывать только их офицеры). Янычарские офицеры за взятку выдавали желающим документы о принадлежности к янычарскому корпусу, так что обыкновенно за одним именем в списке скрывалось несколько человек, имевших янычарские привилегии, но не получавших жалованье и не обязанных нести военную службу. Сами янычары теперь обзаводились семьями, занимались торговлей и ремеслами и по возможности уклонялись от участия в войнах.

В 1703 году янычары открыто отказались отправиться в Грузию. Они промаршировали через весь Стамбул, вломились в султанский дворец и свергли султана Мустафу II. Новым султаном был провозглашен брат Мустафы Ахмет III. Мустафа был заключен в тюрьму, где, к большому удивлению всей Турции, прожил еще несколько лет.

Ахмет III был ничтожным и корыстолюбивым человеком, заботившимся только о своих удовольствиях. При нем всеми делами в империи заправлял его зять, селяхдар⁷⁶ Кёмюрджю Али-паша. Он был сыном угольщика. В детстве его случайно встретил в лесу под Адрианополем Ахмет II, дядя Ахмета III, и, пленившись красотой ребенка, взял его во дворец. После смерти Ахмета II Кёмюрджю стал любимцем Мустафы II, а затем и Ахмета III. Молодость не позволяла Кёмюрджю метить в великие визири, и он пока что

⁷⁶ Селяхдар — оруженосец.

довольствовался ролью «серого кардинала». Именно от него главным образом зависело, окажет ли султан поддержку замыслам Карла.

Прибытие в Бендеры Карла обострило русско-турецкие отношения, кое-как улаженные после заключения в 1700 году Константинопольского мирного договора. Петр чрезвычайно опасался новой войны с Турцией. «Московиты... стараются устранить все трудности на пути дружбы с Турцией», — писал в Вену австрийский дипломат Тальман. Селяхдар шел навстречу желаниям царя, однако у него имелись могущественные противники. Больше всего в пользу русско-турецкой войны интриговал французский посланник барон де Ферриоль. Франция, забравшая в свои руки торговлю с Турцией, имела самые сильные дипломатические позиции в Стамбуле. Людовик XIV был единственным европейским государем, которого султан именовал «падишахом»; в отношении прочих турки говорили, что если султан подобен льву, то гяурские правители — малым собакам. Ферриоль не уставал твердить султану, что царь только и ждет окончания войны со Швецией, чтобы отобрать у Турции Крым и Балканы, и предлагал поддержать Карла в его борьбе с Россией (Людовик XIV рассчитывал, что Карл, победив царя, окажет помощь Франции в войне за испанское наследство).

Ферриоля поддерживала мать Ахмета III, султанша Валидэ, имевшая большое влияние на сына. Валидэ действовала в пользу Карла, движимая чисто женскими мотивами: ее очаровали рассказы о подвигах шведского короля. Она называла его не иначе как «мой лев» и часто говорила султану:

— Когда же вы поможете моему льву уничтожить этого царя?

Во дворце разгорелась борьба сторонников и противников войны с Россией. Посол Карла Нейгебауэр представил турецкому правительству документ, озаглавленный: «Причины, по которым является выгодным для Турции оказать сопротивление чересчур большим успехам московского царя». В нем султану предлагалось заключить союз со Станиславом и объявить войну России, так как «царь не будет в состоянии оказывать сопротивление двум монархам одновременно».

Понятовский, прибывший в Стамбул вслед за Нейгебауэром, вошел в сношения с Ферриолем и встретился с великим визирем Чорлулой Али-пашой. Визирь, чрезвычайно довольный тем, что Понятовский явился на аудиенцию в турецком костюме, заверил его, что «хочет послужить шведскому королю всем своим влиянием, дабы с помощью ста тысяч человек восстановить его в прежней славе».

Однако русский посланник П.А. Толстой в конце 1709-го — начале 1710 года успешно противостоял прошведским настроениям, так как Карл из Бендер давал туркам одни обещания, а Петр — деньги Карла, захваченные под Полтавой и у Переволочны. 14 января 1710 года Ахмет III вручил Толстому ратификационную грамоту, подтверждающую Константинопольский договор 1700 года. «Любовь уже возобновлена между сих империй и утверждена без подозрений», — доносил Толстой Петру.

Относительно Карла стороны договорились, что он выедет в Швецию через Польшу «только со своими людьми» (то есть без запорожцев, подлежащих выдаче русским); турецкий отряд в 500 человек будет сопровождать его до польской границы. «Учинено то к чести царского величества, что оный король шведский уже выдается в волю царского величества», — уточнял Толстой.

Царь торжествовал. «Вчерашнего дня, — писал он 17 февраля, — от давнего времени с великою жаждою ожидаемого куриера из Константинополя получили, который на отчаяние наше последнюю ведомость привел». «Куриер» Марк Сербенин, доставивший депешу Толстого, получил 300 рублей наградных.

Но Карл вовсе не планировал возвращаться домой под турецким конвоем. Король «не столько заинтересован в мирном возвращении через Польшу, — писал Тальман, — сколько в том, чтобы натравить Турцию на Москву, с помощью турецких и татарских войск упрочить позиции короля Станислава, а также свои собственные позиции в Польше...».

Договор султана с царем поверг свиту короля в отчаяние, но сам Карл оставался

спокоен: он думал, что султан просто не знает о подкупе Толстым великого визиря. Понятовскому было поручено «просветить» Ахмета III относительно русских интриг.

Понятовский оказался в трудном положении: селяхдар и визирь ни за что не допустили бы его аудиенции с Ахметом. Ему посоветовали воспользоваться старинным способом подачи прошений султану, который заключался в следующем. Султан каждую пятницу отправлялся в мечеть с отрядом телохранителей, чьи высокие перья на тюрбанах почти полностью закрывали его от толпы. Проситель старался просунуть сквозь эту живую стену свою поднятую руку с прошением. Иногда бумагу брал сам султан, но чаще это делал кто-нибудь из приближенных. После богослужения прошение зачитывалось султану, и он выносил свое решение.

Несмотря на унижительность этой процедуры (королевский документ вручался как прошение подданного), Понятовский был вынужден прибегнуть к ней. Ферриоль перевел меморандум Карла на турецкий язык, после чего бумагу вручили одному греку, взявшемуся за большие деньги оказать Понятовскому эту услугу. Дело сладилось: грек так высоко поднял руку и так сильно шумел, что султан лично взял у него бумагу.

Вскоре после этого Карлу в подарок были присланы 25 арабских лошадей. Седло и чепрак одной из них — той, на которой ездил сам султан, — украшали драгоценные камни, а массивные стремена были сделаны из золота. Сопровождавшее подарок любезное письмо сплошь состояло из общих мест и заставляло подозревать, что султан не так уж возмущен политикой великого визиря.

Чорлула тоже прислал в Бендеры 5 лошадей очень редкой породы, но Карл высокомерно сказал слугам визиря:

— Вернитесь к вашему господину и передайте ему, что я не принимаю подарков от врагов!

После этого великий визирь окончательно принял сторону Толстого и, по словам Петра, «зело был злобен на Карла». Вопрос о войне больше не поднимался, и никто уже не оспаривал влияния царя в султанском дворце.

Тогда Понятовский и Ферриоль решили отстранить Чорлулу от должности великого визиря. К ним примкнули Валидэ, глава черных евнухов и ага (начальник янычарского корпуса), ненавидевшие Чорлулу. Однако свалить великого визиря было нелегко, так как он пользовался доверием Ахмета. Неизвестно, чем закончился бы этот заговор, если бы ему неожиданно не подействовал Кёмюрджю, поссорившийся с Чорлулой.

Объединенными усилиями заговорщики настроили Ахмета против великого визиря. «Этот старый заслуженный слуга султана стал жертвой каприза ребенка и интриг иностранца», — замечает Вольтер. В июне 1710 года его лишили звания и богатств, отняли жену, которая была дочерью Мустафы, и сослали в Кафу.

Государственная печать была вручена Кёпрюлю Нуману-паше, человеку «любящему справедливость», строго соблюдавшему законы шариата и не боявшемуся перечить султану. «И зело умный муж, однако ж не так склонен к нашим интересам, как прежний», — с досадой заметил Петр, узнав о его назначении. Кёпрюлю не хотел войны с Россией, считая ее несправедливой и бесполезной; но и обязанности гостеприимства по отношению к Карлу он почитал священными.

— Коран запрещает тебе нападать на царя, который не оскорбил тебя, — говорил он султану, — но он же приказывает тебе помогать шведскому королю, который нашел у тебя прибежище в несчастье.

Пытаясь уладить дело миром, Кёпрюлю отослал Карлу 800 кошельков, по 500 золотых монет в каждом, и посоветовал ему вернуться в Швецию через Германию или через Францию. Получив категорический отказ, он призвал Нейгебауэра и Понятовского, чтобы «выяснить их пожелания». Долгая беседа с ними склонила его в пользу Карла. Кёпрюлю заявил, что «авторитет Османской империи» обязывает ее предоставить шведскому королю 50-тысячное войско, «дабы он мог оказать достойное сопротивление своим врагам». Нейгебауэр и Понятовский в свою очередь обещали, что шведские офицеры обучат турецкое

войско «на немецкий манер».

24 июня великий визирь вызвал Толстого и объявил ему в ультимативной форме, что русские должны отвести свои войска от турецких границ и позволить Карлу выехать в Швецию через Польшу под охраной 50-тысячного турецкого конвоя. Толстой снесся с царем, который согласился с требованиями визиря, но с условиями, что численность конвоя не превысит 3000 турок (русские располагали в Польше всего 30000 солдат). В противном случае, грозил Петр, с турками «яко с неприятельскими поступано будет».

Твердый тон царя заставил призадуматься великого визиря. К тому же и Карл ничего не хотел слышать ни о каком мирном возвращении в Швецию. Переговоры зашли в тупик, и Кёпрюлю не знал, на что ему следует решиться.

3

Между тем Петр спешил окончить шведскую войну, чтобы заняться внутренними преобразованиями, с каждым годом требующими все более пристального внимания. После гибели шведской армии главный фронт войны переместился частью на Балтийское побережье, куда сразу из-под Полтавы двинулся Шереметев с пехотой и кавалерией, частью в Польшу, где действовал корпус Меншикова. В июне 1710 года русскими войсками был взят Выборг, «крепкая подушка Петербургу», по выражению Петра; в июле сдалась Рига, в сентябре — Ревель. Отряды Шереметева вторглись в Финляндию и дошли до самого Або, отовсюду вытесняя шведские полки.

В Польше Полтава дала сигнал всем недовольным Станиславом и шведами. Август II заявил о незаконности коронации Станислава, о непризнании Альтранштадтского мирного договора и открыто обвинил Карла в разбое и варварстве. Он посадил в тюрьму своих послов Фингстена и Эмгофа, обвинив их в том, что они превысили свои полномочия, когда подписали в Альтранштадте его отречение от польского престола.

В это время папа римский очень кстати разрешил польский народ от клятвы в верности Станиславу. Саксонские войска беспрепятственно дошли до Варшавы, и большинство шляхты вновь присягнуло Августу.

Станислав как милости просил у Карла позволения сложить с себя королевский венец, давно уже ставший для него терновым. Но Карл был так поглощен своими планами недопущения Августа на польский престол, что сказал:

— Если Станислав откажется, то я поставлю на его место другого короля.

Оживились и другие дворы, до сих пор безучастно взиравшие на Северную войну; теперь они готовились приступить к дележу европейских провинций Швеции. Дания претендовала на Голштинию и Бременское герцогство; Пруссия — на шведскую Померанию; герцог Мекленбургский, который должен был жениться на дочери Петра I, объявил о своих претензиях на Висмар (царь таким образом желал получить предлог для вмешательства в германские дела), а курфюрст Ганноверский Георг был не прочь поживиться тем, что останется. Больше всех интриговал епископ Мюнстерский — он очень хотел предъявить свои права на какую-нибудь шведскую территорию, но у него не было для этого никаких законных оснований.

Померанию защищало около 13000 шведов. Угроза возникновения войны на севере Германии встревожила Австрию, опасавшуюся, что это ослабит ее силы в борьбе с Францией. Для предотвращения этой опасности Австрия в конце 1709 года заключила со своими союзниками по войне за испанское наследство — Англией, Нидерландами и германскими государями — трактат, в котором говорилось, что война против Швеции не должна происходить в Померании и вообще в Германии, но что враги шведского короля могут нападать на него в любом другом месте. Петр и Август присоединились к трактату; по их настоянию в этот странный документ был внесен не менее странный пункт о том, что шведские войска не имеют права выйти из Померании для защиты других шведских

областей.

Для гарантий выполнения условий трактата предусматривалось создание на берегах Одера союзной армии из имперских, прусских, ганноверских, гессенских и мюнстерских войск. Это была, по-видимому, первая в европейской истории попытка использовать армию для пресечения угрозы войны. Но государи, обязанные содержать миротворческие силы, были слишком заинтересованы в войне, которой будто бы хотели избежать. На деле не было сформировано и двух полков. Проект провалился, и северные государства получили полную свободу в дележе шведского наследства.

В феврале 1710 года Дания, нарушив Травендальский договор, высадила в Скании 17-тысячный десант под командованием графа Ревентлау. Датчане быстро овладели Гельсинборгом и намеревались двинуться к Стокгольму.

Человеческие и материальные ресурсы Швеции были истощены, в стране почти не осталось ни регулярной армии, ни запасов оружия. Правительство смогло противопоставить армии Ревентлау только 8000 ветеранов и 12000 ополченцев в зипунах, у которых к поясу веревкой был привязан пистолет. Командовать ими было поручено генералу Магнусу Стенбоку. Это был опытный офицер, прошедший всю свою жизнь на голландской, имперской и шведской службе. Войну он считал самой выгодной коммерцией и никогда не упускал случая пограбить, нажиться на военных поставках или прикупить землю в завоеванной стране. Других идеалов, кроме накопительства, у него, видимо, не было. Даже сообщая матери о своем ранении под Нарвой, Стенбок написал, что «рисковал получить синяк под глазом ради ее поместья здесь, в Лифляндии». Вместе с тем он был храбр, удачлив и пользовался неизменным расположением Карла.

10 марта 1710 года Стенбок подошел к Гельсинборгу. Он хотел дать армии несколько дней отдыха, чтобы окопаться и обучить новобранцев. Но ополченцы единодушно потребовали немедленно дать сражение датчанам. Ненависть к врагу была в них так велика, что, по словам одного офицера, они кричали с пеной у рта.

Стенбок воспользовался таким настроением своих солдат и повел армию в атаку. Сражение при Гельсинборге вошло в историю тем, что здесь впервые ополченцы оказались сильнее регулярных войск. Датчане были буквально сметены яростным натиском шведов, причем два полка крестьян-ополченцев окружили и изрубили полк датских гвардейцев, от которого осталось в живых всего 10 человек.

Через пять дней датский флот увез назад остатки десанта Ревентлау, оставив в Гельсинборге 4000 раненых и трупы забитых лошадей. Подъем духа шведов после победы был так велик, что далекарлийские крестьяне обратились к регентам с предложением сформировать за свой счет 20-тысячную армию для освобождения короля. Правительство выслушало предложение с удовольствием и сообщило о нем Карлу — правда предварительно отклонив его.

Карл получил известие о победе при Гельсинборге в июле. Вскоре еще одно событие укрепило его надежды на перелом в ходе войны.

4

Кёпрюлю был смещен с должности великого визиря через два месяца после вступления в нее. В Польше сторонники Карла опубликовали листовку, где говорилось, что шведский король пользуется в Турции таким влиянием, что по своему желанию свергает визирей. На самом деле Карл не имел никакого отношения к свержению Кёпрюлю. Ахмет был обеспокоен тем, что великий визирь платил жалованье янычарам не из своего кармана, как его предшественники, а за счет казны, но Кёпрюлю наотрез отказался заниматься вымогательством для погашения задолженности. В день отставки султан последний раз упрекнул его:

— Твой предшественник Чорлула умел находить деньги для уплаты войску, не трогая

султанскую казну.

— Если он владел искусством обогащать твое величество грабежом, то я имею честь не знать этого искусства, — ответил Кёпрюлю.

Этот разговор положил конец его государственной деятельности — Кёпрюлю был сослан на один из островов Эгейского моря.

Новым великим визирем стал Балтаджи Мехмет-паша, некогда бывший дровосеком (его имя произведено от турецкого «balta» — «топор»). Он сразу зарекомендовал себя ярким сторонником войны с царем: дал аудиенцию всем иностранным послам, кроме русского, и несколько раз вызывал Понятовского на «конференции» (совещания).

Петр направил в Турцию гонца с личным письмом, в котором спрашивал, намерена ли Порта «мир нерушимо содержать». В подтверждение миролюбия султана царь требовал немедленного удаления из Турции Карла, виновника «всех ссор и подозрений»; в противном случае, предупреждал Петр, Россия будет «всякое воинское приготовление чинить» вместе со своими союзниками — Августом II и Речью Посполитой.

Однако эта и последующие грамоты до султана не дошли: по приказу Балтаджи царских курьеров задерживали на турецкой границе и «сажали в земляные тюрьмы», откуда они были выпущены только в 1711 году, после заключения мира с Россией. А командиры пограничных русских отрядов доносили царю, что в районе Ясс и Бендер скапливаются значительные силы турок — до 70000 человек.

Балтаджи вызвал в Стамбул крымского хана Девлет-Гирея, чтобы окончательно склонить султана к войне. Девлет-Гирей неизменно поддерживал Карла, и именно после его приезда в столицу «вся Оттоманская Порта о другом (т. е. о войне. — С.Ц.) раздумывать стала» (Тальман).

18 ноября 1710 года на совещании у султана было принято решение разорвать мир с Россией. Хан заявил, что твердо намерен «вернуться назад лишь с оружием в руках», и выразил радость по поводу того, что «наконец принято целительное решение, без которого ни он, ни сам султан не смогли бы в будущем прогнать врага от своих земель, уже почти полностью окруженных им».

Балтаджи никогда не командовал войском и потому решил на всякий случай подстраховаться. Получив из рук султана саблю, украшенную драгоценными камнями, он сказал:

— Твое величество знает, что я был воспитан, чтобы топором рубить дрова, а не командовать войсками. Я постараюсь хорошо служить тебе, но если мне это не удастся, вспомни, что я умолял тебя не вменять мне это в преступление.

Ахмет уверил его в своем дружеском отношении.

Глашатаи объявили народу о решении султана и, по обычаю, спросили:

— Каково ваше мнение?

— Хотим войну! — был единодушный ответ.

Новый французский посол маркиз Дезальер, по словам Тальмана, хвалился, что «более всего способствовал этому (войне. — С.Ц.), так как якобы он вел все дело своими советами». Французы «с великою радостью обнимали татар и называли их своими братьями».

20 ноября Турция объявила войну России. Толстой и другие чиновники были арестованы и посажены в Семибашенный замок, их имущество было разграблено, а посольский архив конфискован.

5

Официально причины войны Порты не сформулировала. В Журнале Петра Великого сказано, что разрыв состоялся «весьма без всякой причины» и «незнаемо под каким предлогом». Один современник упоминает такие требования султана к царю: 1. Возвратить

Турции Азов. 2. Признать Станислава. 3. Возвратить Швеции Прибалтику. 4. Скрыть Петербург. 5. Возвратить запорожцам их вольности. 6. Возместить Карлу ущерб от войны. 1, 2 и 5-й пункты подтверждаются и сообщениями Тальмана. Если дело действительно обстояло именно так, то надо признать, что султан взял на себя роль печальника обо всех обиженных в Европе.

Весть о новой войне как громом поразила русское общество. Царь, несмотря на свои воинственные заявления, никак не ожидал такого поворота дел. Он находился в мрачном расположении духа, дурные предчувствия томили его; к этому присоединилась еще болезнь, застигшая его по дороге в Луцк. В его письмах сквозила безнадежность: «Нам предстоит безвестный и токмо единому Богу ведомый путь»; «Что удобнее где, то чините, ибо мне так отдаленному и почитай *во отчаянии сущему* (курсив мой. — С.Ц.), к тому же от болезни чуть ожил, невозможно рассуждать».

Положение царя, даже после последних неслыханных побед, было весьма ненадежно. В Польше росло негодование на бесконечные реквизиции — последствия союзного договора с Россией. К тому же Август убедился в том, что Риги ему не видать и что Петр питает какие-то подозрительные планы относительно Данцига и Эльбинга.

Украина находилась в «великой шатости», что, впрочем, было ее обычным состоянием со времен Богдана Хмельницкого. Причина недовольства Москвой оставалась той же: казаки не хотели променять «сіру світку з відлогою»⁷⁷ на великороссийский зипун. Орлик, возглавивший борьбу за самостийность после смерти Мазепы, рассылал по городам и весям «прелестные» письма.

В донских городках и станицах казаков не оставляла черная дума, что рано или поздно и им придется нести цареву службу. А Крым и Кубань давно уже с тревогой следили за продвижением Москвы к Черному морю.

Внутри России ширилось недовольство «царем-антихристом» и его нововведениями. Испытанный народный способ борьбы с антихристом заключался в бегстве на окраины, что православные и прodelывали с большим воодушевлением.

План турок или, лучше сказать, шведов предполагал использование всех недовольных Россией и царем элементов. Татары Девлет-Гирея должны были вторгнуться в южную Польшу и Украину, чтобы поднять там население и прикрыть прорыв Карла через Подолию и Галицию на соединение с Крассау и Станиславом, в то время как главные силы турок соберутся на нижнем Дунае, чтобы двинуться оттуда, куда к тому времени будет выгодно.

Надо отдать должное Петру: он разгадал в основных чертах стратегический замысел турок и принял ряд энергичных мер. Кавалерия князя Голицына была срочно направлена в Подолию и Галицию. На Украине супруги войсковых старшин были отданы под деликатный надзор киевского губернатора, то есть, попросту говоря, стали заложницами. Эта мера влила в кровь их мужей необходимую дозу русского патриотизма. Из Киева и других городов удалили сербов, валахов, болгар, албанцев, «яко прирожденных шпигов» (шпионов. — С.Ц.), а к гетману Скоропадскому для присмотра был приставлен Бутурлин. Одновременно был вызван из-под Риги корпус Шереметева и полным ходом шло укрепление Азова.

Вторжение татар в Польшу и на Украину было сорвано, и роли переменились: теперь уже Петр угрожал Турции внутренними беспорядками. Сербский полковник Милорадович был отправлен поднимать черногорцев и других славян; князь Черкасский поехал бунтовать Кавказ; Скоропадский и Бутурлин заперли татар у Перекопа; бригадир Яковлев с саксонцами Августа блокировал Крассау.

Но главную ставку Петр делал на молдавского господаря Дмитрия Кантемира, заявившего о своем желании перейти под руку царя. «Оный господарь — человек зело разумный и в советах способный», — писал Петр, которому измена Кантемира туркам показалась невероятным счастьем и спасением от всех бед.

⁷⁷ Серую свитку с капюшоном (укр.).

Дальнейшие действия русской армии были поставлены в зависимость от планов Кантемира. Господарь беспрестанно писал Петру, чтобы тот предупредил вторжение турок в Молдавию, и царь отдал приказ Шереметеву как можно быстрее идти к Яссам.

Наступление армии Шереметева сопровождалось чередой неудач, подготовивших катастрофу. Из-за плохой организации выступление задержалось на целый месяц; в пути армия терпела недостаток в продовольствии и фураже. Шереметев был уже дряхл и действовал крайне медленно. Когда он наконец встретился на реке Прут с Кантемиром, выяснилось, что господарь не только не может ничем помочь русским, но сам нуждается в защите. Его окружение было крайне ненадежно, многих бояр надо было насильно «затягать» в российское подданство. Население явно склонялось в пользу турок и очень неохотно снабжало русских припасами. С Петром произошло то же, что и с Карлом, понадеявшимся на Мазепу. Шереметев откровенно написал обо всем царю, предупредив, что, имея такой тыл, двигаться дальше опасно.

Петр, зная неповоротливость Шереметева, не вполне поверил его сообщению и в июне лично приехал в армию. Здесь Кантемир, стремившийся перенести военные действия подальше от Молдавии, предложил царю идти навстречу туркам. Совет, к несчастью, был принят.

Дальше с Петром произошло то, чего с ним не бывало никогда, — он недооценил противника. И без того немногочисленная армия была ослаблена отправкой кавалерийского отряда генерала Ренна к Браилову; туркам дали спокойно переправиться через Дунай. Следствием этого стало окружение на берегу Прута русской армии во главе с самим Петром (9 июля).

У великого визиря было 200000 человек, под началом Петра — едва 40000. Отчаянность положения усугублялась тем, что нанятые царем иностранные генералы «объявили себя в первые люди в подлунной», а когда дошло до дела, обнаружили полную бездарность. Один из них, Янус фон Эбершted, подставил под удар турок всю русскую кавалерию; другой, фон Энсберг, проделал то же с частью пехоты. Царь приказал отступить к реке и прикрыть армию обозными повозками.

Несмотря на бездарность генералов и на возникшую в русском лагере сумятицу, три атаки турок были отбиты с жестоким для них уроном. К вечеру сражение прекратилось; турки принялись за рытье окопов. Но и положение русских ухудшилось: солдаты были утомлены битвой и зноем, боеприпасы истощились, а помощи ждать было неоткуда. За ночь к туркам переметнулось много дезертиров.

Царь на военном совете объявил, что наутро поведет армию в бой, но затем отменил свое решение. С ним творилось что-то непонятное. Очевидцы пишут, что он переживал какую-то душевную муку, переходя от припадков бешенства к отчаянию и мрачному безразличию. Судороги беспрестанно искажали его лицо. Видимо, гордость победителя под Полтавой боролась в нем с необходимостью заключения позорного мира. Сам он впоследствии вспоминал, что не испытывал ничего страшнее тех тревог, которые одолели его в эту ночь: он перебирал в уме все свои начинания, все усилия, затраченные на исполнение заветной мечты о выходе к морю, и с ужасом думал, что его делу суждено погибнуть вместе с ним.

Спустя некоторое время Петр вызвал к себе вице-канцлера Шафирова, вручил ему все наличные средства и отослал его к визирю, снабдив единственной инструкцией: мир во что бы то ни стало⁷⁸.

Ловкий Шафиров внес в ход событий тот чудесный перелом, который люди обычно приписывают спасительному вмешательству небесных сил. Всю ночь он раздавал взятки

⁷⁸ У многих западных историков можно встретить ошибочное утверждение, что на мире с турками настояла Екатерина I, пожертвовав для подкупа визиря своими драгоценностями. Трудно установить, кем пущена эта сплетня. Вольтер уже приводит ее, основываясь, возможно, на рассказе Станислава Лещинского, с которым много беседовал в период написания своей «Истории Карла XII».

турецким начальникам и уверял их, что царь утром начнет атаку и скорее уложит всю армию и погибнет сам, нежели сдастся. Турки и сами испытывали сильные сомнения в счастливом исходе дела. Янычары, потерявшие во вчерашних атаках 7000 человек, отказывались возобновить нападение и требовали от визиря скорейшего заключения мира. Кроме того, получено было известие, что в тылу у турок генерал Ренн занял Браилов.

Балтаджи Мехмет-паша не был военным человеком. Он думал, что сделает достаточно, если заключит выгодный для султана мир. Напрасно Понятовский уверял его, что через день-другой русские сами сдадутся от голода: визирь заключил с Шафировым перемирие для выработки окончательных условий мирного договора.

12 июля договор был подписан. Петр обязался передать туркам Азов, срыть Таганрог и другие новопостроенные городки на побережье Азовского моря, отказаться от вмешательства в польские дела и возобновить выплату дани крымскому хану. О Карле в договоре не было упомянуто. Понятовский добился только подтверждения царем обещания не препятствовать возвращению короля в Швецию через Польшу.

Русское войско, не знавшее, что делалось в турецком лагере, с великой радостью выступило из западни к своим границам, сохранив артиллерию, знамена и обоз. Турки даже снабдили русских припасами.

Царь, вновь обретя бодрость и уверенность, спешил возвратиться к прерванным делам, утешая в письмах своих сподвижников, что хотя мир заключен и с большой потерей, но зато война на юге кончилась, а возместить потерянное можно выгодным миром со Швецией. Однако впереди его ждала еще не одна бессонная ночь.

6

Узнав об окружении русского войска на Пруте, Карл из Бендер помчался туда во весь дух. Он без остановки проделал 120 верст верхом, думая только об одном: царь наконец-то у него в руках!

То, что он увидел, ошеломило его: русское войско удалялось от турецкого лагеря под барабанный бой и с развернутыми знаменами. Ближайший мост через Прут находился в 12 верстах, но Карл, «ничего не делавший, как другие люди», по замечанию Вольтера, переправился вплавь на коне и поскакал через покинутый русский лагерь к туркам. Остановившись у палатки Понятовского, король выслушал печальный рассказ генерала о случившемся.

С раскрасневшимся от гнева лицом Карл бросился к шатру великого визиря.

— Я имею право вести войну и заключать мир, — спокойно ответил Балтаджи на его упреки.

— Но разве не в твоей власти было все войско московитов? — горячился король.

— Наша вера предписывает нам мириться с нашим врагом, когда он молит нас о сострадании, — важно возразил визирь.

— Предписывает ли твоя вера заключать невыгодные договоры, когда ты можешь предписать какие угодно условия? — не унимался Карл. — Разве не от тебя зависело отвезти царя пленником в Стамбул?

Визирь, выведенный из терпения тем, что его отчитывает гяур, находящийся на положении полугостя, полупленника, заметил с сухой иронией:

— А кто бы управлял государством в его отсутствие? Не подобает, чтобы все короли гяуров были не у себя дома.

Карл не нашелся что ответить на такую дерзость. С негодующей усмешкой он опустил на диван рядом с визирем, не сводя с него презрительного взгляда. Внезапно сильным ударом шпоры он разорвал полу халата Балтаджи, быстро встал и уехал назад в Бендеры.

Понятовский еще задержался в шатре, пробуя уговорить визиря поспешить вслед за

царем, но наступил час молитвы, и Балтаджи, не сказав ему ни слова, пошел совершать омовение.

По возвращении в Бендеры Карл нашел свой лагерь затопленным водами Днестра. Шведы просили у него разрешения перенести палатки выше к деревне Варницы, но Карл не позволил им этого.

— Я не боюсь Днестра, — отвечал он на все просьбы.

Тогда солдаты стали уходить тайком. Карл упорствовал до конца, хотя вода уже омывала ему ноги, и покинул лагерь последним. Таким образом, на нем буквально исполнилось предсказание, сделанное любимому им в детстве Гедону де Максибрандару о том, что ему предстоит борьба с водой. Теперь предстояло исполниться и второму предсказанию, сделанному отважному рыцарю, — о борьбе с огнем.

КАЛАБАЛЫК⁷⁹

*Ну, кто еще? Любой приму я вызов!
Во мне отвага тысячи бойцов.
Таких, как ты, сражу хоть двадцать тысяч.
Шекспир⁸⁰.*

1

После наводнения Карл перенес лагерь в Варницы, где построил три каменных дома: для себя и своей свиты, для канцелярии и для Гротгузена, у которого часто обедал. Свой дом король против обыкновения великолепно меблировал, чтобы внушить туркам большее уважение. Солдаты разместились в деревянных бараках.

Строительством каменных домов Карл хотел показать великому визирю, что собирается оставаться в Бендерах, пока не будут удовлетворены все его требования. Балтаджи, не забывший разорванного халата, решил поскорее выпроводить наглого гяура вон. Для этого он лично снесся с австрийским правительством, прося для Карла свободного проезда в Померанию. Вена ответила согласием, и визирь послал в шведский лагерь трех пашей, которые должны были убедить Карла в необходимости покинуть Турцию.

Король, догадываясь о смысле их поручения, в начале аудиенции заявил им, что, если они предложат ему что-либо, позорящее его честь, он их повесит. Салоникский паша, который должен был держать речь, смягчил слова визиря самыми почтительными выражениями. Когда он закончил, Карл вышел вон, не дав никакого ответа; позже туркам от имени короля передали, что он требует наказания великого визиря и 100-тысячного конвоя для проезда через Польшу.

Балтаджи понял, что нажил себе смертельного врага. Он приказал расставить караулы по всем дорогам от Бендер до Стамбула, чтобы перехватывать письма Карла. А чтобы сделать короля сговорчивее, визирь уменьшил шведам *таим*, то есть провизию, которую выдавали иностранным гостям и дипломатам.

Королевский дворецкий пришел к Карлу жаловаться на скудость припасов. Узнав о распоряжении визиря, король сказал:

— До сих пор вы давали есть два раза в день; с завтрашнего дня я приказываю вам давать еду четыре раза.

⁷⁹ Калабалык (от *тур.* kalabalik) — давка, толкотня, суматоха.

⁸⁰ «Король Ричард II», акт IV, сцена 1; перевод М. Донского.

Бедный дворецкий не знал, что делать. Пришлось под большие проценты занимать у ростовщиков и пойти с протянутой рукой к иностранным послам. В Стамбул был послан шведский офицер, чтобы обратиться за помощью к европейским купцам. Ему удалось миновать караулы, но купцы отнеслись к его просьбе холодно; только англичанин Кук одолжил 40000 экю.

Тем временем интриги в султанском дворце не утихали. Понятовский еще из турецкого лагеря на Пруте написал султану письмо, где обвинил визиря в трусости и измене. Один старый янычар, возмущенный уступчивостью Балтаджи по отношению к русским и, главное, подкупленный Понятовским, взялся вручить письмо лично султану.

Обстоятельства благоприятствовали Понятовскому: царь не торопился прислать туркам ключи от Азова, а без них визирь не осмеливался являться на глаза султану. Вскоре Ахмет почел за благо и вовсе не видеть его, и Балтаджи разделил судьбу своих предшественников, окончив свои дни на острове Лемнос.

Его сменил Юсуф-паша. Это был выходец из южной России; шестилетним мальчиком он был захвачен янычарами и продан султану. Власть его была призрачна. Великим визирем его сделал селяхдар в ожидании, когда сможет стать им сам. Роль Юсуфа-паши в государственном управлении ограничивалась прикладыванием печати к бумагам, которые присылал ему селяхдар.

Понятовский вскоре смог убедиться, что отстранение Балтаджи удовлетворило самолюбие Карла, но не продвинуло вперед его дела. Русская партия в султанском окружении вновь усилилась; Толстой, вышедший из Семибашенного замка, успешно пресекал шведские интриги. Влияние французского посланника Дезальера падало, а позиции английского и голландского посланников, поддерживавших Толстого, напротив, усиливались. Англия и Голландия, привлеченные выгодными условиями торговли с Россией через Петербург, обещали царю помочь удалить Карла из Турции.

Следствием этого обещания стало письмо Ахмета III, отправленное Карлу в Бендеры:

«Самому могущественному из королей, поклоняющихся Иисусу, защитнику угнетенных и обиженных, покровителю справедливости в государствах юга и севера; сверкающему в величии, другу чести и славы и нашей Высокой Порты, Карлу, королю шведскому, которого предприятия Бог венчает счастьем.

Когда прославленный Ахмет, Наш чауш-паша, будет иметь честь представить Вам это письмо, украшенное Нашей султанской печатью, будьте уверены и убеждены в искренности Наших в нем заключенных намерений и знайте, что хотя Мы предполагали снова идти против царя с Нашими всегда победоносными войсками, но между тем этот государь во избежание справедливого чувства досады, вызванного в Нас его опозданием в исполнении заключенного на берегах Прута договора, возобновленного затем в Нашей Высокой Порте, вернул Нашей империи крепость и город Азов и пытался через посредство английского и голландского послов, Наших старинных друзей, заключить с Нами постоянный мир; Мы на это согласились и дали его уполномоченным, оставшимся в качестве наших заложников, Наше султанское утверждение, взамен такового, полученного из их рук.

Мы отдали достопочтенному и доблестному Девлет-Гирею, хану Буджакскому, Крымскому, Ногайскому и Черкесских земель, и Нашему премудрому советнику и великодушному сераскиру Бендерскому Измаилу⁸¹ (пусть Бог продолжит и увеличит их величие и благоразумие) Наши ненарушимые и благотворные приказания относительно Вашего возвращения в Польшу, согласно Вашему первому намерению, которое было возобновлено Вами. Вы должны приготовиться уехать под покровительством Провидения, с почетным конвоем будущей зимою, чтобы вернуться в Ваше государство, позаботясь проехать по-дружески через Польшу.

⁸¹ Измаил-паша стал сераскиром Бендер в начале 1712 г.

Все, что будет Вам нужно для Вашего путешествия, будет Вам доставлено Высокой Портой, как деньги, так и люди, лошади и повозки. Мы Вас особенно увещеваем и советуем Вам приказать самым положительным и ясным образом всем шведам и другим, находящимся при Вас людям, не производить никаких беспорядков и никаких действий, которые прямо или косвенно могут повлечь нарушения этого мира и дружбы.

Вы этим сохраните Наше благоволение, значительные и частые знаки которого Мы постараемся Вам дать при первом представившемся случае. Наши войска, назначенные для сопровождения Вас, получают приказания, соответственно Нашим намерениям.

Подписано в Нашей Высокой Порте 19 апреля 1712 года ».

Итак, через два с половиной года пребывания в Турции Карл вернулся к тому положению дел, какое существовало осенью 1709 года. Но это не смутило его.

Король ответил султану, что считает его величество слишком справедливым, чтобы отправить его с простым конвоем в страну, наполненную царскими войсками (Петр вопреки договору не только не вывел войска из Польши, но и ввел туда новые).

Султан, запертый в гареме с женщинами и евнухами и смотревший на все глазами селяхдара и великого визиря, был удивлен тем, что ему ничего не сказали про нарушение Прутского договора, и отправил в Польшу своих чиновников разведать, правда ли, что там находятся русские. Те возвратились и доложили, что так оно и есть. Разгневанный Ахмет приказал посадить русского посла в Семибашенный замок. Вновь была объявлена война против царя, подняты бунчуки, паши получили распоряжение вести к Дунаю 200-тысячную армию. Сам султан выехал в Адрианополь (Эдирне). Здесь ему представилось посольство от Августа II и Речи Посполитой — мазовецкий воевода с 300 человек свиты. Все они были арестованы и посажены в тюрьму. Казалось, Карл одним письмом вернул себе утраченное влияние.

Но селяхдар, благополучно переживший султанский гнев, хотел не воевать за азовские и молдавские степи, а отнять у Венеции Морею⁸² и стать хозяином Венгрии. Для этих целей ему был необходим царь и совсем не был нужен Карл. Кёмюрджю открыто говорил, что следует выслать не только шведского короля, но и всех христианских послов в Стамбуле, которые являются, по сути, почетными шпионами, и что Турция нуждается лишь в торговых консулах, а не в посланниках. Почти все высшие чиновники Порты были ставленниками селяхдара, поэтому едва турецкое войско собралось в поход, во дворце слышались голоса, призывающие к миру.

Русский посол после долгих переговоров обещал, что царь отзовет свои войска из Польши. Главным камнем преткновения опять стал вопрос об отъезде Карла. Султан опасался возможного захвата короля по дороге в Швецию, если турецкий конвой будет слишком малочислен, и требовал гарантий. Русский и польский послы поклялись именем своих государей соблюдать безопасность проезда короля по Польше, но в свою очередь потребовали от Карла клятвы, что он не будет возбуждать в Польше беспорядков.

Измаил-паша отправился в Варницы и оповестил Карла о решении Порты, внушая ему при этом, что не следует медлить с отъездом. Карл невозмутимо ответил, что султан обещал ему войско, а не конвой и что монарх должен держать слово. Сераскир настаивал на том, что все обещания султана выполнены. Тогда Карл заявил ему, что не может уехать, не уплатив долги (хотя шведам вернули прежний таим, но расточительность Карла постоянно вынуждала Гротгузена занимать деньги у ростовщиков). Сераскир поинтересовался суммой долга. Карл ответил наудачу: 1000 кошельков золота (около 600000 далеров).

Измаил-паша доложил султану о своем разговоре. В ответ он получил письмо Ахмета:

«Цель этого высочайшего письма сообщить Вам, что по Вашей просьбе и

⁸² Морея — средневековое название Пелопоннеса.

представлению и по просьбе нашего высокородного Девлет-Гирея, хана при Нашей Высокой Порте, Наше Величество даровало тысячу кошельков шведскому королю, которые будут посланы в Бендеры под конвоем и охраной именитого Мехмета-паши для сохранения Вами до отъезда шведского короля, Бог да направит его шаги; тогда они должны быть ему выданы с прибавкой двухсот кошельков в знак Нашей щедрости, превышающей его просьбу.

Что же касается дороги через Польшу, по которой он решил ехать, то Вы оба, хан и Вы, которые должны его сопровождать, позаботьтесь принять столь благоразумные меры предосторожности, чтобы во время Вашего переезда войска, находящиеся под Вашей командой, и люди шведского короля не причинили никакого убытка и не сделали бы ничего такого, что могло бы быть истолковано как нарушение мира, существующего между Нашей Высокой Портой и Речью Посполитой; так что пусть король проезжает, как друг, под Нашим покровительством.

Ибо, ведя себя так, как Вы именно посоветуете ему, он получит все почести и уважение, должное Его Величеству, со стороны поляков, в чем нас уверили посланники короля Августа и республики, предлагая даже при этом условии себя, так же как и некоторых других благородных поляков, если Мы этого потребуем, заложниками в безопасности его проезда.

Когда настанет время отъезда, относительно которого Вы сговоритесь с высокородным Девлет-Гиреем, Вы станете во главе Ваших храбрых солдат, между которыми будут и татары во главе со своим ханом, и будете сопровождать шведского короля с его людьми.

Да направит Единый Всемогущий Бог Ваши и их шаги. Азлоский паша останется охранять Бендеры во время Вашего отсутствия с отрядом спаги⁸³ и янычар. Следуя всем Нашим приказаниям и предначертаниям во всех этих пунктах и статьях, Вы станете достойным продолжения наших милостей, равно как похвал и наград, следуемых тем, кто исполняет наши приказания».

Как только Измаил-паша известил Карла о содержании султанского письма, к нему явился Гротгузен и потребовал обещанные 1000 кошельков, ссылаясь на то, что иначе шведы не смогут приготовить экипажи для отъезда.

— Но ведь мы возьмем на себя все расходы по вашему отъезду, — возразил сераскир. — Вашему государю нечего тратить, пока он находится под покровительством султана.

— Существует такая разница между турецкими и европейскими экипажами, что нам придется обратиться к шведским и польским каретникам, — пояснил Гротгузен и уверил, что Карл готов уехать и что получение денег ускорит отъезд.

Измаил-паша, колебавшись, поверил Гротгузену и с одобрения хана отдал ему 1200 кошельков. Через несколько дней он приехал в шведский лагерь и самым почтительным образом спросил короля о дне отъезда.

— Я не готов к отъезду, и мне нужна еще тысяча кошельков, — был ответ (полученной Гротгузеном суммы в самом деле не хватило на то, чтобы покрыть все долги короля, но, скорее всего, Карл просто искал повода остаться, не замечая унизости своего положения).

Сerasкир потерял дар речи. Постояв у окна, он сказал со слезами:

— Я заплачу своей головой за то, что сделал одолжение твоему величеству. Я отдал тысячу двести кошельков вопреки ясному приказанию своего повелителя.

С этими словами он повернулся, чтобы идти. Карл остановил его:

— Я выпрошу для тебя прощение у султана.

Измаил-паша покачал головой:

— Мой господин не умеет прощать ошибки, он умеет их только наказывать.

⁸³ Спаги — легкая кавалерия, формировавшаяся из жителей Северной Африки.

Сераскир и хан откровенно написали султану о своем промахе, прося не рассматривать их поступок как неповиновение. Ахмет собрал диван и произнес речь, что вообще бывало крайне редко:

— Я знал шведского короля лишь по обращенной ко мне просьбе после полтавского поражения дать ему убежище в моей стране. Мне казалось, что я в нем совсем не нуждаюсь и не должен ни любить, ни бояться его. Тем не менее, без всяких других причин, кроме гостеприимства, свойственного каждому мусульманину, и моей щедрости, распространяющей росу своих милостей на великих и малых, на чужестранцев и моих подданных, я его приютил и помогал во всем как ему, так и его сановникам, офицерам и солдатам и не переставал в течение трех с половиной лет осыпать их подарками. Я ему назначил значительный конвой для сопровождения в его государство. Он потребовал тысячу кошельков для покрытия некоторых расходов, хотя все расходы покрывались мной. Вместо тысячи я пожаловал тысячу двести кошельков. Выманив их из рук бендерского сераскира, он требует еще тысячу и не желает вовсе уезжать под предлогом, что конвой слишком мал, между тем как он слишком велик для проезда через дружественную нам страну. Я спрашиваю, будет ли нарушением законов гостеприимства высылка этого государя и смогут ли иностранные державы обвинить меня в насилии и несправедливости, если я буду вынужден выслать его силой?

Диван подтвердил справедливость решения султана. Муфтий ⁸⁴ разъяснил, что гостеприимство не предписывается мусульманам по отношению к неверным, а тем более к неблагодарным, и издал фетву, освящающую насильственную высылку шведского короля.

Султан и Порта были уверены, что покончили с затянувшимся визитом неблагодарного гяура.

2

В конце декабря 1712 года Измаил-паша явился к Карлу с султанским указом и фетвой и спросил, уедет ли король добровольно; в противном случае сераскир угрожал применить силу и предостерег короля от такого бесчестья. Но грозить Карлу было лучшим способом заставить его делать обратное. Вне себя от гнева король сказал:

— Повинуйся своему господину, если смеешь, и убирайся вон. Мы подготовимся ко всему и силе дадим отпор силой.

Сераскир повернулся и бросил на ходу королевскому советнику Фабрициусу, находившемуся в комнате вместе с Карлом:

— Король не принимает никаких резонов. Ты скоро увидишь странные вещи.

По лицу Фабрициуса пробежала тень беспокойства и смущения. Карл с любопытством посмотрел на него и молча вышел.

Сераскир в тот же день прекратил выдачу шведам таима и снял от королевского дома почетный караул из янычар. Полякам и запорожцам было сказано, что если они хотят получать таим, то должны покинуть шведский лагерь и перейти под покровительство султана; они повиновались. С Карлом осталось 300 шведов.

В ответ на действия сераскира Карл приказал пристрелить за лагерем 25 арабских лошадей, подаренных ему султаном.

— Если они отняли у меня сено, то мне не нужны и их лошади, — сказал он.

Татары приволокли туши лошадей к себе и устроили настоящий пир.

Карл не на шутку готовился отразить нападение. Сначала он велел окружить лагерь валом, но мерзлая земля не позволила возвести правильные укрепления; тогда шведы стали

⁸⁴ Муфтий — высшее духовное лицо у мусульман-суннитов, дающее заключение (фетву) по вопросам соответствия шариату какого-либо государственного решения.

строить баррикады вокруг домов и подпирают двери бревнами. По окончании работ Карл осмотрел их и спокойно сел играть в шахматы с Гротгузенем.

Когда у шведов кончились припасы, король объявил, что сделает вылазку и добудет их. Фабрициус и другие приближенные с трудом предотвратили это предприятие, слишком уж напоминавшее сцену из жизни викингов, окруженных где-нибудь на Сене или Темзе. Чтобы выйти из положения, Фабрициус подкупил янычарскую охрану, которая после мнимого сопротивления пропустила в шведский лагерь еврейских и армянских торговцев.

Упрямство Карла, намеренно ведшего дело к кровопролитию, очевидцы и историки объясняли его самолюбием, сумасбродством, безумством и так далее, но причина его поведения, несомненно, заключалась не в этом. В любой саге говорится, что доблесть викинга состоит в том, чтобы не уступать, не признавать себя побежденным, не просить пощады или мира; в битве и в плену оставаться равнодушным к жизни и ее благам, презирать врагов и сохранять вид торжествующего победителя, ибо герой всегда исполнен сознанием победы — прошлой, настоящей или будущей. К тому же спокойная бендерская жизнь утомила Карла, его воинский инстинкт властно требовал хорошей драки, а явное неравенство сил только разжигало его удалство.

Переговоры продолжились. Турецкая и шведская стороны прилагали все силы, чтобы поправить дело; иностранные послы твердили Карлу об одном: надо покинуть Турцию. Но король оставался глух к уговорам, словно дело касалось не его. Он то утверждал, что султанский указ и фетва подложные и сераскир с ханом хотят выдать его Августу, то говорил, что уедет, как только получит деньги от султана или из Швеции. Когда уговоры чересчур досаждали ему, он забавлялся тем, что выезжал из лагеря и на полном скаку врзался в татарские пикеты, которые почтительно расступались перед ним.

Так прошел месяц. В конце января 1713 года из Стамбула пришел новый указ султана, в котором сераскиру и хану разрешалось не останавливаться перед кровопролитием в случае оказания шведами сопротивления. Если шведский король будет захвачен живым, говорилось в указе, его следует сопровождать как пленника в Салоники для отправки морем в Европу; если же он погибнет, то ни один мусульманин не будет виноват в его смерти. Указ сопровождался фетвой, где муфтий заранее прощал всякого правоверного, которому придется убить шведа.

Сераскир ознакомил Фабрициуса с новыми указом и фетвой, и тот поспешил к Карлу.

— Вы видели приказ, о котором говорите? — спросил его король.

— Да, ваше величество.

— Ну, так скажите им от меня, что это второй подложный приказ и что я вовсе не хочу уезжать.

Фабрициус пал к ногам короля, умоляя его внять голосу разума, потом рассердился и стал укорять его за упрямство. Карл слушал его со своей стереотипной улыбкой.

— Вернитесь к вашим туркам, — сказал он наконец. — Если они нападут на меня, я сумею защититься.

Турки и татары стали скапливаться вокруг шведского лагеря. Карл скакал от дома к дому, расставляя людей по местам, раздавая деньги и тут же производя в офицеры.

Среди янычар было заметно волнение. Они восхищались храбростью и щедростью Карла и уважительно называли его «демирбаш» («железная башка»). Вскоре от них явилась делегация, заявившая, что если король доверяет им, то они готовы поручиться за безопасность его проезда через Польшу; янычары даже выражали готовность прислать Карлу в заложники сыновей хана. Карл велел благодарить их, но посчитал их гарантии недостаточными.

После ухода янычар армейские пасторы предприняли попытку уговорить короля не проливать напрасно кровь шведов и не подвергать их басурманскому плену. Карл грубо оборвал их, сказав, что если они хотят проповедовать, то должны поискать для этого другое место, и что у него нет иного выбора, кроме битвы.

Когда турецкие войска построились в боевой порядок (по разным сведениям, в штурме

шведского лагеря участвовало от 14000 до 30000 человек с 12 пушками), сераскир в последний раз прислал агу с запросом, не одумался ли король. Генералы окружили Карла, призывая его прислушаться к их совету. Говоривший от имени всех генерал Дальдорф сказал, что офицеры всегда готовы пролить кровь за отечество (при этом он раскрыл грудь и показал следы ран), но теперь они должны сражаться не против врагов, а против друзей и благодетелей, что, безусловно, ляжет пятном на честь шведского имени.

Ответ их конунга напомнил им другие, первобытные понятия о чести:

— Прежде вы сражались как храбрые воины, а теперь вы говорите как трусы. Повинуйтесь вашему долгу и покажите себя такими, какими вы были.

Однако после первых пушечных выстрелов, давших сигнал к атаке, Гротгузен вырвал у Карла разрешение повидаться с ханом и сераскиром. Он пропел им старую песню, что король совсем не прочь удалиться, как скоро будет готов к отъезду, и прибавил, что «это может случиться в течение трех дней». Хан не поверил Гротгузену и потребовал немедленного прибытия Карла в турецкий лагерь. Гротгузен пытался возражать и, наконец, выведенный из терпения, сказал резкость. Вспыхнула ссора, и ему пришлось уехать ни с чем.

На обратном пути Гротгузен стал напоминать янычарам, что шведы им друзья, и, как мог, возбуждал в них подозрения относительно подлинности султанского указа. В это время Карл выехал на баррикады и обратился к янычарам с речью:

— Ну, друзья мои, вы пришли убить триста беззащитных шведов? Вы, храбрые янычары, простившие сто тысяч русских, когда они просили у вас пощады, вы забыли полученные от нас благодеяния? Неужели вы хотите убить шведского короля, столь любимого вами и который был столь щедр с вами? Друзья мои, он просит лишь трех дней отсрочки, а приказания султана не так строги, как вас уверяют.

Слова Карла возымели действие. Когда сераскир снова дал сигнал к атаке, янычары отказались выполнить его, ранили своего агу, призывавшего к порядку, и требовали, чтобы им показали указ султана. Измаил-паша вынужден был отвести их в Бендеры. Здесь ночью были схвачены 30 зачинщиков неповиновения и тайно брошены в Днестр. Наутро сераскир созвал янычарских старшин, показал им печать султана под указом и предложил самим склонить Карла к уступкам.

60 старшин без оружия и с белыми палочками в руках в знак миролюбия направились к шведскому лагерю. Они сказали Гротгузену, что просят короля довериться им и что они доставят его в любое место, какое он выберет. Янычары клялись своими бородами, что скорее дадут изрубить себя, чем допустят причинение Карлу обиды от кого-либо.

Карл даже не допустил к себе делегацию, велел ей убираться.

— Если они не уйдут, я велю спалить им бороды. Теперь пришло время биться, а не болтать.

Негодующие старшины возвратились в турецкий лагерь с известием, что Карл сошел с ума; одни из них требовали немедленного штурма, другие только качали головой:

— Железная башка, ах, железная башка...

В Карле неистовствовал берсеркер; его ноздри уже чуяли кровь, над головами своих солдат он уже видел валькирий, которые должны были доставить души павших на пир богов. Фабрициус отлично понял это. «Когда я узнал о случившемся, — пишет он, — мне стало совершенно ясно то, что я уже давно предчувствовал, то есть что король, упрямо отвергая все попытки к примирению, имел в виду довести дело до крайности и вызвать борьбу не для того, чтобы победить, что было невозможно, но только лишь для того, чтобы представить образчик такого боя, который бы потомству казался почти невероятным».

В воскресенье шведы собрались в зале королевского дома для слушания проповеди на текст Евангелия, где говорится о том, как Иисус Христос спокойно спал в лодке среди бури

на море. Вдруг послышались выстрелы и боевые крики янычар — штурм начался.

Шведы побежали к баррикадам. Карл с генералами скакал от одной баррикады к другой, ободряя солдат. Но сопротивления почти не было: не прошло и получаса, как все укрепления были взяты. Убитых было мало, шведы толпами сдавались в плен.

Карл с двадцатью драбантами и десятком слуг пробился к своему каменному дому; из генералов никто не последовал за ним. Когда он слезал с коня, один янычар схватил его за широкий отворот перчатки. Карл рванулся с такой силой, что упал навзничь. Два драбанта бросились ему на помощь и потащили в дом. Янычары открыли огонь из пистолетов, и несколько пуль оцарапали королю нос, бровь и ухо.

Как только Карл пришел в себя, он вновь хотел броситься из дома на толпу янычар. Драбант Рус успел схватить его сзади за ремень, но король расстегнул пряжку и побежал вниз по лестнице. У дверей Рус нагнал его и, обхватив руками, удержал в доме.

Между тем янычары проникли внутрь здания и разбрелись по залам в поисках добычи. Двенадцать шведов, запершихся в одной из комнат, впустили Карла с его людьми. Король тотчас распорядился разбаррикадировать другую дверь, ведущую в соседнюю комнату, полную турок, и выгнал их оттуда. Затем он произвел нападение на большой зал, где толпа янычар грабила серебряный сервиз и прочие драгоценности. Здесь разгорелась отчаянная рубка. Карл схватился сразу с тремя янычарами: заколол двоих и ранил третьего, который, однако, продолжал наносить Карлу сильные удары и даже ранил его пальцы под эфесом шпаги. В то время как Карл с трудом отбивался, к нему подбежал четвертый янычар, схватил за горло и прижал к стене, надеясь, что король сдастся. Но Карл успел окликнуть стоявшего неподалеку повара с пистолетом. Тот прострелил турку голову, а раненого янычара король заколол сам.

Зал был очищен от турок, и Карл устремился в свою спальню. Разграбившие ее турки уже ушли, и лишь в углу замешкались два янычара. Карл убил обоих.

Дом вновь оказался в его власти. Король расставил у окон драбантов и слуг, а сам стал обыскивать патронташи убитых и раздавать патроны защитникам, уверяя их, что если они продержатся до четырех часов утра, то добьются мира и такой славы, что изумят весь свет.

Перестрелка продолжалась три часа, к невыгоде турок, которые не были защищены укреплениями. Вольтер пишет, что шведы убили и ранили около 200 янычаров. Наконец янычарам надоело служить мишенями: они принялись громить дом ядрами. Шведы отошли от окон, что дало возможность туркам приблизиться и обложить дом бревнами и сеном; в крышу полетели стрелы с зажженной паклей. Вскоре пламя распространилось по всему верхнему этажу.

Карл со своими людьми побежал на чердак тушить огонь и сбрасывать вниз горящие балки. Шведы обнаружили наверху несколько бочонков, разбили их и вылили содержимое на пол. К их изумлению, пламя разгорелось еще сильнее — оказалось, что в бочонках была водка. Когда запылала лестница, ведущая на чердак, Карл, накинув на голову сюртук, спустился вниз.

Шведы беспомощно столпились в одной из зал. Скоро обрушился потолок, и его обломки ранили нескольких человек. Один драбант предложил покинуть дом, но Карл вскричал:

— Нет! Лучше нам здесь защищаться до последнего дыхания, как следует храбрым людям, и добыть бессмертную славу, чем сдаться неприятелю, чтобы несколько продлить жизнь! — и успокоительно добавил: — Впрочем, опасности еще нет никакой, пока не загорелись платья.

Видя, что его слова никого не убедили, он пообещал всех наградить, а двоих драбантов, Чаммера и Руса, произвел в полковники. В это время кусок потолка упал Карлу на голову. Удостоверившись в том, что опасность все-таки существует, король перешел в спальню, где потолок еще не горел. Здесь он протянул руку Русу:

— Дорогой Рус, будем защищаться с остатками наших людей, пока все не будет кончено.

Через все щели в спальню проникал едкий дым, и шведы стали подбегать к окнам, чтобы глотнуть свежего воздуха. Янычары открыли по ним огонь и ранили некоторых. Карл в гневе схватил карабин, застрелил одного турка и встал в проеме окна. Рус едва успел загородить его собой и, контуженный в голову, упал на руки королю.

Янычары предприняли новый штурм, но были отбиты ружейными залпами. Однако оставаться в спальне дальше не было никакой возможности — дверь горела, потолок и стены рушились, жар становился невыносим.

Очнувшийся Рус предложил проложить оружием дорогу в другой дом, где находилась канцелярия.

— Отлично сказано! — одобрил его слова Карл, потрепав драбанта по плечу. — Ребята, давайте выйдем и продолжим биться с турками!

Со шпагой в одной руке и пистолетом в другой король побежал через горящие комнаты к выходу, увлекая за собой остальных. Повторилась сцена из саги о Рольфе Краки, где сказано: «И взошли мужи конунга Адила и стали поленья класть в огонь, и огонь стал так силен, что у Рольфа и его двенадцати берсеркеров загорелись платья. И стали они допытываться, правда ли, что Рольф и его берсеркеры не боятся ни огня, ни железа. Тогда воспрянул Рольф Краки со всеми своими мужами и воскликнул:

— Умножим огонь в чертогах Адила!

И взял он свой щит, и бросил его в огонь, и побежал через огонь, пока горел щит, восклицая:

— Не боится огня тот, кто сквозь пламя бежит!

И то же сделали все его мужи, один за другим».

Когда шведы выбежали на улицу, каждый из них выстрелил из пистолетов и ружей, которые они держали в обеих руках. Турки на мгновение расступились, но потом со всех сторон бросились на них. Карл зацепился за что-то своими длинными шпорами и упал, сразу; исчезнув под телами навалившихся на него янычар. Он успел отбросить в сторону свою шпагу, чтобы не сдавать ее.

Янычары осторожно понесли его на руках, как больного, к сераскиру. Увидев, что все кончено, Карл сделался кротким и спокойным, а на его губах снова заиграла умиротворенная улыбка.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ШВЕЦИЮ

*«Измучен я! — суровый
Отвечивал герой, -
Но было бы мне ново
Просить о мире, — в бой!»*
Э. Тегнер. Фритьоф.

1

Сераскир с нетерпением ожидал Карла в своем шатре. Он принял короля с подобающими почестями и предложил отдохнуть на диване. Но Карл, не обращая внимания на его слова, молча стоял перед ним.

— Да будет благословен Всемогущий за то, что твое величество осталось в живых! — сказал сераскир. — Я полон глубокого отчаяния, что твое величество вынудило меня исполнить приказание моего повелителя султана.

Карл, раздраженный на своих солдат, резко ответил:

— Если б они защищались, как повелевал им долг, нас бы не взяли и в десять дней.

— Увы, вот дурно употребляемое мужество! — развел руками сераскир.

Он дал Карлу лошадь с дорогой попоной и велел янычарам отвезти его в Бендеры. По

дороге король видел своих солдат и офицеров: почти голые, связанные попарно, они уныло брели под турецким конвоем. Их имущество было разграблено, а сами они сделались рабами янычар. Таким образом, *ни один* швед из той 50-тысячной армии (включая остатки корпуса Левенгаупта), которая некогда вторглась в Россию, в конце концов не избежал смерти или плена.

В Бендерах сераскир уступил Карлу свои покои и приказал обращаться с ним не как с пленником, а как с гостем; однако у дверей королевской комнаты был выставлен янычарский караул. Королю приготовили постель, но он, не снимая сапог, рухнул на диван и заснул глубоким сном.

На другое утро к нему явились Фабрициус и Гротгузен, выкупленные сераскиром у янычар. Они нашли короля все в том же разорванном платье, которое, как и его лицо, руки, сапоги, было покрыто пороховой копотью и запекшейся кровью; ресницы и брови Карла были обожжены, но его взор был ясен и спокоен.

Фабрициус опустил перед ним на колени и не мог вымолвить ни слова. Карл ласково успокоил его, и они, смеясь, разговорились.

— Правда ли, что ваше величество, как говорят, собственноручно убили дюжину янычар? — поинтересовался Фабрициус.

— Ладно, ладно! — довольно улыбнулся Карл. — Такие вещи всегда преувеличивают вдвое.

Он распорядился выкупить остальных шведов и, по возможности, их имущество. Фабрициус взялся уладить это дело с помощью европейских послов. Когда на следующий день турки повезли короля в Адрианополь, его уже сопровождали многие шведские офицеры и драбанты. Многие из них, глядя на Карла, ехавшего в повозке, покрытой красным сукном, не могли сдержать слез.

Турецкий конвой возглавлял сам сераскир. Фабрициус подъехал к нему и попросил вернуть королю шпагу.

— Боже меня сохрани! — ужаснулся сераскир. — Он тут же захочет всем нам обрезать бороды!

Все же несколько часов спустя король получил свою шпагу.

Через несколько дней пути сераскир сообщил Карлу, что он теперь не единственный король-пленник, находящийся в Турции: место Карла в Бендерах занял Станислав.

В Европе давно острили, что половина Польши не признает Станислава, а другая половина ему не повинуется. После возвращения в Варшаву Августа Станислав уехал в шведскую Померанию, чтобы, как говорит Вольтер, «защитить если не свое государство, то государство своего благодетеля», и даже побывал в Швеции, где пытался организовать десант в Померанию и Ливонию. Но шведское правительство ограничилось тем, что послало флот блокировать побережье Финляндии и Прибалтики.

Вообще же Станислав больше хлопотал об отречении от престола, чем раньше о его получении, и так как Карл неизменно отвечал отказом на его письменные просьбы сложить с себя польскую корону, он решил встретиться с ним лично и убедить в необходимости такого шага. Однажды вечером он покинул лагерь шведской армии в Померании и с двумя спутниками отправился в Бендеры, приняв имя майора шведской службы француза Гарана. Ему удалось благополучно пробраться через Польшу, но в Яссах он был арестован господарем, раскрывшим его инкогнито, и отправлен в Бендеры.

С разрешения сераскира Фабрициус вернулся в Бендеры, чтобы от имени Карла переговорить со Станиславом. В нескольких верстах от города он встретил в толпе янычар одетого по-французски офицера на довольно плохой лошади и обратился к нему с вопросом, где находится польский король.

— Как? Вы меня не помните? — с грустным удивлением сказал Станислав.

Фабрициус, прозрев, рассыпался в извинениях и любезностях. Однако то, что он сказал потом, только прибавило печали Станиславу:

— Его величество шведский король велел передать вашему величеству, чтобы вы

никогда не заключали мира с королем Августом, так как в самом скором времени наши дела поправятся.

2

Жители Адрианополя встретили Карла негодующими криками, в которых, однако, наряду с осуждением сквозило и удивление. Разгневанный султан угрожал отправить его на один из островов Архипелага; эта же участь грозила и Станиславу. Понятовский и Дезальер в это время находились в Стамбуле, а шведы, приехавшие с султаном в Адрианополь, были арестованы. Султанский трон оказался недоступен для сторонников Карла.

В это время маркиз де Фьервиль, присланный Людовиком XIV в Адрианополь для поддержания сношений с Карлом, решил, что может оказать ему услугу. Он написал письмо от имени Карла, в котором просил султана отомстить сераскиру и хану за оскорбления, нанесенные в его лице всем коронованным особам, и заодно обвинял визиря и прочих сановников в том, что они, будучи подкуплены русскими, препятствовали доставке султану королевских писем и выманили у него указ, противоречащий законам гостеприимства и международному праву.

Это письмо нужно было перевести на турецкий язык и написать особой вязью на специальной бумаге, что являлось непременным условием подачи деловых бумаг в султанскую канцелярию. Фьервиль обратился к нескольким переводчикам, но дело Карла казалось таким безнадежным, что ни один из них не осмелился взяться за него. Наконец нашли какого-то иностранца, чей почерк был неизвестен Порте; он согласился переписать документ за большое вознаграждение и при условии сохранения в тайне его участия. Шведский офицер барон д'Арвидон подделал подпись Карла, а Фьервиль, имевший королевскую печать, запечатал письмо шведским гербом. Доставить бумагу султану вызвался французский дворянин Виллелонг, авантюрист, приехавший в Турцию, чтобы поступить на службу к шведскому королю.

Виллелонг знал, что рискует головой. Селяхдар и визирь перекрыли все подступы к султану, приказав арестовывать даже тех, кто хотел подать прошение во время поездки султана в мечеть. Но вручить письмо лично султану можно было только этим способом. Виллелонг переоделся греком, спрятал письмо за пазуху и в одну из пятниц встал возле мечети, изображая из себя сумасшедшего.

Когда показался султанский кортеж, Виллелонг, приплясывая, приблизился к нему. Янычары хотели прогнать его, но он упал на колени и стал сопротивляться. Во время этой борьбы с его головы упала шляпа, и длинные волосы выдали в нем европейца. На Виллелонга со всех сторон посыпались удары и пинки.

К счастью, султан, услышав шум, осведомился о его причине. Янычары расступились, и Виллелонг изо всех сил закричал: «Аман! Аман!⁸⁵» — и вытащил из-за пазухи письмо. Султан велел отпустить его. Виллелонг подбежал к нему, поцеловал стремя и подал письмо, сказав по-турецки:

— Это шведский король тебе посылает.

Султан взял письмо и поехал дальше, приказав пока что посадить Виллелонга под арест в одной из комнат дворца.

Дальнейшее известно только по воспоминаниям самого Виллелонга, который заверял честью достоверность своего рассказа. Султан прочитал письмо и решил лично допросить Виллелонга. Для этого он переоделся янычарским офицером и, взяв с собой переводчиком старика мальтийца, вошел к арестованному. Беседа продолжалась четверть часа. Понимая, что только смелость может спасти его, Виллелонг сделал вид, что не узнал султана, и

⁸⁵ Милосердия! Милосердия! (*тур.* aman).

говорил совершенно свободно и откровенно, со всей возможной убедительностью повторив все обвинения, изложенные в письме. Ахмет внимательно выслушал его.

— Христианин, будь уверен, что мой повелитель, султан, имеет справедливую душу. Если все, что ты сказал, правда, то шведский король получит удовлетворение, — сказал он.

Виллелонг вскоре был освобожден, а через несколько недель произошел дворцовый переворот, который, несомненно, явился результатом этой беседы. Великий визирь Юсуф-паша был заменен Сулейманом-пашой, муфтий был смещен, хана сослали на остров Родос, а бендерского сераскира — на один из островов Архипелага. Однако последующее отношение султана к Карлу позволяет предположить, что эти опалы скорее исходили от селяхдара и лишь случайно послужили интересам шведского короля. Фьервиль, кстати, совсем не связывал их со своим письмом.

Карла поселили в Демирташе, небольшом городке возле Адрианополя. Толпа жителей встретила его у отведенного ему замка, но Карл не пожелал, чтобы его видели пленником, и велел перенести себя в замок на диване; как только его вынесли из кареты, он накрыл голову подушкой.

Диван поставили в замке, однако король так и не встал с него. Опасаясь, что его все-таки вышлют из Турции, он притворился больным и оставался в постели с 6 февраля 1713-го по 1 октября 1714 года. Селяхдар, раскусивший характер Карла, не слишком обеспокоился этим заболеванием и сказал Сулейману-паше:

— Иди и предупреди шведского короля, что он может оставаться в Демирташе всю свою жизнь. Я ручаюсь, что тогда не пройдет и года, как он сам попросится уехать, но не позволяй ему иметь деньги.

3

После сражения при Гельсинборге Стенбок еще некоторое время поддерживал репутацию шведской армии. Он защищал как мог Померанию и Бремен, но не сумел помешать саксонцам и датчанам осадить Штаде, крупный город, расположенный в низовьях Эльбы. Штаде подвергся бомбардировке и был превращен в руины, прежде чем Стенбок подоспел на помощь гарнизону.

При приближении шведской армии датчане и саксонцы, несмотря на перевес сил (20000 союзников против 12000 шведов), отступили в герцогство Мекленбургское. Стенбок, придерживавшийся правила «чем раньше напасть на врага, тем лучше», устремился за ними в погоню и 20 декабря 1712 года настиг их около города Гадебуш.

Противников разделяло болото. Ополченцы Стенбока вновь храбро атаковали неприятеля и через три часа кровопролитнейшей схватки заставили союзников отступить.

В этом сражении получил боевое крещение Мориц Саксонский, сын Августа II и Авроры Кенигсмарк (впоследствии он стал герцогом Курляндским и одним из наиболее знаменитых полководцев Европы, спасителем Франции в битве при Фонтенуа⁸⁶ и завоевателем Фландрии; он одним из первых оценил значение редутов в битве под Полтавой и неоднократно с успехом применял инженерные укрепления в полевых сражениях). Под Гадебушем он командовал полком и под ним была убита лошадь. Мориц рассказывал Вольтеру, что шведы все время сохраняли свои ряды и даже тогда, когда исход сражения был уже решен, ни один шведский солдат не покинул строй, чтобы обобрать трупы врагов, пока не был совершен благодарственный молебен.

В отместку за разрушение Штаде Стенбок решил сжечь Альтону, город на нижней

⁸⁶ Фонтенуа — город в Бельгии, где 11 мая 1745 г, в ходе войны за австрийское наследство французская армия под командованием Морица Саксонского (около 40000 человек) нанесла поражение англо-голландско-ганноверским войскам герцога Камберлендского и фельдмаршала Кёнигсберга (свыше 50000 человек), предупредив тем самым их вторжение во Францию.

Эльбе, которым владела Дания. Этот поход шведов очень приветствовал Гамбург, соперничавший в торговле с Альтоной.

Окружив город, Стенбок через трубача велел передать жителям, что они могут взять с собой все, что способны унести, так как их город будет разрушен до основания. Члены магистрата умоляли его пощадить Альтону и предлагали выкуп, но Стенбок намеренно назвал такую высокую сумму, которую город заведомо не мог выплатить.

В ночь на 9 января 1713 года шведы с зажженными факелами вступили в предместья Альтоны. Сильный ветер за считанные минуты разнес пламя по всему городу. Альтона горела с полуночи до 10 часов утра; когда пламя утихло, на месте цветущего города осталось лишь пепелище.

Горожане, собравшись в группы на обледенелых холмах, с плачем наблюдали гибель своих жилищ. Сильный холод заставил их идти к Гамбургу, где они надеялись найти кров. Но гамбургцы не открыли им ворота, сославшись на заразную болезнь, незадолго перед тем посетившую Альтону, и оставили несчастных погорельцев мерзнуть у ворот до утра. Эта ночь стала последней для многих альтонцев, взрослых и детей, погибших от холода.

Вся Германия протестовала против бесчеловечной экзекуции, которой подверглась Альтона. Стенбок получил множество писем от государственных и частных лиц, осуждавших его жестокость. В официальном заявлении Стенбок нагло оправдывал свои действия тем, что «позволил себе эти крайние меры лишь для того, чтобы научить врагов своего повелителя-короля не вести впредь войну варварским способом и уважать права людей», так как датчане и саксонцы «наполнили Померанию своими жестокостями, опустошили эту прекрасную область и продали более ста тысяч жителей в рабство туркам»; поэтому «факелы, превратившие Альтону в пепел, были возмездием за раскаленные ядра, которые сожгли Штаде».

Разорение Альтоны стало последним викингским подвигом Стенбока. В мае 1713 года он капитулировал со всей армией в Голштинии.

Швеция теряла свои последние провинции. Померанию рвали на куски датчане, пруссаки, саксонцы, ганноверцы; почти вся Финляндия перешла под власть России. «Эта страна нам вовсе не нужна, — писал Петр, — но надобно занять ее для того, чтобы при мире было что уступить шведам». Шведские гарнизоны оставались лишь в Штральзунде и на острове Рюген.

4

Карл так упорно продолжал «болеть», что действительно серьезно расстроил свое здоровье неподвижным образом жизни. 11 месяцев он провел в совершенном бездействии и забвении. Во всей Европе его считали умершим; в Стокгольме о нем не получали никаких известий и не знали, что думать. Один поэт даже написал стихотворение, в котором уверял, что Господь таким образом наказывает шведский народ за его грехи. Наконец сенат в полном составе явился к Ульрике Элеоноре и предложил ей возглавить регентство. Она вначале согласилась, но затем, увидев, что сенаторы во что бы то ни стало хотят заключить мир с Россией, сложила полномочия, написала брату подробный отчет и наудачу отослала его в Турцию.

Карл смотрел на сенат как на толпу слуг, которые хотят управлять поместьем в отсутствие хозяина. «Во время тридцатилетнего, строгого и неограниченного правления, в продолжение которого свобода печати и слова была подавлена, в Швеции вышло из обычаев у подданных — говорить чистую, неподкрашенную правду, у королей — выслушивать ее, а у тех и у других — принимать ее к сердцу», — пишет Фриксель. Вскоре в Стокгольм пришло письмо, содержавшее уже упомянутое обещание Карла прислать царствовать свой сапог, у которого сенаторы должны будут спрашивать позволения на те или иные поступки. Сенаторы выразили свой верноподданныческий восторг: значит, король жив!

Между тем надежды на вовлечение Турции в новую войну с Россией становились все призрачнее. Сулеймана-пашу сменил Ибрагим-молла, который вскоре был втихомолку задушен. Место великого визиря стало настолько хлопотным и опасным, что в течение полугода никто не осмеливался его занять. Наконец селяхдар решил облегчить всем жизнь и потребовал его для себя.

Карл понял, что теперь его лежание на диване может продлиться до скончания века, и весной 1714 года стал поговаривать об отъезде в Швецию. Дезальер передал эти слова великому визирю. Кёмюрджю усмехнулся:

— Ну что же, разве я не говорил, что не пройдет и года, как шведский король захочет уехать? Скажите ему, что он может по своему желанию либо уехать, либо остаться; но если он решит уехать, то пусть твердо назначит день отъезда и не устраивает нам здесь таких же хлопот, как в Бендерах.

Все лето шведы провели в сборах и поисках денег. Гротгузен занимал у кого только было можно; он обратился и к визирю, но тот был неумолим:

— Султан умеет дарить, когда хочет, но ниже его достоинства давать взаймы. Твоего короля снабдят всем необходимым. Может быть, Высокая Порта и подарит ему золото, но на это нечего точно рассчитывать.

1 октября все было готово к отъезду. Султан подарил Карлу просторную алую палатку, вышитую золотом, саблю с драгоценной рукоятью и 8 арабских лошадей в роскошной сбруе; шведскому отряду были выделены 60 повозок с припасами и 300 лошадей. На радостях султан даже обещал покрыть долги короля, правда, лишь капитал, но не проценты, так как ростовщичество по мусульманским законам было запрещено. Карл счел последнее предложение султана оскорбительным и предложил кредиторам ехать вместе с ним в Швецию, обещая заплатить им сполна, включая дорожные расходы. Многие ростовщики приняли его предложение и действительно приехали в Стокгольм, где сенат позаботился, чтобы им заплатили причитающуюся сумму.

Турки хотели везти Карла не спеша, маленькими переходами, чтобы показать ему свое уважение. Но Карл вставал в три часа утра, будил янычар и приказывал выезжать. Своему окружению король говорил, что таким образом мстит туркам за бендерское дело.

В Тарговицах, на границе Трансильвании, у Карла кончились деньги, и он послал драбанта с векселем к австрийскому пограничному коменданту. В ожидании денег король придумал себе следующую забаву. Местные виноградники были обнесены изгородями с такими узкими калитками, что лошадь едва проходила в них. Карл предложил спутникам проскакивать в эти калитки во весь опор. Он занимался этим целыми днями и один раз так прочно застрял в калитке, что пришлось ломать забор, чтобы освободить его коня.

Получив деньги, Карл отпустил турецкий конвой и весело заявил свите, что дальше он поедет с одним провожатым. Местом встречи он назначил Штральзунд, расположенный в 1200 верстах от Тарговиц. Король надел черный парик, шляпу с золотым галуном, серый камзол, синий плащ и под именем немецкого офицера покинул испуганную свиту.

Его сопровождал молодой драбант Дюринг. К концу первого дня пути он так измучился, что упал в обморок на одной из почтовых станций, где они меняли лошадей. Когда он очнулся, Карл спросил, сколько у него с собой денег. Дюринг ответил, что около 1000 далеров.

— Дай мне половину, — сказал Карл. — Я прекрасно вижу, что ты не в состоянии следовать за мной. Я доеду и один.

Дюринг умолял дать ему три часа отдыха, после чего обещал не отставать от короля. Но Карл настоял на своем. Тогда Дюринг сказал станционному смотрителю, что его спутник приходится ему двоюродным братом, и попросил выдать ему лошадь похуже, а самому Дюрингу через три часа приготовить экипаж с отдохнувшими лошадьми, чтобы он мог нагнать родственника. Он сунул смотрителю два червонца, и тот согласился выполнить его просьбу. Карлу дали прихрамывавшую лошадь, на которой он и уехал поздно вечером, несмотря на снег с дождем. Дюринг отоспался и на рассвете в коляске нагнал короля: Карл

бросил лошадь и добирался пешком до ближайшей станции. Дюринг окликнул его; Карл забрался в коляску и сразу уснул. Дальше они ехали вдвоем.

Несмотря на инкогнито, Карл выбирал для проезда только те земли, которые не находились под властью союзников. За 16 дней он проехал Трансильванию, Венгрию, Австрию, Баварию, Вюртемберг, Вестфалию, Мекленбург, Гессен, Франкфурт и Ганновер, нигде не останавливаясь, и 21 ноября в час ночи постучался в ворота Штральзунда. Часовому Карл сказал, что он курьер шведского короля и что у него спешное дело к коменданту Дукеру. Часовой возразил, что уже поздно, комендант спит и курьеру придется подождать до рассвета. Карл настаивал, что дело важное и что если его не пропустят сейчас же, то завтра весь караул будет наказан за промедление. Часовой передал эти слова сержанту, который почел за благо все-таки разбудить коменданта. Дукер принял «курьера» в постели и спросил его, что слышно о короле.

— Что это, Дукер? — улыбнулся Карл. — Самые верные мои подданные меня забыли?

Дукер выпрыгнул из постели и со слезами обнял его колени. Новость мгновенно разнеслась по городу; горожане высыпали на улицы. Отовсюду слышался один и тот же вопрос: «Правда ли, что король здесь?» Город озарился иллюминацией и светом тысяч факелов, орудия гремели, не умолкая.

Короля отвели в спальню. Оказалось, что у него нет нижнего белья, а его ноги так распухли, что пришлось разрезать ботфорты. Немного поспав, Карл отправился осматривать городские укрепления и в тот же день издал указ о возобновлении более активных, чем когда-либо, военных действий против Августа и Петра.

Одновременно с Карлом Турцию покинул и Станислав. Он поселился в герцогстве Цвейбрюккен (рядом с Эльзасом), принадлежавшем Швеции со времен Карла X. Союзники не возражали против передачи ему доходов с этой области (около 70000 экю в год), поскольку свои владения в Польше Станислав потерял из-за упрямства Карла, не позволившего ему помириться с Августом⁸⁷. «На этом закончилось столько проектов и надежд!» — восклицает Вольтер.

5

В апреле 1715 года 36-тысячная датско-пруско-саксонская армия осадила Штральзунд. Напрасно Дукер уговаривал Карла отплыть в Швецию; с тех пор как король лишился армии, он пристрастился к калабалам, то есть к заведомо безнадежной обороне приглянувшихся ему мест. Он назначил принца Гессен-Кассельского Фридриха, недавно женившегося на Ульрике Элеоноре, генералиссимусом шведских войск, а сам приготовился отстаивать последний шведский оплот на материке.

Для блокады Штральзунда с моря союзникам надо было овладеть островом Узед, где у шведов находились два форта: Свиноуйсьце на востоке и Пенемюнде на западе. Их охраняли всего 250 солдат под началом старого полковника Кузе-Слерпа.

4 августа пруссаки высадили на острове десант — 1500 пехотинцев и 800 драгунов. Кузе-Слерп решил не защищать форт Свиноуйсьце и сосредоточил весь свой отряд в Пенемюнде.

К пруссакам прибыли артиллерия и подкрепление, увеличившее их силы до 2500 человек пехоты и 1200 кавалерии. Они начали обстреливать форт из мортир и закладывать траншеи. Карл смог подкрепить Кузе-Слерпа только своим письмом: «Не стреляйте, пока неприятель не подойдет к краю рва; защищайтесь до последней капли крови. Предоставляю Вас Вашей судьбе».

⁸⁷ Станислав жил в Цвейбрюккене до смерти Карла XII, после чего эта область отошла к одному из принцев пфальцграфского дома, а Станислав переехал в город Вейссембург во французском Эльзасе.

22 августа пруссаки пробили брешь в стене, засыпали ров и пошли на приступ. Кузе-Слерп свято выполнил приказ короля и открыл огонь, когда неприятель подошел к укреплениям чуть ли не вплотную. Противники дрались с большим остервенением; Кузе-Слерп выполнил и вторую часть королевского приказа, он сам, все его офицеры и половина солдат погибли, остальные сдались в плен.

Теперь союзники принялись за сам Штральзунд. Гарнизон города насчитывал 9000 человек, а подойти к нему с суши можно было только по узкой мощеной дороге, защищаемой фортом с цитаделью. Карл заявлял, что не понимает, как эта хорошо укрепленная, снабженная достаточным количеством припасов крепость может быть взята.

Первая траншея перед фортом была вырыта в ночь на 20 октября. Приблизиться к городу союзникам помог случай. Укрепления, прикрывающие Штральзунд с суши, казались неприступными: с запада к ним подходило болото, а с востока — Балтийское море. Атака в лоб по дороге была заранее обречена на неудачу. Однако один шведский перебежчик подал саксонскому генералу Вакербарту удачную мысль. Оказалось, что при западном ветре море под стенами форта мелеет (перебежчик обнаружил это, когда однажды упал со стены в роду, и был поражен тем, что нащупал нотами дно). Шведы не подозревали об этом и считали себя полностью защищенными с этой стороны.

На другой день, в полночи, когда продолжал дуть западный ветер, 2000 саксонцев демонстративно пошли в атаку по дороге, а 1800 человек во главе с полковником Копленом по горло в роде тихо подошли к стенам со стороны моря. Шведы поддались на уловку и сосредоточили все силы против лобовой атаки. Поэтому, когда солдаты Коплена, как 33 богатыря, вышли из моря, они не встретили почти никакого сопротивления. В форте началась резня, и шведы побежали к городскому подъемному мосту, который Дукер приказал опустить, чтобы дать доступ в город беглецам. Комендант в темноте не заметил, что саксонцы сели на плечи отступавшим и грозят вместе с ними ворваться в Штральзунд. Опасность обнаружили только в тот момент, когда два саксонских офицера и четыре солдата вбежали на мост. Дукер велел срочно поднять его, и саксонцы кубарем вкатились в ворота, где были тотчас взяты в плен. На этот раз город был спасен. Но саксонцы захватили в форте 24 пушки, которые направили на город, и приступили к непрерывным бомбардировкам.

15 ноября союзники высадили на остров Рюген, прикрывавший Штральзунд с севера, десант из 12000 человек под командованием принца Ангальтского. Карл присоединился к 2-тысячному шведскому гарнизону, укрепившемуся в форте Альтфер, в 12 верстах от места десанта.

Принц Ангальтский, по примеру древних римлян, приказал окружить свой лагерь укреплениями — рвом с рогатками, которые казались ненужными ввиду подавляющего превосходства в силах над шведами; однако эта предосторожность оказалась совсем не лишней.

Карл ночью задумал возглавить вылазку. Шведы бесшумно подошли к неприятельскому лагерю и стали выкапывать рогатки. Часовые заметили их и подняли тревогу. Карл дал сигнал к атаке и первым устремился вперед, но ров заставил его остановиться.

— Возможно ли это! Я этого не ожидал! — воскликнул он, простодушно выдав свое безмерное презрение к противнику.

Король прыгнул в ров, подав пример нескольким десяткам смельчаков. Они вскарабкались наверх по плечам друг друга и побежали к лагерю; остальные шведы, наскоро забросав ров рогатками, землей и трупами убитых, последовали за ними. В лагере закипел бой. Атака шведов облегчалась тем, что обе стороны не знали о численности противника, но вскоре превосходство союзников дало себя знать и шведы были сброшены в ров.

На равнине Карл собрал своих солдат и вновь повел их против вышедших из лагеря войск принца Ангальтского. Сражение возобновилось с удвоенным упорством. Любимцы короля — Гротгузен и Дальдорф — упали возле него смертельно раненные, драбант Дюринг, сопровождавший Карла из Тарговиц в Штральзунд, был убит у него на глазах. Сражаясь,

Карл перешагнул через тело Дальдорфа, который еще хрипел. Самого короля узнал один датский поручик; он схватил одной рукой эфес королевской шпаги, другой — волосы Карла и закричал:

— Сдавайтесь, ваше величество, или я вас убью!

Карл успел левой рукой вытащить из-за пояса пистолет и в упор выстрелил в поручика. Но имя короля привлекло толпу датчан. Один из них выстрелил в него из ружья и попал под левый сосок; пуля скользнула по ребрам, оставив неглубокую рану, которую сам Карл назвал контузией. Король удержался на ногах, однако его гибель казалась неминуемой. На этот раз Карла выручил Понятовский, прорвавшийся к нему сквозь толпу врагов и предложивший своего коня.

Шведы отступили к форту Альтфер и заперлись в нем. Карл в этот же день переправился в Штральзунд, а гарнизон Альтфера капитулировал через два дня.

Среди пленных были солдаты того несчастного французского полка, который после битвы при Фрауэнштадте перешел на шведскую службу. На Рюгене им командовал Виллелонг, оказавший услугу Карлу в Турции. Французы продолжили свои мытарства, перейдя под начало сына принца Ангальтского, ставшего их четвертым начальником.

Теперь Карл оказался запертым в Штральзунде, без всякой надежды на помощь извне. Король выдерживал осаду со своим обычным героизмом: делал ночные вылазки и в мундире рядового участвовал во всех схватках; до 9 декабря он спал на голой земле рядом с городскими воротами, подвергаясь смертельной опасности из-за постоянного артиллерийского обстрела (потом путешественникам еще долго показывали камень, на который он преклонял голову).

Однажды бомба пробила крышу его дома и влетела в комнату, соседнюю с кабинетом, где Карл диктовал своему секретарю. Тот в ужасе выронил перо.

— Что случилось? — спокойно спросил король. — Отчего вы не продолжаете писать?

— Ах, ваше величество, бомба...

— Какое же отношение бомба имеет к письму? Пишите дальше, — потребовал Карл.

С королем находился французский посланник подполковник Кольбер, граф Круасси, родственник знаменитого министра Людовика XIV. «Послать человека в траншею или послом к Карлу XII было почти одно и то же», — замечает Вольтер. Король держал его часами в самых опасных местах и не прерывал беседы с ним, хотя вокруг падали люди. Кольбер ни разу не дал понять Карлу, что могут быть более подходящие места для деловых разговоров. Этим он приобрел право спать с королем на одном плаще и говорить с ним вполне свободно. Карл поощрял подобную смелость в тех, кого любил. Когда король хотел вызвать его на откровенность, то говорил на латыни: «*Veni maledicamus de rege*» («Пойдем, позлословим о короле», т. е. о самом Карле).

К декабрю гарнизон Штральзунда уменьшился на две трети; союзные войска утвердились у городских ворот. 15 декабря последовал штурм кронверка⁸⁸. Дважды союзники овладевали укреплениями и дважды были отброшены. Карл находился среди своих гренадер и бился наравне со всеми. Наконец многочисленность союзников взяла верх.

Со дня на день в городе ожидали генерального штурма. Офицеры просили Карла оставить Штральзунд. Король отказывался до тех пор, пока ему не доказали, что бежать из Штральзунда не менее опасно, чем оставаться в нем и ждать штурма: выход к Балтийскому морю покрылся льдом, в гавани Штральзунда имелось только несколько небольших кораблей, а с моря город блокировали датский и русский флоты.

Ночью 20 декабря Карл с 10 драбантами и офицерами сел в шестивесельную шлюпку и покинул Штральзунд, который капитулировал на следующий день. Путь шлюпке приходилось прокладывать ломами и топорами. Утром беглецов заметили союзники и

⁸⁸ Кронверк — вспомогательное наружное укрепление, состоявшее из бастиона и двух полубастионов на флангах, возводившееся перед главным валом крепости.

открыли по ним огонь: один человек из свиты Карла был убит и несколько ранены. Через 12 часов король добрался до моря и пересел на старую бригантину, которой командовал капитан Кристоферс (позже он был возведен в дворянское звание под именем Анкаркрона). На этом приключения не закончились. Когда королевское судно проплывало мимо Рюгена, где датчане возвели 12-пушечную батарею, один вражеский выстрел снес мачту, а другой убил двоих спутников Карла.

Наконец в ненастную ночь бригантина бросила якорь у шведского берега близ Треллеборга⁸⁹. Карл должен был до утра укрываться под скалой, чтобы переждать дождь со снегом. На заре блудный викинг узнал берег, от которого 15 лет назад он отплыл, полный веры в себя и свою судьбу, в поход против «русского волшебника».

6

Ко времени возвращения Карла в Швецию Европа была уже другой. Вместе со шведским королем возможность предписывать ей свои законы потерял и Людовик XIV. Война за испанское наследство закончилась победой коалиции и неслыханным разорением Франции.

Катастрофа, постигшая Людовика, казалась современникам еще более невероятной, чем крушение могущества Карла. Величие французского короля ослепляло, как солнце, которое он избрал своей эмблемой, а высокая репутация его армии, завоеванная многочисленными победами, не позволяла сомневаться в успехе всех начинаний Людовика.

В действительности же силы Франции были подорваны непрерывными войнами. Страна еще дала Людовику армию в 200000 человек, но это были ее последние солдаты, шедшие в бой без всякого энтузиазма: французы пресытились славой. Великие маршалы Людовика, сделавшие французскую армию непобедимой, — Конде, Тюренн, Люксембург — давно сошли в могилу, а достойной замены им не нашлось. Карьера новых генералов делалась больше на паркете Версаля, чем на полях сражений. Самому королю было уже под семьдесят, и хотя он не утратил интереса к *son délicieux métier de Roy*⁹⁰, но его былая энергия все больше тратилась на мелочи, а его ум и воля все охотнее подчинялись сладостному всевластию госпожи де Ментенон⁹¹.

Военные действия открылись в 1702 году сразу на четырех фронтах. В Италии австрийские войска возглавлял принц Евгений, один из самых замечательных полководцев XVIII века. Он происходил из савойского дома, традиционно враждовавшего с Австрией; однако именно Евгений сделал для укрепления могущества Габсбургов так много, как никто другой. Родившись в Париже, он получил воспитание, превратившее его в совершенного француза. Из-за слабого сложения и здоровья его готовили к духовному званию, поэтому парижане знали его как *l'abbé de Savoie*⁹². Сам Евгений питал отвращение к богословию: по вечерам, отбросив молитвенник, он поглощал Плутарха. Когда настало время надевать сутану, он попросил у Людовика XIV место во французской армии. Король с презрением ответил, что его вовсе не считают способным к военной службе.

С ненавистью в сердце Евгений покинул Париж и уехал в Вену, где легко получил

⁸⁹ Место высадки Карла XII отмечено скромным памятником.

⁹⁰ Своему прелестному ремеслу монарха (*фр.*).

⁹¹ Ментенон Франсуаза, маркиза, де (1635-1719) — вторая жена Людовика XIV (король сочетался с ней тайным браком в 1684 г.). Имела большое влияние на короля.

⁹² Савойского аббата (*фр.*).

офицерский диплом. Победы над турками и спасение австрийской столицы доставили ему громкую славу; император Леопольд назначил Евгения главнокомандующим австрийских войск. В войне за испанское наследство Евгений убедительно доказал Людовику XIV, что он способен к военному делу. Его гений был во многом схож с гением Наполеона. Принц не признавал никаких устоявшихся военных правил, действовал с молниеносной быстротой и стремился нанести решительный удар противнику большими массами войск. Крови солдат Евгений не щадил, каждая его победа была куплена весьма дорогой ценой; зато и сам он проявлял безумную храбрость. Он дал 13 больших сражений и в каждом из них участвовал как рядовой, находясь в первых рядах своих солдат; его тело было испещрено десятками шрамов. Но вне военного лагеря, в отличие от Наполеона, Евгений не блистал никакими талантами.

Кампания в Италии началась успешно для австрийцев. Французскими войсками здесь командовал маршал Вилльруа, ставленник госпожи де Ментенон. Два качества — личная храбрость и бездумная исполнительность, — одинаково бесполезные для полководца, если они не подкреплены по крайней мере боевым опытом, доставили Вилльруа эту должность. По требованию Людовика XIV он дал сражение принцу Евгению, был разбит и попал в плен.

Место Вилльруа занял Вандом. Этот последний представитель блестящей плеяды французских маршалов XVII столетия был престранной личностью. Несмотря на почти королевское происхождение (он приходился внуком Генриху IV), Вандом поражал современников своими плебейскими привычками. Одевался он крайне нечистоплотно, его манеры были неслыханно грубы, а разговор состоял из смеси площадного буффонства с неисчерпаемым запасом ругательств и проклятий; умением пить он приводил в изумление первых мастеров этого искусства. Вместе с тем Вандом был невероятно ленив: во время самых ответственных походов он по нескольку дней не покидал постели из-за того, что ему не хотелось одеваться. Однако в случае нужды лень слетала с него в один миг и сменялась самой бурной энергией. Враги часто заставляли его врасплох, но ни разу не смогли воспользоваться этим преимуществом. Солдаты обожали Вандома, так как он смотрел сквозь пальцы на нарушения дисциплины. Его походы были похожи на нескончаемый праздник: армия кутила и предавалась безудержному веселью, но в Европе не было других солдат, которые бы так безропотно шли на смерть, как солдаты Вандома.

С прибытием Вандома дела французов в Италии пошли на поправку. Евгений был разбит и вытеснен из Ломбардии.

В Германии война велась вяло, по старинным немецким военным рецептам. Имперские войска возглавлял Людовик Баденский, не самый плохой генерал коалиции, который, однако же, был связан по рукам и ногам венским двором, вмешивавшимся во все его распоряжения. Зато другие немецкие генералы были известны главным образом своей легендарной бездарностью. Например, один из них, граф Стирум, аккуратно побиваемый французами во всех столкновениях, в официальных донесениях Вене оправдывал свои неудачи тем, что французы, по его словам, имеют дурную привычку в самый ответственный момент сражения посылать в те пункты, где он их совсем не ждал, большие массы войск и тем самым принуждать его к отступлению; из этого Стирум делал вывод, что воюет с бесчестными людьми.

Против Людовика Баденского действовала армия маршала Виллара, представлявшего собой превосходный образец гасконца, чью немислимую отвагу превосходило только его невообразимое хвастовство. Против немцев Виллар действовал с неизменным успехом и был идиолом своих солдат.

В Бельгии войска коалиции возглавлял герцог Мальборо, которому выпала самая неблагоприятная задача. Ему пришлось иметь дело с тремя линиями крепостей, заблаговременно укрепленных Вобаном, и с главными силами французской армии. Полководческие способности Мальборо надолго были скованы бесконечными осадами, блокадами, штурмами, стоившими больших потерь и имевшими ничтожные результаты.

Главный виновник войны, Филипп Анжуйский, внук Людовика XIV, занявший

испанский трон по завещанию Карла II, оказался достойным своего предшественника: он был также хвор, слабоумен, беспечен и суеверен. В его похвалу можно было бы сказать, что он был отличный семьянин, если бы это его качество, являющееся добродетелью у подданных, не стало пороком на троне. У Филиппа было две жены, и оба раза, по словам Маколей⁹³, «пока он не имел жены, он не мог ничего делать; а когда у него была жена, он делал все, что ей было угодно». Но, как ни странно, именно в Испании дела коалиции продвинулись меньше всего: английский десант под руководством герцога Ормонда, храброго кутилы и ветреного хвастуна, был отражен франко-испанскими войсками (для Англии, как и для России, почти все войны начинались с неудач; но ни один враг не смог победить ни ту, ни другую страну окончательно).

Превосходство коалиции решительно обозначилось в 1704 году. Кампания этого года представляла собой огромную шахматную комбинацию, гениально задуманную и великолепно разыгранную герцогом Мальборо и принцем Евгением Савойским.

Людовик XIV направил армию Виллара в Баварию, на помощь союзному курфюрсту Максимилиану Эммануилу. Французы и баварцы объединились на Верхнем Дунае, создав угрозу Вене. Виллар предлагал немедленно идти на беззащитную австрийскую столицу, но Максимилиан Эммануил, потративший, как и большинство немецких князей, всю жизнь на парады, смотры и маневры и потому мнивший себя великим полководцем, хотел идти в Италию на соединение с Вандомом. Ссора между ними дошла до неприличия, и Людовик, дороживший союзником, отозвал Виллара, приняв, однако, его план похода на Вену. На помощь баварскому курфюрсту были двинуты еще два французских корпуса — генералов Марсены, ловкого царедворца, и Таллара, первого дуэлянта Франции (оба они были крестниками госпожи де Ментенон). Численность их войск вместе с баварцами достигала 60000 человек.

Разгром Австрии обрекал на гибель армии Мальборо и Евгения, так как французы после взятия Вены легко могли выйти в тыл как одному, так и другому. Хотя обоих полководцев разделяли сотни миль, они одновременно увидели угрожающую им опасность. Ни с кем не советуясь, они списались между собой и составили план, знаменитый в военной истории по обширности замысла и мастерству исполнения: двинуться на соединение друг с другом в Баварию и ударить в тыл французской армии.

Этот план был исполнен с замечательной быстротой. С помощью хитрости оторвавшись от французских войск в Бельгии и Италии, Мальборо и Евгений встретились на Верхнем Дунае. Решительное сражение произошло при Гохштедте — Бленгейме. Французско-баварская армия заняла выгодные оборонительные позиции, опираясь одним флангом (Таллар) на деревню Бленгейм, другим (Марсена и Максимилиан Эммануил) — на деревню Гохштедт. Наиболее тяжело пришлось герцогу Мальборо, атаковавшему Таллара, но англичане покрыли себя славой, от которой совсем было отвыкли при последних Стюартах; они захватили в плен 27 французских батальонов, 13 эскадронов и самого Таллара. На другом фланге принц Евгений, с несколько меньшим блеском, одержал победу над Марсеной и Максимилианом Эммануилом. 20000 французов и баварцев остались лежать на поле боя, их знамена, артиллерия и обоз достались победителям. Людовик XIV потерял свою лучшую армию и наиболее сильного союзника в Германии.

В этом же году английская эскадра адмирала Рука овладела Гибралтаром, о чем мечтал еще Кромвель.

Не теряя времени, Мальборо и Евгений повели армии к Рейну, угрожая вторгнуться во Францию. Людовик, не доверявший больше вкусам госпожи де Ментенон, колебался в выборе главнокомандующего. В конце концов эту должность занял Виллар, заявивший со своей обычной гасконской скромностью: «Ваше величество, дайте мне начальство над

⁹³ Маколей Томас Бабингтон (1800-1859) — английский историк и публицист, автор многих сочинений по истории Англии конца XVII — начала XVIII в.

армией. Я единственный человек во всей Европе, которому счастье никогда не изменяет». Он сумел оправдать свое хвастовство искусной защитой Эльзаса. Зима развела противников.

В следующем году Людовик зачем-то вновь назначил Вилльруа, вернувшегося из плена, командующим бельгийской армией. Тот немедленно дал сражение Мальборо при Рамильи (около Ватерлоо), и за три часа французская армия была совершенно уничтожена. Бельгия была потеряна для Франции; Мальборо вплотную придвинулся к французским границам, заявляя о своем намерении закончить войну не где-нибудь, а в Версале.

Вилльруа на этот раз избежал плена. Он явился в Версаль, ожидая немилости, но Людовик ограничился тем, что философски заметил: «Господин маршал, в нашем возрасте счастье покидает людей».

Спасать Париж был вызван Вандом, который приостановил продвижение армии Мальборо. Но после отъезда Вандома из Италии принц Евгений немедленно двинулся на Турин. Марсена, сменивший Вандома на посту командующего итальянской армией, пребывал в мрачном настроении: он считал, что ему суждено непременно погибнуть в эту кампанию. Так оно и случилось. Когда войска Евгения начали штурм французского лагеря, Марсена пал одним из первых. Французы потерпели полное поражение и оставили Италию.

Но в Испании коалиция неизменно терпела поражения. В 1707 году при Альманце французы одержали над англичанами победу не менее решительную, чем победы Мальборо и Евгения при Рамильи и Турине.

1709 год стал роковым как для Карла XII, так и для Людовика XIV. Французские войска были изгнаны из Германии, Бельгии, Ломбардии, Неаполя, Сицилии; армии герцога Мальборо и принца Евгения стояли у границ Франции. Дорога на Париж была открыта; один голландский кавалерийский отряд даже беспрепятственно дошел до Версаля и захватил в плен королевского шталмейстера, приняв его за дофина. Страна достигла пределов истощения. Смертность возросла вдвое от голода и болезней; в каждой семье носили траур по отцу, мужу или сыну; число браков и рождений составило четвертую часть от обычного. В армии количество дезертиров исчислялось эскадронами и батальонами; военные комиссары организовывали по деревням настоящую охоту на уклоняющихся от рекрутчины. Казна была пуста. Жалованье чиновникам не выплачивалось, лакеи короля просили милостыню у ворот Версаля. За столом госпожи де Ментенон ели черный хлеб. Налогами и пошлинами облагались все виды деятельности, полагалось платить даже за рождение и смерть. Людовик был вынужден занимать под 400 процентов; государственный долг возрос до 3 миллиардов экю.

К военным и государственным бедам Людовика добавлялись и личные несчастья. Один за другим умирали его сыновья и внуки: дофин, герцог Бургундский, герцог Бретонский, герцог Беррийский... Единственным законным престолонаследником оставался пятилетний правнук Людовика (будущий Людовик XV), чья судьба теперь зависела от дряхлого старца, одной ногой стоявшего в могиле.

Король оставался внешне спокоен, но в душе был потрясен. Он все чаще вспоминал заключение своего гороскопа, составленного Кампанеллой⁹⁴: «Этот младенец будет очень горд и расточителен, как Генрих IV; он будет иметь много забот и труда во время своего царствования. Правление его будет продолжительно и в некоторой степени счастливо; но кончина его будет несчастная и повлечет за собой большие беспорядки в религии и государстве». Стремясь избежать предсказанных бедствий, которые теперь следовали одно за другим быстрее, чем ранее победы и успехи, Людовик переборол себя и впервые в жизни попросил мира. Но коалиция осталась глуха к этой просьбе: Мальборо, заправлявший всеми делами при дворе и в парламенте, наживал на войне огромные деньги, а Евгений ненавидел Людовика за некогда перенесенное оскорбление. Англия и Австрия, желая завести

⁹⁴ Кампанелла Томмазо (1568-1639) — итальянский философ, астролог, поэт и политический деятель, автор утопического произведения «Город Солнца», а также многих мадригалов, сонетов и других поэтических сочинений.

переговоры в тупик, поставили непереносимым условием мира удаление Филиппа из Испании. Правда, еще более неумолимыми, чем они, оказались немецкие князья, которые, не сделав для победы решительно ничего, выдвинули неслыханное требование: отдать Германии Эльзас, Лотарингию и все области, приобретенные Францией за последние двести лет.

Людовик согласился на все! Это озадачило Мальборо и Евгения, и они ужесточили условия, потребовав, чтобы Людовик с помощью французской армии выгнал своего внука из Испании.

Король почувствовал всю глубину своего позора; былая энергия вновь проснулась в нем. Он сделал беспрецедентный по тем временам шаг: монарх, сказавший некогда: «Государство — это я», — обратился к народу! Людовик издал манифест, в котором призвал подданных спасти честь Франции, и объявил, что первым пойдет умирать на ее границы. Этот манифест сделал то, чего не могли добиться сотни военных комиссаров: измученная страна выставила под королевские знамена 100000 добровольцев. Армию возглавил Виллар. В том же 1709 году он дал сражение войскам Мальборо при Мальплаке (северная Франция). Несмотря на рану, Виллар остался в седле и два часа руководил боем. Французы дрались с беспрецедентным мужеством, но вынуждены были отступить. Однако союзники понесли такие тяжелые потери, что не решились преследовать Виллара. Эта «славная неудача», как окрестили сражение при Мальплаке во Франции, остановила вторжение.

Поражение заставило Людовика пойти на новые уступки: он предложил коалиции миллион франков для субсидирования военной экспедиции против Филиппа. Но коалиция стояла на своем, требуя военного участия Франции в свержении испанского короля.

Людовик мог уповать только на помощь свыше. И действительно, чья-то невидимая рука словно перемешала шахматные фигуры во вражеском стане. В 1710 году тори добились отстранений Мальборо от командования сухопутными силами и привлекли его к суду за казнокрадство, а в следующем году умер император Иосиф I. Его преемник император Карл VI являлся претендентом на испанский престол, что испугало Англию и Голландию, вовсе не желавших своими руками восстанавливать былое могущество Габсбургов.

Королева Анна вступила в тайные переговоры с Людовиком через одного французского аббата, которому поручила прощупать почву для заключения мира. Аббат явился к министру иностранных дел и спросил его, желает ли король мира. «Как? — воскликнул изумленный министр. — Вы спрашиваете у тяжелобольного, хочет ли он выздороветь?»

Коалиция, по сути, развалилась; вскоре все ее участники один за другим присоединились к переговорам. В 1713 году в Утрехте был подписан мирный договор: Филипп сохранял испанскую корону, но отказывался от своих прав на французский престол; все испанские владения в Европе (Ломбардия, Неаполь, Сардиния, испанские Нидерланды) переходили к Австрии; Англия оставляла за собой Гибралтар, Минорку, Ньюфаундленд и Гудзонов берег; к Голландии переходил ряд крепостей в южной Бельгии; герцог Савойский уступал Австрии Сицилию в обмен на Сардинию и титул сардинского короля, а курфюрст Бранденбургский получал официальное признание в качестве прусского короля.

Франция вышла из войны с честью, сохранив нетронутыми свои границы, все приобретения в Германии и свое влияние в Испании.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

*Он не умел уступать,
Только пасть он умел.
Скандинавские саги.*

Сенат готовился встретить короля в Стокгольме, но Карл решил возвратиться в столицу только победителем. Он остановился в Карлскруне, где и провел зиму. Из всех членов королевской фамилии ему хотелось увидеть лишь Ульрику Элеонору. Назначив ей свидание на берегу озера Веттерн, Карл прибыл туда на почтовых, с одним провожатым, и пробыл с сестрой сутки.

Из Карлскруны король перебрался в Лунд, ставший его резиденцией. Отсюда Карл отдал приказ о новом наборе солдат. В некоторых деревнях королевские комиссары забрали всех мужчин, начиная с пятнадцатилетнего возраста, так что весной за плуг пришлось браться женщинам. Карлу удалось набрать 60000 человек, в основном это были ополченцы; регулярная армия не превышала 36000 солдат. Датчанин Ван-Эффен, посетивший в те годы Швецию, писал: «Я могу заверить... что во всей Швеции я не видал, кроме солдат, ни одного мужчины от 20 до 40 лет». Историки оценивают людские потери Швеции в годы правления Карла XII в 100000 или 150000 человек. Это значит, что погиб каждый четвертый-пятый мужчина, то есть почти все трудоспособное население.

Еще труднее было пополнить флот, потерпевший серьезное поражение от русских при Гангуте. Это дело поручили судовладельцам, которые, пользуясь чрезвычайными привилегиями, снарядили несколько кораблей. Это было все, что могла дать королю Швеция.

Карлу пришлось забирать у народа самое необходимое. Правительство непрерывно вводило новые поборы, чтобы увеличить поступления в казну. Сборщики налогов посетили все дома и взяли половину припасов на королевские склады; за счет казны было скуплено все железо в стране, причем государство платило векселями; ношение шелковых платьев, париков и золоченых шпаг было обложено пошлиной; чрезвычайная подать была введена на каждую печную трубу. На доклад сената о нищете и разорении Швеции Карл отвечал: «Что касается нужды в нашем отечестве, то ведь это уже столько раз повторялось, что было бы достаточно, если бы об этом сообщали как можно короче, — так ли обстоит дело, как прежде, или же еще хуже».

Пропасть между королем и народом углублялась и тем, что Карл приблизил к себе иностранца барона Генриха фон Герца. Этот одноглазый голштейн-готторпский министр был блестящим профессиональным дипломатом, начисто лишенным морали. Он вызвал к себе всеобщую ненависть денежной реформой, приравнявшей ценность медной монеты к серебряной. Вся страна возопила против него, а духовенство, которое Герц хотел обложить налогом, открыто обвинило его в атеизме. Но Карл одобрил затею своего любимца, и чеканка новой монеты продолжалась. На этих монетах был оттиск каких-то античных богов, поэтому народ прозвал новые далеры «богами барона Герца»; их также называли «монетой нужды». Эта финансовая проделка через несколько лет окончилась полным крахом. В области дипломатии Герц проявил не менее авантюрную изобретательность. При нем ход Северной войны чуть было не принял совершенно неожиданный оборот.

2

Утрехтский мир изменил политическую ситуацию в Европе, сделав бывших врагов союзниками, а союзников врагами; вместе с тем он позволил западным державам переключить свое внимание на события Северной войны. Во французских дипломатических кругах утверждали, что географическое положение Ливонии, Ингрии и Карелии настолько облегчает их оборону, что ни одно государство не в силах принудить царя возвратить их Швеции. Петра сравнивали с Густавом Адольфом и заявляли, что Россия займет место Швеции в системе европейских государств. Это оживило в Париже интерес к франко-русскому союзу.

Петр, со своей стороны, хорошо понимал, какое значение для успешного осуществления его планов выхода к Балтийскому морю имела война за испанское

наследство, сковывавшая силы западных государств. Поэтому после Утрехтского мира царь попытался привлечь к антишведскому союзу Англию и Францию. Однако этим замыслам Петра не суждено было осуществиться из-за смерти королевы Анны и Людовика XIV.

Анна умерла в 1714 году, не оставив после себя наследника. Ее брат Иаков Стюарт (сторонники этой династии называли его Иаковом III), с именем которого связывали реставрацию абсолютизма и католичества, вызывал ненависть у большинства англичан и у виггов, управлявших в парламенте. Специальным парламентским актом английская корона была передана ганноверскому курфюрсту Георгу⁹⁵, имевшему некоторые законные права на английский престол (он был потомком одной из дочерей Иакова I Стюарта) и исповедовавшему лютеранство.

По своему политическому кругозору и привычкам Георг был типичным мелким немецким князьком. Флегматичный, непритязательный в быту, работающий, бережливый до скупости и аккуратный до педантизма, он был бы гораздо более уместен на посту бургомистра, чем на престоле обширной Британской империи. Нравы его новых подданных были ему вполне чужды (до конца жизни он так и не выучил ни одного слова по-английски), английские законы и политическое устройство навсегда остались для него тайной, которую он и не пытался разгадать. Впрочем, солидный возраст короля — 54 года — отчасти извинял его ганноверский консерватизм.

Английскую корону Георг принял равнодушно и не особенно дорожил ею, по-прежнему заботясь исключительно о ганноверских интересах. В английской политике он понимал только то, что его друзья — виги, а враги — тори и якобиты⁹⁶; поэтому он заключил с первыми сделку, предоставив им полную свободу во внешней и внутренней политике взамен на обещание не давать в обиду Ганновер. Король аккуратно появлялся на открытии парламентской сессии, назначал министерство из виггов, подписывал необходимые бумаги, получал цивильный лист⁹⁷ в 700000 фунтов стерлингов и надолго уезжал в свое немецкое отечество.

В общем, Георг был вполне безобиден, и англичане могли бы радоваться такому королю, если бы он не вводил в соблазн благочестивых пуритан своей страстью к женскому полу. Георг имел весьма своеобразные понятия о женской красоте. Две его фаворитки, которых он привез в Лондон, были пожилыми дамами и по единодушному отзыву современников «блистали безобразием»: одна из них была стара, дурна и худа; другая — стара, дурна и толста. Первую англичане немедленно прозвали Большой Мачтой, вторую — леди Элефант⁹⁸.

Особенно сильное влияние на короля оказывала Мачта, хотя, по уверению лорда Честерфилда, женатого на ее дочери, обычные рассуждения королевской фаворитки граничили с идиотизмом. Возможно, секрет ее влияния заключался в совершенно немислимом обожании, которым она окружила Георга. Про нее рассказывали, что король в минуту мистического настроения пообещал ей явиться после своей смерти. Через некоторое время после его кончины в ее комнату влетел ворон, вызвавший настоящее потрясение у почтенной леди; птице были оказаны королевские почести.

Леди Элефант была более умна, каковое качество король, вероятно, не относил к числу ее достоинств. Впрочем, Георг внешне оказывал обеим фавориткам одинаковые знаки внимания. Ежедневно он проводил с каждой из них два часа — ни минутой дольше. Во

⁹⁵ Георг I (1660-1727) стал родоначальником ганноверской династии, правившей в Англии в 1714-1901 гг.

⁹⁶ Якобиты — сторонники претендента на престол Иакова Стюарта.

⁹⁷ Цивильный лист — документ, устанавливавший размер годового содержания королевского штата.

⁹⁸ Леди Слон (*англ.* Elephant).

время этих посещений он вырезал ножницами фигурки из бумаги, рассказывал новости или, соскучившись, курил трубку, молча поглядывая на свою возлюбленную. Все это имело бы вид самой нежной идиллии, если бы обе женщины не были страшно жадны. Они торговали высшими государственными должностями и продавали свою протекцию. Про Мачту говорили, что она, не задумываясь, продала бы Георга, если бы кто-нибудь дал за него хорошие деньги. Она даже добилась, чтобы ей выдавали жалованье командира конной гвардии, так как эта должность оставалась вакантной.

Ганноверские министры не отставали от фавориток и брали взятки где было можно. Компанию дополняли два турка, Мехмет и Мустафа, которых Георг, служивший в юности в австрийской армии, взял в плен и сделал своими камердинерами, — эти торговали мелкими придворными должностями.

Георг смотрел на все сквозь пальцы, а когда английские министры однажды пожаловались на лихоимство его фавориток и фаворитов, он искренне удивился:

— Как? Неужели вы сами ничего не получаете за вашу протекцию?

В другой раз королевский повар попросил у Георга разрешения вернуться в Ганновер.

— Отчего ты хочешь оставить мою службу? — спросил король.

— Ах, ваше величество, здесь слишком много крадут, — ответил честный слуга. — В вашем курфюршестве мы жили так экономно!

— Помилуй, любезный друг, — возразил Георг, помирая со смеху, — ведь это деньги англичан! Ты делай то, что и другие, и не стесняйся. Всем нам хватит.

В международной политике новый английский король обращал внимание лишь на ее финансовую сторону. Получив предложение Петра примкнуть к союзу против Швеции, Георг, знавший о непопулярности этой идеи среди вигов, решил усидеть на двух стульях: как ганноверский курфюрст он согласился присоединиться к коалиции и даже получил от Дании «задаток» — герцогства Бремен и Верден, ранее принадлежавшие Швеции; а как английский король он предоставил вигскому правительству поступать по своему усмотрению. Англия теперь проявляла открытую враждебность к захвату Россией позиций на Балтике. Английский посол в России Уитворт доносил, что Петербург ни в коем случае нельзя оставлять за Россией, так как Англии невыгодно «отворить царю дверь к европейским дворам и торговле». Этому же мнения придерживалась и Голландия.

В 1716 году между Россией и Англией началась дипломатическая война. Англия всячески мешала русско-шведским мирным переговорам и подняла газетную кампанию против царя, обвиняя его в намерении стать господином Европы.

Во Франции после смерти Людовика XIV регентом при малолетнем Людовике XV стал герцог Орлеанский, племянник покойного короля. Он принадлежал к весьма распространенному в то время типу даровитых, но безнравственных эгоистов. Окружив себя любимцами, которых сам же называл «висельниками», герцог думал только об удовольствиях и о сохранении своего регентства. Не отталкивая открыто Петра, он пошел на более тесное сближение с Англией, дав себя увлечь проектами новой войны против Испании.

Испанское правительство, возглавляемое кардиналом Альберони, стремилось в свою очередь вернуть итальянские провинции, отошедшие по Утрехтскому миру к Австрии. Поддержка Англией императора Священной Римской империи Карла VI навела Альберони на мысль стать посредником в русско-шведских переговорах о мире, чтобы отвлечь англичан от Средиземноморья борьбой за Балтику. Более того, он вознамерился поразить Англию в самое сердце, для чего обратился к барону Герцу с предложением свергнуть с помощью якобитов Георга I с английского престола и восстановить династию Стюартов.

Герц воспринял эту фантастическую затею с энтузиазмом опытного авантюриста, почуявшего возможность остаться в истории. Получить согласие Карла XII не составило труда: не говоря о том, что рыцарско-викингская подоплека десанта в Англию сразу пришлась по вкусу королю, одно присоединение Бремена и Вердена к Ганноверскому курфюршеству было достаточным основанием для Карла считать Георга своим смертельным врагом. Король предоставил Герцу полную свободу действий, а сам с 20-тысячной армией

отправился завоевывать Норвегию, чтобы создать базу для оказания помощи якобитам через Северное море.

В планах барона присутствовала одна очень здравая мысль, почти оправдывавшая все предприятие, а именно: необходимость мира с Россией. Герц знал неуступчивость Карла в этом вопросе, но надеялся, что новые обстоятельства, в которых оказался царь, сделают короля сговорчивее.

У Петра к тому времени зародилась новая страсть — вмешиваться в германские дела. Он хотел стать членом Священной Римской империи, для чего выдал замуж одну свою племянницу за герцога Курляндского, другую — за герцога Мекленбургского, в надежде когда-нибудь получить одно из этих герцогств. Таким образом Петр заложил основу пагубной для Романовых привычки принимать близко к сердцу мелкие династические дразги великой нации. В 1715 году царь ни с того ни с сего впутался в раздоры герцога Мекленбургского со своим дворянством. Это испугало Данию, Пруссию и Ганновер и поссорило их с Россией. Германская политика Петра, по словам Ключевского, сделала его друзей врагами, не сделав врагов друзьями.

Не лучше обстояло дело и с Августом II. В 1713-м и 1714 годах в Польше был неурожай, а между тем голодная страна должна была содержать саксонское войско, которое король не выводил, несмотря на все просьбы поляков и требования России. Поляки на сеймиках кричали, что их вольность уже кончается и что им остается одно спасение — просить защиты у российского орла. Наконец образовалась конфедерация, вступившая в открытую борьбу с саксонцами. Конфедераты обратились к царю с просьбой о посредничестве; Петр придвинул к польским границам войско, и Август должен был в 14 дней очистить Польшу от саксонских войск.

Таким образом три злейших врага Карла — Август, Георг и Фредерик IV — сделались также врагами Петра. Герц полагал, что это хорошая основа для союза. Он осторожно прощупал почву в Петербурге и, встретив сочувствие Меншикова и Остермана, поехал уламывать Карла. Король сопротивлялся недолго; узнав, что за уступку Прибалтики царь обещает поддержать кандидатуру Станислава Лещинского в Польше и посодействовать Стюартам, Карл размяк и дал добро на мирные переговоры.

Герц действовал с размахом. Он посетил Россию, Испанию, Францию, Голландию, всюду вербуя сторонников среди придворных и эмигрантов-якобитов. Нити заговора протянулись от Петербурга до Лондона, где шведский посол Гилленбург снабжал деньгами и оружием диссидентов. В Бретани Герц приобрел и снарядил 6 судов, которые должны были перевезти Иакова и мятежников в Шотландию; 20 испанских кораблей были готовы соединиться с русско-шведской эскадрой и обеспечить высадку десанта. Для перевозки людей, оружия и денег барон даже пытался воспользоваться услугами пиратов.

Успех проекта Герца в равной степени зависел от двух несовместимых вещей — обширных приготовлений и полной их тайны. Скрыть заговор не удалось. Первым в интриги барона проник герцог Орлеанский, имевший шпионов по всей Европе. Он немедленно известил о своем открытии Георга и правительство Голландии, в результате чего Герц был арестован в Девентере (Голландия), а Гилленбург в Лондоне.

Для оправдания этих арестов Георг опубликовал переписку Герца и Гилленбурга, свидетельствующую об их вине. Когда Карлу сказали об этом, он, улыбаясь, спросил только, не напечатаны ли его письма, и, узнав, что его имя ничем не скомпрометировано, приказал арестовать английского посла в Стокгольме со всей семьей и прислугой; голландскому посланнику было запрещено являться ко двору. Король не вступился за Герца и не осудил его публично, придерживаясь «презрительного молчания» по отношению к Англии и Голландии.

Не так повел себя Петр, тоже прямо не упомянутый в переписке Герца и Гилленбурга. Царь написал Георгу длинное письмо с поздравлениями по случаю раскрытия заговора и уверениями в искренней дружбе. Летом 1717 года он приехал в Париж, чтобы склонить герцога Орлеанского к посредничеству в русско-шведских мирных переговорах и навязать

свою дочь Елизавету в невесты Людовику XV, но смог добиться от него лишь обещания способствовать освобождению Герца и Гилленборга. Реальная польза от этого посольства ограничилась посещением Петром дворцов, парков, академии, библиотеки, кунсткамеры и фабрик. Царь, по словам Вольтера, «явил Франции редкое зрелище императора, путешествующего с целью образования. Но слишком многие французы увидели в нем лишь грубые манеры, следствие его дурного воспитания, а законодатель, создатель нового народа, великий человек ускользнул от их взора».

Герц был освобожден в августе того же года и явился в Швецию еще более могущественным, чем прежде. Карл открыто восхищался им: «С тремя людьми, подобными ему, я покорил бы мир!» — и наделил его абсолютными полномочиями во внешней и внутренней политике, особенно торопя министра с заключением мира с Россией. Карл теперь считал главным своим обидчиком Георга (не забывая, конечно, про Августа) и не отказался от мысли восстановить Стюартов.

В 1718 году на Аландских островах открылся конгресс с участием Герца, министра иностранных дел Остермана и других представителей от России и Швеции. Стороны быстро пришли к соглашению. Россия удерживала за собой Ливонию, Карелию, часть Ингрии и возвращала Швеции остальные захваченные провинции (для этого у Петра была припасена Финляндия); взамен царь обещал помочь восстановлению Станислава на польском престоле и герцога Голштинского в его правах, а также предоставить корабли для перевозки 10-тысячного шведского десанта в Англию и сухопутные силы для совместного со шведами нападения на Ганновер, Бремен и Верден.

Вне себя от радости Герц помчался в Норвегию, где тогда находился Карл с армией, чтобы скрепить документ королевской подписью. Но барон опоздал: Карлу не было суждено ни помириться со своим давним врагом, ни вновь скрестить с ним оружие.

3

Все менялось вокруг Карла — обстоятельства, люди, страны, друзья и враги, не менялся только он сам. Годы отразились лишь на его внешности (король совершенно облысел, и только за ушами у него вились жидкие седые волосы), но не убавили в нем воинственного пыла и привычки к суровой жизни. Карл вставал в час ночи и до рассвета скакал по освещенным луной равнинам и крутым откосам норвежских скал. Питался он черным хлебом и пшенной молочной кашей, а пил только воду и кислое молоко. Однажды он услышал о некоей Джонс Доттер, которая прожила несколько месяцев без еды, на одной воде, и немедленно вознамерился повторить этот опыт. Король держался пять дней; на шестой он сделал 8 миль верхом, заехал к зятю на обед и объелся, как Фальстаф, впрочем, без всякого вреда для себя. С этого времени голодовки вошли у него в обычай, особенно в случае недомогания. Бодрость духа никогда не оставляла Карла; он любил распевать за столом или у походного костра веселые песни и охотно слушал рассказы о чьих-нибудь любовных похождениях. Король даже как будто начал поглядывать на женщин и выражал желание когда-нибудь жениться на скромной девушке.

Карл XII в последние годы жизни.

На досуге Карл занимался математическими исследованиями: он хотел положить в основу европейского счисления число 64, так как оно является одновременно и кубом, и квадратом, а будучи разделяемо на два, в конце концов превращается в единицу. По справедливому замечанию Вольтера, «эта мысль доказывает лишь то, что он любил во всем необычайное и трудное».

Походы 1716-го и 1718 годов в Норвегию носили на себе отпечаток походов викингов,

с их «битвами на льду», единоборствами, бесполезной бравадой, и, как многих конунгов, короля ожидала смерть среди скал и лесов родной Скандинавии, в борьбе со своими соплеменниками. В марте 1716 года шведам удалось занять Христианию (Осло), но под городом Фридрихсгаллом они встретили упорное сопротивление. Норвежский флот разгромил шведский морской конвой с припасами, и Карл был вынужден снять осаду.

В 1718 году две шведские армии вновь вторглись в Норвегию. Основные силы под командованием Карла двинулись к Фридрихсгаллу, а северная армия генерала Армфельта — к Тронхейму.

Карл по-прежнему не щадил ни себя, ни других, рискуя судьбой под вражескими пулями. Однажды вместе со свитой он подъехал к неприятельской батарее. Как только датчане открыли огонь, Карл схватил за руку офицера Дальфельта и поскакал с ним прямо на выстрелы. Дальфельт скоро получил контузию в ногу, слез с коня и стал пробовать, может ли он стоять на контуженой ноге. Карл с остальными остановился и внимательно расспросил его о ранении, не обращая внимания на рвущиеся вокруг ядра и бомбы. «К нашему счастью, — говорит очевидец, — послышалась сильная стрельба с другой стороны, и король поскакал туда». В другой раз Карл переправился с небольшим отрядом по мосту через реку и вступил в бой с противником. 16 датских пушек зажгли мост, и шведам пришлось отступать. Король первым перешел мост, но потом возвратился и вторично прошелся по мосту маленькими шагами.

В декабре 1718 года Карл вторично осадил Фридрихсгалл. Окопавшиеся от холода шведы принялись долбить покрытую льдом землю, чтобы провести вокруг города траншеи. Многие часовые замерзали на посту, но никто не смел жаловаться на трудности и лишения королю, который проводил ночи в палатке, на голой земле, устланной еловыми ветвями.

Поздно вечером 11 декабря, в день святого Андрея, Карл вышел из лагеря посмотреть, как идут осадные работы. Его сопровождали два шведа — капитан Поссе и инженерный лейтенант Каульбарс, два немца и четыре француза, в том числе инженер Мегре, руководивший осадными работами, и адъютант Сикье. Король и его свита шли по дну глубокой траншеи в полной темноте. Карл сделал несколько замечаний о ходе работ. Мегре заверил его, что крепость падет не позже чем через неделю.

— Увидим, — сказал Карл и влез на бруствер, чтобы осмотреть городские укрепления.

Взошла полная луна и осветила голову Карла, который стоял, опершись подбородком на левую руку. Прямо напротив него находилась вражеская батарея, время от времени дававшая залп в сторону шведских окопов. Офицеры убеждали короля сойти вниз, но он отмахнулся от них:

— Оставьте меня в покое, я все должен видеть сам.

Вдруг послышался странный булькающий звук, «словно камень упал в болото», и вслед за ним протяжный вздох. Голова Карла поникла, левая рука упала на рукоять шпаги. Каульбарс втащил безжизненное тело короля в траншею и увидел зияющую дыру в его левом виске; правый глаз Карла от удара выпал из глазницы.

Офицеры нерешительно потоптались на месте, потом Мегре равнодушно сказал:

— Пьеса кончена, идем ужинать.

Сикье снял с короля шляпу и надел ему на голову свой парик. По приказу Поссе 12 солдат завернули в плащ «этого храброго капитана Карлсберга» (так называли убитого солдата) и понесли на главную квартиру. Но по дороге тело Карла соскользнуло с носилок, парик упал с его головы. Солдаты узнали короля и в смятении разбежались. Каульбарс около часа в одиночестве просидел возле носилок, ожидая помощи.

Протокол о смерти короля не был составлен, что породило слух о том, что Карла убили выстрелом со стороны шведских траншей. Личный врач короля Мельхиор Нейманн, которому поручили бальзамирование тела, объявил, что пуля попала Карлу в левый висок (то есть выстрел был произведен со стороны крепости). Но солдаты, которые несли тело короля, утверждали, что они видели рану на правом виске, — это означало, что стреляли из шведской траншеи. Подозрение в убийстве короля пало на Сикье, который однажды во

время горячки будто бы покался в содеянном; называли и другие имена. В 1746 году шведское правительство сочло необходимым произвести осмотр останков Карла. Три уполномоченных лица заявили о том, что Нейманн искажил истину, так как на самом деле пуля пробила висок с правой стороны. В 1859 году по просьбе профессора Фрикселя, в присутствии шведского короля Карла XV и наследника престола, будущего короля Оскара II, было произведено вторичное обследование останков Карла, покоящихся в склепе Риддаргольмской церкви. Комиссия пришла к заключению, что причиной смерти Карла была картечная, а не пистолетная пуля.

Однако попытки доказать обратное не прекращались. В 1907 году некий доктор Нистром, желая доказать, что шведские траншеи были вне досягаемости огня норвежских бастионов, воспроизвел события 11 декабря. По его просьбе из ружья времен Карла XII были произведены 24 выстрела со стороны крепости по мишени, укрепленной на месте шведских траншей. Результат оказался неожиданным для доктора и других сторонников версии о предательском убийстве короля: 13 пуль пронзили мишень.

После гибели короля сенат произвел государственный переворот. Герц был арестован и казнен за злоупотребления властью. Риксдаг избрал Ульрику Элеонору шведской королевой с тем, однако, чтобы она отказалась от наследственных прав на престол; вскоре она уступила престол своему мужу на тех же условиях.

Мирные переговоры с Россией прекратились. Шведское правительство, понадеявшись на обещания Георга о помощи, решило продолжать войну. Понадобилось двукратное опустошение русским флотом побережья Швеции (в 1719-м и 1720 годах), прежде чем Петр, увенчанный императорским титулом, смог сказать: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа троекратное время (т. е. 21 год. — *С.Ц.*) была, однако ж, слава Богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

К тому времени о Карле уже вспоминали как о схлынувшем наводнении или как о тревожном сне, некогда смутившем покой души.

4

Что же осталось от Карла XII? Громкое имя, которое звучит в ушах, как пушечный выстрел, но не волнует ни сердце, ни сознание, блеск славы, поражающей своим бесплодием. Его блуждающая армия прошла по Европе, как племя кочевников, не принеся с собой ни новой религии, ни идеи, ни цивилизации, и исчезла, погребенная под развалинами сотрясенного ею мира. Кажется, что Карл явился только для того, чтобы подтвердить китайскую мудрость: «Великий человек — общественное бедствие»; впрочем, его шпага была скорее инструментом военного артиста, чем оружием великого человека. Такие характеры вызывают изумление, без желания им подражать, ибо их добродетели, по словам Вольтера, доведены «до крайности, где они становятся столь же опасными, как и противоположные им пороки».

Карл принадлежит к тем историческим личностям, которые действуют только на наше воображение. Значение этих людей состоит, вероятно, в том, что они своей жизнью создают мифологию — не религиозную, а культурно-историческую, — которая становится частью народного сознания. Гомер в «Одиссее» говорит, что боги создали злоключения для того, чтобы будущим поколениям было о чем петь. Поэзия хранит память о героях еще более любовно, чем история. Атила в мажарских легендах предстает святым, как Давид, мудрым, как Соломон, и великолепным, как Гарун аль-Рашид; сам Иисус Христос, спустившись с неба, ведет с ним переговоры и обещает его потомству корону Венгрии, как выкуп за Рим. Душу Роланда, которому в хронике Эгихарда отведена одна сухая строчка, Данте вправил, как живую реликвию, в светящийся крест, пересекающий планету Марс, вместе с душами Иуды Маккавея и Карла Великого.

Но если Роланд стал западноевропейской легендой, а Аттила даже евразийской, то Карлу XII, с его «викинжским нравом» (Wikingersinn), подмеченным уже некоторыми его современниками, никогда не суждено выйти за пределы шведского эпоса. Это был сугубо национальный тип, который в эпоху «просвещенного абсолютизма» уже являлся доисторическим типом, последним викингом, заблудившимся в чуждом ему мире. По каким-то загадочным, не поддающимся историческому анализу причинам на первые десятилетия новой истории Швеции лег яркий отблеск скандинавской древности, чью суровую поэзию так хорошо почувствовали и воспроизвели шведские историки и поэты XIX века. Так, Стрингольм писал: «Во всех предприятиях, на которые подстрекала викинга врожденная склонность, много было совершено храбрых дел... Викинг, в уме которого всегда гнездились смелые замыслы, избирал что-нибудь одно — победу или смерть. То и другое приводило к цели. Смерть казалась ему путем к бессмертию, жизнь — борьбой за достижение этой цели. Вся его жизнь была сцеплением военных подвигов и приключений; он искал опасностей и считал отрадой преодолевать их. Море было знакомо ему с детства, и в душе его отразился великий образ этой стихии: его замыслы получили огромные размеры, его стремления и надежды, подобно океану, не знали границ. Встречались невзгоды — он переносил их, не унывая. В бурях, в лишениях, во всяких случайностях он не падал духом и был равно готов на гибель и на счастье. Изведав все превратности судьбы в постоянных походах на море и на суше, привыкнув сражаться с опасностями и полагаться только на себя, он усвоил себе хладнокровие, присутствие духа и сметливость, выручавшие его в опасные минуты. Ему незнакомо было отчаяние ни посреди волн и утесов, ни в трудных положениях на суше. Не было столь смелого и опасного подвига, на который не решился бы викинг со своим бесстрашием и презрением к смерти. Религия и предки внушили ему правило, что мир принадлежит тем, кто храбрее, что лучше искать славы и чести, нежели доживать до глубокой старости, и что всего славнее жить и умереть с оружием в руках».

Именно эта эпоха была духовной родиной Карла XII, именно ее жестокие доблести жили в его душе. И потому, несмотря на молитвенник, найденный после смерти в кармане его мундира, он должен был попасть не на христианское небо, а в кровавый рай скандинавской мифологии, где воители каждый день рассекают друг друга на куски, а вечером, собрав свои разбросанные члены, пируют вместе за столом Одина, едят из одной тарелки сало вепря Серимнера и провозглашают тосты, поднимая черепа с пенным пивом.